

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + Refrain from automated querying Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Confined to 792051
Library S TO DONING MINOR TO THE PARTY OF THE PARTY

= Rep. Slav. 6117

сочиненія

К. КАВЕЛИНА.

A-5496

9 D

СОЧИНВНІЯ

~ 624

К. КАВЕЛИНА.

10198

часть четвертая

Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

Цвиа за 4 части 5 р. свр.

МОСКВА.

въ типографін в. грачева и коміі 1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЈЯЕТСЯ

съ тъмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Спб., марта 31 дня 1859 года.

Цензоръ В. Бекетовъ.

III KPNTNYECKIЯ CTATЪN ¤ PA3CYЖДЕНІЯ,

относящіяся къ народному быту, повърьямъ, праздникамъ и т. п.

выть русскаго народа. Соч. А. Терещенки. Спб. 1848. Въ семи частяхъ.

1

Книга г. Терещенки имбетъ двъ стороны, которыя непремънно надо различить, чтобы получить о ней правильное понятіе и оцънить ее безпристрастно. Во первыхъ, она представляетъ одно изъ самыхъ полныхъ и богатыхъ собраній матеріяловъ для теперешняго и древнъйшаго быта русскаго народа. Эти матеріялы темъ важнее, что заимствованы не только изъ книгъ, но изъ устныхъ разсказовъ простого народа, непосредственныхъ, живыхъ наблюденій автора и другихъ лицъ, подобно ему, интересующихся предметомъ. При быстромъ изчезаніи старыхъ обычаевъ, увѣковѣченіе такихъ наблюденій печатью — заслуга немаловажная, за которую нельзя довольно благодарить автора. Для исторіи нашего языка, гражданственности, образованія, для изученія древнійшаго русскаго быта, собраніе г. Терещенки — драгоцінное пріобрітеніе и вийсті съ трудами гг. Сахарова, Максимовича, Снегирева, Даля, Кирьевскаго должно быть настольной книгой русскаго археолога, историка и филолога. Но, составляя свою книгу, г. Терещенко не думалъ ограничиться однимъ сообщеніемъ матеріяловъ. Сочиненіе обнаруживаетъ въ авторъ претензіи на трудную роль самостоятельнаго систематическаго изследовавателя и критика. Г. Терещенко не только собралъ матеріялы: онъ ихъ обработываетъ, располагаетъ извъстнымъ образомъ, объясняетъ, дълаетъ изъ нихъ выводы и заключенія. Эта вторая сторона книги весьма слаба. Скажемъ болъе она ниже посредственности. Самые простые законы исторической критики неизвъстны автору; какъ изслъдователь, онъ безпрестанно впадаетъ въ самыя забавныя ошибки. Будучи, какъ видно, весьма коротко знакомъ съ теперешнимъ простонароднымъ бытомъ, онъ нисколько не воспользовался этимъ знаніемъ, и оно ему ни мало не послужило къ открытію его главныхъ, характеристическихъ чертъ. А открыть ихъ было не такъ трудно при множествъ собранныхъ данныхъ, ярко освъщающихъ туземные письменные памятники старины и отрывочныя, разновременныя свидътельства иностранныхъ писателей и путешественниковъ по славянскимъ землямъ. Народные обычаи, у насъ и вездъ, удерживаются весьма долго. Потерявъ первоначальное живое значеніе, они преобразуются въ символы, обрядовыя дъйствія и въ этомъ видъ сохраняются народами въ продолженіи многихъ въковъ. Ихъ первоначальный смыслъ наконецъ изчезаетъ, часто влагается въ нихъ новый смыслъ, болће соотвътствующій настоящимъ понятіямъ и быту народа, хотя и невърный, произвольный; но они все-таки повторяются потомками и для исторической критики служатъ драгоценными матеріялами при возстановленіи отдаленнъйшей древности, первоначальнаго быта, отъ которыхъ не осталось ни письменныхъ памятниковъ, ни преданій. По указаніямъ этихъ обрядовыхъ, символическихъ, торжественныхъ дъйствій можно проследить внутреннюю жизнь народа, ея постепенныя измененія, вліяніе различныхъ элементовъ, при входившихъ въ нее извит или вызванныхъ внутреннимъ последовательнымъ развитіемъ. Г. Терещенко не обратиль никакого вниманія на это значеніе обычаевъ; кажется, онъ его и не подозрѣвалъ. Никакого единства, цѣлости въ трудѣ, кромѣ единства предмета, которое не зависѣло отъ автора; никакого взгляда, и потому отсутствіе плана въ расположеніи цѣлаго и частей, отсутствіе мысли въ изслѣдованіяхъ. Выходитъ, что авторъ оказалъ бы великую услугу, еслибъ скромно и добросовѣстно ограничился изданіемъ однихъ матеріяловъ, не подмѣшивая къ нимъ своихъ разсужденій. Послѣднія совершенно безполезны, ни къ чему не ведутъ, нерѣдко искажаютъ факты. Дѣйствительно, разглагольствованіями авторъ часто заслоняетъ отъ читателей живой источникъ, откуда черпалъ данныя, такъ что во многихъ мѣстахъ трудно распознать, что повѣрье народа, что сображенія, не всегда глубокомысленныя, г. Терещенки.

Это обстоятельство, а именно, что авторъ приступилъ къ дълу неприготовленный, безъ научнаго взгляда, безъ критики, безъ достаточнаго изученія, конечно и было причиной, почему его книга не заняла почетнаго мъста въ нашей исторической литературъ и осталась мало замъченной. Нъкоторые критики были къ ней даже несправедливы, обративъ исключительное вниманіе на ея слабую сторону; къ счастію, есть и другая, которую мы усердно рекомендуемъ читателямъ. То, что почерпнуто изъ народнаго быта, описанія праздниковъ, хороводовъ, свадебныхъ и другихъ обрядовъ, игръ и т. д., такъ важно и содержитъ такіе богатые матеріялы для узнанія теперешней и давно-прошедшей нашей жизни, что мы позволимъ себъ войдти въ подробное разсмотръніе книги г. Терещенки.

Она раздъляется на семь частей. Въ первой говорится о народности, жилищахъ, домоводствъ, нарядъ, образъ жизни, музыкъ; во второй о свадьбахъ; въ третьей о времясчисленіи, крещеніи, похоронахъ, поминкахъ, Дмитріевской Субботъ; въ четвертой о забавахъ: играхъ и хороводахъ; въ пятой о про-

стонародныхъ обрядахъ: Первомъ марта, встръчъ весны, Красной Горкъ, Радуницъ, Запашкъ, Кукушкъ, Купалъ, Ярилъ, Обжинкахъ, Бабъъ лътъ, братчинахъ; въ шестой: объ обрядныхъ праздникахъ: Недълъ Вай, Пасхъ, Русальной Недълъ, Семикъ, Троицинъ днъ, Первомъ апръля, Первомъ мая; наконецъ въ седьмой о Святкахъ и Масляницъ.

Изъ этого перечня содержанія книги г. Терещенки видно, что программа его обширна. Онъ задумалъ огромный трудъ, почти невыполнимый, для одного человека. Кто не знаетъ, какихъ средствъ и усилій нужно для собранія однихъ матеріяловъ! Сверхъ того авторъ не опредълилъ границъ, не уяснилъ себъ предмета предпринятой работы, и этимъ создалъ самъ для себя новыя трудности. Хотъль ли онъ подробно описать бытъ русскаго народа, какимъ мы его теперь видимъ, или думалъ проследить этотъ бытъ и исторически до нашего времени, заимствуя данныя о прошедшемъ изъ книгъ, о теперешнемъ-изъ живыхъ обычаевъ и обрядовъ? Далъе, входило ли въ его планъ изложить только бытъ собственно коренно-русскій, или и всё тё измёненія, которыя въ немъ произошли вслъдствіе постороннихъ вліяній, особенно европейскаго? Эти вопросы вовсе не обратили на себя вниманія г. Терещенки; онъ объ нихъ и не думалъ, принимаясь писать книгу. Этотъ недосмотръ, ошибка-отозвались въ его трудъ. Въ одной главъ находимъ только описаніе стараго, по письменнымъ источникамъ, въ другой — только теперешняго, на основаніи непосредственныхъ наблюденій и замітокъ. Вообще авторъ не охотникъ до новыхъ обычаевъ; старые кажутся ему лучше, и онъ ихъ описываетъ съ особенною любовью. Согласны, этотъ ваглядъ имъетъ свою полезную сторону, побуждая собирать и сохранять въ печати, для будущихъ изследователей, то, что съ каждымъ днемъ уходитъ и изглаживается. Но г. Терещенко описываетъ же мъстами и новизну. Только эта новизна у него неполна, не обнимаетъ всъхъ слоевъ общества и, какъ по всему замътно, списана не съ высшаго круга. Будь разбираемое нами сочиненіе не болье какъ собраніе матеріяловъ. мы бы не обратили вниманія на эту неполноту и сказали спасибо и за то, что нашли; но авторъ хочетъ быть изследователемъ, розыскателемъ, слъдовательно заставляетъ быть требовательнымъ. Въ систематическомъ разсуждении такая неопредъленность — важный недостатокъ. По нашему мићнію, слъдовало остаться върнымъ главной, хотя и не высказанной задачъ; слъдовало описать обычаи простого народа, прослъдить ихъ въ прошедшемъ, сколько дозволяютъ источники, и пожалуй, ихъ измъненія или искаженія въ техъ классахъ, которыхъ европейское вліяніе коснулось слегка; о привычкахъ и образъ жизни образованныхъ слоевъ общества, менте извъстныхъ автору можно бы и не говорить вовсе; читатели не стали бы жалъть объ этомъ, да и наука бы ничего не потеряла.

Разсматривая, далье, программу, мы находимь, что она и неполна по заглавію книги: «Бытъ русскаго народа», и совстмъ безсвязна. Она неполна, потому что въ ней нътъ отдъла для пословицъ, пъсенъ, поговорокъ — этихъ неразлучныхъ спутниковъ русскаго человъка; нътъ еще и многаго другого, что составляетъ бытъ народа. Она безсвязна, потому что нельзя никакъ понять, на какомъ основаніи г. Терещенко дѣлитъ свое сочинение на части, части на главы; почему народность составляетъ особенную главу, тогда какъ вся книга -картина русской народности; почему братчины, запашки, обжинки отнесены къ числу простонародныхъ обрядовъ; почему вст народные праздники отнесены къ этому отделу, а хороводы, свадьбы, похороны-не отнесены, какъ-будто и они не сопровождаются простонародными обрядами, не суть простонародные обряды. Такихъ почему, при разсмотръніи программы г. Терещенки, множество приходить въ голову. Довольно и этихъ. Они достаточно обнаруживаютъ, что сочиненіе написано безъ мысли, безъ систематическаго взгляда на предметъ, безъ критической оцънки обрядовъ простого народа, что мы ужь и прежде сказали.

Надобно замътить, что предисловіе автора скромные его книги, и кто остановится на немъ, на предисловіи, тотъ назоветь насъ и слишкомъ строгими и придирчивыми. Судя по последнему, г. Терещенко «имель намерение изобразить жизнь нашей Руси, но всегда быль останавливаемъ мыслію: трудъ не по силамъ. Эта мысль, дъйствительно справедливая, отнимала всякую надежду приступить когда-нибудь; но разсуждая, что и слабое ознакомленіе, по возможности точное, не должно быть порицаемо, онъ ръшился начертить его въ бытъ русскаго народа. Не безъ робости представляетъ онъ его своимъ соотечественникамъ» (стр. III). Въ томъ же предисловіи авторъ говоритъ, что «изложить бытъ народа, сколько можно съ должно върностію, нътъ возможности одному человъку: трудъ многихъ». Поэтому онъ «старался представить его сколько могь по своимъ силамъ, и отнюдь не думаетъ, чтобъ его трудъ не былъ измъненъ, даже въ самое короткое время» (стр. VI). Но въ книгъ этого скромнаго тона, этого недовърія автора къ своимъ силамъ мы уже не находимъ: тутъ онъ судитъ и рядитъ смъло, ръшительно; подумаешь, подъ названіемъ «быта русскаго народа» авторъ издаль курсъ правственности и психологіи; нъкоторыя статьи даже какъ-будто цъликомъ взяты изъ какой-нибудь физіологіи женскаго сердца и попали сюда ошибкой. Ясно, предисловіе — въжливая фраза, обыкновенная, условная свътская любезность, обращенная къ публикъ, — никакъ не болъе. Этому мы увидимъ не одно доказательство.

Мы сказали, что предметь первой главы — народность. Это слово такъ объемисто, совићщаеть въ себъ столько различныхъ значеній, что едва ли можно сказать что-либо дѣльное, основательное о народности на какихъ-нибудь полутораста страницахъ разгонистой печати. Народность—цѣлая исторія народа со всѣми ея сторонами, цѣлая народная жизнь, во всѣхъ ея выраженіяхъ. Мы думаемъ, лучше было бы вовсе не посвящать народности особой главы. Авторъ думалъ иначе. Чѣмъ же онъ наполнилъ эту главу?

А вотъ посмотримъ.

Сначала авторъ говоритъ о различіи людей вслъдствіе климатическихъ вліяній, -- различіи, которое выражается въ очертаніи лица и образованіи тела. По этимъ признакамъ онъ делить весь человъческій родь на пять рась, или породь, и описываетъ ихъ. Почему онъ остановился именно на той системъ, которая принимаетъ пять породъ — мы не знаемъ. Обыкновенно писатели излагають сперва главныя классификаціи человъческаго рода и ужь въ заключение объясняють, какой они сами придерживаются. Пока вопросъ окончательно не уясненъ, такая метода самая естественная и потому самая лучшая. Автору она въроятно почему-либо не нравится. Но это бы еще ничего; а вотъ что странно: вследъ за описаніемъ породъ говорится на полутора страничкахъ, что Славяне принадлежать къ кавказскому племени и старожилы въ Европъ, а потомъ авторъ прямо переходитъ къ описанію ихъ свойствъ. Въ книгъ, посвищенной быту русскаго народа, старожитность Славянъ въ Европъ, ихъ отношенія къ другимъ расамъ, ихъ раздъление на племена и разселение конечно должны бы обратить на себя нъкоторое вниманіе. Еслибъ г. Терещенко даже увлекся тутъ подробностями, и ничего не сказалъ о раздъленів цілаго человіческого рода — все было бъ простительніве, чъмъ вовсе не говорить о славянскомъ племени. Чтобъ читатели могли составить себъ понятіе о томъ, какъ авторъ принимается за ученые вопросы, вотъ обращикъ:

«Конечно, мы инчего не можемъ сказать въ пользу нашихъ предковъ, какъ они жили тогда, или чтобы славились уже своими дѣлами: но то должно быть достовърно, что они издревле заселяли Европу, и по этому суть коренные европейцы. Здѣсь не надобно даже ссылаться на сочиненія многихъ писателей, подтверждающихъ эту истину; довольно сказать, что славяне наружностію и умомъ ни въ чемъ не уступаютъ прославленнымъ кореннымъ европейцамъ — германамъ и франкамъ; что они очеркомъ лица, бѣлизною тѣла, станомъ и душевными силами, суть настоящіе европейцы; что они, въ первыя столѣтія своей извѣстности, бѣдствовали, лили кровь за свою свободу, гибнули отъ раздоровъ иноземныхъ, но и среди лютыхъ испытаній и переворотовъ не упадали духомъ, —были тверды и непоколебимы, какъ скала среди бурнаго моря, и что они, своими вѣковыми несчастіями, проложили путь къ будущему величію ихъ потомковъ». (Т. І. стр. 5 и 6.)

Эти ничего не значащія слова — безъ малаго все, что сказано о происхожденіи Славянъ. Свойства ихъ описаны не лучше; нъсколько выписокъ изъ древнъйшихъ туземныхъ и иностранныхъ сказаній о полудикомъ быть этого племени конечно не дають еще ни мальйшаго понятія о его свойствахь. старая манера описывать свойства народа давно ужь брошена, потому что не ведетъ ни къ чему и не характеризуетъ нисколько народа. Въ разныя эпохи, при разныхъ условіяхъ, одинъ и тотъ же народъ такъ измѣняется, что его едва можно узнать. Примъровъ много. Описать свойства народа значить написать его исторію, а не начинить книгу выбранными наудачу характеристиками, часто случайными, пристрастными. односторонними, составленными за нъсколько сотъ лътъ тому назадъ, по поверхностному знакомству съ народомъ чужеземцовъ и подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ. Какъ мало въсять такія описанія свойствь, видно ясно изъ книги г. Терещенки. Славяне, по его описанію, были добродушны, гостепріимны, кротки, воинственны, храбры, набожны, любили пъсни, музыку, пляску. Прекрасно! Но какъ составить себъ по этимъ признакамъ хоть какое-нибудь понятіе объ отличительныхъ чертахъ славянскаго племени? Сколько народовъ имъютъ описанныя свойства? Наконепъ. они — общія если не всъмъ, то навърное большей части народовъ въ первобытномъ состоянів. -- Следующее за темъ описаніе свойствъ русскихъ Славянъ составлено совершенно въ томъ же тонъ, и потому мы надъ нимъ не останавливаемся. Замътимъ только, что, описавъ эти свойства, авторъ разсказываетъ, какъ прекрасныя качества нашихъ предковъ были искажены и унижены татарскимъ игомъ, какъ, спустя двёсти летъ, началось возрожденіе, и наконецъ новыя о'єдствія, въ началь XVII въка, насъ возвеличили. Потомъ говорится о веселости, неизмънномъ свойствъ Русскихъ, о народности, сохранившейся въ древнихъ сочиненіяхъ. «Въ первыхъ въкахъ нашей гражданственности — говоритъ авторъ — познанія тісно сливались съ народностію, могуществомъ, роскошью, изобиліемъ, удальствомъ и силою» (стр. 45). Эта не совсъмъ понятная фраза подаетъ ему поводъ привести отрывокъ изъ пъсенъ Кирши Данилова, въ сокращении разсказать теперешнимъ языкомъ «Слово о полку Игоревъ» и бросить нъсколько словъ о древнемъ, преимущественно духовномъ, просвъщении. Въ слъдующей за тъмъ статьъ, подъ заглавіемъ: «непоколебимость народа и его слава», риторически, по образцу Кайданова, разсказана русская исторія XVII—XIX въковъ на одиннадцати страницахъ. Нъсколько озадаченный всъмъ этимъ, читатель смиренно слъдуеть за авторомъ, не зная, куда онъ его ведеть. Наконець вотъ, кажется, и пришли къ желанной цели. Речь идетъ о «дъйствіи народности».

-При всёхъ переворотахъ гражданственности, русской любилъ богатыя одежды и роскошь, гордился своимъ хлёбосольствомъ и нёгою. Любилъ травить звёря и не боялся идти на него, прямо, съ однимъ топоромъ или съ рогатиной; тёдшился плясками и веселилъ себя пёснями. Въ самомъ горъ онъ услаждалъ себя ими: пёвалъ почти безумолкно. И теперь онъ тотъ же самой: работаетъ ли онъ, или сидитъ въ праздничный день у воротъ своей избы, поетъ и радуется. Пища, одежда и привычки его страны и родины,

дороги для его сердца, все сочуветвуетъ съ нимъ, все ему знакомое. Голубое небо, устянныя поля душистыми цвътами, нъжные плоды южныхъ жителей, не производять въ душт его столько сладкихъ воспоминаній, какъ сумрачный день, свисть бури и сивжныя долины; они напоминають ему родное. Воздухъ морозной, зелень дикая, могилы его предковъ, гробы его родныхъ, все тутъ его! Его предки тутъ родились и уснули,--и онъ здъсь успокоится съ ними. Конечно, истабвать тблу вездв равно, но покоиться праху среди родныхъ, на своей родинъ, усладительно для памяти: она не умираетъ, переходить по наследству, по чувству безсмертія, и самой прахъ оживаеть тогда!-И дикіе звъри и хищныя птицы, знають свое рожденіе, свое гивадо: берегутъ и защищають его воплемъ, ревомъ и стономъ. А человъкъ, царь природы, не постоить за свою родину! Это чудовище, а не гражданинь, и произведшая его на свътъ, должна проклясть день рожденія! Нътъ въ міръ ни одной былинки, ни одного насъкомаго, которое бы не любило свою родину. Пересадите растеніе въ страну ему не свойственную, оно зачахнеть и умретъ. Перенесите самое презрънное насъкомое въ область ему чуждую. оно не перенесеть потери своего отечества: и самое презрънное любить свою землю! Нътъ ничего въ природъ, что бы не дорожило своимъ собственнымъ, не любило бы и самыя странности, но только свои. Онъ странны для тёхъ, которые рождены съ каменнымъ сердцемъ, чугуннымъ разсудкомъ, дедянымъ умомъ. Но и самый ледъ, перенесенный въ теплую страну, таетъ, онъ таетъ отъ любви къ своему съверу: разрушается и оставляетъ слезы. Все плачеть, все рыдаеть по своемь родномь, по своей жизни! Магнить устремляется на съверъ и указываеть каждому: воть гдъ мое отечество. Не разлучайте меня съ нимъ! Вы не любите своей родины, но не думайте погасить во мнт любовь» (Т I, стр. 68-70.)....

«Никогда Русской не потерпить, чтобы кто наругался надъ его святыней. Уже тоть непримиримый ему врагь, кто посягаеть на его Православіе, — и горе супостату! Съ Православіемъ тёсно связано отечество. Кто нападаеть на его вёру, тоть нападаеть на его отечество, потому прежде надобно истребить вёру, чтобы, не говорю, уничтожить народь, даже завладёть им! Нашествіе французовь въ 1812 г., никогда не могло быть достигнуто цёли, — цёли завоеванія Россією, потому что они были враги Православной вёры. Положимъ даже, что они могли бы имъть торжество надъ ними, и повелёвать имперією! но, на долго ли?—Это торжество обрушилось бы къ погибели властеленовъ. Рано или поздно, но русскіе не снесли бы иноземнаго владычества. Скажутъ, какъ же татары господствовали надъ ними болёе двухъ соть лёть? Какъ мы терпёли это?—Татары господствовали надъ нами потому, что наши князья безпрестанно находились въ междоусобныхъ раздорахъ, изъличныхъ выгодъ; но религія была покровительствуема самыми угнетателями, для того только, чтобы усыпиль насъ. Когда же укрёпилась единодержавная

власть, тогда всв кончились крамолы. Доколь пребудеть единство чувствъ в согласія, доколь благодітельное самодержавіе будеть управлять нами;—дотоль никто не овладість Россією! (Т. І. стр. 72 и 73).....

Местная потребность, привязанность къ своей земат, есть физическая народность, а не нравственная. Нравственная народность выше всякаго могущества; она всегда неразлучна съ господствующимъ языкомъ; но у насъ имъ говорять по всемь отдаленнымь концамь общирной монархіи.... Языкъ сближаеть всёхъ, плёняя слухъ и народную гордость, но гдё говорить сердце или умъ, тамъ образцы вкуса и ума; гдъ кипять страсти, гамъ унижается небесный даръ слова; гдъ чистой пламень мыслей, тамъ присутствіе добраго генія, котораго вдохновение вст раздъляемъ невольно: оживаемъ въ его дыхании возносимся въ его пареніи, --- и чье сердце можеть быть безчувственнымъ къ трогательнымъ звукамъ слова? Даже простаго, обыкновеннаго, но давно неслыханнаго своего роднаго.... Звёри узнають другь друга, въ страшномъ рыканів, и не терзають; штицы пультитвують птиць, пріятнымъ для нихъ щебетаніемъ; зміви и гады ползуть другь къ другу на свисть и шипівніе, для насъ страшное, --- но для нихъ сладостное; деревья преклоняютъ свои вътьви: они говорять, перешептываются; цейточекь склоняеть свою головку къ другому, вывсть съ немъ родившемуся, и своимъ колыбаніемъ выражають взаимно тихую радость, какъ бы переговариваясь украдкой между собою. Языкъ природы разлить повсюду. И чувство его столь пламенное, столь, горячее, что оно двигаетъ самыми металами. Одинаковой металъ сродняется съ однороднымъ. Языкъ, таниственный узель пародности, скръпляеть еще болъе людей между собою. (Т. I. стр. 76-78).

Авторъ очень върно изобразилъ въ этихъ словахъ право славіе, самодержавіе и наподность, какъ тройственное основаніе русской жизни и быта. Но одно изъ этихъ основаній, народность, онъ больше характеризуетъ какъ чувство, слъдовательно въ субъктивномъ, а не реальномъ, объективномъ значеніи слова. Послъ весьма внимательнаго чтенія, мы всетаки не могли себъ уяснить, въ чемъ именно, по мнѣнію автора, заключается раская народность. Въ залкюченіе, г. Терещенко говоритъ способности русскихъ къ просвѣщенію, о сохраненіи народныхъ мыслей въ старинныхъ пѣсняхъ и сказкахъ и уклоненіи отъ самобытности. Наклонность къ просвѣщенію доказываетъ авторъ бъглымъ очеркомъ, хронологическимъ перечнемъ ученыхъ и учебныхъ заведеній въ Россіи,

Digitized by Google

мавлеченіемъ наъ отчетовъ Министерства Народнаго Просвъщенія о числъ училищъ и учащихся съ 1832 года по настоящее время, наконецъ очеркомъ русской литературы со времени Ломоносова. Особенно интереснымъ показался намъ взглядъ на изящную литературу.

• Созданіе русской словесности, въ примомъ смысль, принадлежить Ломоносову. Творецъ языка и слога, онъ первый началь писать чисто и правильно. Въ торжественныхъ одахъ Ломоносова, Сумарокова, Кострова в Петрова слогь возвыснися. Тогда возникла у насъ лирическая, эпическая, драматическая и дидактическая поэзія. Здёсь прославились Богдановичь, Химницерь, фонъ-Визинъ, Державинъ, Дмитріевъ, Княжнинъ, Капнистъ, Нелединскій-Мелецкій, Бобровъ, Измайловъ, кн. Шаховской, Карамзинъ, преобразователь языка и знатокъ изящнаго слога; Муравьевъ (Мих. Ник.), Озеровъ, Шишковъ, Крыловь, народный баснописець; Жуковскій, Батюшковь, Козловь, Пушкинь неподражаемый, Гитдичъ, Гриботдовъ, Востоковъ, Воейковъ, Веневитиновъ, Давыдовъ, бар. Дельвигъ, дъвица Кульманъ, Граф. Ростопчина, кн. Баратынскій и др. — Гречь, Булгаринь и Сеньковскій, дали новое направленіе языку, очистивъ его отъ многихъ застарълыхъ грамматическихъ формъ; Кукольникъ, Загоскинъ, Гоголь, Даль,-прославившійся народными сказками,всв они представили образцы сочиненій въ народномъ духв и жизни русской. Но гораздо сильнъе и умилительнъе излилось русское слово и чувство, въ сочинении Цыганова. Его народныя пъсни трогательныя и поучительныя, увлекательныя и восхитительныя .. (Т. 1. стр. 84 и 85).

О народныхъ пъсняхъ и отнощени къ нимъ теперешней литературы авторъ выражается весьма красноръчиво. Вотъ его митие:

«Весьма жаль, что многіе изъ нашихь съ большими пособностями литераторовъ, уклонялись отъ своей народности, замъняли русскія выраженія инестранными, и подражали слъпо чужеземному. Старинныя пособностя и нынъщнія пъсни убъждають насъ, что можно писать пособной подражанія къ другимъ народамъ. Какая сила и простота чувство пій сохранились во многихъ нашихъ пъсняхъ! Какой въ нихъ стройной звукъ, и какая невыразвилая пріятность. въ оборотахъ и мысляхъ! Потому что все излито изъ сердца, безъ вымысла, натяжки, и рабольпной переничивости. Въ нихъ все трогаетъ насъ, потому что оно близко къ нашимъ мыслямъ; потому что все это наше русское, неподавльное; все проникнуто любовію къ родинъ, отечеству. Народныя пъсни суть драгоцънной памятникъ самобычной повзіи нашей. Это

наша слава, безъ подражанія вноземной. — Конечно, півсин наши не вездів стройныя, но полныя страстей: печаль льется рівкою томительныхъ страданій; разочарованная горькая безнадежность омываеть слезами грудь, изсушиваеть сердце и оно умираеть безъ утішенія; любовь или тонеть въ морії сладостныхъ упоеній, или погибаеть безъ участія къ ней. Отвага, молодечество, радость, веселіе и забавы, воспівнаются безъ хитрыхъ затій, складываются въ простотів лепета и высказываются по вдохновенію собственнаго сердца. (Т. І. стр. 89 и 90).

Затъмъ, приведя въ доказательство множество образцовъ русскихъ и малороссійскихъ пъсенъ, авторъ въ трогательныхъ выраженняхъ обнаруживаетъ желаніе, чтобъ наша литература обратильсь, какъ онъ говоритъ, «къ своему собственному назначенію».

Должно желать, чтобы наша словесность, богатая языкомъ и чудесными оборотами, стремилась преимущественно къ своему собственному назначенію. Не надобно заимствовать не свойственнаго намъ: ни ни предметовъ, ни красокъ, ни оборотовъ для слова и мысли. У насъ всего въ избыткъ. Какихъ хотите народныхъ предметовъ? - Загляните въ отечественную исторію, - тамъ неисчетное число событій величественныхь и печальныхь, отрадныхь и убійственныхъ, поучительныхъ и злодъйскихъ. А гдъ краски? Ваша родина, ваше дорогое отечество: дремучіе авса и бездонныя пропасти, воды и океаны, богатства южныхъ и горячихъ странъ, ужасъ природы отъ береговъ Ледовитаго моря до упонтельной роскоши, - предметовъ безчисленное множество! Человъкъ съ пламенной душею, возвышенной мыслію, чистымъ сердцемъ, съ жаромъ ко всему прекрасному, изящному и благородному найдеть вездъ себъ пищу, --- ему не надобно указывать. --- Но можно ли найдти для предметовъ и красокъ, приличные обороты и мысли?-Не только приличные, но возвышенные и глубокіе. Это зависить оть выбора предмета, который часто самь воодушевляеть, и оть мъста, поражающаго наши чувствованія, потрясающія душу и вызывающія такъ сказать, слова и мысли, на просторъ безиредвльныхъ размышленій: туть он'й стаями явятся, налетять на вашу душу, на ваше благородное сердце, унижуть его жемчужными словами и развернутся предъ вами бридаілитовою струей, въ ослинительнномъ сіянів. Рой звонкихъ выраженій и плачевных отголосковь, отзовутся въ оледеневшей душь, и соплетуть съ лучезарной свёточью мыслей, блестящія украшенія. Повёрьте можно достигнуть украшеній, надобно умёть чувствовать. Я уклонился отъ предмета, но онь такъ близокъ къ нашему сердцу, что невольно увлекаетъ. (Ів. стр. 126 m 127).

•Пора уже намъ оставить чужевенные восторги, восхищаться однимъ заморскимъ, и слъпо думать, что мы не въ состояни создать собственнаго природнаго; что нашъ языкъ не замънить приторныхъ выраженій: сомме с'est beau! quel jolie enfant! Vraiment, c'st un ange! и т. н.—Оставимъ это доказывать прекрасному полу, и кто смъетъ спорить съ нимъ? Кто будетъ столько невъжливъ, чтобы осмъллася сказать: сударыня! вы ошибаетесь, вы судите ложно!!! Мущины не одарены нъжнымъ свойствомъ судить ложно, и не вст они такъ пристрастны, какъ римскій императоръ Карлъ V, который утверждалъ, что на испанскомъ языкъ говорятъ съ Богомъ, па французскомъ съ друзьями, на нъмецкомъ съ непріятелями, а на италіянскомъ съ женскимъ поломъ.—Мы знаемъ, что нашъ языкъ сладкозвученъ и чувствителенъ, громокъ и живописенъ, силенъ и богатъ». (Т. 1. стр. 128 и 129).

Объяснивъ, что русскій языкъ «не только существуєть, но что онъ богатьйшій въ мірѣ, послѣ аравійскаго» (стр. 130), авторъ благоразумно предостерегаетъ всѣхъ благомыслящихъ людей противъ двухъ, равно опасныхъ крайностей: излишняго пристрастія къ мѣстнымъ нарѣчіямъ и къ книжному слогу.

«Мы знаемъ на опыть, что въ образованномъ обществъ говорять наръчіемъ правильнымъ и очищеннымъ. Это доказываетъ, что эти люди изучивали его свойство, силу и духъ, что они знаютъ, гдъ надобно избъгать не свойственныхъ выраженій, приличныхъ одному какому-нибудь мъсту, городу иль деревнъ; что они сами признаютъ тотъ правильнымъ языкъ, кото ый освобожденъ отъ мъстныхъ привычекъ. Смъщно было бы, еслибы кто сталъ изъясняться книжными словами. Были примъры, что миогія изъ прекраснаго пола, говорили цълыми статьями изъ какого-нибудь любимаго ими романа или повъсти, написанной, правда, увлекательно,—но это обнаруживаетъ явное незнаніе языка, слъпой вкусъ и тщеславное желаніе блеснуть чужими оборотами выраженій, которыя весьма кстати были сказаны писателями; но изуродованы легкомысленными подражателями». (Т. І. стр. 135 и 136).

Эта истина блистательно подтверждается примъромъ одного именитаго купца (въроятно короткаго знакомаго г. Терещенки), который, какъ видно, въ самомъ дълъ довелъ злоупотребленіе книжнаго языка до крайности.

 Одинъ именитый купецъ, любящій говорить высокопарно, всегда начинаетъ
 свой разговоръ красноръчиво, затвердивъ напередъ тъму украшеній, коихъ непонимаетъ онъ силы; продолжаетъ разговоръ съ жаромъ пылкаго и даровитаго витіи. Его слупають и не понимають. Наконець, послѣ утомительнаго ораторства, для него самаго, онъ оканчиваеть свою рѣчь тѣмъ, что у него продается лучшій табакъ, или: ради того чего иного, совокупнаго — совокупленія, пріятнаго пріятства, для нашего дружественнаго компанства, — табакъ дешево продаю, и самый лучшій-съ, право-съ, да-съ». (Т. І. стр. 136, въ вын.)

Изъ встхъ этихъ разсужденій г. Терещенко выводить слт. дующее заключеніе:

«Любовь къ собственному счастію, раждаеть любовь къ своему отечеству; благородное честолюбіе каждаго, народную гордость. — Народная гордость не можеть существовать, безъ сознанія собственнаго достоинства; слава народа не можетъ проявляться безъ любви къ отечеству. Напрасно иткоторые говорять, что любовь къ отечеству можно внушить умствованіями. Кто не гордится народностію, тоть не можеть питать любви ни къ чему родному. Кто не знаеть, что народность есть истинная любовь, основа къ благоденствію царства; тотъ только можеть быть всемирнымъ гражданиномъ. Божественный свътъ религіи, скръпляеть всё общественныя связи, а народность утверждаеть въ любви къ своему отечеству. Религія есть тайный союзъ человака съ Богомъ; внутреннее, невзглаголанное чувство съ Небомъ: она выше всего земнаго, выше всёхъ мудрыхъ законовъ; но народность есть душа отечества, врожденное чувство ея жизни, невидимая связь соотечественниковъ, сближеніе ея съ одними чувствами, съ одними мыслями, и она вездъ дъйствуетъ на землъ съ самоотвержениемъ, какъ дъйствовала прежде, -- слъдовательно: народность, есть выражение любви къ отечеству.--Но какимъ образомъ можно пріобръсть народность? Странной вопросъ! какъ будто-бы народное чувство можно купить, какъ сребролюбивое сердце. Но тотъ, которой продаеть себя, продаеть себя всёмъ безотчетно. - Какъ же мы можемъ понять народность, и гдё можемъ ее изучать? Вопросъ весьма важной, но отвъть написанъ въ сердцъ каждаго русскаго: въ воспитаніи народномъ». (Т. І. стр. 140—142).

Итакъ, всё пространныя разсужденія, историческія и статистистическія изследованія, которыми наполнена первая глава, привели автора къ тому окончательному результату, что «народность есть выраженіе любви къ отечеству». Мы совершенно согласны, что любовь къ отечеству есть чувство, если можно такъ выразиться, посредственное сознаніе народности; но она все же не есть сама народность. Въ чемъ же состоитърусская народность, что она такое—этого вопроса авторъ не

разръшилъ. Къ чему же вся глава? Какъ ни справедливы положенія автора, какъ ни роскошенъ и красноръчивъ его слогъ—не стоило расточать столько глубокомыслія и таланта, чтобъ доказать, что въ любви къ отечеству выражается чувство народности. Эта истина сама по себъ такъ очивидна и проста, что ее нечего доказывать; довольно прочесть ее въ эпиграфъ.

Вторая глава посвящена жилищамъ русскаго народа. Предметъ любопытный! Мы прочли эту главу съ большимъ внима. ніемъ, надъясь въ ней найдти подробное описаніе крестьянскаго двора, со всъми его строеніями, клътями, сараями, и т. д. и съ мъстными названіями разныхъ принадлежностей и частей крестьянского жилья. Какую важную услугу оказаль бы г. Терещенко русской археологіи такимъ описаніемъ! Сколько темныхъ мъстъ въ льтописихъ прояснилось бы разомъ! Но мы ошиблись въ нашихъ надеждахъ. Авторъ взглянулъ на предметъ иначе, нежели мы. Вивсто того, чтобъ обратиться къ настоящему и съ его помощью допросить потомъ памятники старины, онъ, напротивъ, углубился въ старину, а о теперешнемъ говоритъ весьма мало, почти ничего. Глава начинается общими разсужденіями о превосходствъ европейскаго климата передъ климатомъ прочихъ частей свъта, со всъмъ не кстати, не умъста. Повторяются давно извъстныя древнъйшія географическія свъдънія о теперешней Россіи. Мы ихъ называемъ давно извъстными, потому что авторъ выписываетъ ихъ, кажется, изъ Карамзина, и съ новыми изслъдованіями мало знакомъ или незнакомъ вовсе. Общія мъста о томъ, что Славяне жили сперва въ лъсахъ и пещерахъ, потомъ стали строить жижины — все это разумъется есть. Собственно археологическая часть предмета обработана тщательно. Множество данныхъ о разныхъ жилыхъ строеніяхъ древней Руси собраны авторомъ изъ льтописей и иностранныхъ писателей (съ которыми,

сколько мы могли замътить, онъ хорошо знакомъ) и расположены въ хронологическомъ порядкъ. Трудъ конечно полезный; но мы не думаемъ, чтобъ онъ могъ повести къ важнымъ результатамъ, пока во всей подробности не будетъ описано теперешнее крестьянское жилье, ибо многое заставляетъ предполагать, что въ старину крестьянскій домъ и каменныя палаты боярина различались только убранствомъ, числомъ покоевъ, а не внутреннимъ расположениемъ жилья; слъдовательно, въ устройствъ теперешней избы съ ея принадлежностями должно искать объясненія отрывочныхъ, тамъ и сямъ разбросанныхъ извъстій о древнихъ зданіяхъ. Тутъ же, не знаемъ зачёмъ, г. Терещенко говоритъ о пожарахъ, частыхъ въ древности, и разрушавшихъ цълые города; о пожарной полиціи, которой первые следы открываеть уже въ XV веке, и красноръчиво описываетъ дъйствіе петербургской пожарной команды.

• Ни одна изъ пожарныхъ стражей, быть можеть во всей Европъ, сколько мив не случалось ее тамъ видъть, не поступаетъ съ такимъ самоотверженіемь, какъ петербургская. Ужасъ обнимаеть, когда смотришь на дъйствующихъ во время пожара. Сквозь пламень и адъ огня, пожарный служитель взлетаеть безстрашно на крайнюю высоту зданія: онь — горить! - но онь не заботится объ этомъ: ему надобно спасать несчастныхъ. Испепеляющій жарь, дымъ столбомъ, огненное облако пскръ, обхвачивають его-опъ погибъ! нътъ, онъ спасаетъ: на своихъ плечахъ онъ выноситъ ребенка, или дряхлаго старца, передаеть другому, и вновь летить спасать, не думая ни о себъ, ни о своемъ семействъ! Товарищи его, обожженные и обгорълые, отуманенные удушливыми облаками дыма и обхвачиваемые огнемъ,---носять смерть въ своей груди, но они ничего не видять, кромъ своей обязанности. — Иные. держась одной рукою на лъстницъ и часто вися на воздухъ, схвачиваютъ другою остатки имущества несчастного; другіе, не зная смерти, кром'в смерти другихъ, устремляются на огненный костеръ и вырываютъ изъ его вулканиче скихъ челюстей вопіющихъ о спасенія! Вотъ уже валятся бревна, разсыпастся домъ съ ужаснымъ громомъ, ничто не сопротивляется сокрушительной силь. Но одинъ противится русской! Онъ дъйствуетъ безтрепетно, идетъ на встрвчу смерти, и если падаетъ подъ грудою развалинъ; то умираетъ съ благородивищимъ самопожертвованіемъ, свойственнымъ русскому ...

Въ этой главъ находимъ далье кое-что о строительномъ уставъ и теперешнихъ строеніяхъ: о куреняхъ, мазанкахъ, хатахъ, о числь домовь въ Россіи, объ улучшеніи городовь; изчисляется, сколько въ городъ фабрикъ, лавокъ, трактировъ, питейныхъ домовъ и рабочихъ людей. Очевидно, авторъ не уяснилъ себъ задачи: говорить о томъ, что нейдеть къ делу, не упоминаеть о главномъ, существенномъ. Впрочемъ это отличительная черта всего сочиненія: оно колеблется между статистикой и бытоописаніемъ, археологическимъ изследованіемъ и курсомъ красноръчія и нравственности, но ни одному изъ этихъ назначевій не удовлетворяеть вполив. А все оттого, что планъ неопределень! Кроме того, мы заметили во второй главе несколько ошибокъ; такъ въ 1 примъчаніи на 153 стр. сказано, что церкви назывались у насъ ропатами. Но такъ назывались только иновтрческія, а не православныя. На стр. 188 авторъ говоритъ, что зарубки, которыми связываются четыре бревна въ рубленыхъ строеніяхъ, называются вънцами. Но вънцемъ называются весь четырехъ-угольникъ изъ бревенъ, связанный такими зарубками. На 191 стр. читаемъ: «Между куренями возвышались насыпи или курганы, которые ничто иное были, какъ сторожевые; по нимъ давали знать о движеніи непріятелей или хищнических в набъгахъ, — но въ ихъ курганахъ никакихъ не открывали сокровищъ, потому что они служили маяками». Это мивніе совершенно опровергается новъйшими изслъдованіями о курганахъ; они могли служить для сторожей, но происхожденія ихъ нельзя этимъ объяснить, и, сколько можно заключать уже теперь, всё они восходять къ глубочайшей древности и суть могилы.

Третья глава посвящена домоводству. Что должно составлять ея предметь? По нашему митнію, подробное и по возможно большему числу губерній составленное описаніе домашняго и полеваго хозяйства крестьянской семьи; изчисленіе

домашней крестьянской утвари, земледъльческихъ и другихъ орудій, употребляемыхъ въ обыкновенномъ домашнемъ крестьянскомъ быту, съ ихъ мъстными названіями; обзоръ крестьянскаго будничнаго дня въ разныя времена года, занятій по хозяйству отъ утра до вечера; подробное описаніе, какъ крестьянская семья воздёлываеть землю, кормить и содержить дошадей, домашній скоть и птицу; какія наблюдаются при этомъ примъты, суевърные обряды, и т. д. Вотъ статья о домоводствъ въ сочиненіи: «Бытъ Русскаго народа». Что жь мы находимъ витсто того? описаніе кушаній и питей, старинныхъ и новыхъ, русскихъ и иностранныхъ, введенныхъ въ Россію. Кромъ того о табакъ, курительномъ и нюхательномъ. И только. Конечно и это могло бы войдти въ обозръние домоводства, но какъ только это наполнило всю главу о домоводствъ---не можемъ понять. Забавно, что даже въ описаніи пищи, питья и табаку авторъ не удерживается въ границахъ простого, историческаго повъствованія, а поучаеть. Воть нъкоторыя назиданія. Они курьёзны.

«Нъть досаднъе смотръть, какъ женщины предаются нюханію, особенно если видишь красавицу, окруженную роемъ поклонниковъ, и созданную для однижь поцълуевъ. Буало хорошо выразился на этоть счеть:

Et fait à ses amants, trop faibles d'estomac, Redouter ses baisers, plein d'ail et de tabac.

•Нъть непріятиве смотръть на пожилую женщину, когда ноздри ся покрыты табакомъ, по нъть отвратительнъе видъть старика, когда онъ поминутно набиваеть свой носъ, пачкаеть вокругь себя и самаго себя: свою одежду, свой роть и къ довершенію течеть изъ носа по губамъ въ роть, —часто капаеть еще. Одинь этоть гнусный видъ, не убъждаеть ли, что это происходить отъ разстроенныхъ уже первовъ, по этому пюхать табакъ: не вредно ля?» (Т. І. стр. 298 и 299).

«За границей менъе его пьють (кофе) нежели у насъ, и напрасно думають, что нъмки страстныя охотницы. Я видъль, что онъ пьють мало и не кръпкій, по причинъ пламенныхъ воодупевленій къ нъжностимъ». (1ь. стр. 279).

Особенно краснортниво ораторствуетъ г. Терещенко противъ пьянства. Прочтите: это громъ и молнія.

«Между простымъ народомъ в дка до такой степени въ употребления, что объ ней заботятся едва ли не болъе, нежели о самой пищъ, --- даже послъд-, нее несуть въ питейный домъ. Есть особо записные пьяницы, которые всю свою жезнь проводять въ кабакахъ. Цъловальнеки нарочно заманивають таковыхъ, и поятъ ихъ ежедневно безденежно. Обязанность записныхъ пьяницъ состоить въ томъ, чтобы завлекать сюда всёхъ проходящихъ, и поселять въ нихъ страсть къ невоздержной жизни. Получая даромъ каждодневно, четыре чарки водки, они являются поутру, предъ объдомъ, предъ полудникомъ и ввечеру, и стараются заводить ссору или драку съ гуляющими. Целовальникъ же, пользуясь этимъ случаемъ, грозить имъ полицейскимъ усмиреніемъ. Тогда поссорившіеся прибъгай къ мировой: требують штофъ водки, за этимъ другой и т. д. Вывето того, чтобы поссорившійся выпиль самъ себв, двв или три чарки, онъ выпиваетъ уже нъсколько штофовъ, и поитъ записнаго пьяницу, который гуляеть въ чужомъ похмъльи, — а цъловальникъ тогда безжалостно обманываеть пьющихь: общитываеть и нащитываеть на нихь. —Есля записной пьяница, не можеть поссорить кого-либо; то онъ пьеть изъ десятой чарки. Пьющіе, допивая девятую чарку, подносять десятую записному пьяницъ, который сторожить свою добычу, - какъ сторый (?) коть. Если бы пьющіе не поднесли ему десятой чарки, то онъ самъ вырываеть изъ ихъ рукъ. Удовольствіе оть опьяненія такъ сильное, что оно губить каждаго. Сначало оно пріятно возбуждающее, потомъ производить ослабленіе тъла, а наконецъ умственныхъ силъ, и пьяница обращается тогда въ полусумасшедшаго: онъ пьеть до нельзя, и разсудокъ его помрачается. Такой человъкъ... на что не можетъ ръшится? Благосостояніе гражданъ ему не понятно... потому что благоразумные граждане, чуждаются его. Чъмъ болъе пьющихъ, тъмъ они вреднъе; сердце у нихъ черствъетъ и развращается, совъсть не пробуждается... Надобно имъть необыкновенную силу собственного убъждения, чтобы вырваться изъ оковъ продолжительнаго безумія: потому что вліяніе винныхъ спиртовъ, столь же враждебное, сколько злоба адскаго духа, противу счастія смертных в. Большую часть преступленій, должно приписать пьянству.

Предоставляемъ знатокамъ дъла разрѣшить вопросъ, дъйстствительно ли, какъ утверждаетъ г. Терещенко, «въ продолжении существованія цълаго покольнія, теряется во всемъ государствъ отъ пьянства, деньгами и временемъ 245,755,623,189 р.». (стр. 227); дъйствительно ли открытіемъ свекловичнаго сахара мы обязаны тому, что французскія колоніи, возвращенныя во время реставраців своей метрополіи и подчинившись снова ея управленію, устремили всъ свои усилія о воспреще-

ніи ввоза во Францію иностраннаго сахара» (стр. 269). Мы позволимь себь только замьтить, что недурно сдылаль бы авторь, доказавь существованіе въ Россіи сахарныхь фабрикь въ XVIII въкъ (стр. 271) и распространеніе мыльниць въ XIV (стр. 209). Сказать только — мало. Не понимаемъ, потомъ, какимъ образомъ въ конць XVIII въка пироги, хлъбы и сладкія кушанья могли доставляться въ Петербургъ изъ Парижа въ шесть дней (стр. 174); это и теперь невозможно.

Въ археологическомъ отношении статья о домоводствъ, какъ и предыдущая, имъетъ свои достоинства. Но, сколько мы могли замътить, авторъ не воспользовался всъми древними источниками; напримъръ каталогъ русскихъ явствъ и питей XVII въка у него весьма неполонъ.

Наряды занимають четвертую главу. Не правильный ли назвать ихъ одеждами? Между тъмъ и другимъ есть разница. Какъ бы то ни было, существенные недостатки этой главы онять тъ же: авторъ сообщаетъ подробныя свъдънія только о старинной русской одеждь, заимствуя ихъ отвсюду. Жаль, что онъ не составилъ подробнаго реэстра и описанія старинныхъ матерій, изъ которыхъ она дълалась; въ археологическомъ изследованіи это необходимо; притомъ предметъ труденъ и не разъясненъ. О теперешней одеждъ простолюдина почти ничего не сказано: новторены, безъ всякой нужды, однъ общензвъстныя вещи. Это замътный пробъль въ книгъ. Сколько мы знаемъ, авторъ много путешествовалъ по Россіи и хорошо знакомъ съ обычаями и нравами крестьянъ. Отчего бы не сообщить читателямъ наблюденія и замътки объ особенностяхь въ крестьянскихъ одеждахъ, особливо женскихъ, по разнымъ мѣстамъ? Съ каждымъ днемъ древніе нарады, головныя украшенія вачезають. Сохранить ихъ для будущихъ изслітдованійвеликая заслуга, и во всякомъ случат стоитъ хронологической выборки извъстій изъ письменныхъ памятниковъ. Какіе важные и богатые матеріялы для древнъйшей исторіи и этнографіи доставиль бы такой трудь, исполненный добросовъстно и попробио.

Въ пятой главъ, подъ заглавіемъ: образъ жизни, говорится о всякой всячинъ, относящейся къ разнымъ главамъ и частямъ. Оно и понятно. Образъ жизни—выраженіе такое неопредъленное, что подъ него и подходитъ и не подходитъ все, что хотите. Независимо отъ этого, въ числъ множества общихъ мъстъ, ничего не говорящихъ, отчасти доказывающихъ, что авторъ не довольно вникнулъ въ историческое происхожденіе и образованіе нашихъ обычаевъ и нравовъ, попадаются и любопытныя замътки. Укажемъ на нъкоторыя.

Мнѣніе, будто бы мужъ побоями доказываетъ женѣ свою любовь, такъ что она печалится, если мужъ ее не билъ, видя въ этомъ признакъ холодности,—это странное мнѣніе заслуживаетъ ли вѣроятія?

«Я однажды слыхаль—говорить авторь—жаловавшуюся жену на своего мужа,—что онь не любить ее. Когда я спросиль ее: отчего она такь думаеть?—тогда она отвъчала мив, что онь ее ни разу не биль.—Да развъвь этомъ любовь? «Э, батюшка, жена не въдаеть любви мужней безъ битья. Чтиъ кръпче и почаще побиваеть мужинекь, тъмъ-то жена бонтся мужа в холить его. Бабій волосъ длиненъ, а умъ коротокъ. Не потрепли ея космиьки, не оставь синева на плечикахъ и щекахъ румяныхъ, и что за любовь»!—Случилось еще видъть, что мужъ биль свою жену и весьма жестоко. Когда я замътиль, что онъ поступаеть съ ней безчеловъчно, тогда онъ отвъчаль мив: «нъть, батюшка, это ужь такая наша поведенція. Не бей жену, она ругается: ты меня не любишь.—Если любишъ, то бей меня»! Во время сердечныхъ побоевъ, жена не плачеть и не кричить, она переносить терпъливо, и этимъ еще гордится между своями пріятельницами». (Т. І. стр. 416, вторая вын.)

По скорому изчезанію этого и множества другихъ подобныхъ обычаевъ уже можно судить, какъ мы быстро идемъ впередъ. Теперь доказывать жент любовь побоями—уже преданіе и въ простомъ народъ. А еще самъ авторъ былъ свидътелемъ побоевъ въ знакъ любви! Впрочемъ такое понятіе весьма замъ.

чательно и характеристично. Оно тъсно связано съ нашимъ древнъйшимъ родовымъ бытомъ, а не заимствовано отъ Татаръ, какъ утвердительно говоритъ г. Терещенко (стр. 417). Ниже, въ разборъ свадебныхъ обрядовъ, мы еще къ нему возвратимся.

Извъстно, что русскія женщины и дъвицы вели въ старину затворническую жизнь и не могли, не нарушая приличія, выходить не только къ гостямъ, даже къ родственникамъ и братьямъ. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ этотъ уставъ однако нарушался. Вотъ какъ описываетъ г. Терещенко появленіе жены и дочерей хозяина къ гостямъ. Его разсказъ заимствованъ изъ иностранныхъ путешественниковъ.

«Было великимъ праздникомъ для женскаго пола, когда мужья, изъ уваженія къ почетнымъ гостямъ, дозволяли своимъ женамъ приходить посав объда въ столовую, и подносить каждому гостю по чаркъ вина, за что отъ каждаго онв получали поцвлуй. Когда же выходило несколько жень къ гостянь, еще до объда, гогда гости становились у дверей: жены привътствовали ихъ небольшимъ наклонениемъ головы (это навывалось малымъ обычаемъ), а гости кланялись имъ въ землю (большими обычаеми). Хозяннъ, кланяясь въ землю гостямь, биль имь челомь: чтобы они изволили цибловать его жену; но гости просили его, чтобы онъ цъловалъ прежде. Потомъ гости, одинъ за другимъ, кланялись женамъ до земли, подходили и цъловали каждую въ губы: поцваовавъ же, отступали на нъсколько шаговъ назадъ и опять кланялись въ землю: поцелованная благодарила каждаго наклонениемъ головы. Затемъ жена хозявна подносила гостямъ по чаркъ двойнаго или тройнаго зеленчика; чарка бывала мёрою въ четверть кварты. Хозяннъ между тёмъ упрашиваль гостей, чтобъ они изволили пить вино изъ рукъ его жены, но по проше нію гостей, хозяннъ приказываль выкушать женв, послё пиль сань, а наконець подносили гостямъ. Предъ питьемъ и после питья, каждый гость, отдавая чарку, кланялся въ землю. Кто не пиль водки, тому подносили кубокъ романеи или ренского. Обнесши кругомъ, хозяйка раскланивалась и шла въ покои своихъ гостей (?). — Женскій поль никогда не объдываль витесть съ мужескимъ, исключая близкихъ родственниковъ и свадебъ. За объдачи пили, послв каждаго куппанья, по чаркв водки, романен, ренского, пива поддваьнаго, простаго и разныхъ медовъ. Когда подавали на столъ круглые пироги, тогда выходили невъстки и замужнія дочери или жены ближайшихъ родственниковъ; гости же, вставъ изъ-за стола, становились у дверей и иланялись миъ; мужья женъ кланялись и просили гостей, чтобы они цвловали мхъ и приняли вино изъ ихъ рукъ. Поцвловавъ женъ и выпивъ вина, гости садились за столъ, а жены отправлялись въ свои покои.—Дочери не выходили къ гостямъ, и ихъ никому не показывали; онъ жили въ особыхъ дальнихъ покояхъ. Послъ объда хозяннъ и гости пили за здоровье другъ друга, и потомъ расходились по домамъ. Такимъ точно образомъ объдали жены, угощая взаимно напитками; за ихъ столомъ находились дъвицы, но никто изъ мужескаго пола.

Олеарій и Корбъ говорять, что наибольшая честь, какую оказываль хозяинъ гостю, состояла въ томъ, когда его жена подносила чарку водки. Бар. Маербергъ пишетъ, что въ его время (1661 г.) женщины стали показываться мущинамъ чаще, и всякій разъ, по окончаніи стола, выходила хозяйка къ гостямъ въ сопровождения двухъ горничныхъ, въ наизучшемъ одъяния. Хозяйка, вошедши въ столовую, подносила сначала чарку водки одному изъ почтенныхъ гостей, прикоснувшись къ чаркъ своими губами. Потомъ она уходила въ свою комнату, переодъвалась въ новое платье, пока гость пилъ, и снова выходила подносить другому гостю, и до техъ подъ уходила и выходила, всякій разъ въ другомъ платьт, пока встить не поднесеть. По окончаніи подчиванія она становилась подлё стёны, потупивъ глаза въ землю, и каждый изъ гостей подходиль къ ней поочередно и цёловаль въ губы. -- Таннеръ добавляетъ къ этому извъстію, что жены выходили, только по сильной просьбъ гостей, въ богатомъ нарядъ, и заложивъ руки назадъ, становились у печи. Тогда гости подходили целовать, и за это получали отъ нихъ по чаркъ водки. Во время Таннера были уже примъры, что жены бесъдовали съ мущинами, въ отсутствін своихъ мужей. Знатные люди дозволяли выходить дочерямъ, и онв подносили водку въ серебряной чаркъ. Отецъ просилъ своихъ гостей целовать ихъ, въ знакъ дружбы къ нему. Красавицы стояли неподвижно, гости подходили одинъ за другимъ, кланялись и цъловали не въ губы, а въ щеку .. (Т. І. стр. 438-442).

Затворничество, сначало чрезвычайно строгое, незадолго передъ преобразованіями Петра Великаго начало смягчаться.

«Частое посвіщеніе вностранцевъ и введеніе ими многихъ обрядовъ, измъняли постепенно строгость уединенной жизни. Когда Царица Наталія выбхала однажды въ полуоткрытой колымагъ, тогда народъ ропталъ на нее. По прибытіи въ Москву цесарскихъ пословъ фонъ-Боттонни и фонъ-Гуцмана (въ 1675 г), Царица Наталія упросила Царя, дать изъ ауедіенцію въ Коломенскомъ селъ, чтобы все происходившее могла сама видъть. Въ смежности съ пріемной залой находился покой съ дверьми, въ коихъ были сдъланы небольшія отверстія, и чрезъ нихъ она смотръла; по малолътный сынъ ея Петръ отирыять, по своей развости, дверь въ пріемной прежде выхода особъ и этимъ обнаружиль потаенное ея убъжище.

Спустя несколько временя, Царь совершаль съ нею набожное путешествіе въ Троицко-Сергіевскій монастырь: она тогда вхала въ открытой колымагь, чтобы всё ее видёли; но народъ, пораженной этимъ поёздомъ, потупилъ глаза въ землю и не сиблъ смотръть на нее. При въбзде польскихъ пословъ въ Москву (1678 г.), быля зрителями уже многія постороннія дъвицы. Эти примъры дали поводъ Царевиъ Софін обходиться съ мущинами вольно не закрывая лица и не скрываясь отъ людей. Она не только разговаривала открыто съ сановинками, но назначала аудіенціи иностраннымъ посламъ; выходила къ народу и стръльцамъ, принимала лично челобитии и сама судила. Быстрый переходъ от затворинчества къ свётскости не нравился закоренвамиъ старообычникамъ, но они сами нечувствительно перенимали нововведенія, а народъ постепенно привыкаль къ нимъ. Во время въбзда цесарскихъ уполномоченныхъ (1698 г.), уже никому не казалось страннымъ, что Царица и Царевны, стоя у растворенныхъ оконъ, смотрван на пышный посольскій въбздъ. Петръ I, спустя послів этого нівсколько мівсяцевь, угощаль многихъ иностранныхъ министровъ въ домв своего любимца Лефорта, и завлючиль угощение великолепнымъ баломъ. Въ то время Царевна Наталія и многія придворныя дамы, находились подав танцовальной залы и смотрели сквозь полуоткрытый занавівсь». (Т. І. стр. 445 и 446)

Весьма любопытно также описаніе первыхъ *каруселей*, введенныхъ у насъ Екатериной II.

•Каррусель представленъ у насъ въ первый разъ въ присутствін Екатеряны ІІ, на площад(н) в зимняго дворца (въ 1766 г. іюня 16). Распорядитель карруселя быль кн. П. И. Решнинь, а церемоніймейстеромь кн. П. А. Голищынь, отъ коего были розданы билеты всёмъ желавшимъ видёть рыцарское представленіе. Каррусель состояль изъ 4 кадрилей: 1 славянскаго, коимъ предводительствоваль Гр. И. П. Салтыковъ; 2. римского, имъ предводительствоваль генераль-фельдцейхмейстерь гр. Г. Г. Орловь; З. индъйского, подъ начальствомъ кн. П. И. Репнина, и 4. турецкаго, подъ начальствомъ гр. А. Г. Орлова. — Въ день представленія, въ два часа по полудни, быль дань пушечный сигналь съ кръпости, чтобы дамы и кавалеры, назначенные дъйствовать въ кадрил(и) в, собирались въ назначенныя мъста. Славянскій и римскій собирались на царицыномъ лугу въ шатрахъ, а турецкій и индъйскій въ малой морской въ своихъ шатрахъ. Ничего не щадили для пышности. -- Двъ богатыя ложе быле устроены предъ звинемъ дворцемъ на концъ цирка: одна для Императрицы, а другая для Наследника престола. Посреди цирка стояль тронь, на коемь сидвль главный судья бойцевь; его окружали 40 офицеровъ, 2 герольдмейстера в 2 трубача. По четыремъ угламъ цирка играли трубачи и музыка. Вокругъ амфитеатра были устроены ивста для зрителей. По прибытии Государыни на свое мъсто, началось инествіе кадрилей. Славянскій и римскій, шли изъ царицына луга по большой милліонной, а видъйскій и турецкій по малой морской; каждый кадриль проходиль чрезъ свои тріумфальные ворота, сопровождаемый своей музыкою. Стеченіе зрителей было чрезвычайное. Участвовавшіе въ каррусели были въ пышныхъ одъяніяхъ, покрытыхъ жемчугомъ и драгоцънностями. Дамы таки на колесницахъ, коими управляли особые возницы, а кавалеры рисовались на богатыхъ дошадяхъ; всъ они остановились предъ своими судьями, коихъ было 12, а главнымъ восьмидесятилътній старецъ фельдмаршаль гр. Минихъ. -- По данному знаку съ съдалища главнаго судьи, трубнымъ звукомъ, начался бъгъ на колесницахъ, а потомъ на лошадяхъ. Офецеры, занимавшіе мъста секретарей, записывали по указанію судьи отличившихся. По окопчанія бъга главный судья съ прочими 12 судьями, и всё участвовавшіе, выступнам изъ амфитеатра и отправились стройными рядами въ залу лътняго дворца, для разбиранія и назначенія наградъ. Императрица встретила ихъ на крыльце. Когда нев прибыли въ залу, тогда вынесли на золотыхъ подносахъ награды, а главный судья, ставъ по срединъ своихъ судей, произнесъ: «Знаменитыя дамы и кавалеры! -- Извъстно вамъ, что ни одинъ не проходилъ день, въ который бы наша Императрица не прилагала материнскихъ попеченій о славъ своей Имперін, благоденствін ея всёхъ подданныхъ и возвышеніи знаменитаго дворянства. Безиримърная въ исторіи Монархиня избрада этотъ безсмертный день славы, чтобы отличить и достойно наградить того, кто прославится успъхами оружія. Кто не разділить со мною чувство удивленія къ повелительниці нашей, которая, со свойственною ей проницательностію и нъжностію матери, назначила каррусель, чтобы видёть въ немъ отличія знаменитаго дворянства. Дамы и кавалеры! съ высокимъ рожденіемъ вашимъ неразлучны возвышенныя достоинства: они служать върнымь залогомь вашиль побъдь, милостей нашей Императрицы, благосклонности Наслёдника престола и всеобщихъ похвалъ. Потомъ, обратясь къ меньшой дочер(и) в гр. П. Г. Чернышева, Наталіи Петровив, сказаль: «Графиня!--Императрица уполномочила меня вручить вамъ первую награду. Позвольте мит поздравить вась съ этимъ высокимъ отличіемъ, и съ темъ правомъ, какое предоставлено вамъ раздавать всемъ дамамъ и кавалерамъ остальныя награды. Я, покрытый сёдинами шестидесятипятилётней, службы, старъйшій воинь въ Европъ, водившій много разь русскихь героевь къ побъданъ, я считаю единственной себъ наградой, что быль свидътелемъ и судьею вашихъ блистательныхъ доблестей». -- После этого привътствія, онъ вручиль ей богатыя брилліянтовыя пукли. — Она стала по правую его руку и раздавала награды: 1. фрейлинъ Ан. Вас. Паниной, золотую табакерку съ бридліянтами. 2. гр. Ек. Ал. Бутурлиной, бридліянтовый перстень. 3. кн. Ив.

Ан. Шаховскому, бридліянтовую петлецу и бриздіянтовую пуговицу на шаяпу. 4. полк. Ребиндеру трость съ бризліянтовой головкой. 5. гр. фонъ-Штейнбоку бризліянтевый перстень.—Возницамъ, за ихъ искусное управленіе: 1. поручику конной гвардів фонъ-Ферзину, золотую записную книжку съ финифтью; 2. секундъ-ротмистру конной гвардів Щепотьеву, золотую табакерку съ финифтью; З. каммергеру гр. Ду. М. Матюшкину, золотую готовальню съ финифтью. Потомъ читанъ быль приговоръ, подписанный главнымъ и 12 судьями, а именно: 1 фельдмаршаломъ гр. Бутурлинымъ; 2. оберъ-егермейстеромъ Нарышкинымъ; 3. генералъ-аншефами: кн. Голицынымъ. 4. Глёбовымъ. 5. гр. Чернышевымъ. 6. Панинымъ 7. Олицемъ. 8. генералъ-поручиками: Веймарномъ. 9. Бергомъ. 10. Дицемъ. 11. Бибиковымъ и 12. мајоромъ конной гвардів кн. Голицынымъ. Приговоръ быль следующаго содержанія: «Ничто не можеть быть такъ лестно для рожденныхь отъ благородной крови, какъ предъ лицемъ. Монархини и многочисленныхъ зрителей, отличиться искусствомъ въ бъганіи, заслужить всеобщую похвалу и награду. Изъ исторіи храбрыхъ народовъ извъстно, что оне удержале въ мирное время военныя забавы, чтебы не заразиться праздностію. Эти забавы воспламеняють похвальное стремленіе къ битвамъ, возвышають душу и укръцияють тело, и съ темъ вивств открывають путь къ геройскимъ подвигамъ. Наша Монархиня, возвеличенная во всемъ свъть своимъ миролюбіемъ, исполнена истиннымъ геройскимъ духомъ. Она, воодушеваяя серяца храбростію, желаеть заблаговременно пріучить самую мысль къ воинственнымъ доблестямъ, чтобы, при необходимости ополченія за въру, отечество и престоль, уміли поражать враговь. Каррусель есть школа для воиновъ: онъ, соединяя пріятное съ полезнымъ, доставилъ нынв дорогой случай къ отличіямъ и прекрасному полу.- Мы ожидали, что въ этомъ каррусель пріймуть участіе прівзжіе пноземцы, изъ дальнихъ предвловь царствъ, чтобы показать свое искусство; но они не явились, -хотя еще въ прошедшемъ году было объ этомъ объявлено, --- не явились безъ сомивнія потому, что не надъялись восторжествовать надъ нами. Отличившіеся въ бъгу достойно почтены наградами и мы поименовали ихъ безпристрастно». За этимъ следовали имена награжденныхъ подарками. По прочтении приговора, Императрица угощала участвовавшихъ въ каррусели-объденнымъ столомъ, за кониъ играла духовая и инструментальная музыка. Послъ объда начался маскированный баль, который продолжался до пятаго часа утра. Этимъ заключился первый каррусель. Вторый, возобновленный чрезъ нёсколько недёль, происходиль въ томъ же самомъ порядкъ, предъ зимнимъ дворцемъ (пол. 11). и первую награду снова получила гр. Нат. Петр. Чернышева, которая раздавала остальныя: 1. фрейлинамъ: Елизав. Ник. Чеглоковой, 2. гр. Ан. Петр. Шереметевой, 3. гр. Штейнбоку, 4. Ферзину, 5. подпоручику Жеребцову, 6. каммергеру бар. Алек. Ив. Черкасову. Но какъ между братьями Орловыми открылось соперничество, доходившее до явной ссоры, и главный

судья не зналь, кому взъ нихъ отдать первенство, а съ тъмъ виъстъ и награду, потому положено было ръшить соперничество взаимнымъ ратоборствомъ. На другой день явились графы Орловы въ броняхъ, и съ прежнимъ пышнымъ пествіемъ кадрилей. По данному знаку трубою они оба начали бъгать съ такою стремительностію, искусствомъ и ловкостію, что долго не знали, кого предпочесть. Однако главный судья отдаль пренмущество Григ. Григор. Орлову, подпесъ присужденную ему награду, и другую тайно заготовленную, по собственному его распоряженію, лавровую вътвь. — Это встать изумило. — Дамы подносили ему букеты цвътовъ, поздравляли его съ побъдою, и потомъ съ торжествомъ проводили его въ театръ, въ которомъ давали тогда оперу Дидона. Государыня и весь дворъ, бывъ свидътелями торжества Орлова, присутствовали въ театръ. Тутъ встрътило его рукоплесканіе и оно раздавалось безпрерывно. Гр. Алексъя Григорьевича почтили одними лестными адресами». (Пь. стр. 453—459).

Нельзя наконецъ не обратить вниманіе на то, какими глазами смотрѣли наши предки на сценическое искусство и музыку.

•Въ разрядныхъ запискахъ 1676 года сказано о комическихъ нграхъ: •твшили Великого Государя какъ Алафериа царица царю голову отсъкла, и на органалъ играли ивицы, да люди дворовые боярина Артамона Сергвевича Матвъева», далъе: «какъ Артаксерксъ велълъ повъсить Амана, и въ органы пгради, и на фіолахъ и на инструменты и танцовали», далбе: «тъщили Великаго Государя за заговънье нъмцы и люди Артамона Сергъевича на органахъ и фіолахъ и на инструментахъ, и танцовали, и всякими потъхами разными. Народъ смотрълъ на это съ изумленіемъ. Онъ долго никакъ не могъ върить, чтобы все это дълалось людьми: онъ думаль, что нечистый духъ вседидся въ нихъ и забавлялся зрителями. Многіе изъ простолюдиновъ боялись говорить съ актерами, полагая, что въ нихъ поселился дьяволь; не сыбли всть изъ одной съ ними чаши, почитая оскверненнымъ; хавбъ, одежду и деньги неиначе принимали отъ нихъ, какъ по прочтении молитвы; избъгали всякаго сообщества съ пграющими на театръ, даже чуждались санихъ зрителей; душу актеровъ считали погибшею. Такое мивніе въ народъ госполствовало долго, до начала XIX въка. Тъла актеровъ часто не предавали погребенію, считая ихъ за богохульниковъ и за людей живущихъ, въ дружбъ съ чертями. (Т. І. стр. 460 и 461).

«Селившіеся у насъ Нѣмцы, вводили постепенно разнообразные инструменты. Духовенство осуждало русскихъ, прилъплявшихся къ музыкъ, и оно запрещало имъ веселиться ею. Патріархъ, говорить Олеарій, запретиль всъ музыкальные инструменты, употреблявшіеся русскими во время пиршествъ в увеселеній. Четыре или пять лѣтъ тому назадъ, онъ велѣлъ обыскать всъ домы частныхъ людей, и найденные пиструменты, бывъ сложены на пяти

большихъ возахъ, приказалъ свесть за реку Москву и сжечь. Однииъ только нъмцамъ дозволялось имъть музыку и веселиться. Это однакожь не воспрепятствовало многимъ боярамъ держать музыку и веселяться ею, бояринъ Матвъевъ, былъ страстный ея любитель, и онъ нетолько имълъ своихъ музыкантовъ, но выписаль еще вностранную трупу актеровъ, которые представляли комическія піесы и балеты, сопровождавшіеся музыкой. Такое нововведеніе столь было непріятное всёмъ поклонникамъ старины, что во время изгианія Матвъева, ему ставили въ вину, между многими несправедливыми на него обвиненіями, что онъ любилъ музыку и занимался чернокнижіемъ. Тогда это считали преступлениемъ государственнымъ. -- Бояринъ Языковъ, первый министръ и любимецъ Царя Өеодора, не препятствовалъ распространенію музыки и не обращаль вниманія на тъхъ, которые считали ее дьявольскимъ увеселеніемъ. Царевна Софія, вопреки невѣжественному мнѣнію, поддерживала любителей музыки, такъ что въ началъ XVIII столътія Петру Великому менъе уже стоило трудовъ ввесть музыку, хотя и тогда простой народъ в нъкоторые изъ бояръ смотръли на нее съ негодованіемъ, и избъгали слушать ее, боясь нечистой силы, будто бы кружившейся во время игры. Веселившихся считали погибшими на томъ свътъ, раскаившихся не допускали къ причастію безъ покаянія.

Входившее въ обыкновеніе пініе равно было осуждаемо: думали, что разнообразное изийненіе голоса и по нотамъ нельзя выполнить человіку безъ содійствія злыхъ духовъ. Такое мийніе, поддерживаемое гонителями добра и полезнаго, невольно укрібпляло невіжество въ ложномъ мийнін; за всімъ тімъ многіе уже любили музыку и пініе, и если не сміли открыто заниматься ими, то и не упускали случая участвовать во время игръ й пінія. Петръ Великій успіль разсіять мракъ невіжества, успокоить совість старовіровъ и убідить, что музыка, доставля веселіе невинное, смягчаеть грубость нравовъ, возвышаеть чувство и ведеть непосредственно ко всему изящному» (Т. І. стр. 492—495).

Позволимъ себъ сдълать здъсь, кстати, однозамъчаніе. У нъкоторыхъ первобытныхъ восточныхъ народовъ было такое же
отвращеніе къ инструментальной музыкъ. Все, что выводило
человъка изъ внутренняго созерцанія и давало внѣшнее, отдъльное существованіе, дъйствительность, его внутреннимъ
чувствамъ, казалось преступнымъ и преслъдовалось законами.
Это потому, что въ младенческомъ возрастъ и у народа и у
отдъльнаго лица чувства чрезвычайно пеопредъленны, не
имъютъ яско очертаннаго содержанія. Они только на степени

стремленій, порываній къ чему-то неизвістному, и такими остаются долгое время. Ихъ обнаруженіе въ такомъ виді невозможно, потому что они не укладываются ни въ какую форму. Отсюда и нежеланіе выразиться во внішнемъ образів или дійствіи. Такова первая любовь: она ограничивается одними тайными воздыханіями. Юноши отличаются своей нелюбовью къ практическому міру, къ внішней діятельности. Поэтому, упадку предразсудковъ противъ музыки, театра, въ русскомъ человікі можно искренно радоваться какъ успіху въ нравственномъ развитіи, какъ выходу изъ міра неопреділенныхъ чувствъ въ мірі дійствительности и реальности.

Вотъ несколько любопытныхъ, нравоописательныхъ страницъ изъ книги г. Терещенки. Къ сожальнію, роль повъствователя, спокойнаго наблюдателя обычаевъ его не удовлетворяетъ. Его остроуміе ищетъ болье широкой арены. Вотъ образцы:

«Каждый народь импеть свой особый духь и такія качества, которыя только ему одному свойственны. Женскій поль отличается во всемь свють чувствительностію и нъжностію сердца, но при этомь онь обнаруживаеть свои наклонности. Нъмки хорошія хозяйки, голландки постоянныя, англичанки върныя, ишпанки пламенныя, португальки страстныя, швейцарки патріотки, францужанки любезныя, италіянки ревнивыя, а русскія нъжныя матери. Мущины же въ своихъ страстяхь такь измънились, что всю они больв или менье на одинь ладь непостоянные, но этоть недостатокь они вознаграждають твердостію воли, глубокомысліємь и проницательностію». (Ів. стр. 418).

Если приходите къ чиновнику, барину и т. п., и спращиваете у горничной или у лакея: дома ли баринъ? то всегда отвъчають: нъть ихъ дома, и никогда не скажуть: нъть его дома. — Случается слышать часто подобные отвъчають отъ самихъ чиновныхъ, напримъръ спрашиваете: у себя ли его превосходительство? Отвъчають: у себя, по они заняты. Такая въжливость, противная свойству языка, употребляется постоянно въ семейномъ кругу. Спросите у дътей, даже взрослыхъ: у себя ли маменька? — У себя, отвъчаютъ вамъ, но онъ не здоровы. — А папенька? — Онъ только что вышли. Подобныя выраженія можно допустить одной изжности дътей, особенно чувствительнымъ дъвушкамъ,

боящимся оскорбить самый слухь; но никакъ нельзя извинить въ этомъ знаю щихъ языкъ. Величіе Божіе ни мало не оскорбляется, когда говорять объ Немъ: Онъ могуществень, — Его воля святая, а не: Онъ могущественны, — Ихъ воля святая. Изъ усть прекраснаго пола проистекають болье всюхъ несправедливыя слова».

Мы замътили также въ этой главъ нъсколько ошибокъ. На стр. 419. въ выноскъ авторъ говоритъ, между прочимъ, что нашъ обычай изъ въжливости придавать къ каждому слову ссъ заимствованъ отъ лакеевъ. А они откуда его взяли-не сказано, следовательно вопросъ не разрешень. Мы думаемъ, что ссосокращенное сударь, что въ древности не означало господина надъ холопями, а судью: сударь, съ придыханіемъ государь, по этимологическому производству, значить судья. А что ссо есть сокращенное сударь-на это указывають сльдующія данныя. Въ правыхъ грамотахъ, напечатанныхъ въ собраніи юридическихъ актовъ, встръчается нъсколько разъ частичка су, повидимому съ значениемъ нашего ссо; кромъ того мы положительно знаемъ, что въ нъкоторыхъ мъстахъ Тульской губерній крестьяне говорять су витсто ссо: да-су, я-су, нътъ-су и т. д. Эта форма уже больше напоминаетъ корень, отъ котораго повидимому она ведетъ свое начало. — «Нарица ніе подлый человькъ, подлые люди дано крестьянамъ потому, что они жили подлѣ своихъ господъ, тоже самое, что дворовый человъкъ, дворовые люди, и какъ они отъ вольныхъ людей отличались большею несправедливостью, хитростями, неправдами и бъдностію, то мъстное прозваніе обращено было на всвух твух, кои поступали подобно имъ» (стр. 423 примъч.). Тутъ — что ни слово, то неправда! Производить подлый отъ подлъ, все равно, что боярина отъ бой ярый; подлыми людьми, далье, назывались не одни крестьяне, а всъ лица низшихъ классовъ, безъ различія, и притомъ — просимъ автора замътить это - сначала слово подлый не было ни бранью, или унизительнымъ прозвищемъ: оно означало только

низкую ступень, занимаемую человъкомъ въ обществъ, или его происхождение изъ низшихъ классовъ. Сколько мы можемъ припомнить, оно не было извъстно въ древнемъ русскомъ язы къ и появилось у насъ не ранъе Петра. Это заставляетъ думать, что оно не русское и взято изъ какого-нибудь другого славянскаго наръчія, можетъ-быть изъ польскаго. Корень его очевидно не подлъ, а подъ—частичка, съ которою въ переносномъ смыслъ соединяется понятіе о подвластности, подчиненности, зависимости.

Последняя глава первой части содержить известія о музыка. Авторъ, не знаемъ почему, ограничился изчисленіемъ однихъ музыкальныхъ инструментовъ, известныхъ въ древней Россіи и употребительныхъ теперь въ простомъ народъ. Какъ-будто вся музыка въ каталогъ этихъ инструментовъ и оркестровъ! О нашемъ церковномъ пъніи, о народныхъ напъвахъ—ни слова. А мы знаемъ, что теперь нъкоторые артисты серьёзно занимаются изученіемъ русскихъ пъсенныхъ мотивовъ; ихъ изследованія были бы въ этой главъ совершенно у мъста. Наконецъ авторъ могъ бы выбрать нъсколько русскихъ мотивовъ, особенно замъчательныхъ, или новыхъ, и отпечатать ихъ въ своей книгъ—и то ужь было бы пріобрътеніе; но онъ и этого не сдълалъ.

Разборомъ первой части «быта русскаго народа» мы познакомили читателей съ самой слабой стороной книги. Конечно, мъстами, и эта часть имъетъ свои достоинства; но они относятся къ частностямъ, отдъльнымъ фактамъ, а не къ цълому ея составу. По своему главному назначенію она должна бы заключать, въ отдълахъ общаго содержанія (о народности, образъ жизни), взглядъ автора на бытъ русскаго народа, преобладающія черты этого быта, и ихъ объясненіе историческое и философское; ничего подобнаго мы однако не находимъ. Одаренный способностью наблюдать простонародный бытъ и передавать подмеченное, авторъ впадаетъ въ общія места, когда діло идеть о характеристикі народа, его настоящаго и прошедшаго. Высшее воззрѣніе, міръ отвлеченнаго разумѣнія ему совершенно недоступны. Нельзя не пожальть, что r. Teрещенко самъ не понялъ, въ чемъ онъ силенъ и въ чемъ слабъ. Еслибъ онъ это понялъ, онъ конечно и не принялся бы за трудъ, не только превышающій его силы, но едва ли и вообще возможный и выполнимый въ настоящее время. Фактовъ собрано слишкомъ мало; собранные слишкомъ мало обработаны. — Следующие томы гораздо интереснее и богаче содержаніемъ. И въ нихъ часто проблескиваетъ желаніе автора поразить читателей остроуміемъ, свътскостью, любезностью къ прекрасному полу, и въ нихъ виденъ поверхностный критикъ-моралистъ; но здёсь по крайней мёрё предметъ опредъленъ и совершенно положителенъ, слъдовательно поводовъ къ общимъ возаръніямъ, сравнительно, гораздо меньше. Авторъ большею частью разсказываетъ одни факты, а они ему хорошо и подробно извъстны, -- и въ этомъ, по нашему мнънію, заключается ръшительное превосходство послъднихъ шести частей книги передъ первой: общее и въ нихъ поверхностно, безцвътно или ошибочно; за то оно ръже встръчается.

Содержаніе этихъ частей чрезвычайно разнообразно, такъ что почти невозможно подвести его подъ какія нибудь общія рубрики. Всть обряды, примъты, повтрья русскаго человта, относящіяся къ его обыденной, будничной и праздничной жизни, вошли въ составъ книги. Этимъ, хотя и отрицательно, опредъляется ея содержаніе. Частная жизнь человтка и премиущественно простолюдина — ея начало, важнтайнія минуты и конецъ, жизнь семейная, домашняя и общинная, во сколько она опредъляется не законами, а обычаями и нравами, описана г. Терещенкой весьма подробно; быта общественнаго и государственнаго въ ихъ разнообразныхъ выраженіяхъ онъ

едва коснулся. Мы уже сказали, что по заглавію книги это содержаніе не довольно полно, что, принимая бытъ даже въ томъ тъсномъ значеніи, которое придаетъ ему авторъ, все-таки многаго недостаетъ въ его сочиненіи. Теперь разсмотримъ то, что въ немъ есть, что собрано авторомъ.

Наши простонародные обряды, примъты и обычаи, въ томъ видъ, какъ мы ихъ теперь знаемъ, очевидно сложились изъ разнородныхъ элементовъ и въ продолжении многихъ въковъ. Все, что имъло на Россію болье или менье продолжительное вліяніе извит, вст эпохи ея внутренняго историческаго возрастанія проводили какую-нибудь черту въ обрядахъ и обычаяхъ, прибавляя кънимъ новое, измѣняя, уничтожая или переина. чивая старое. Вследствіе этой безпрестанной, хотя и медленной, перестройки наши обычаи и обряды представляютъ самый нестройный хаосъ, самое пестрое, повидимому безсвязное, сочетаніе разнородитишихъ началь. Развалины эпохъ, отдъленныхъ въками, памятники понятій и върованій самыхъ разнородныхъ и притивоположныхъ другъ другу въ нихъ какъ бы набросаны въ одну груду въ величайшемъ безпорядкъ. Подвести ихъ подъ систему, объяснить изъ одного общаго начала невозможно, потому что они составились не по одному общему плану, не суть порождение единой творческой мысли. Чтобъ внести сколько-нибудь свёта въ эту массу отрывочныхъ, отчасти искаженныхъ и обезсмысленныхъ фактовъ, остается одно средство: разобрать ихъ по эпохамъ, къ которымъ они относятся, по элементамъ, подъ вліяніемъ которыхъ они образовались, и потомъ съ помощью способовъ, на которые указываетъ историческая критика, возстановить, сколько возможно, внутреннюю связь этихъ эпохъ и последовательность преемственнаго вліянія этихъ элементовъ. По примітру геологіи, критика должна найдти ключь къ этимъ ископаемымъ изчезнувшаго историческаго міра.

Такая работа гораздо труднве, чемъ можетъ казаться съперваго взгляда. Не говоря объ условіяхъ, которыя она необходимо предполагаетъ въ изследователъ и которыя ръдко бываютъ соединены въ одномъ лицъ, она представляетъ на каж-домъ шагу почти непобъдимыя матеріяльныя трудности. Въ безчисленномъ множествъ фактовъ, изъ которыхъ слагаются, обычаи, повърья и торжественные обряды, очень немногіе сохранились во всей первоначальной свъжести, оригинальности, животрепещущими свидътелями изчезнувшаго порядка вещей; большая часть представляется въ искаженномъ видъ, съ поправками, передълками, относящимися къ разнымъ эпохамъ, и подъ вліяніемъ различныхъ понятій и элементовъ. При подвижности, если можно такъ выразиться, чувствительности и воспріничивости обычныхъ обрядовыхъ дъйствій и понятій малъйшее измънение часто переиначиваетъ первоначальный ихъ смыслъ такъ, что его и узнать нельзя, тъмъ болъе, когда обрязъ или повърье подвергались нъсколькимъ послъдовательнымъ передълкамъ, и каждый разъ въ иномъ смыслъ. Окаме: нълости, находимыя въ землъ, по крайней мъръ навъки удерживають свою форму, видь; обычаи не имьють этой неподвижности, и вотъ почему часто все усилія отделить въ нихъ одинъ элементъ отъ другого остаются безъ успъха и не приводять ни къ какимъ результатамъ. Наконецъ есть факты, очевидно весьма древніе, но до того сгладившіеся и потерявшіе всякую форму, что по нимъ ужь ничего нельзя прочесть.

Къ этой трудности, заключающейся въ самыхъ данныхъ, и ихъ печальной для изслъдователя судьбъ, присоединяется еще и другая, часто столько же непреодолимая. Многіе обряды-повърья, торжественныя дъйствія и слова имъютъ, по понятіямъ народа, извъстное значеніе, опредъленный смыслъ. Казалось бы, это должно облегчать изысканія; надъ смысломъ того, что объянсяети самъ народъ, не для чего ломать себъ

Digitized by Google

голову, вотъ повидимому прямое и самое естественное заключеніе. Но на дёлё выходить не такъ. Вмёсто того, чтобъ облегчить трудъ, такія объясненія часто запутывають еще болье, вводя въ ошибки, выдавая фантазіи народа за дёйствительные факты, — словомъ, сбивая критика съ толку на каждомъ шагу.

Какъ образуются сти историческіе миражи въ самомъ народъ, объяснить, кажется, петрудно. Всякой обрядъ, повърье, обычай непременно имеють исторически, въ основани своемь, дъйствительный фактъ, естественный или бытовой. Сначала они не повърье, не обрядъ, а простое понятіе или живое дъйствіе. Приходить время, изміняются ті естественныя и бытовыя условія, при которыхъ образовалось понятіе, установился образъ дъйствія; начинаютъ появляться новыя условія; тогда прежнее представление становится освященнымъ преданиемъ, повърьемъ, образъ дъйствія — обрядомъ. Они къ жизни не имѣютъ того непосредственнаго, живаго отношенія, какъ при прежнихъ обстоятельствахъ и условіяхъ; но уже есть къ нимъ привычка, уваженіе, потому что такъ думали и поступали предки. Что жь выходить? Мало по-малу первоначальный смыслъ обрядовъ и повърій, съ значительнымъ измѣненіемъ естественныхъ и житейскихъ условій, вовсе утрачивается. Народъ ихъ придерживается, чтитъ, но ужь не понимаетъ. А какъ потребность понимать есть, то онъ и придаетъ постепенно этимъ памятникамъ старены значеніе, сообразное съ его новымъ бытомъ, примъпяя къ настоящему и не стъсняясь старымъ, по мъръ того, какъ оно изглаживается изъ памяти. Такъ образуется различіе между первоначальнымъ смысломъ факта и его толкованіемъ, или объясненіемъ въ народъ. Мало того: подъ вліяніемъ этихъ толкованій самъ фактъ изміняется. Вившняя форма обряда, повърья не можетъ устоять протпвъ поваго содержанія, которое въ нихъ вкладывается и она по немъ

современемъ становится другая, болье ближая, болье достуциая для народа.

Путешественники и самые изследователи древностей не всегла обращали должное внимание на это различие обряда, повърья и значенія, которое народъ съ нимъ связываетъ. Виъсто того, чтобъ видъть въ последнемъ матеріяль, источникъ для изученія настоящаго быта — и источникъ чрезвычайно обильный -- они пользовались имъ какъ средствомъ объяснить прошедшее и тъмъ закрывали для себя всякую возможность донскаться до настоящаго, исторического смысла обычаевъ. Трудно изчислить, сколько ошибокъ, недоразумъній и превратныхъ понятій объ отдаленной древности проистекло отсюда! Въ этомъ отношеніи, книга г. Терещенки представляеть много поучительныхъ примъровъ. Онъ не только на въру принимаетъ теперешнее народное толкованіе обычаевъ за ихъ дъйствительный смыслъ, но даже, если мы не ошибаемся, перъдко выдаетъ свое толкование за народное. То по крайней мъръ върно, что въ большей части случаевъ, объяснивъ смыслъ обычая, онъ не говоритъ, его ли это личная догадка, или интніе простолюдиновъ. Это важная неточность, значительно уменьшающая историческое и ученое достоинство сборника г. Терещенки. Вотъ пъсколько примъровъ. Авторъ говоритъ, что poisson d'Avril названа во Франціи апръльская шутка, чтобъ означить, «что людей такъ легко обманывать, какъ нъмыхъ рыбъ» (ч. VI, стр. 202). Это толкованіе принадлежить автору, но такъ высказано, что можетъ быть принято за народное. Въ другомъ мъстъ: «У простолюдиновъ есть поговорка: тонко прясть, долго ждать; это значить, что работа, производимая съ отчетливостію, требуеть терпінія; что не иного выработать, но хорошо — хотя долго ждать, вознаграждаетъ трудъ, что тонкая пряжа, хотя ее дожидаться долго, несравненно прибыльние» (Ч. У, стр. 156, въ выноски).

Это тоже объяснение автора, и очевидно неправильное, натянутое; а приведено оно такъ, что не знаешь, кому оно принадлежить: автору или народу. Еще примъръ: авторъ говоритъ, что въ честь Іоанна, списателя лъствицы (марта 30), пекутъ у насъ пшеничныя маленькія лѣстницы, и потомъ прибавляетъ: «Лъсенки пекутъ еще въ депь Вознесенія Іпсуса Христа. Значеніе этого обычая есть милостыня, которая есть явствица духовная для восхода души на небо» (Ч. VI, стр. 20). Хотя бы авторъ прибавиль: в роятно, можетъ-быть, а то и подумать нельзя, что это, совершенно невтроятное, объясненіе не есть народное, а собственнаго изобрътенія автора. Еще примъръ: «поднявши ихъ (новобрачныхъ) съ постели, одъваютъ и ведутъ къ гостямъ, которые отъ радости быотъ горшки, стаканы, и все что попадется имъ на глаза» (Ч. II. стр. 286). Вивсто выраженія радости это очень извъстный символическій обрядъ на свадьбахъ благополучныхъ. Онъ могъ стереться и дъйствительно въ нъкоторыхъ мъстахъ превратиться въ шумное выражение радости. Такъ какъ авторъ ръдко вникаетъ въ эти мелочи, онъ и не передалъ намъ во всей точности оттънковъ обычая. Такимъ образомъ, его исторія, несмотря на слова автора, остается для насъ сомнительной и темной. «Мыло (которое укладываютъ послі: благословенія въ ящикъ, вийстй съ гостинцами) означаетъ благодарность за материнскую заботливост объ ея дочерн» (Ч. II, стр. 449, I выноска). Опять тоже недоразумьніе! Толкованіе совершенно невъроятно. Но если оно принадлежитъ народу — тутъ должно чтонибудь да скрываться. Читатель поставленъ въ затрудненіе и не знаетъ, оставить ли это толкованіе безъ вниманія, какъ выдумку автора, или донскиваться до его источника. Въ заключеніе, вотъ еще два самыхъ рѣзкихъ примѣра. «Въ иныхъ мъстахъ — говоритъ авторъ — молодой, прежде чемъ явится въ домъ невъсты, пріучасть своего коня не бояться огня, а

потому пересканиваеть съ нимъ черезъ костеръ пылающій» (Ч. II, стр. 469, въ выноскъ). Объ этомъ же обычав, въ той же части: «Молодые перебзжають чрезъ огонь въ томъ мибніи, что огонь очищаеть ихъ отъ всякой нечистой силы и предохраняетъ отъ порчи» (Ч. II, стр. 532, въ выноскъ). Вотъ два разныя толкованія одного и того же обряда. Которое изъ нихъ справедливо, предоставляется решить читателю. Мы того мижнія, что оба — догадки автора, или — это ужь навърное — теперешнія мъстныя объясненія обычая, первоначальный смысль котораго забыть и потерянь народомъ. Тоже самое съ обрядомъ обсыпанія молодыхъ хмелемъ. Все писатели, одинъ за другимъ повторяли, что это выражение желания, чтобъ иолодые были зажиточны и въ довольствъ. Это говоритъ и г. Терещенко. «Родители встръчаютъ молодыхъ на крыльцъ, съ хлъбомъ солью и свъчею; а одна женщина стоитъ въ съняхъ за дверью, съ блюдомъ овса и хмълемъ, и когда они идутъ въ избу, тогда она осыпаетъ ихъ, желая имъ богатства» (Ч. II, стр. 286). Но такое толкованіе опровергается или по крайней мъръ значительно ослабляется описаніемъ того же обряда въ Столенской губерніи. Здісь «по возвращеніи молодыхъ изъподъ вънца ихъ встръчаетъ свекровь въ шубъ, вывернутой шерстью вверхъ, и съ чашею, въ которую насыпанъ овесъ, перемъщанный съ хмълемъ: этимъ она осыпаетъ новобрачныхъ. Дружко гоняется въ это время за свекровью съ плетью въ рукахъ, приговаривая: зачемъ ты мне засорила молодыхъ?» (Ч. П., стр. 457). Судя по этому разсказу, обсыпанье овсомъ и хмѣлемъ не было ни хорошимъ предзнаменованіемъ, ни желаніемъ богатства. Любопытно бы узнать, кому же принадлежытъ толкованіе этого обычая въ хорошую сторону? Неужели писатели его выдумали? Немудрено! Это случается часто, въ ущербъ науки и истины. Еслибъ они, толкуя обычаи, больше придерживались фактовъ, историческихъ свидетельствъй и

замъщали ихъ дъйствительнаго смысла фантазіями и легковърной догадкой по первому взгляду, они увидъли бы въ древности многое, чего пе примътили или что положительно отрицали.

Эти замъчанія могутъ показаться болье придирками, мелочными нападками, чамъ действительными, серьёзными возраженіями. Въ примъненіи къ какому-пибудь современному предмету, гдв тысячи данныхъ освъщають точку эрвнія п вопросъ со всъхъ сторонъ, гдъ повърка на лицо — это было бы такъ. Совсемъ другое, когда идетъ дело о нравахъ, установленіяхъ, понятіяхъ, отъ которыхъ сохранились двѣ, три черты, да п тъ большею частью искаженныя, долженствующія пройдти сначала чрезъ самый строгій, критическій анализъ, чтобъ предстать въ настоящемъ свёть. Тутъ каждое слово должно быть вавъшено, каждый оттънокъ опредъленъ на основание самыхъ подробныхъ, микроскопическихъ наблюденій. Придайте немногимъ, дошедшимъ до насъ фактамъ отдаленной древности произвольный смысль, — что такъ легко сделать: стоитъ только на одну минуту ослабить вниманіе, — и въ результать получится совствь не та эпоха, люди, понятія, какими они дъйствительно были. Смыслъ мелкой, скучной, дрязгливой работы, веденной такъ или пначе, вполнъ обозначается лишь въ своихъ последнихъ, окончательныхъ выводахъ, въ исторической картинъ, для которой она приготовляетъ тъни и краски.

Обратимся теперь назадъ. Мы сказали, что нашихъ обычаевъ, обрядовъ, повърій нельзя уложить въ догматическую систему, — что ихъ нужно сперва разобрать на группы какъ старинныя вещи въ музеѣ, и потомъ ужь пользоваться ими, для историческихъ изысканій. Какъ это сдѣлать? какая нпть будетъ руководить въ этомъ безвыходиомъ лабиринтъ? какъ найтись въ этомъ сборномъ мъстъ всѣхъ въковъ, періодовъ, понятій русской земли, гдъ они смѣшаны безъ разбора? Рѣшпть

этотъ вопросъ мы не беремся: онъ превышаетъ паши силы. Передадимъ читателямъ нъсколько отдъльныхъ замъчаній — результатъ наблюденій надъ обычаями и еще болье падъ ошибками изслъдователей. Быть-можетъ, современемъ, они послужатъ къ чему-нибудь при созданіи науки русской археологіи, въ чемъ уже чувствуется настоятельная потребность.

Одинъ изъ самыхъ ръзкихъ, очевидныхъ парадоксовъ, положенныхъ въ основание русской археологи, заключается въ объяспеніи пашихъ обычаевъ чужими обычаями, нашихъ нравовъ — чужими нравами. Странпо! Не только русская археологія, даже русская исторія долго разработывались по этой ложной мысли. Въ недавнее время въ исторіи противъ этого направленія явилось противодъйствіе, и оно приносить свои плоды, хотя само вдалось въ крайность; но въ археологіи оно преобладаеть до сихь поръ. Замътить ли изследователь какоенибудь сходство между нашимъ обычаемъ и еврейскимъ, онъ смъло и не обинуясь говоритъ, что обычай этотъ заимствованъ отъ Евреевъ; съ греческимъ или римскимъ — отъ Грековъ и Римлянъ; съ персидскимъ, индійскимъ — отъ Персовъ, Индусовъ. Нътъ исторической невозможности, очевидной нелъпости, чрезъ которую храбро не перепрыгивали археологи, только чтобъ вывести нашъ древній обычай за тридевять земель изъ тридесятаго государства, все равно какого: была бы тънь сходства, слабъйшая аналогія. Мы понимаемъ, почему г. Погодинъ объясняетъ все, что у насъ ни было въ ІХ, Х. отчасти въ XI въкъ, изъ скандинавскаго элемента; тутъ есть по крайней мъръ историческій поводъ, въроятная или хоть правдоподобная основа гипотезы, въ которую авторъ влюбился до крайности; его ошиока — въ страстномъ развитіи своей нысли до ен крайшихъ последствій. Можно съ нимъ не соглашаться, но можно понять путь, которымъ онъ пришель къ ложнымъ выводамъ. Большая часть изследователей нашей старины, напротивъ, поступали такъ совершенно безкорыстно и съ ръдкой наивностью, безъ всякихъ заднихъ мыслей. Имъ было все равно, изъ какого народа выводить обычаи — только бы выводить.

Откуда взялась эта манера — любопытный вопросъ, который, кажется, можно рёшить такимъ образомъ. Началомъ критической разработки русской исторіи были изследованія объ образованіи государства, о происхожденіи Варяговъ-Руси. Варяги пришли изъ-за моря, изъ Скандинавіи; слёды скандинавскихъ элементовъ сохранились въ нащей первоначальной, лътописной исторіи; вдобавокъ первые критическіе изслідова тели русской исторіи были иностранцы; будучи ближе знакомы съ германскимъ элементомъ, чёмъ съ славянскимъ (надобно вспомнить, въ какомъ состояніи находились тогда славянская филологія и исторія!), они весьма естественно обратили боль. шее вниманіе на первый, чёмъ на последній, и тамъ, где оба были только сходны, почти тожественны, увидели заимствованіе. Въ эту ошибку впасть было тёмъ легче, что въ отдаленной древности оба элемента дъйствительно имъли много общаго и представляють не одну черту разительнаго сходства между собою. Вотъ какимъ образомъ въ частномъ вопросъ, въ отношеніи къ одной только эпох'в русской исторіи, впервые получиль у насъ право гражданства ученый пріемъ — объяснять туземный быть и исторію посторонними, чуждыми элементами. Но за тъмъ весь ходъ нашей внутренней исторіи и быта въ XVIII въкъ долженъ былъ способствовать къ распространенію на всю исторію, возведенію въ главное, общее начало исторической крнтики этого взгляда, конечно справедливаго въ частностяхъ и въ приложеніи къ отдъльнымъ исто. рическимъ явленіямъ. Въ это время иноземные обычаи, литература, понятія, учрежденія вводились одни за другими, быстро проникали въ жизнь и высоко ценились нами въ срав-

неніи съ туземными, своими, которые вытыснялись и сглаживались. Подъ этими впечатлъніями невольно, безсознательно должна была воспитаться мысль, что мы и прежде жили чужимъ, а не своимъ; ибо человъкъ не въ силахъ совстиъ оторваться отъ своего времени; изъ него смотрить онъ на прошедшее и окружающее и непремънно переноситъ частицу самого себя во взгляды, понятія, повидимому чисто объективныя, исключительно и строго основанныя на осязательныхъ, непреложныхъ данныхъ. Въ эпоху заимствованій было естественно объяснять прошлое такими же заимствованіями. Чувство національности этому не противилось; оно не было слышно изъ-за высшихъ требованій государственной жизни и просвъщенія. Потомъ этотъ ложный взглядъ на старину обратился въ привычную рутипу, пробитую колею, о которой никому не хотълось серьёзно подумать. По ней продолжають идти у насв и до сихъ поръ въ археологіи.

Не стоить труда доказывать, какъ ложна, сама по себъ, такая рутина. Это и безъ того совершенно ясно и очевидно. Народъ, имъющій свой языкъ, свою физіономію не могъ все заимствовать у другихъ; что-нибудь было же у него свое, природное. Возьмемъ, для примъра, отдъльное лицо и начнемъ въ него вглядываться. Что мы найдемъ въ немъ? Въ одно и тоже время родовые признаки, общіе встить лицамть, и въ нихъ особенныя, только этому лицу свойственныя черты. Вотъ чемъ опредъляется сходство и различіе лицъ между собою; и то и другое существуетъ рядомъ, въ смешени и постоянномъ взаимномъ воздъйствін. Еслибъ мы теперь вздумали опредълить, въ чемъ же именно заключаются особенности даннаго лица, отличающія его отъ вськъ другихъ, какъ бы мы поступили? Положимъ, мы стали бы анализировать его съ величайшей подробностью. Что жь бы вышло изъ этого? Заранте можно сказать, мы бы пришли къ нулю; ибо, разсматривая свойства,

принадлежности этого лица въ отдельности, мы непременно найдемъ точно такія же свойства и принадлежности въ другихъ лицахъ; чъмъ подробите такой апализъ, тъмъ безплодите результаты, темъ менее остается за лицомъ исключительно ему принадлежащаго. Вивсто него мы получинь сумму признаковь, свойствъ, принадлежащихъ болъе или менъе всему человъческому роду, общее, отвлеченное, а не данное лицо. А между темъ последнее запечатлено особенностью, индивидуальностью; следовательно, результать изысканій противоречить факту, и надо искать другого пути, чтобъ достпгнуть истины. Этотъ путь-разсмотръніе всъхъ признаковъ дапнаго лица въ ихъ совокупности, въ единствъ, въ органической цълости, въ какой они являются въ этомъ лицъ. Изученіе взапинаго отношенія его свойствъ и принадлежностей, какъ они сводятся въ немъ къ одному цёлому, приводитъ насъ къ цёли, недостижимой путемъ аналитическаго и сравнительнаго ихъ изследованія въ отдъльности.

Тоже самое и съ изученіемъ народа. Онъ представляєть такое же органическое существо, какъ и отдъльный человъкъ. Начните изслъдовать отдъльно его правы, обычан, понятія, и остановитесь на этомъ: вы его не узнаете. Всъ его обычан, повърья, подъ орудіемъ подробнаго, отвлеченнаго анализа, превратятся непремънно въ общія принадлежности всъхъ, многихъ или нъсколькихъ народовъ. Выводить изъ этого, что они заимствованные—не тоже ли, что утверждать, будто одно лицо заимствовало отъ другого таланты, умъ, глаза, выраженіе физіономіи, потому только, что они сходны? Всъ эти свойства, улетученныя ошибочной методой въ общія принадлежности человъческаго рода или присвоенныя другимъ племенамъ, суть неотъемлемая принадлежность этого народа; онъ ими живетъ и выражаетъ свою жизнь. Умъйте взглянуть на нихъ въ ихъ взаимной связи, въ ихъ отношеніи къ цълому народному

организму, и вы подметите особенности, отличающія одинъ на родъ отъ всёхъ прочихъ. Только такимъ образомъ откроет, ся безконечное различіе между фактомъ отрывочнымъ и заключеннымъ въ организмъ, во внутрепней связи съ другими.

Вотъ почему мы думаемъ, что и къ нашимъ обычаямъ, правамъ, повърьямъ, особенно самымъ древнимъ, которыхъ сохрапилось очень немного, надо приступать съ предположеніемъ, что они туземные, а не заимствованные; ихъ сходство съ чужими не должно сбивать насъ съ толку. Есть факты, дълающіе, при большомъ сходствъ, заимствованіе возможнымъ или в троятнымъ; есть прямыя, непреложныя свидътельства заимствованія — тогда другое діло; но гді ихъ ніть, одна близорукая критика, теряющаяся въ общихъ категоріяхъ, лишенная всякихъ положительныхъ основаній, можетъ озираться кругомъ, не найдетъ ли гдъ нибудь близкое, похожее, напоминаю щее, чтобъ выводить оттуда обычаи другой земли. Словомъ, ны думаемъ, что какъ въ правильномъ гражданскомъ судопроизводствъ истецъ доказываетъ свои права на вещь, а не владълецъ ея, такъ и въ археологіи втроятность, возможность или дъйствительность заимствованія чужихъ обычаевъ должиа быть доказана; итть доказательствь-обычай остается за народомъ, его паціональной собственностью, фактомъ его, а не чужой жизни. Это стольке же относится къ нашимъ корошимъ качестванъ, сколько къ человъческимъ жертвамъ и другимъ подобнымъ явленіямъ древняго славянскаго быта, на которыя иные паследователи такъ великодушно уступали право собственпости германскому племени.

Г. Терещенко, по слъдамъ большей части русскихъ археодоговъ, выводитъ наши обычаи, обряды, повърья изъ чужихъ вемель.

[«]Въ первыхъ въкахъ монархического правленія римлянъ, было... въ обыкновенін нохищеніе дъвецъ. По разрушеніи Римской Имперія это обыкнове-

пів продолжалось долго между германскими народами (слідовательно, у римлянь оно не прекращалось? Какь же понять связь?), и потомь перешло къ
славянскимь племенамь: радимичамь, вятичамь и свверянамь (Ч. ІІ, стр. 41).
- Семицкія півсни, въ копіль воспіваются лина и береза, напомнають остатки языческихь обрядовь Украшеніе же вюнками есть также остатоко обычаевь древняго міра (т. е. греко-римскаго, какъ видно изъ нослідующихь словь) (Т. VI, стр. 149). - Колядованье вошло въ обычай прежде на югів Россіи, а потомы распространилось по всей Россіи. Если
бы коляда праздновалась во время літописца Нестора, то ніть сомнітнія (ну,
конечно!), что онъ упомянуль бы объ ней въ своей літописи... Ближе всего можно думать, что Коляда произошла оть Польскаго Коленда, значущая поздравленіе» (Ч. VII, стр. 12, 13 и 15). - Въ какое время появились святки въ Россів? Откуда они перешли къ намь». (Ч. VII, стр. 130).

Итакъ первая мысль, первый вопросъ, при взглядъ на обычай, праздникъ: отъкого они взяты! Отчего жь прежде всего не приходитъ въ голову, что онъ нашъ? Непостижимо! «Съ присоединеніемъ Малороссій къ Россій, въ половинъ XVII въка Малороссіяне начали мало по-малу заимствовать нъкоторые святочные обряды отъ Русскихъ» (Ibid. стр. 132). Върно до этого времени тоже нигдъ не упоминается въ источникахъ о малороссійскихъ святкахъ какъ у Нестора о колядъ Бъдная русская археологія! «По мъръ ознакомленія Россій съ Европою, перешли къ намъ многіе иностранные обряды и повърья, но есть обычай и увеселенія, перешедшіе также отъ грековъ и римлянъ» (Ibid. стр. 133). Кто жь упомянулъ объ этомъ г. Терещенко? А вотъ и пълая теорія, какъ въ руки переходили обычай и повърья.

Чародви, волиебники, колдуны, гадальщики, въдьмы, въщуны, волхвы, астрологи, чаровники, обаятели и морочители знали чернокнижее. Но все это, есть ли произведение воображения русскаго народа, или перенесено къ намъ наъ другихъ странъ? отвъчать не трудно. Индія, кольбель чудовищныхъ вымысловъ, облекала ихъ въ тапиственныя предзнаженования, которыя производии чудеса между грубычъ народомъ; пылкіе и хитрые жрецы направляля мысли къ слъному върованю, управляли людьми и царствами! — Явилислонниковъ всего таниствениаго, и потомъ образовались общества

чернокнижниковъ, или маговъ, къ коимъ благоговъли самые властители народовъ. Все вопрошало маговъ, и ихъ толкованія принимали за гласъ боговъ. Египтяне, малоазійскіе греки, вавилоняне, древніе мидяне, ведя торговыя сношенія съ Индіею, перенесли въ свое отечество сокровенныя знанія. которыя нашли между ними не только върователей, но еще ревностных расиространителей. Отсюда быстро разлились повърья и чудеса по Персін, европейской Греціи и римскимъ владъніямъ. Въ Персіи утверждались восточныя върованія магами, а въ Греціи и Римъ жрецами. Европа ознакомилась съ вымыслами древняго міра еще до паденія Греціи и Рима; но она пересоздала ихъ по своему времени, оставивъ потомству разгадывать темные и глубокомысленные миеы Индін, конхъ основная идея была: твореніе міра и жизнь. Образованная Греція заставила своихъ мудрецовъ и философовъ доискиваться начала міросозданія. Многіе изъ нихъ, бывъ проликнуты чистымъ свътомъ наукъ, понимали таинственную природу, какъ создание невидимаго духа, вездъ и повсюду парящаго и творящаго; но тъ, разумънію коихъ тайны натуры были недоступны, остались при однихъ догадкахъ и предположеніяхъ. Отсюда проистекло върованіе въ то, чего народъ не понималь и міръ увидъль создание новыхъ понятий о самомъ себъ, его жизни, назначении, и наконецъ гаданія и предсказанія слились съ хаосомъ заблужденій и суевърій. Такъ Европа приняла въ свои нъдра весь запасъ тысячелътнихъ догадокъ и мивовъ. Наши предки, Славяне, скитаясь по Европъ, въ въка необразованные и суевърные, позаимствовали многое отъ германскихъ народовъ; потомъ, когда получили оседлую жизнь, привили ихъ понятія къ своимъ обычаямъ. — Верованія и знанія, которыя существовали въ Греціи и Римъ, подъ названіемъ. авгуровъ, птицегадателей, агромантіи, - гаданіе по состоянію воздуха, астрологовъ, по теченію планеть и созв'яздій, антрологомантіи, по внутреннимъ частямъ твла, гороскепы, по жертвамъ животныхъ, гифромантіч, по движенію и цвъту воды, гонтіч, признаваніе духовъ и вызываніе твней умершихъ изъ гробовъ (и т. д. следуетъ изчисление разныхъ мантій) — всь эти гаданія и суевьрія, перешли къ намъ и перемьшались съ предразсудками. Простой народъ, и даже посвященные въ тапиства чернокнижныя, не имъя свъдъній о греческихъ и римскихъ жертвенныхъ обрядахъ, двиствовали по своимъ правиламъ, примъняли ихъ къ своимъ гаданіямъ и обманамъ, и съ особеннымъ раченіемъ изучали чернокнижіе, которое было верхомъ человъческихъ познаній и чудесъ. Русскій народъ, веселый и страстный къ забавамъ, присоединилъ къ своимъ празднествамъ предразсулки и гаданія, и мало-по-малу они вошли въ кругъ святочныхъ вечеровъ, гдъ образовался отдельный міръ толковъ, предзнаменованій и верованій» (Т. VII. стр. 288 — 291).

Игра въ бабки казалось бы ужь безспорно наша. Нътъ! 3. iv. 5

«Игра въ бабки собственно есть греческая и называлась астраилось. Отъ грековъ она распространилась по Европъ, а русские тако ее усвоили, что она понынъ составляетъ первое удовольствие мальчиковъ... Должно замътить, что въ бабки любили играть татары Золотой Орды» (Ч. IV. стр. 61). Откуда же взяли ее Татары? — Русалки тоже перешли къ намъ отъ Грековъ и Римлянъ (Ч. IV, стр. 121). «У Іудеевъ, украшение домовъ и городовъ цвътами и деревьями, утвердилось въ воспоминание заповъдей, полученныхъ Монсеемъ отъ Бога, на горъ Синаъ. У нихъ, въ мат мъсяцъ, въ которомъ праздновались ихъ зеленыя святки, укращали подсвъчники, потолки, окна, здания и храмы зеленью, цвътами, цвъточными вънками и многочисленными деревьями. Сей обычай, безо сомильнія, перешелъ отъ нихъ къ прочимъ народамъ.

Въ другомъ мѣстъ глубокомысленно изслъдуется вопросъ, откуда взялось унасъ поминовеніе по усопшимъ: отъ Грековъ или Германцевъ? (Ч. III. стр. 119). Авторъ склоняется въ пользу послъдняго мнънія и этимъ ръшаетъ дѣло. Можно бы привести еще нѣсколько такихъ же заключеній г. Терещенки. Но и эти ясно показываютъ, что авторъ держался старой рутины, не вникая въ дѣло, не имѣя оправданій, которыя могутъ привести въ свою защиту первые изслъдователи русской исторіи и нѣкоторые изъ новыхъ. У нихъ была своя опредъленная точка зрѣнія; у г. Терещенки ея нѣтъ! Не понимаемъ, какъ онъ можетъ съ особенной любовью говорить о русской народности; ибо гдѣ жь она если все, даже поминаніе усопшихъ, такой свойственный всѣмъ людямъ и народамъ обрядъ — и то иноземное нововведеніе?

Другое, чего не должно терять изъ виду при изученіи народныхъ повърій, обычаевъ и торжественныхъ обрядовъ—это постепенность, внутренняя послъдовательность, съ которою происходять различныя измѣненія въ народной жизни, на ка-

кой ступени мы ее ни возьмемъ. Какъ живой организмъ усвоиваетъ, уподобляетъ себъ пищу и питье самыя разнородныя, превращаеть ихъ въ свою плоть и кровь, — какъ правственная природа человъка освоиваетъ внъшнее-отчего одинъ и тотъ же предметъ производитъ разныя впечатлънія на лице въ разное время и возрасты: такъ и цълый народъ. Подобно всякому живому существу, онъ на все смотритъ съ точки эрънія обусловленной его характеромъ, исторіей, особенностями, историческимъ возрастомъ въ данную минуту. Всего, что вив этого опредъленнаго круга его понятій, вит окружающей его нравственной атмосферы, онъ не видить и не понимаетъ. Внесеть ли исторія новый элементь, условіе въ народную жизнь, --- случай ли бросить въ нее данное, выросшее на другой исторической почвъ, плодъ другаго порядка вещей и понятій — они или передълываются, или остаются тъже, но народъ соединяеть съ ними другое понятіе, присущее ему; слъдовательно, вившній образъ или смысль ихъ, — все равно — становятся другими, и, принимая чужое, вводя въ себя посторонніе элементы, народъ остается собой и себъ въренъ. Такъ сначала, и это иногда долго продолжается; потомъ начинается обратное дъйствіе воспринятыхъ элементовъ и данныхъ на народный организмъ. Увеличивъ собою число фактовъ, изъ которыхъ слагается и около которыхъ вращается народная жизнь, умноживъ свъдънія народа, они въ свою очередь изміняютъ народный организмъ; но это измънение, обновление, перерожденіе его является естественнымъ, какъ-будто совершающимся изъ собственныхъ, внутреннихъ силъ народа; ибо дъйствительно, все то, что его обогатило, увеличило его содержаніе, сначало было имъ усвоено, введено въ кругъ его понятій.

Насильственные, внезапные историческіе перевороты какъбудто опровергаютъ то, что мы сказали. Но это только кажется. Они измѣняютъ одни внѣшнія условія человѣческаго общества, и потому не въ силахъ вдругъ измѣнить народнаго организма. Оттого и плоды ихъ — добрые и злые — обозначаются, по времени, гораздо поздиве, когда новые факты успіють совершить въ народной жизни свой обычный кругь какъ пища въ человъческомъ тълъ. Народы могутъ погибать вслёдствіе враждебныхъ вліяній и внутреннихъ изміненій, безспорно; но сущность дъла отъ этого нисколько не измъняется. И человъкъ можетъ умереть отъ яду, что не опровергаетъ основной формулы его органическаго существованія. Бываетъ, что цълые народы стираются съ лица земли до единаго человъка; но это не возражение противъ общихъ, непреложныхъ законовъ исторического развитія. Мы старались опредълить формулу, по которой совершаются внутреннія измъненія народнаго быта — живого и живущаго, а не мертнаго или умирающаго, въ которомъ нормаленъ только законъ смерти, а не законъ жизни.

Единственный случай, когда въчная постепенность измъненій народнаго быта и понятій нарушается — это при смъшеніи двухъ или нъсколькихъ разныхъ народовъ, въ одинъ. Чъмъ быстръе, насильственнъе оно происходитъ, тъмъ нарушеніе ръзче; когда одно племя мало-по-малу поглощается другимъ, оно обнаружявается общимъ отклоненіемъ отъ начальнаго типа, новыми чертами; но послъдовательность не прерывается. Впрочемъ въ томъ и въ другомъ случат изъчуждыхъ народностей слагаются новые организмы, живущіе по тъмъ же законамъ, и къ которымъ слъдовательно приложимо все, что мы доселъ сказали.

Эти мысли не новы; мы ихъ и не выдаемъ за новость. Но, слишкомъ понятныя и очевидныя въ ихъ общей формъ, какъ положеніе, правило, онъ очень ръдко, почти никогда не примъняются къ дълу. Въ исторіи народныхъ обычаевъ безпрестанно встръчаются примъры органическаго слитія старыхъ

туземныхъ понятій съ новыми, привзошедшими поздніве въ народную жизнь. Особенно часты эги примъры въ сферъ религіозныхъ върованій. Здъсь новые предметы обожанія, какъ бы они ни были различны отъ прежнихъ, немедленно заступають ихъ мъсто; имъ воздаются теже почести, отношенія къ нимъ остаются тъже, что и къ прежнимъ; въ понятіи народа последніе нисколько не изменились и продолжають жить въ новыхъ. Итакъ, первый результатъ — полное поглощеніе новаго элемента старымъ, совершенное преобразование его по образцамъ, представленіямъ, существующимъ и готовымъ въ народныхъ понятіяхъ. Въ святомъ Виттъ съверные Славане обоготворили Святовида. Съ именемъ св. Власія смішали у насъ Волоса, Велеса «скотьяго бога». Лишь поздите начинается переработка прежняго подъ вліяніемъ новаго. Этимъ объясняется, почему установлялись иногда новые, прежде несуществовавшіе обряды, празднества, совершенно по старому, и слагались вполнъ изъ старыхъ элементовъ; почему новые предметы поклоненія, тамъ, откуда принесены, и у народа, ихъ вновь принявшаго, безконечно различны между собою. Вийсто того, чтобъ уловить въ кажущемся новомъ старое и искать пристально следовъ начала действительнаго перерожденія прежнихъ элементовъ, подъ вліяніемъ и вследствіе вліянія новыхъ, археологи, не пускаясь въ даль, разнимають обыкновенно оба элемента, изследують каждый отдельно, самъ по себъ, въ его ръзкой особенности, обусловленной ихъ разной исторической судьбой до соединенія, и на основаніи такого анализа дълаютъ выводы, важно заключая о существованіи у народа такихъ-то элементовъ и началъ въ данное время. Среднія звінья, которыми въ жизни соединяется розное, сливается противоположное, изчезають при такомъ разъятін; вибсто картины прошедшаго, вірнаго воспроязведенія самой жизни, какъ она была, мы получаемъ отвлеченности,

которыя точно входили въ нее какъ составныя части, но сочетавались и относились въ ней другъ къ другу иначе, нежели въ головахъ и книгахъ изследователей. Еслибъ, изучая какое-нибудь органическое тыло, естествоиспытатель удовольствовался разложениемъ его на составные элементы и упустиль изъ виду свойство и различные фазисы химическаго процесса, соединившаго ихъ въ одно целое, — ведь мы ом сказали, что онъ еще не знаетъ этого тъла. Но въ исторіи, въ изследовании древностей на этой первой операціи обыкновенно останавливаются, въ увъренности, что все сдълано, изысканія кончены, истина открыта и явленіе понято. Важная ошибка! Мы думаемъ, что проникли въ самую жизнь, а на дълъ хватаемъ одни призраки. Одно и тоже понятіе, представленіе, привитое народу, имфетъ у него въ разныя времена разное значеніе. Чтобъ это понять, надо забыть на время, что оно значило на той почвъ, гдъ развилось, откуда пересажено, и изучить его въ условіяхъ, по понятіямъ народа, который его приняль. Хронологія, разделеніе на періоды, предстанутъ тогда въ новомъ видъ. По внъшнимъ отвлеченнымъ признакамъ, по голымъ названіямъ, мы теперь неръдко относимъ извъстныя преобразованія народной жизни къ отдаленному времени, тогда какъ въ народныхъ понятіяхъ — въ чемъ вся и важность - оно совершалось гораздо, иногда ивсколькими въками позднъе. Мы иногда удивляемся появленію новыхъ установленій у народа, въ старомъ духѣ, и не знаемъ, что о нихъ думать: правда ли то, что они новыя? не существовали ли они гораздо прежде? Начинаются изследованія, расточается страшная ученость, часто совершенно безполезно, и вмъсто того, чтобъ выяснить вопросъ, его окончательно запутывають. А діло бываеть просто. Часто новое понятіе окружается старыми установленіями, потому что въ народномъ сознанім оно отражается по старому; хронологическія изслідованія не могуть въ такомъ случаї привести ни къ чему, потому что не во времени діло. Другіе доискиваются въ такихъ установленіяхъ слідовъ стариннаго, исконнаго явленія народной жизни, искаженнаго новымъ элементомъ, и стараются проникнуть въ его смыслъ, его первоначальное назначеніе. Опять труды понапрасну! По источникамъ, понятіямъ, по мысли они старыя установленія и, въ этомъ смыслі, матеріялъ для изученія древности. Но ихъ начало, по времени, новое. Это выраженіе народныхъ понятій и вітрованій, которыя перераждаются не скоро; но все-таки они — не древній историческій фактъ и въ этомъ смысліт не памятникъ отдаленной старины.

Наконецъ, одна изъ главныхъ путеводныхъ нитей въ изученіи народныхъ обрядовъ, повърій, обычаевъ есть ихъ непосредственный, прямой, буквальный смысль. Это положение мы высказываемъ здёсь не въ томъ общемъ смыслё, что всякое историческое изслъдование должно быть основано на положительныхъ данныхъ: оно само по себъ очевидно и не требуетъ доказательствъ. Напоминая общензвъстную истину, мы имъли въ виду ея особенное, чрезвычайно обширное приложеніе въ изсладованіи древивищаго народнаго быта. Тамъ, гдв предъ историкомъ одна нестройная груда разновременныхъ и разнохарактерныхъ, большею частью отрывочныхъ, фактовъ, и ивтъ никакихъ извъстій, какъ и и когда они появились, из**мъннлись** и смънились другими, — буквальное истолкованіе весьма часто замъняетъ до нъкоторой степени хронологію п историческія доказательства и ведеть къ открытію не только порядка, последовательности, въ которой сменялись одне формы быта другими, но даже причинъ, вследствіе которыхъ онъ смънялись именно въ этой, а не въ другой постепенности. Цълый отжившій и давно изчезнувшій міръ, съ его понятіями и историческимъ значениемъ иногда вдругъ оживаетъ въ яркихъ краскахъ отъ одного устраненія переноснаго значенія двухъ, трехъ старинныхъ обычаевъ, которое вкладывали въ нихъ изследователи, и отъ возвращенія имъ ихъ буквальнаго, непосредственнаго, прямого смысла. По древнъйшему римскому праву, кредиторъ имълъ право изрубить на куски неоплатнаго должника. Долго понимали это положение въ переносномъ значеніи; думали, что это усиленное, фигуральное выраженіе полныхъ правъ, которыя получалъ кредиторъ надъ неоплатиымъ должникомъ; въ послъдствіи ученые должны были признать, что сначала дъйствительно вредиторы разрубали должниковъ на части. Еще примъръ изъ римскаго права: по 🗸 формамъ древняго гражданскаго судопроизводства, тажущіесяо какой-нибудь вещи, явясь на судъ, вступали передъ судьей въ борьбу между собою: одинъ отнималъ вещь у другого. Это быль символь; дъйствительной борьбы не происходило, она дълалась для виду. Но въ этомъ символъ сохранилось живое преданіе, что было время, когда тяжущіеся дъйствительно боролись и силой ръшали, кому владъть спорной вещью, — словомъ, когда символъ былъ фактомъ. Приходять ли по нашимъ свадебнымъ обрядамъ сваты съ посохомъ и ведутъ ръчь съ родителями невъсты, какъ-будто чужіе, никогда не слыхавшіе о нихъ — хоть и живутъ дворъ объ дворъ — върьте, что эти теперь символическія дійствія были когда-то, въ отдаленной древности, событіями, живыми фактами ежедневной жизни. Плачетъ ли невъста по волъ, выражаетъ ли свадебная пъснь ея неохоту, страхъ ъхать въ чужую, незнакомую сторону — эти символы были тоже въ старину живой действительностью и въ этомъ значеніи являются однимъ изъ самыхъ богатыхъ историческихъ источниковъ. Думаетъ ли народъ, что на распутіяхъ водится лихой человъкъ — върно когда-нибудь это было въ самомъ деле такъ. Какая драгоценная черта для древнъйшей общественности! Словомъ, ищите.

въ основаніи обрядовъ, повърій, обычаевъ — былей, когда-то живыхъ фактовъ, ежедневныхъ, нормальныхъ, естественныхъ условій быта, и вы откроете цълый историческій міръ, котораго тщетно будемъ искать въ лѣтописяхъ, даже въ самыхъ преданіяхъ; ибо народъ иногда и не помнитъ, какъ онъ жилъ въ отдаленной старинѣ, и не понимаетъ слѣдовъ этой жизни въ настоящемъ.

Конечно эта точка зрънія на обычаи, повърья и обряды не можетъ и не должна одна исключительно руководить археолога. Едва ли нужно доказывать, что ею не только не разрѣшить всъхъ трудностей дъла, можно даже изуродовать факты, отдалвться отъ ихъ истиннаго смысла, прилагая ее безъ разбора и не у мъста. Вообще гдъ можно и гдъ нельзя, какъ можно и какъ нельзя-ртшаетъ здравый смыслъ; замтимъ только, что въ изследовани семейнаго, домашняго, общественнаго и юридическаго быта эта точка зрвнія всего чаще находить прямое приложеніе; въ изследованіи религіозныхъ верованій-редко прямое; они должны быть подвергнуты особенной критикъ, основанной на законахъ развитія и измѣненія религіозныхъ върованій у младенческаго народа (объ этихъ законахъ мы скажемъ подробно въ своемъ мъстъ). Но, объясненныя этой предварительной критикой, они совершенно подходять подъ изложенный взглядъ. Мало этого: чтобъ сдёлать ихъ совершенно понятными, необходимо взглянуть на нихъ съ этой точки зрънія и услъдить простой, естественный факть нравственнаго или физическаго міра, лежащій въ ихъ основаніи.

Въ пользу буквальнаго объяснения обычаевъ, повърій, торжественныхъ словъ говорять не только простота, очевидная разумность такого способа понимать и толковать историческіе памятники, но и естественный ходъ образованія и развитія обычаевъ. Здъсь кстати будетъ сказать объ этомъ нъсколько словъ.

Откуда взялись обычан, изъ какихъ элементовъ они сложи. лись? Чтобъ уяснить себв этотъ вопросъ, возьмемъ примъръ, къ которому мы не однажды прибъгали, говоря о народъ: возьмемъ человъка. Исторія и наблюденія показываютъ, что всъ понятія, върованія, вся правственная и умственная сторона чедовъка развиваются непремънно подъ вліяніемъ опыта, внъшнихъ впечатавній. Ихъ содвиствіе играеть такую существен ную, необходимую роль въ образовании его нравственной, духовной стороны, что она, при отсутствии этихъ внашнихъ впечатльній и опытовь, остается совершенно неразвитою и какъ бы не существуеть въ немъ вовсе. Самымъ яркимъ доказательствомъ этой истины служатъ люди, съ младенчества, случайно, прожившіе внъ человъческаго общества: имъ извъстны только грубыя физическія потребности, въ ихъ непосредственной, первоначальной формъ, и ничего болъе; они даже не умьють говорить; слово, этоть органь человьческихь мыслей и чувствъ, замъняютъ безсвязные дикіе звуки. Таковъ человъкъ, поставленный вит условій, дълающихъ его человъкомъ!

Отъ этого положенія, основаннаго на опыть, сдѣдаемъ теперь посылку назадъ. Мы знаемъ изъ исторіи, что теперешнія
наши понятія, убѣжденія,—словомъ, та нравственная, духовная атмосфера, въ которой живетъ современный человѣкъ,
образовалась и сложилась постепенно и есть результатъ прошедшаго. Чѣмъ жилъ человѣкъ, какимъ вліяніемъ опредѣлялась жизнь цѣлыхъ народовъ, когда этой нравственной атмосферы еще не было, а была только одна темная, неразвитая я
несознаваемая способность создать ее? Очевидно они жили,
ихъ жизнь могла опредѣлиться только внѣшней, ихъ окружавшей природой. Общественныя отношенія— если они на этой
степени развитія могутъ быть названы общественными—были
совершенно не опредѣлены, не устроены, и потому, во сколько они зависятъ отъ воли человѣка, совершенно случайны,

или исключительно опредълялись непосредственными требованіями внъшней природы.

Итакъ, прежде понятій, прежде обычаевъ—первой формы правильныхъ общественныхъ и житейскихъ отношеній, нераздільно и исключительно преобладаль нопосредственный, грубый факта, во всей случайности или внішней необходимости: за нимъ ничего не было. Сліто покорялся ему первобытный человікъ. Онъ не научился еще обладать природой, приспособляя ея непреложные законы и отправленія къ своимъ нуждамъ и требованіямъ; онъ еще не пытался подчинить случайность отношеній съ подобными себі постояннымъ, опреділеннымъ, общимъ правиламъ. Онъ еще не иміль мысли, сознанія. Таковъ младенецъ.

Первымъ актомъ сознанія, первымъ шагомъ къ возобладанію надъ случайностью и непосредственнымъ дъйствіемъ внѣшнихъ законовъ, было явленіе, повидимому совершенно противоположное тому и другому, а именно обобщеніе и случайности и слѣпой внѣшней необходимости, признаніе ихъ дъйствій за вѣчный, непреложный законъ. Казалось бы, этимъ ихъ господство было увѣковѣчено. Но, вглядываясь пристальнѣе, мы увидимъ въ этомъ обобщеніи, въ этомъ признаніи дѣйствительнаго факта первое выраженіе потребности существовать подъ владычествомъ разумнаго закона, первую попытку высвободиться изъ-подъ власти слѣпого случая.

Здѣсь зародышъ убѣжденій и обычаевъ. Ихъ содержаніе не отвлеченная мысль, не психологическая или философская истина, а непосредственныя отправленія и дѣйствія внѣшней природы или грубыя, случайныя явленія еще хаотической, первоначальной общественности. Съ этой стороны древнѣйшія вѣрованія и обычаи, какъ они ни важны исторически, представляють мало поучительнаго. Но это содержаніе въ нихъ впервые является подъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ мысли, сознанія

человъка; въ нихъ оно подвергается первоначальной, грубой обработкъ, и вотъ съ какой стороны они имъютъ чрезвычайно важное психологическое и антропологическое значение.

Однажды признавъ случайныя и внъшнимъ образомъ необходимыя явленія, факты за непреложный, въчный законъ, преобразивъ ихъ въ понятія, человъкъ хранитъ ихъ, слъпо повинуется имъ весьма долго. Обстоятельства и условія его существованія изміняются, містность не та, подъ вліяніемъ которой сложились эти върованія, общественный бытъ другой, а понятія остаются все тіже; ибо фактъ, послужившій имъ матеріяльной основой, преобразился въ нихъ въ неразлучное достояніе человъка, переносимое имъ съ міста на місто, неизмінное, несмотря на новую обстановку. Віка проходять, а они все тіже, пока наконецъ новыя впечатлінія мало-помалу не вытіснять прежнихъ и не создадутъ новыхъ обычаевъ и убіжденій.

На эту, чисто фактическую, простую, такъ сказать, вившнюю основу обычаевъ и убъжденій изслъдователи не всегда обращали должное вниманіе. Правда, они ее знають и видять; иногда она такъ очевидна и несомићина, что надобно нарочно закрыть глаза. чтобъ ея не замътить. Но мы думаемъ, что, вообще говоря, она еще не играетъ той важной и ръшительной роли въ объяснении первобытныхъ обычаевъ и убъжденій, какъ бы слъдовало. Привыкнувъ во всякомъ, малъйшемъ явленіи теперешней общественности видіть плодъ сознательной мысли, анализа, результатъ обдуманной переработки, надъ которой трудились многія покольнія, мы певольно смотримъ такими же глазами на бытъ отдаленной древности, ищемъ въ немъ символовъ великихъ истинъ какой-то первобытной мудрости, которая, если не была выше, то навърное не ниже теперешней; всюду мерещатся намъ аллегоріи, иносказанія, гіероглифы, разладица между содержаніемъ и формой, какія теперь видимъ. Что мудренаго, если усильныя вопрошенія древности съ этой задней мыслью и привели повидимому къ открытію философскихъ системъ, поражающихъ глубиной и зртлостью своихъ положеній? Что ищешь, то и найдешь, особливо перетолковывая скудные, отрывочные и большей частью искаженные факты. Результатъ такихъ изслідованій — призраки, мысли, принадлежащія изыскателю, а не старина, какой она была въ самомъ дълъ. Фактическая основа этой такъ называемой мудрости, забытая, затертая на второй планъ, утрачиваетъ подъ перомъ изслідователей свои живыя, яркія краски, и простое разумітніе ділается невозможнымъ.

Причина такого неестественнаго способа изследовать древности первобытныхъ народовъ- кромъ весьма понятнаго перенесенія теперешнихъ понятій на прошедшее — заключается, какъ намъ кажется, еще въ томъ, что законы исторической критики сложились преимущественно подъ вліяніемъ изученія древняго, классическаго міра, а послів ихъ стали безразлично прилагать ко встиъ народамъ, не обращая вниманія на существенныя различія въ быту и исторической судьбъ послъднихъ. Но одни изъ нихъ успъли вполнъ раскрыться, достигнуть высокой степени цивилизаціи, и, высказавшись всёми своими сторонами, пройдя вст фазисы развитія, сошли со сцены. Таковы ніжоторые изъ древнійшихь народовь Азіи: Китайцы, Индійцы, Персы, Арабы; таковы Египтяне въ Африкъ; таковъ греко-римскій міръ. Ихъ развитіе представляеть оконченное, въ себъ замкнутое цълое. За періодомъ непосредственнаго состоянія, младенчества, у нихъ была своя эпоха сознательности, --- конечно болье или менье исключительно національной, и потому тъсной, ограниченной, слишкомъ проникнутой историческими элементами, чтобъ сравниться съ теперешней, охватывающей всъ племена и народности; но все же преданія и первобытныя върованія этихъ народовъ, утратившія живой,

Digitized by Google

естественный смысль, стали служить формой, матеріяломъ, для выраженія философскихъ, болье или менье отвлеченныхъ понятій и представленій. Образовались миом, система миоовъ, подъ сказочной и причудливой оболочкой народныхъ преданій и върованій, скрывавшіе философское воззръніе. Объяснить эти мины можно только угадавь или понявъ мысль, подъ наитіемъ которой они сложились; фактъ, чисто-историческая или природная основа не дають къ нимъ ключа. Но ведь далеко не всв народы успели такъ пройдти всв исторические возрасты. Многіе изчезли на полу-пути, вслідствіе внішнихъ причинъ; еще большая часть живуть и развиваются до сихъ поръ. Придагать къ первобытнымъ представленіямъ и верованіямъ этихъ народовъ способъ изследованія миновъ, этихъ памятниковъ древней мудрости, иносказательныхъ или символическихъ выраженій мысли и истинъ, добытыхъ сознаніемъ, значитъ совершенно не понимать естественнаго хода исторіи, не понимать законовъ психологического развитія народовъ и отдёльныхъ лицъ. Для объясненія первоначальнаго быта-не по времени, къ которому онъ относится во всемірной исторіи, а по степени развитія, которую выражаеть — непосредственный, живой фактъ есть самый върный источникъ, самый надежный руководитель.

Г. Терещенко конечно не видитъ въ нашей старинъ миоовъ: этого упрека нельзя ему сдълать! Но, избъгнувъ ошибки ученыхъ, онъ сдълалъ другую, совершенно не ученую. Ръдкій обычай, примъты остались у него въ книгъ безъ самаго наивнаго и нравственнаго толкованія. И какъ легко онъ приступаетъ къ дълу! Спокойно, не ломая головы надъ задачей, онъ послъ всякаго обряда и повърья озирается, и первое толкованіе, которое придетъ ему на умъ, онъ тотчасъ же заноситъ въ книгу. Системы, плана, общей мысли въ этихъ объясненіяхъ, разумъется, нътъ. Авторъ справляется не съ исторіей, не съ

данными, а только съ личными ощущеніями. И просто, и назидательно! Вотъ нъсколько примъровъ.

Читатели знають, что понедъльникъ считается несчастнымъ днемъ. Почему? Авторъ не обинуясь говоритъ: «по принятіи христіянской вітры, наши предки вітроятно обязаны были являться по воскресеньямъ въ церковь; не исполнившіе же этого, подвергались наказанію и понедёльникъ былъ днемъ расплаты» (Т. VI, стр. 55). Какъ легко и просто! «Сохранилось еще повърье, что въ дни русальные не должно бросать скорлупу отъ вытденныхъ янцъ, а надобно раскрошить на мелкія части, потому что если скорлупа попадеть въ воду, то русалки построять изъ нея корабликъ и будутъ плавать на эло людямъ. Если же кто выбросить надворь скорлупу, потомъ накопится въ ней вода и напьется сорока, то на того нападетъ лихоманка». Вотъ кажется, есть надъ чёмъ задуматься и стать втупикъ. Но авторъ не останавливается надъ непонятной вещью. У него все объясняется очень скоро. «Смыслъ этого повърья — говоритъ онъ — конечно (разумъется!) состоитъ въ одной острасткъ, чтобы выбрасываемыя скорлупы не пріучали собакъ таскать яица и не поваживали бы домашнюю птицу разбивать свои янца и выпивать ихъ» (!). Тамъ же на 130 и 131 страницахъ авторъ сообщаетъ заговоры противъ русалокъ на какомъ. то непонятномъ языкъ. Извъстно, что у насъ такихъ заговоровъ и заклинаній много; г. Сахаровъ сообщиль ихъ несколько. Опять есть надъ чемъ подумать и серьёзно потрудиться; но авторъ и тутъ отдълывается нъсколькими словами. Въ выноскъ онъ говоритъ: «Заговоръ списанъ со словъ кіевскихъ ворожей. У нихъ, кромъ сихъ заклинаній, находятся и другія, но столько же безсмысленныя (?), непонятныя и безтолковыя (?!), какъ самыя ворожен (sic). Онъ часто сами составляють, по произволу, всякаго рода заговоры... Вст заговоры звучать татарскими словами». И только. Поучительнный способъ из-

сявдовать древности! «Семикъ, при всвуъ мъстныхъ разнообразіяхъ, у насъ во всеобщемъ употребленія. Онъ только въ Сибири называется тюльпою, втроятно (?) оттого, что на празднество собирались толпами» (!) (Т. VI, стр. 148).— «Бить въ это время (на свадьбѣ) посуду, или во время крестинъ и пирушекъ — хорошая примъта. Это повърье выдумано, какъ должно думать, (авторъ могъ бы, съ большимъ правомъ, сказать, что онъ такъ думаетъ), для того, чтобы раз битыя вещи не нарушали спокойствін и удовольствія хозяевъ, а съ тъмъ вмъстъ не лишали бы веселости гостей» (Т. II, стр. 138, въ выноскъ). «Масло, которое несла мать (послъ несчастливой свадьбы), означаеть, что она болье занималась коровами, нежели нравственностью дочери». (!!) (Т. II, стр. 228). «Невъста (у донскихъ казаковъ) не отправляется въ церковь съ своими пріятельницами, но за нею прівзжаеть самъ женихъ верхомъ. Лошадь его обвъшивается колокольчиками, чтобы невъста могла слышать его прівадъ» (!) (Т. ІІ, стр. 616). Четвертая часть, въ которой собраны игры и хороводы, преисполнена такихъ толкованій; на каждой страниць они встричаются, и по нискольку. Напримирь игра теребить носъ имътъ, по митнію г. Терещенки, высшее, философское (кто бы могъ подумать?) значение. «Эта игра — говоритъ онъ -- повидимому ничего не объясияетъ собою; но, вникнувъ въ нее, видимъ носы, которые слышатся безпрерывно: то за нъжные вздохи и любовныя дълишки, то за дурачество и житейскіе промахи — однимъ словомъ, повсюду носы, — кто не получалъ ихъ? — Обращаюсь къ вамъ, не сердитесь за носъ. Безъ носа нельзя быть. — Безъ носа только дурные люди, — фи! — Носъ! носъ! дайте носъ: безъ носа никто не можеть жить» (Т. IV, стр. 10 и 11). Игра сърый волкъ указаніе на то, что «много на свъть людей, подобныхь волкамъ» (ib. стр. 16). — Бумажный змъй — аллегорическое

выраженіе истины, что «скрытные друзья опасніе змій» (ів. стр. 23)..— Огарушекъ изображаетъ засидівшихъ дівниъ, которыя, посмінваясь надъ тихими и счастливыми въ любви, клевещутъ на нихъ изъ злости. Женское злословіе проистекаетъ наиболіе изъ устъ старыхъ дівъ» (Ів. стр. 47). — Игра въ чушки «повидимому намекаетъ на то, что кто въ світі проворенъ, тотъ и успіваетъ» (Ів. стр. 57). — Игра дригунъ «обнаруживаетъ (?) сладкіе поцілуи любовниковъ. Парень всегда выбираетъ ту дівушку, которую онъ любитъ; а дівушка нарочно упряме(и)тся скакать, пока онъ ее не разцівлуетъ. Дівушки страстно любятъ поцілуи (ну, это смотря по дівушкі, г. Терещенко!), думая, что въ нихъ истинная любовь; но любовь и дурачество въ тісной дружбі» (Ів. стр. 88).

Мы бы никогда не кончили, еслибъ хотъли выписать всъ подобныя объясненія, щедро разсыпанныя авторомъ въ четвертой части. Довольно и приведенныхъ. Бъдная русская археологія! Чего она не должна вытерпъть, пока наконецъ наступитъ и для нея чередъ строгаго, серьёзнаго, добросовъстнаго изученія. А время уходитъ, факты изчезаютъ и ихъ не воскресить!

9

Разборъ книги г. Терещенки естественно привелъ насъ къ нъсколькимъ общимъ замъчаніямъ о происхожденіи, развитіи и объясненіи обычаевъ, повърій, торжественныхъ обрядовъ н словъ. Но мы бы исполнили только половину своей задачи, еслибъ этимъ ограничились. Русско-славянскій бытъ — главный предметъ этой статьи — имъетъ свою исторію, свои составные элементы, слъдовательно свои особенности, необъ-

яснимыя изъ однихъ общихъ началъ и законовъ. Чтобъ его понять, надо вглядъться въ эти особенности, опредълить ихъ. Только тогда исторія русскихъ обычаевъ, народныхъ върованій и обрядовъ предстанетъ предъ нами какъ живое, органическое цълое, при общихъ чертахъ имъющее свою особенную физіономію.

Постараемся теперь разрѣшить эту вторую, самую важную и самую трудную половину задачи.

Довольно одного бытлаго, поверхностнаго взгляда на русскій простонародный быть, чтобъ открыть въ немъ присутствіе двухъ рызко противоположныхъ элементовъ, видимо преобладающихъ надъ всыми прочими. Мыстные, отрывочные слыды монгольскаго вліянія, примысь финискихъ элементовъ тамъ, гдт русскіе сосыдили съ финискими племенами, слились съ ними или ихъ обрусили, — слабое, большею частію внышнее, и только около большихъ центровъ имперіи и въ образованныхъ слояхъ общества замытное воздыйствіе европейскихъ понятій и нравовъ — все это ничто въ сравненіи съ двумя пачалами, опредылившими почти исключительно жизнь простого русскаго народа. Мы разумыемъ: восточное православное христіянство, перенесенное къ намъ изъ Греціи, и первобытное, древнее язычество.

По времени христіянство вошло въ нашу жизнь позднее язычества. Считая у насъ сперва немногихъ послъдователей, непризнаваемое, неръдко гонимое, и потому сначала тайное, христіянство въ Х въкъ стало наконецъ господствующей религіей въ Россіи. Великій князь Владиміръ крестился съ народомъ и торжественно уничтожилъ язычество. Съ этого времени незыблемо водворилась у насъ христіянская церковь, устроилась и съ каждымъ днемъ пріобрътала большія и большія силы. Онъ были ей нужны. Церкви предстоялъ важный подвигъ въ Россіи и большія трудности.

Язычество, несуществовавшее явно съ самого крещенія Руси, но могло изчезнуть вдругъ. Если въ Кіевъ, гдъ уже издавна было много христіянь, народь плакаль, когда пизвергпули древнихъ боговъ и ругались надъ пими, что жь было въ другихъ, отдаленныхъ, полудикихъ странахъ тогдашией Россін? Мы и видимъ, что въ лиць кудесниковъ, волхвовъ, прорицателей, язычество безпрестанно возставало; въ XII въкъ нъкоторые христіянскіе пропов'єдники приняли у насъ даже мученическій вънецъ. Церковь, подлерживаемая князьями, неутомимо боролась съ язычествомъ, разрушала его. Эта борьба язычества съ христіянствомъ, мало изслъдованная, большею частію происходившая незамьтно, но въ высокой степени любопытная, продолжалось долго. Еще въ XVI въкъ слъды ея видны въ Стоглавъ. Правда, капища и боги изчезли гораздо прежде, но быть и тогда дышаль язычествомь. Только къ XVII вѣку оно было окончательно обезсилено, до основанія разрушено церковью, и съ того времени следы его удержались только въ обычаяхъ, повърьяхъ, примътахъ и обрядахъ, какъ смутное воспоминаніе старины, какъ привычка, утратившая всякое живое значение. Въ основании борьбы христіянства съ язычествомъ въ древней Руси лежала не одна противоположность ихъ, какъ религій. Оба предполагали и обусловливали не только разныя религіозныя убъжденія, но совершенно разный общественный и гражданскій бытъ. Поэтому ихъ столкновеніе не иогло ограничиться одной чисто религіозной сферой. Язычество и христіянство встръчались враждебно на каждомъ шагу въ ежедневномъ быту, въ общественной и частной жизни. Съ этой стороны, церковь является въ древней Руси однимъ изъ саиыхъ сильныхъ дъятелей гражданственности и цивилизаціи. Ей стоило большихъ усилій насадить у насъ стыяна лучшаго общественнаго и частнаго быта; она сдълала это и приготовила насъ къ послъдующей исторической жизни.

Славянское язычество — нетолько какъ религія, но какъ извъстный общественный и частный быть, выражало естественное, природное состояніе Славянина, и притомъ въ первоначальной, грубой, полу-дикой формъ. Всъ явленія, перемъны и свойства внъшней природы, имъющія непосредственное отношеніе къ человъку и вліяніе на его быть и судьбу, вст условія, отъ которыхъ завистли его частная жизнь и отношенія къ другимъ лицамъ, — все это рано сделалось для него предметомъ поклоненія и обожанія. Такихъ предметовъ было много; ибо первобытный человъкъ не понимаетъ законовъ природы, не знаетъ основныхъ пружинъ и двигателей общественной и частной жизни. Онъ по необходимости слѣпо и безусловно покоряется тому, что около него делается и на него вліяеть, потому что не умъеть приспособить законовь природы къ своимъ нуждамъ, заставить ихъ служить своимъ пользамъ, вызывая и производя извъстнымъ образомъ тъ или другія явленія природы. Міръ общественныхъ и частныхъ отношеній для него также невідомь; онь для него существуєть вь томъ непосредственномъ, необработанномъ видъ, какимъ вышель изъ рукъ природы. Итакъ, естественно, что чемъ слабъе, беззаботнъй, невъжественнъй и разобщеннъй съ подобными себъ быль человъкъ, тъмъ грубъе было его поклоненіе, тъмъ больше предметовъ обожанія.

Уже въ этомъ между прочимъ заключалось огромное различіе нашего первобытнаго язычества и христіянства. Послъднее принесло съ собою нравственныя идеи, въру въ истину, лежащую внъ видимаго, дъйствительнаго міра, передъ которой ничто всъ блага и сокровища земли. Его призваніе, цъль — внутреннее очищеніе, освященіе человъка, любовь къ Богу и ближнимъ, слъдовательно смягченіе отношеній между людьми. Язычество не знало ничего подобнаго. Нравственная сторона человъка была ему неизвъстна. Рожденное невъжествомъ и

страхомъ, оно и выражало одинъ страхъ и невъжество; нравственныя обязанности замънялись въ немъ обрядовыми дъйствіями. Христіянство перераждаетъ, воспитываетъ человъка; язычество не перераждало, не преобразовывало. Имъ высказывалось грубое признаніе того, что существовало на фактъ. Оттого-то оно было мъстное, національное и не имъло всеобщпости, отличительной черты всемірнаго христіянскаго ученія.

Какъ ни грубо первоначальное славянское язычество, какъ ни скудны о немъ историческія извѣстія, видно однако, что оно имѣло свою исторію. Оно нѣсколько разъ измѣнялось, и, если вглядѣться ближе, очень послѣдовательно и постепенно.

Разсмотримъ эти измъненія въ върованіяхъ и бытъ.

Славянская миоологія до сихъ поръ мало разработана и темна. Причина этой неизвъстности лежить, кажется, не столько въ предметъ, сколько въ пріемахъ ученыхъ, ихъ способъ изслъдованія. Въ славянской миоологіи, какъ и во всемъ славянскомъ, искали покуда чего нътъ, проходили безъ вниманія, что есть, задавали себъ вопросы невозможные, оставляли въ сторонъ естественные и близкіе. Ходъ и развитіе понятій не занимали: занимали названія, число и назначеніе боговъ, ихъ взаимныя отношенія, ихъ историческое происхожденіе по племе намъ; славянскихъ боговъ тоже производили нивъсть откуда; въ нихъ тоже, во что бы то ни стало, влагали высокія философскія и психологическія истины или нравственныя качества, словомъ, какъ нарочно, затемняли дъло.

Въ первой статъв мы видъли, что въ основани всъхъ первобытныхъ върованій, обычаевъ, торжественныхъ, обрядовыхъ дъйствій и словъ непремънно лежитъ естественный или бытовой фактъ, — что въ младенчествъ и человъкъ и народъ возводитъ на степень непреложныхъ истинъ не аксіомы духовнаго, правственнаго міра, а явленія и дъйствія внѣшнія, непосредственныя, подлежащія чувствамъ. Такъ и Славяне языч-

ники. Ихъ древнее богослуженіе, нхъ религіозныя върованія указывають на обожаніе природы, ея силь, явленій и тъхъ взаимныхъ отношеній между людьми, которыхъ древній Славянинъ не умѣлъ устроить и опредѣлить правильнымъ, разумнымъ образомъ, и потому предоставлялъ на произволъ случая. Къ этимъ двумъ категоріямъ сводится весь славянскій Олимпъ, такой же грубый, непосредственный, и неправильный какъ среда, въ которой онъ образовался.

Нъкоторые изследователи думають, что славянское язычество началось монотоизмомъ. Трудно рішить, правы они или нътъ. Поводы такъ думать — ихъ нельзя отрицать — очень неръшительны. Главный-существование у Славянъ верховнаго божества, чтимаго преимущественно передъ другими. Но если монотензмъ и былъ исходной точкой славянского язычества, то онъ очень рано долженъ былъ перейдти въ иногобожіе. Во первыхъ, последнее весьма древне; во вторыхъ, къ этому необходимо вела сущность язычества. Оно было обожаніемъ природы и случайности, слъдовательно и языческій монотензиъ могъ быть только первичной, самой неопредъленной, неразвитой формой поклоненія внішней, матеріяльной силі прпроды или случая, а это предполагаетъ крайнюю бѣдность понятій и совершенное отсутствие сколько-нибудь устроенной общественной и частной жизни. Стало-быть языческій монотеизмъ могъ существовать только пока человъкъ не умълъ даже различать явленій и предметовъ. Лишь только онъ ознакомился съ благодътельнымъ и вреднымъ дъйствіемъ того, что его окружало, младенческій языческій монотензив должень быль уступить місто многобожію. Посліднее не только естественно и необходимо смънило монотеизмъ, но было, даже во многихъ отношеніяхъ успъхомъ, высшей степенью развитія, ибо выражало, сравнительно, лучшій, болье опредьленный взглядь на вещи.

На эту внутреннюю связь и преемство заыческихъ втрованій изследователи не обратили вниманія. Судя обо всемъ по своему времени, они увидъли въ языческомъ монотеизмъ Славянъ слады ихъ первобытной глубокой мудрости, стертой последующимъ невежествомъ и варварствомъ. Но когда и гле она была-они не позаботились доказать. Они ухватились за единобожіе и, не разбирая, какое оно было, создали по готовому о немъ понятію целую небывалую историческую эпоху. Вотъ что значить строить системы, основываясь на однихъ названінхъ, а не сущности, содержаніи вещей! Стоитъ внимательно вникнуть въ дело, чтобъ убедиться, что между нашимъ единобожіемъ и языческимъ монотеизмомъ древнъйшихъ, полудикихъ племенъ безконечное разстояніе, и нътъ возможности судить о послёднемъ по первому: отклонение Евреевъ и Христіянъ къ языческому политензму-преступленіе и упадокъ; переходъ Славянъ отъ природнаго безсмысленнаго монотеизма къ многобожію былъ, напротивъ, успѣхомъ, шагомъ впередъ въ развитіи понятій.

Итакъ, во времена язычества Славяне боготворили природу и бытовын случайности. Скажемъ нѣсколько словъ о томъ н другомъ поклоненіи.

Натуральный, природный политеизмъ состоялъ первоначально въ непосредственномъ обожаніи предметовъ и явленій природы. Но онъ не могъ навсегда остановиться на этой ступени. Современемъ онъ долженъ былъ мало по-малу привести къ болѣе отвлеченному вѣрованію. Конечно, грубое, непосредственное обожаніе предметовъ осязательныхъ, видимыхъ, очаически и постоянно существующихъ, по опредъленности ихъ удерживалось весьма долго въ первоначальномъ видѣ. Но обожаніе перемѣнъ, силъ, быстро-проходящихъ явленій природы не могло быть такъ прочно. Ихъ дѣйствія, вліяніе были ощутительны, а движущее, дѣйствующее не имѣло ни нагляд-

ности, ни пребываемости, ни опредъленнаго существованія. О немъ можно было судить по явленіямъ, но оно само было невидимо, не подлежало чувствамъ. Какое же оно было? Этотъ вопросъ не могъ не представиться первобытному человъку. Да и въ самихъ видимыхъ предметахъ человъкъ долженъ былъ, современемъ, различить то, что онъ видълъ, отъ того, что побуждало видимое къ дъйствію, руководило имъ, внушало то или другое, - словомъ, различить внутреннее отъ внішняго. Какое же было это внутреннее-другой вопросъ, столько же трудный для отвъта, какъ и первый. Сначала эти отвлеченныя върованія не имъли никакого положительнаго содержанія; съ невидимыми и неведомыми деятелями не связывалось никакихъ представленій, никакихъ опредъленныхъ понятій; только существованіе ихъ, безличное и безобразное, предчувствовалось смутно. Нужна была нъкоторая степень образованности и большія усилія, чтобъ облечь эти предчувствія въ какую-нибудь форму, вложить въ нихъ какое-нибудь содержаніе. Мы не знаемъ, какъ долго совершался этотъ переходъ и какъ онъ совершился у разныхъ племенъ. Въ короткое время онъ не могъ сдълаться; это очевидно, ибо предполагаеть развитие сознанія, и есть самъ по себъ умственный и психологическій актъ, невозможный безъ воображенія, анализа и отвлеченного мышленія.

Къ эпохъ неопредъленнаго предчувствія невъдомыхъ силъ, смънившаго грубое обожаніе видимыхъ предметовъ, относится замъчаніе, сдъланное о древнъйшемъ язычествъ г. Терещенко. «Върованіе въ существованіе высшаго бытія—говоритъ онъ—господствовало въ незапамятныя времена язычества; но изображеніе его не дерзали ни выръзывать, ни рисовать, страшась навлечь гнъвъ невидимаго бога, коему молились съ трепетомъ» (Ч. VI, стр. 119). Отбросивъ фигуральное въ этихъ словахъ, мы получимъ върный взглядъ на тъ времена,

когда человъкъ не находилъ образа для своихъ религіозныхъ представленій. Буквально митніе г. Терещенки примънимо только къ тому періоду, когда въ народныхъ понятіяхъ божества уже начали облекаться въ опредъленныя формы; но въковтиный обычай противился и останавливалъ первыя попытки выразить представленія во витшемъ образъ.

Какое же содержаніе и какую форму даль современемь первобытный язычникі невидимымь силамь, которымь поклонался? Весьма естественно, онъ представиль ихъ себъ людьми, перенесъ въ нихъ самого себя. Правда, эти люди были не такими какъ онъ; все было въ нихъ сверхъестественно: и сила, и власть, и размітры, и вст принадлежности. Даже ихъ внішній видъ не находиль подобнаго между человітескими существами; замітимь, что сверхъ того человіткъ еще не зналь искусства, не умітль слітдовательно воспроизвести свою мысль въ художественномъ, изящномъ образть. Но для насъ важно не выполненіе, не формы, а то, что именно хотітль выразить этотъ первобытный язычникъ, а онъ очевидно хотітль представить человітка.

Вотъ начало и происхождение антропоморфизма въ языческихъ религіяхъ. Идолы, истуканы—олицетворение древнъйшихъ предметовъ обожанія: сперва эти предметы были видимыя явленія природы, потомъ невидимыя, неопредъленныя силы; наконецъ силы преобразились въ живыя, человъко-подобныя существа. Вотъ почему каждое славянское божество непремънно имъетъ атрибуты, напоминающіе древнъйшую натуральную религію. Сквозь человъческій образъ боговъ проступаютъ первобытные естественные предметы обожанія. Стоитъ только совлечь съ нихъ обманчивую внъшнюю форму, приданную человъкомъ, чтобъ понять ихъ происхожденіе.

Съ превращеніемъ явленій и силъ природы въ живыя, человѣческія существа язычество вступаетъ въ новую эпоху раз-

Digitized by Google

витія. Ея натуральная основа мало-по-малу начинаетъ уходить на второй планъ, постепенно забывается. На первый выступаютъ человъческія свойства и принадлежности боговъ, и онито постепенно развиваются. Боги болье и болье становятся похожими на людей и совершенно подчиняются условіямъ народной жизни быта, понятій. По мітрі того, какъ они изміняются, измъняются и качества, свойства, принадлежности мнимыхъ боговъ. Успъхи народа отражаются въ минологіи, которая становится хранилищемъ народныхъ понятій и върованій. Оттого языческое божество, имтвшее сначала одно значеніе, часто получаетъ потомъ совсъмъ другое; или съ прежнимъ соединяется новое, вызванное новыми условіями народнаго быта; нъкоторыя божества входять въ славу у цълаго племени, даже у нъсколькихъ племенъ, иногда по причинамъ совершенно случайнымъ: удачнымъ прорицаніямъ, знатности или богатству храма, племени, и т. д. Появляется іерархія между языческими богами, сперва равными между собою: неръдко идолы переносятся отъ одного племени къ другому и витстт съ туземными делаются здъсь предметомъ поклоненія; наконецъ у одного и того же племени, по разнымъ местностямъ, можетъ быть несколько божествъ съ однимъ и тъмъ же значеніемъ, или однимъ только въ началь, но различнымъ въ последствии, при изменившихся обстоятельствахъ. Словомъ, величайшая неправильность, случайность и произволь господствують въ первоначальной миоологін, когда она выработывается изъ первобытнаго, естественнаго язычества. Такова была и славянская миоологія. Напрасно стараются ученые изчислить славянскихъ боговъ, подробно опредълить свойства и значение каждаго изъ нихъ, порядокъ и старшинство: напрасно надъются они когда-нибудь привести хаотическій славянскій Олимпъ въ систему, разръшить въ немъ противоръчія, объяснить различія тождественныхъ явленій. Этимъ путемъ можно сдёлать много любопытныхъ наблюденій, даже весьма важныхъ открытій; достигнуть предположенной цъли—нельзя: противоръчія, тождественные факты, отсутствіе системы, правильности, единства—лежать въ самомъ предметъ; ихъ нельзя устранить не затемнивши его смысла. Неопредъленность есть его опредъленіе, неправильность—его правило, его нормальный видъ.

Дальнъйшее развитие первоначального антропоморфизма состоить въ томъ, что божества совершенно перестають быть олицетвореніемъ силъ и явленій природы и становятся воплощеніемъ нравственныхъ, философскихъ и политическихъ идей: вивсто природы боги выражають внутренній міръ человька. Наука и философія въ последствіи обработывають этоть матеріяль, придають ему искусственную систематичность и единство. Является новая, философская минологія, или философія въ минологическихъ образахъ. Таковы греческая и римская миоологія. Въ ихъ окончательной, наукой обделанной формъ нътъ и слъдовъ первоначальной естественной религіи. Славянская миоологія не успълзвиройдти эти двъ послъднія ступени полнаго развитія языческихъ религіозныхъ върованій; она не пошла далье олицетворенія силь природы и въ самомъ зародышь была подавлена и уничтожена христіянствомъ. То что мы о ней знаемъ, служитъ тому убъдительнымъ доказательствомъ: дошедшіе до насъ следы славянского язычества представляють одни остатки грубаго первоначальнаго антропоморфизма, и ничего болве.

Бытовыя условія, общественныя и частныя отношенія, важныя въ жизни первобытнаго человѣка, но отъ него независящія, непредвидимыя и неотвратимыя, были тоже предметомъ религіознаго почитанія, ибо казались дѣйствіями и велѣніями божества. Мысль о такомъ божествѣ могла явиться поздице обожанія природы, какъ и потребность сколько-нибудь опредѣленнаго и устроеннаго общежитія, которую опа выражала: Впрочемъ ръшительно этого утверждать нельзя, потому что бытовыя отношенія и условія были тогда такъ же случайны и мало зависъли отъ воли и сознанія людей, какъ силы и явленія внъшней природы, и слъдовательно могли совершенно съ ними сливаться.

Въ бытовой религіи какъ и въ естественной, предметами обожанія могли быть и живыя существа — лица и невидимыя силы, обнаруживающіяся въ дъйствіяхъ. Которыя изъ нихъ прежде стали предметомъ поклоненія, трудно ръшить. Кажется, лица прежде. Къ этому заключенію приводить следующее. Прежде племенъ и племенныхъ союзовъ, прежде общинъ и мировъ, существуютъ семья и родъ. По естественному закону, господствующему у первобытныхъ народовъ исключительно, глава семьи и рода полновластно господствоваль надъ ними; въ его рукахъ жизнь и смерть домочадцевъ; онъ ихъ верховный жрецъ, примиритель ихъ споровъ, каратель преступныхъ; словомъ, онъ-ихъ воплощенная судьба, все для нихъ. Только съ разрожденіемъ и распаденіемъ семей, съ соединеніемъ родовъ въ племена мало-по-малу сглаживается значение домоначальниковъ. Они удерживаютъ свою власть у себя дома; но рядомъ съ внутренними родовыми отношеніями появляются между-семейныя и между-родовыя, надъ которыми они не имъютъ такого исключительного господства. Последнія сперва случайны. Общежитие представляеть хаось. Этому-то состоянию и соотвътствуетъ поклонение невидимой силъ, опредъляющей общественный бытъ. Побъды, пораженія, насилія — нормальныя явленія первобытныхъ обществъ, -- приписываются божеству, такъ что оно играетъ ту же роль въ между-семейныхъ и между-родовыхъ отношеніяхъ, какую домоначальники въ семейномъ и родовомъ. Впрочемъ изъ этого только следуетъ, что языческое поклоненіе судьбъ, управляющей дълами человъческими, установилось и развилось позднее обожанія домоначальниковъ:

происхождение его все-таки остается темнымъ, ибо оно могло также скрываться въ ръдкихъ, случайныхъ столкновенияхъ семей и родовъ, въ войнахъ и походахъ, которые они предпринимали другъ противъ друга, или нападенияхъ пришлыхъ и сосъднихъ народовъ.

Поклонение усопшимъ предкамъ есть первобытная форма обоготворенія дицъ. Его источникъ — въра въ личное безсмертте, причина-огромное значение домовладыкъ въ первоначальномъ быту. Чемъ онъ ближе подходиль къ природному, естественному, чъмъ больше сосредоточивался въ семейныхъ союзахъ, тъмъ больше была власть и роль домоначальниковъ. Следовательно, ихъ обоготворение по смерти было весьма естественно; послѣ нихъ семья, родъ оставались безъ главы, безъ устройства. Имъ поклонялись, къ нимъ взывали во всъхъ важныхъ обстоятельствахъ, съ ними совъщались въ ръшительныя минуты жизни. Труднъе объяснить историческое происхожденіе домашнихъ боговъ (домовыхъ), духовъ-покровителей общинъ, городовъ, даже цълыхъ областей и племенъ. Были ли они сначала обоготворенные предки, или возникли позднее, съ установленіемъ постоянныхъ внё-семейныхъ и внё-родовыхъ отношеній, — вотъ чего нельзя рышить. Историческія извыстія слишкомъ скудны. Быть-можетъ первое предположение върно, но очень втроятно, что уже въ незапамятныя времена оно потеряло смыслъ. Тождество домашнихъ божествъ съ усопшими предками еще могло долго продолжаться, но боги-покровители цълыхъ общинъ и союзовъ во всякомъ случат рано отръшились въ народномъ сознаніи отъ своихъ историческихъ прототиповъродоначальниковъ. Такъ заставляетъ думать несомненно давнишнее отсутствие единовластительства въ древнейшихъ славянскихъ общинахъ.

Впрочемъ основанія бытоваго язычества и естественнаго были тіже; развитіе ихъ совершалось по тімъ же законамъ и

въ той же постепенности. Сначала язычникъ безсмысленно покорился случайности, потомъ приписалъ ей разумъ и волю Въ этомъ безсознательно выразилъ онъ и то, чего онъ требовалъ отъ общественности и чего ему въ ней недоставало. Съ вёрой въ рокъ, судьбу, найдена первая точка опоры противъ хаотическаго состоянія быта, и установляется связь между нимъ и языческими вёрованіями, такъ что дальнѣйшее ихъ развитіе идетъ уже рядомъ, опираясь одно на другое: бытъ измѣняетъ религіозныя бытовыя вѣрованія; они въ свою очередь измѣняютъ бытъ. Какъ въ естественной религіи, такъ и въ бытовой, языческія вѣрованія современемъ утрачиваютъ свою непосредственную, грубую основу.

Въ заключение остается сказать о древнемъ языческомъ богослужении.

Первобытное богослужение Славянъ было тесно связано съ развитіемъ ихъ языческихъ втрованій; съ ними оно измтнялось, отъ нихъ заимствовало характеръ и особенности. При непосредственномъ обожаніи грубой силы, дъйствующей помимо сознанія и воли челокъка, какъ неизбъжный законъ, неотвратимый рокъ, поклонение и богослужение были невозможны. Со страхомъ и трепетомъ подчинялся человъкъ своей судьбъ. Въ безусловной покорности состояло обожаніе. Съ первыми зачатками антропоморфизма появляются и первые, слабые зачатки богослуженія и поклоненія въ языческихъ върованіяхъ. Лишь только человъкъ приписалъ волю, хотя ему и непонятную, неодушевленнымъ предметамъ, силамъ природы, случайностямъ бытовыхъ отношеній, -- лишь только онъ предположиль въ нихъ разумность и сознательность, хотя и дъйствующую по особеннымъ, сверхъестественнымъ предначертаніямъ, онъ перенесъ на нихъ свои тогдашнія отношенія къ земнымъ властителямъ. сталъ изъявлять имъ знаки покорности и подчиненія, просить о томъ, что ему было нужно, умилостивлять, приносить

имъ дань, выбирая ту, которая могла быть имъ пріятнъе и угодиће. Формы языческаго богослуженія — самое правдивое свидътельство о древнъйшихъ отношеніяхъ между главами семействъ и семьями, господами и ихъ подвластными. Но виксть съ поклонениемъ и самое исполнение вельний божества составляло необходимую, существенную часть богослуженія, получило религіозный характеръ. Для примъра укажемъ на древнія славянскія сатурналіи и вакхическіе праздники, совершавшіеся въ опредъленное время со всей торжественностью религіозныхъ обрядовъ: въ основаніи ихъ лежитъ внѣшній физическій законъ, возведенный на степень языческаго священнодъйствія. Таковы и многія другія древнія языческія торжества, о которыхъ мы скажемъ въ своемъ мъстъ. Наконецъ съ олицетвореніемъ божествъ въ человъческомъ образъ, съ появленіемъ идоловъ и кумировъ, языческое оогослужение впервые получаетъ правильную форму. Являются жилища боговъ — капища и храмы; въ нихъ сосредоточивается поклоненіе, съ самого начала не имъвшее опредъленнаго мъста, потомъ происходившее подъ открытымъ небомъ, въ лѣсахъ и рощахъ, у ръкъ, источниковъ, на поляхъ, горахъ и возвышеніяхъ, освященныхъ обычаемъ или народными върованіями. Витесть съ послъдними и богослужение начинаетъ слагать съ себя первобытную, грубую, непосредственную форму и становится искусствениве, такъ сказать, отвлечениве. Образуется сословіе храмовыхъ служителей — жрецовъ. Они естественно становятся посредниками между богами и людьми, органами божескихъ вельній, хранителями тайнъ того, что пріятно и непріятно кумирамъ, какъ лучше имъ уголить. Такими слугами являются сперва древнъйшіе первосвященники — родоначаль. ники; потомъ, съ образованіемъ общинъ и союзовъ — выборные изъ знатитишихъ родовъ и стартишинъ; наконецъ, у нъкоторыхъ племенъ, должность жрецовъ становится наслідственною, какъ и многія должности, тамъ, гдѣ исключительно господствуетъ родственный бытъ.

Очень въроятно, что къ этому же времени относится появленіе кровныхъ и человъческихъ жертвъ у Славянъ. Онъ, кажется, тъсно связаны съ антропоморфизмомъ. Только уподобивъ себъ боговъ, человъкъ могъ начать воздавать имъ человъческія почести. Языческія божества пили, вли, одввались какъ и смертные. Жертвы—дары, приношенія — сообразовались съ этимъ понятіемъ. У хищныхъ, кровожадныхъ племенъ, въ странъ, гдъ жили Геродотовы андрофаги, человъческія жертвы богамъ не представляли исключенія изъ ежедневныхъ привычекъ людей, и боги могли быть подобны людямъ. До утвержденія антропоморфизма человъкъ, кажется, не могъ такъ ръшительно приписывать богамъ свои наклонности и привычки; по крайней мъръ это трудно себъ представить. Представленія о богахъ были слишкомъ шатки, сбивчивы, а потому и служение имъ не могло имъть опредъленнаго, высказаннаго характера.

Вотъ первобытныя върованія и ихъ развитіе. Перейдемъ теперь къ древивищему общественному и домашнему быту Славянъ.

Многіе думають—и это сділалось почти общимъ містомъ всіхъ разсужденій—что внутренній быть этого племени, особенно русскихь, мало измінился въ теченій цілыхъ віковъ, лучше сказать, что опъ вовсе не измінился. Это мнініе совершенно ошибочно. Надобно вовсе не знать племени, его исторій, его преданій и древнихъ памятниковъ, чтобъ утверждать подобныя вещи. Изміненія эти такъ существенны, теперешній быть такъ не похожъ на прежній, что, не имій мы подъ глазами несомнінныхъ историческихъ свидітельствъ и живыхъ слідовъ прошедшаго, нельзя бы вообразить себі наше прежнее, какийъ оно дійствительно было. Надо наконецъ

убъдиться въ этой истинъ и отбросить однажды навсегда застаръдый предразсудокъ, который только потворствуетъ нашему невниманію къ самимъ себъ и очень удобенъ для поверхностнаго разръшенія важнъйшихъ историческихъ вопросовъ.

Древнъйшій славянскій быть, какъ уже мы замѣтили въ другомъ мѣстѣ, былъ чисто природный, естественный. Еслибъ мы не имѣли никакихъ другихъ данныхъ, кромѣ развитія языческихъ вѣрованій Славянъ, мы пришли бы къ тому же заключенію; въ этихъ вѣрованіяхъ первобытный Славянинъ выразился всѣми своими сторонами. Его миеологія, олицетвореніе силъ природы и разныхъ естественныхъ и бытовыхъ случайностей, свидѣтельствуютъ объ отсутствіи всякихъ нравственныхъ началъ, всякаго порядка и правильности во взаимныхъ отношеніяхъ мюдей. Внѣшняя сила, слѣпая случайность играли, судя по той же миеологіи, важную и рѣшительную роль въ тогдашнемъ быту, а формы языческаго богослуженія въ рѣзкихъ чертахъ выставляютъ всю непосредственность, грубость нравовъ.

Главная характеристическая черта древнъйшей славянской общественности заключалась въ томъ, что послъдняя не знала никакихъ правилъ, не была построена и управляема по началамъ, какъ теперешнія человъческія общества. Въками пріобрътенная опытность, научившая общественному порядку, правильнымъ отношеніямъ между людьми и перешедшая въ нравы, привычки, ежедневную практику, не существовала для первобытнаго Славянина. Дитя природы, не получившее воспитанія, онъ слъпо, безотчетно слъдовалъ внушеніямъ ея, не стъсняясь нравственными правилами и общественными условіями. Его ничто не опредъляло, не обуздывало, кромъ страха и внъшней силы.

Поэтому уже нетрудно составить себъ картину первоначальнаго славянскаго общежитія и открыть основанія тогдашнихъ общественныхъ отношеній. Кровное родство было сперать 7

Digitized by GOOS

единственной, исключительной связью между людьми, семьи и роды-единственными человъческими союзами и обществами, семейный и родственный распорядокъ-единственнымъ общественнымъ устройствомъ. Чтобъ понять этотъ первоначальный патріархальный быть и втрно оцтнить вст его явленія. надо замътить особенность, свойственную однимъ первоначальнымъ обществамъ и изчезающую современемъ: мы разумъемъ совершенную неопредъленность первоначальныхъ родственныхъ отношеній. Исторія представляетъ много обществъ, построенныхъ на началахъ кровнаго родства. Таково было сперва римское; таковъ весь Китай; наконецъ такова Россія XVI и XVII въковъ. Но всъ эти общества не даютъ понятія о древнъйшей патріархальности, потому что въ нихъ послъдняя болъе или менъе опредълена, подчинена правиламъ, юридической формалистикъ и разсчитана съ математической точностью. Ничего подобнаго не было въ древнъйшемъ патріархальномъ быту. Родственныя начала не были возведены въ юридическія, опредъленныя начала. Они существовали на фактъ, но не въ сознаніи, и потому произвольно соблюдались, но произвольно и нарушались, когда какія-нибудь причины къ этому побуждали. Въ отдаленнъйшей древности семейный распорядокъ не былъ даже прототипомъ гражданскаго общества, какимъ онъ сталъ послъ, когда сдълалась ощутительна потребность въ общественномъ устройствъ и порядкъ. Іерархическое подчиненіе однихъ лицъ другимъ по началамъ родства было уже развитіемъ, высшей ступенью первобытной патріархальности; но сначала ей была чужда даже эта, самая скудная, самая первичная опредъленность; одно физическое старшинство, поддерживаемое изръдка силой, напоминало невысказанныя, безсознательно присущія быту начала и какъ бы намекало на ту форму, которую современемъ должно было принять патріархальное общежитіе.

Итакъ, въ незапамятныя времена славянскій быть представляль множество семей и родовъ. Они были разрознены, чужіе между собой. По тогдашнимъ понятіямъ, это значило совстиъ не то, что теперь. Мы теперь видииъ въ чужомъ только незнакомаго, но какъ мы огражденнаго между-народными, государственными и гражданскими законами; тогда чужой стояль вит всякихь законовь, и если не собственная сила, его ничто не ограждало, ибо никто не имълъ никакихъ обязанностей въ отношеніи къ чужому, могъ съ нимъ поступить какъ хотълъ. Это не значитъ, чтобъ съ чужимъ непремънно обращались какъ съ врагомъ; но не всякой разъ принимали его и по-дружески, съ распростертыми объятіями. Разныя славянскія племена различно смотрѣли на чужихъ; это зависѣло отъ нравовъ, образа жизни, предыдущихъ отношеній къ сосъдямъ и пришлымъ; для многихъ чужіе были только незнаемые. Этому не противоръчить древнее славянское гостепріимство, и строгое наказаніе хозяина дома и цілой общины за нарушеніе безопасности, неприкосновенности гостя. Принятый подъ домашній кровъ не могъ быть оскороленъ безъ нарушенія неприкосновенности домашняго очага, который имѣлъ религіозное значеніе. Это священное значеніе жилища удерживалось весьма долго. Следы такихъ верованій находимъ даже въ Уложеніи царя Алексъя Михайловича.

Слъдовательно, сначала не только не было между отдъльными родами и семьями гражданскихъ отношеній: они даже не были соединены въ между-народный союзъ, какъ теперешнія европейскія общества. Каждая семья и родъ жилъ самъ по себъ. отдъльно, независимо отъ другихъ и находился въ непостоянныхъ случайнымъ сношеніяхъ съ ними. Внутри себя онъ представлялъ замкнутое цълое, устроенное по началамъ естественнаго, физическаго родства, въ его самомъ первобытномъ. неопредъленномъ, грубомъ видъ. Оттого ръзкія противоръчія

уживались одно возлѣ другого въ отношеніяхъ между членами семьи и рода. Послѣ, когда патріархальный бытъ сталъ формулироваться юридически, они выказались; сначала они не были чувствительны. Отсюда невозможность подвести эти отношенія подъ какое-нибудь начало или правило.

Сперва глава семьи имълъ, какъ мы видъли, огромную, безусловную власть надъ домочадцами. Это было полное господство, незнавшее границъ, вдобавокъ несмягченное нравственнымъ чувствомъ, лежащимъ въ основаніи теперешнихъ семейныхъ отношеній. Въ современномъ обществъ семейный бытъ очень сложенъ. Онъ условливается не однимъ чувствомъ любви, взаимной преданности, узами крови, но и всъми основаніями гражданскаго общежитія: состраданіе, нъжность къ слабымъ существамъ, уважение къ человъческому достоинству, живое сознаніе высокихъ гражданскихъ обязанностей, налагаемыхъ воспитаніемъ дѣтей, имѣютъ теперь рѣшительное вліяніе на внутренній бытъ семьи. Пока образованіе не развило этихъ. нравственныхъ элементовъ, ихъ нътъ и въ семейномъ быту; последній поддерживается только привычкой, властью, силой. Вотъ почему дъти и рабы не различаются въ первобытныхъ обществахъ и носятъ общее названіе домочадцевъ. Впрочемъ и власть, какъ основание семейнаго союза, была тогда иною, чъмъ теперь. Она не была еще сознана, опредълена какъ начало, последовательно проведенное въ малейшихъ подробностяхъ всёхъ отношеній, и потому обнаруживалась случайно. неопределенно; безъ этихъ случайныхъ, временныхъ проявленій нельзя бы и подозрівать ея присутствія въ быть. Оттого рядомъ съ данными, свидътельствующими о безграничной власти и господствъ первобытныхъ родоначальниковъ, встръчаются другія данныя, доказывающія, напротивъ, неподвластность, неподчинение домочадцевъ главамъ семей и какъ бы равенство между ними: собственность принадлежитъ семьъ, а не родоначальнику, и управляется съ общаго согласія членовъ послідней; домашній быть въ равной мітрі зависить оть всіхъ членовъ семейнаго союза. У нікоторыхъ славнискихъ племенъ въ древности діти расхищали общее ниущество во вредъ отцовъ, такъ что законодательство должно было взять посліднихъ подъсвою защиту. Наконецъ шаткость власти выборныхъ домоначальниковъ, замінившихъ въ послідствій природныхъ, и страшный обычай убивать престарівлыхъ и дряхлыхъ родителей— указывають тоже на отсутствіе строгой подвластности и подчиненности домочадцевъ естественнымъ начальникамъ семейныхъ союзовъ.

Эти противоръчія были до сихъ порь камнемъ преткновенія для сляванскихъ археологовъ, источникомъ самыхъ противоположныхъ митній и самыхъ странныхъ ошибокъ. Каждый выбиралъ факты, которые ему больше нравились, казались ему правдоподобиње, естествениње, и умалчивалъ о другихъ или упорно ихъ отвергалъ. Образовались разныя воззрвнія: одинъ утверждаль одно, другой другое, оба съ равнымъ основаніемъ, онираясь на доказательства. Одни идеализировали древній славянскій быть въ хорошую сторону, другіе въ дурную; всѣ были согласны только въ отрицаніи того, что не подходило подъ ихъ систему. Однако искусныя натяжки, разныя ученыя уловки и хитрости не могли совствъ затемнить дтла, потому что факты не легко вычеркнуть изъ исторіи. Вопросъ о древнъйшемъ славянскомъ бытъ остался и до сихъ поръ неръщеннымъ, потому что ни одному изъ славянскихъ археологовъ не пришло въ голову обратить внимание на источникъ, причину противоръчащихъ извъстій. Это еще предстоитъ будущимъ славянскимъ ученымъ.

Тъми же условіями опредълялось и положеніе женщины въ первобытной словянской семь; но къ нимъ приводили еще другія. Многіе думають, что женщина была тогда рабой; но что ч. 1v.

значить эта фраза? Юридическаго характера, уравнивающаго людей съ вещами, рабство не имело въ отдаленной древности, и мы видели, что дети не различались отъ рабовъ. Нельзя не сознаться, что определить и въ несколькихъ словахъ выразить значеніе женщины въ древнійшемъ обществі чрезвычайно трудно. Оно имъло столько разныхъ сторонъ и такъ измънялось по возрасту, положеніямъ, племенамъ, что не можетъ быть подведено подъ общее начало. Женщина покупалась и продавалась какъ товаръ; мужъ имвлъ надъ женой такую же безусловную власть, право жизни и смерти, какъ надъ домочадцами; многоженство и конкубинать унижали ее; семейныя добродътели требовались отъ нея насильственио и строго охранялись членами семьи, такъ что онъ очевидно болье интересовали семью, чтиъ женщиу, и заслуга ихъ соблюденія болте относилаеь къ первой, чёмъ къ последней. Наконецъ всюду, и преимущественно у Славянъ, на замужнихъ женщинахъ лежали всв, даже самыя трудныя домашнія работы. Воть данныя, по которымъ, казалось бы, можно думать, что тогдашняя женщина не выходила изъ разряда прочихъ домочадцевъ, даже стояла ниже ихъ; мужской полъ имълъ многія преимущества передъ женскимъ; притомъ въ началъ женщина не принадлежала къ роду, нущины имъли на ихъ судьбу и бытъ большое вліяніе. Но рядомъ съ этимъ мы видимъ, что жена домовладыби, какую бы второстепенную роль она ни играла въ семьъ, была однако матерью его сыновей, и уже по одному этому стояла выше остальныхъ домочадцевъ. Какъ мать, она естественно. по законамъ природы, не могла не пользоваться нъкоторымъ уваженіемъ со стороны дітей; положимъ даже, что въ грубомъ, неопредеденномъ быту оно было слабо и часто нарушалось, особенно сыновьями, пришедшими въ совершеннольтній возрастъ, все же оно было, и мы знаемъ, что у первобытныхъ народовъ привязанность и уваженіе сыновей къ матерямъ очень

сильны. Кромъ того рано появилось приданое, составлявшее отдъльную собственность жены; также рано жена, по смерти мужа, становилась главою семьи, управляла домомъ и получала часть изъ мужнина имъпія. Мнъніе, что женскій поль есть слабъйшій, не вполнъ оправдывается исторіей, в потому не можетъ быть принято за аксіому въ историческихъ изслідованіяхъ о женщинъ. Напримъръ, что значитъ сказание объ амавонкахъ? Его нельзя признать за чистый вымысель. Нъкоторые зам'тчаютъ даже именно у славянского племени кокое-то нравственное превосходство женскаго пола надъ мужскимъ; притомъ изъ исторіи славянскаго народа мы знаемъ, что у однихъ племенъ женщины покупались и продавались, у другихъ, напротивъ, женщины добровольно вступали въ бракъ, даже выбирали себъ жениховъ. Наконецъ у всъхъ славянскихъ племенъ дъвушки жили на волъ, не работали и не знали тягостей домашней жизни.

Соображая это ръзкія противоположности, мы выводимъ изъ нихъ вотъ что: въ первоначальномъ быту, управляемомъ естественными природными, а не нравственными законами, физіологическое назначение женщины быть женой, матерью, должно было выдаваться очень ярко и играть важную роль въ опредълени общественнаго положения женскаго пола. Но это назначеніе, какъ вст первобытныя отношенія, не было возведено въ общее, строго выдержанное и последовательно проведенное начало. Сверхъ того оно понималось грубо, слишкомъ матеріяльно, и потому не мъшало обращаться съ женщиной какъ со встми прочими домочадцами. Вотъ источникъ противортчій, которыми наполнена жизнь первобытной женщины. Ея дъвичество было приготовленіемъ къ браку, ожиданіемъ супружества. Дъвушка не вступившая въ бракъ была, по тогдашнимъ понятіямъ, существомъ неполнымъ, недостигнувшимъ своего назначенія. Следы этихь понятій удержались у насъ долго. Вышедши замужъ, она переходила въ полную власть супруга, становилась подчиненной ему наравиъ съ прочими членами семьи 1); но съ ними она не была равна; ея отношеніе къ домовладыкт, и еще болте ея значеніе матери нъкоторыхъ изъ членовъ семьи, если не всъхъ, дълали ея положеніе особеннымъ, исключительнымъ. По смерти мужа-домовладыки, роль ея опять изменялась. Она была после него главой семьи, старшей, естественной властительницей своихъ дътей, и потому вступала въ его права. Въ юридически установленномъ общежитіи развивается власть старшаго сына надъ матерью на основаніи юридическаго предположенія, что сынь заступаетъ мъсто умершаго отца, следовательно пріобръта. етъ власть и надъ матерью; въ естественномъ быту это невозможно, потому что слишкомъ искусственно. Мать остается во всякомъ случат матерью, по закону природы, и потому старшею надъ сыномъ. Это заставило некоторыхъ думать, что у Славянъ не было отеческой, а была родительская власть. другими словами, что власть надъ домомъ принадлежала не

¹⁾ Накоторые думають, что Славянамь была неизвастна опека надъ женщинами, и видять въ этомъ характеристическую, народную особенность славянскаго племени. Это мижніе и справедливо и ність. Оно справедливо въ томъ смысяв, что у Славянъ власть мужа надъ женой двиствительно не развилась въ юридическую власть, и потому не переходила по смерти мужа къ другимъ лицамъ, т. е. родовое начало у насъ не формулировалось въ строгій, опредвленный законь, какь, напримітрь, въ римскомь правів. Оттого эта власть и не была у насъ проведена последовательно. Но что она существовала, это не подлежить ни малъйшему сомивнію: псторическія свидътельства, весьма опредвлительныя, не допускають никакого сомивнія. Итакъ, минмая особенность сводится къ общимъ законамъ развитія внутренняго быта всёхъ племенъ и народовъ. Знай мы что-нибудь о древитишемъ бытв Римлянъ, пока онъ не установился юридически, мы въроятно нашли бы тоже, что и у насъ. Конечно важное преимущество Славянъ передъ Римлянами п Германцами состоить въ томъ, что нашъ быть началь принимать опредъленную форму гораздо послъ введенія христіянства; но это особенность исторіи, а не народнаго характера.

одному отцу-домовладыкт, а витстт съ нимъ и его жент, матери семейства. Но такое митне несправедливо; мать сама была подвластной отцу, какъ и остальные домочадцы. Только смерть послъдняго дълала ее господиномъ; при жизни домовладыки она пользовалась, какъ мы видъли, особеннымъ, исключительнымъ положеніемъ, а не властью. Наконецъ жены домочадцевъ, кромт ближайшей власти мужей, стеяли еще подъ господствомъ главы семейства, которое не прекращалось со смертію первыхъ. Итакъ, общественное положеніе женщины въ первобытной семьт условливалось ея значеніемъ матери, жены и измънялось по лицамъ, по членамъ семейства, по возрасту. Внт этихъ отношеній она была работницей, слугой, наравнт съ прочими, подлежащей самому полновластному, хотя и неопредъленному, произволу домовладыки.

Всего ръшительный, ярче высказывается первобытный ваглядъ на женщину въдревнъйшемъ бракъ. Его естественная сторона очень развита, нравственная совершено забыта. Же нихъ покупалъ невъсту или увозилъ ее насильно; всего чаще браки заключались по воль домовладыкь, какъ договоръ купли и продажи; согласія будущихъ супруговъ не требовалось. Главное условіе брака было — чистота невъсты; главное въ бракъ — соединение брачущихся. Взглядъ былъ самый материяльный. Полигамія — невозможная тамъ, гдъ личность женщины и личныя къ ней отношенія какъ къ человъческому существу играютъ хоть какую-нибудь роль въ бракъ — полиганія была нормальнымъ явленіемъ въ первобытномъ обществъ; наконецъ бракъ и конкубинатъ не только существовали рядомъ, но даже почти не различались. Единственное ихъ различіе состояло, кажется, только въ томъ, что въ конкубинатъ не было сожительства въ одномъ домъ. Другихъ мы не знаемъ, да и подоаръвать нельзя.

Воть начальная славянская семья. Изъ такихъ-то семей,

сначала чуждыхъ другъ другу, сложилась древнъйшая общественность этого народа. Самымъ естественнымъ ближайшимъ путемъ ея образованія было распложеніе семьи въ многочисленный родъ и племя. Важныя перемъны во внутрепнемъ быту, которыя мы показали въ своемъ мъстъ, сопровождали это постепенное расширение домашняго порядка въ племенной и общественный. Но такой путь не быль единственнымь. Быль и другой, который условливался враждебными и мирными соприкосновеніями между собою чуждыхъ семей. Эти соприкосновенія, неизбіжныя при сосідстві и сожительстві на одномъ пространствъ, должны были породить съ одной стороны войны, грабежи, хищническіе набъги и завоеванія, съ другой - договоры, миры и сдёлки. Въ последнихъ, равно какъ и во внутреннихъ отношеніяхъ размножившихся семей, скрывались первые зачатки правильныхъ, гражданскихъ отношеній между посторонними, чужими, неродственниками. Постараемся поближе вглядъться въ эти мирныя и договорныя отношенія.

Они были условныя, въ самомъ непосредственномъ, грубомъ значеніи слова. Теперешнія внутреннія и общественныя отношенія не даютъ о нихъ ни малѣйшаго понятія. Теперь гражданскіе сдѣлки и договоры происходятъ между людьми, уже связанными государственною жизнью, или между-народнымъ правомъ въ одно цѣлое. Столѣтія утвердили эту связь; общіе интересы, общія условія бытія, образованіе, и вслѣдствіе того чувство законности, и сознаніе человѣческаго лостоинства въ себѣ и другихъ, сильно ослабили, если не совершенно уничтожили разобщенность, враждебность или чуждость людей другъ къ другу. Въ основаніи теперешней общественности лежитъ насажденное христіянствомъ нравственное начало уваженія, любви къ ближнему. Это начало поддерживается и развивается учрежденіями, администраціей и предшествуєть всякой частной сдѣлкѣ, всякому гражданскому дого-

вору, такъ что они только ближайшее примънение общаго начала союза, любви, единства къ тому или другому дапному отношенію между извістными людьми, сообразно съ ихъ частныин удобствами и пользами. Первобытное общежитіе не знастъ этого начала ни въ его нравственной, пи въ юридической формъ; въ немъ нътъ сознанія единства, нътъ установленій, которыя обеспечивали бы союзъ витшнимъ образомъ. Если поэтому первоначальныя взаимныя отношенія не представляить положительной враждебности между людьми, то они и не показываютъ положительнаго расположенія, довѣренности ихъ аругъ къ другу: возможная до нъкоторой степени внутри первобытныхъ семей, довъренность была невозможна, какъ общее правило, въ сношеніяхъ между посторонними, чужими. Вотъ почему договоры, условія, сдёлки имели тогда чрезвычайно важное значеніе. Не будучи основаны на общемъ государственномъ и гражданскомъ союзѣ между договаривающимися лицами, сдълки и договоры играли первостепенную, а не вторую роль, какъ теперь, и ръшительно опредъляли всъ отношенія людей. Посмотрите пристально на первоначальный вий-семейный быть: онъ весь слагается съ одной стороны изъ насилій грубыхъ, физическихъ фактовъ, съ другой изъ договоровъ, условій, сдълокъ. Этимъ объясняется, почему судопроизводство въ отдаленной древности было такъ страшно дорого, и судьи продавали каждое свое дъйствіе по процессу на въсъ золота; почему проценты съ должниковъ взимались непомерные, почему кредиторы были такъ неумолимы и жестоки.

При такомъ порядкъ вещей миры — первыя договорныя общины — были важнымъ и многозначительнымъ явленіемъ въ древнемъ славянскомъ быту. Они представляютъ первый, хотя и грубый еще, зачатокъ гражданскихъ отношеній. Формы мировъ — чисто патріархальныя; видно, что они созданы наро —

домъ, незнавшимъ никакого другого быта, кромъ семейнаго, построеннаго на родственныхъ отношеніяхъ. Притомъ миръгражданское общежитіе, созданное на основаніи договоровъ и сдълокъ въ ихъ исключительномъ, первоначальномъ значеніи. Міры не выражали начало единства, союза между людьми; напротивъ, они вели ихъ къ гражданскому союзу. Это его первая, безсознательная, отчасти случайная форма. Разные выводы изъ этимологического тождества словъ мірт — община, мірт—вселенная, и мирт—согласіе, —могуть быть остроумны, но не ведутъ ни къ чему; это исторические каламбуры, не болъе. Вселенная названа нашими предками міромо не потому, что они понимали назначение, последнюю цель человеческаго рода; напротивъ, они на вселенную перенесли тъ понятія, въ которыхъ воспитала ихъ ближайшая общественность; словомъ мірт они выражали прекращеніе войны, несогласій, безпрестанныхъ враждебныхъ отношеній, а не начало любви и единства.

Впрочемъ при хаотическомъ безпорядкъ и неустроенности всъхъ отношеній, міры, не обезпеченные ни учрежденіями, ни общественной нравственностью, безпрестанно нарушались и не имъли прочности. Несмотря на договоры, условія, довъренность не могла родиться. Въ чемъ же искалъ обезпеченій первобытный человъкъ? что могло утвердить едва возникавшую гражданственность?

Върованія. За недостаткомъ дъйствительности онъ прибъгнуль къ вымыслу; бытовая религія обратила всъ случайности и насилія, столько обыкновенныя и неизбъжныя въ древнъйшія времена, въ вельнія боговъ, управляющихъ общежитіемъ. Этимъ положено первое прочное основаніе разумной и правильной общественности. Понятія о томъ, что было угодно и не угодно богамъ, измънялись вмъстъ съ бытомъ. Вотъ какимъ образомъ договоры и сдълки получили съ самого начала рели

гіозный характеръ. Языческіе боги принимали участіе въ ихъ заключеніи; ихъ нарушеніе было имъ непріятно; они рѣшали праведнымъ судомъ, правы или неправы спорящіе и ведущіе войну, и карали преступныхъ; общественныя дѣла міровъ, шаткія подъ общимъ управленіемъ замиренныхъ враговъ и при отсутствіи правильной администраціи, тоже разрѣшались по внушеніямъ боговъ. Словомъ, все, чего не могъ собственными силами сдѣлать или устроить первобытный человѣкъ, онъ приписывалъ дѣйствію невидимыхъ, божественныхъ силъ.

Этимъ вполнъ объясняется, почему древнъйшій общественный быть Славянь такъ глубоко быль проникнуть языческими религіозными втрованіями, почему такъ тъсно были связаны религіозное и общественное устройство. У нъкоторыхъ славянскихъ племенъ они даже совпадали. Жрецы имъли огромное вліяніе на общественныя дела, уважались иногда более князей. Народныя собранія, договоры, суды совершались въ храмахъ или около храмовъ, съ участіемъ жрецовъ, потому что никакое дъло, домашнее или народное, не предпринималось безъ совъщанія съ богами, безъ испрошенія ихъ согласія. Наконецъ, народныя празднества, на которыя собирались цълыя общины и которыми скръплялся союзъ и миръ между ихъ членами, были чисто религіозные; они отправлялись около капищь, оканчивались пирами и братчинами, съ шумнымъ веселіемъ. Нарушеніе однообразнаго, разобщеннаго быта семей языческими торжествами, съ которыми обыкновенно совпадали и всь общественныя дъла, показываеть, какое важное значеніе и вліяніе на поддерживаніе и утвержденіе древней общественности имъли языческія върованія. Въ нихъ образовался первый оплоть младенческой гражданственности противь чистой случайности и дикаго произвола, первое обезпечение противъ наглаго нарушенія частныхъ отношеній и гражданскаго comaa.

Вотъ главныя, характеристическія черты древнъйшаго языческаго быта Славянъ. Очевидно, онъ представлялъ во всъхъ отношеніяхъ весьма низкую степень развитія, и если мы не называемъ ея прямо низшей, первой, то это потому только, что этотъ бытъ, какъ мы видъли, измѣнялся и постепенно двигался къ лучшему.

На такую то грубую, полу дикую почву цало христіянство и съ Х въка стало единственно признаваемой религіей, господствующей на перекоръ язычеству. Христіянскіе храмы стали на мѣстѣ капищь; Інсусъ Христосъ и его святые угодники вытёснили языческихъ боговъ изъ народныхъ вёрованій; вибсто жрецовъ явились служители олтарей, вибсто идолослуженія — безкровныя христіянскія жертвы и молитвы, витьсто языческихъ торжествъ - христіянскіе церковные праздники. Церковь получаетъ сильную власть и ръшительное вліяніе на управленіе, необходимыя для перерожденія языческаго общества въ христіянское. Она борется пропов'ядью любви и церковными наказаніями съ общественностью, дышащею еще недавно и слабоподавленной враждой и раздорами; водворяется христіянскій бракъ, съ единоженствомъ и христіянскими начадами семейныхъ отношеній. Съ тымъ вмысть византійскіе государственные и гражданскіе законы, и юридическія понятія, стоявшія несравненно выше нашихъ туземныхъ, постепенно проникають къ намъ, дълаются идеаломъ русскаго внутренняго быта и содъйствуютъ церкви въ измъненіи стараго языческаго порядка и установленіп новаго. Долго упорствовало язычество во встуъ своихъ видахъ. Наконецъ жизнь, исторія взяли свое. Языческій міръ сталъ преданіемъ; котораго стертые слъды, отрывочныя и забытыя развалины, сохранились еще, какъ памятникъ прошедшаго, въ повърьяхъ, обычаяхъ и обрядахъ. Но съ каждымъ годомъ изчезаютъ и эти последніе его остатки. Быстро идеть дело разрушенія рядомь

съ созиданіемъ и возрастаніемъ началъ истинной гражданственности.

Послѣ этого бѣглаго очерка древняго русско-славянскаго быта обратимся снова къ книгѣ г. Терещенко. Послѣднія шесть частей седержатъ важные, драгоцѣные матеріялы не только для языческаго періода Россіи, но и для исторіи постепеннаго замѣненія языческихъ понятій и представленій христіянскими. Вся заслуга автора, какъ мы уже сказали въ первой статьѣ, состоитъ въ томъ, что онъ собралъ факты, обработка, самое расположеніе ихъ ложны, ошибочны, основаны на превратныхъ понятіяхъ о русской старинѣ. Поэтому мы не станемъ слѣдить за всѣми выводами и заключеніями г. Терещенки, какъ въ разборѣ первой части, гдѣ это было нужно; не станемъ держаться его плапа, ни на чемъ не основаннаго. Воспользуемся фактами, которыми такъ изобильна книга, п укажемъ на рѣзкія, бросающіяся въ глаза ошибки автора, когла онѣ затемняютъ лѣло.

Прежде всего обратимся къ тъмъ мъстамъ, гдъ изложены остатки языческихъ върованій. Они, какъ и естественно, занимаютъ большую часть сочиненія. Выключивши изъ круга своихъ изслъдованій пословицы и пъсни, авторъ почти не имълъ повода говорить объ общественномъ и домашнемъ быту. Самое интересцое о послъднемъ собрано пмъ въ отдълъ свадебныхъ обрядовъ; есть кое-что въ главъ о простонародныхъ играхъ, въ статъъ о праздникахъ. Сравнительно, эти свъдъпія довольно скудны.

Самый богатый источникъ для изученія языческихъ върованій нашихъ предковъ суть простонародные праздники и соединенные съ ними обряды, повърья и преданія. Преслъдованія церкви п время много ихъ измѣнили. Несмотря на то, въ нихъ еще можно разглядъть слѣды древнихъ языческихъ торжествъ и богослуженія.

Главные простонародные праздники разделяются, по времени, на двъ группы. Одни празднуются зимой, другіе лътомъ. Время первыхъ въ концъ и началь нашего гражданскаго года; время вторыхъ въ концъ мая и іюнъ. Нъкоторые изъ нихъ не имжютъ постояннаго времени, другіе отправляются въ опредъленные дни. Это разнообразіе происходить оттого, что почти вст народные праздники совиадають съ церковными и сообразуются съ ихъ распорядкомъ. Было ли такъ и до введенія христіянства — неизвъстно; въроятно, что всъ имъли опредъленное время, и что подвижность нъкоторыхъ произошла всявдствіе уничтоженія языческихъ торжествъ и замыны ихъ христіянскими, отчего первыя потеряли свою самостоятельность и слились съ последними. Главные зимніе простонародные праздинки суть: коледа, авсень, святки (субботки) и масляница; главные лётніе: купало, семикъ и тронцынъ день (зеленыя святки). Разсматривая эти двъ группы праздниковъ, нельзя не замътить между ними какого то соот. вътствія, соотношенія. Между отдъльными торжествами есть даже аналогія и сходство. Это-то сходство невольно приводить къ мысли, что въ распредъленіи праздниковъ, зимнихъ и лътнихъ, долженъ скрываться какой-нибудь общій законъ; они должны находиться въ связи съ какими-нибудь постояными важными измененіями въ природе и имъ соответствовать. Действительно, нетрудно замътить, что простонародные праздники группируются зимой около вступленія солнца въ знакъ козерога. лътомъ — около вступленія его въ знакъ рака. Поворотъ солнца на лато и его поворотъ на зиму -- центры, около которыхъ вращался языческій богослужебный календарь нашихъ предковъ. Зная это и соображая время празднованій съ характеромъ торжествъ, можно уже составить себъ приблизительное понятіе о главныхъ чертахъ древняго славянскаго язычества. Исходнымъ пунктомъ служили ему жизнь и смерть при-

роды. Оживленіе, дъятельность, развитіе ея силь были жизнью; ихъ омертвъніе, усыпленіе — с мертью. Эти два начала, враждебныя, въчно борющіяся между собою, управляли міромъ и раздъляли все существующее на два враждебныя царства, такъ что всъ явленія, силы и предметы видимой природы были отнесены къ тому или другому. Все напоминало о нихъ, все къ нимъ сводилось. Въ суткахъ день и ночь, въ жизни человъка — бодрствованіе и сонъ, жизнь и смерть, въ жизни природы — весна, лівто, осень и зима безпрестанно представляли эти враждебныя начала и ихъ борьбу. Первое было благодътельнымъ, добрымъ началомъ; второе вреднымъ, злымъ, потому что оно представлялось не только какъ отрицан е перваго, но какъ самостоятельное, положительное само въ себъ. Оно было не уничтожениемъ, но измънениемъ, преобразованіемъ, метаморфозой живущаго, его особеннымъ, ненормальнымъ, сверхестественнымъ способомъ существованія. Были ли оба эти начала олицетворены въ двухъ божествахъ, следовательно сознаны, или славянское язычество ограничилось однимъ одицетвореніемъ атрибутовъ того и другого начала и не возвысилось до теоріи, сознанія дуализма, лежащаго въ его основаніи, — трудно ръшить. Послъднее гораздо в роятные, потому что въ разныхъ праздникахъ упоминаются все разныя божества. Притомъ, какъ мы уже сказали, славянское язычество очевидно не успъло развиться до общихъ началь и остановилось на первой степени грубаго антропоморфизма, на которой сознаніе невозможно.

Разсмотримъ праздники по группамъ, придерживаясь данныхъ собранныхъ г. Терещенкой.

Зимніе представляють вмёстё и встрёчу весны и поклоненіе зимё. Замёчательно, что первая предшествуеть вънихъ второму. Почему, — трудно рёшить. Быть можетъ втотъ порядокъ условливался тёмъ, что тогда наступалъ по-

Digitized by Google

воротъ солица къ лъту; быть можетъ и то, что древній цорядокъ языческихъ праздниковъ измѣнился подъ вліяніемъ христіянства. Самое невъроятное, что перемѣна произошла со введеніемъ гражданскаго времясчисленія, ибо оно далеко не такъ сильно отозвалось въ простонародномъ быту, какъ церковное. Въ заключеніе скажемъ, что христіянское отправленіе церковныхъ праздниковъ, по времени совпавшихъ съ древними, до христіянскими, такъ сильно измѣнило обряды послѣднихъ, такъ съ ними слилось и перемѣшалось, что почти невозможно провести между ними черту и указать, что относится къ старому, что къ новому.

Передъ Рождествомъ и въ рождественскіе дни праздновалась ко ляда, которая носила разныя названія у разныхъ славянскихъ племенъ.

Коляда, самый ранній весенній праздникъ. Это видно изъ следующихъ данныхъ: «Въ горахъ Кроаціи и Далмаціи празднуютъ наканунт Р. Х. б т дай. У нткоторыхъ задунайскихъ Славянъ... въ тотъ вечеръ сожигаютъ истуканъ бъдай. Поселяне отправляются въ льсъ рубить дубовые чурбаны, называемые баднякомъ... Вносящіе баднякъ въ избу привътствуютъ... Ихъ осыпаютъ зерновымъ хлъбомъ» (Ч. VII, стр. 19 и 20). «Карпато-Россы совершають наканунт Р. Х. Крачунъ, который у нихъ есть покровитель домашнихъ животныхъ и птицъ.. Домашнія животныя у Карпато россовъ начинаютъ линять съ Р. Х. какъ въ Россіи, съ поворота солнца на лъто, и это линянье извъстно подъ именемъ искраканья... Когда начинаетъ смеркаться, тогда приступають къ принятію крачуна. Оть порога съней до главнаго стола, покрытаго полотномъ, устилаютъ дорогу чистой соломой. На столь ставять большую миску, наполненную домашними овощами и хлтбнымъ зерномъ... Съ появленія звёзды возвёщають шествіе крачуна... Двое почтительно

выносять большой овсяный или ячменный снопь, и ставять его въ уголь избы: прочіе встрічають его осыпкою зерновымь хлівбомъ изъ миски». Послів того поется півсия о томъ, какъ страшный волкъ пришель «подъ дозище», на которое влезла коза. «Пъснь оканчивается изгнаніемъ волка въ горы, а коза спасается» (Ів. стр. 20 — 23). Въ Герцеговинъ обычан, имъющіе тоть же самый сиысль. Гость-полажайникь, олицетворяющій весну, «посыпаеть избу зерновымь хатбомь». Баднякъ — чурбанъ изображаетъ зиму; полажайникъ разоиваетъ кочергой догорающія головии бадияка. Разныя предзнаменованія на будущій урожай и изобиліе заключаются въ дъйствіяхъ полажайника. Почти тоже у Черногорцевъ. «Въ Польшъ, Галиціи, Червонной Руси... коляда начинается наканунт Рождества Христова, послт солнечнаго захода. Того же вечера поселяне устилають внутренность избъ соломою или съномъ; по угламъ ставятъ снопы; подъ образомъ и на столъ, стномъ покрытомъ, кладутъ предъ каждымъ человекомъ головку чесноку, для отогнанія всёхъ болезней. Въ нёкоторыхъ ивстахъ кладутъ на столъ земледвльческое орудіе отъ (?) плуга... Послъ ужина выдергивають нъсколько колосьевь изъ сноповъ, и ворожатъ ими на полетъ. Хозяинъ пересчитываеть сь заботливостью: сколько полныхь и неполныхь вь снопъ колосьевъ, и по нимъ предсказываетъ будущій урожай» (ib. стр. 27 и 28). «Въ другихъ мъстахъ празднуютъ (декабря 23) субботу, съ особой таинственностію. Домашнимъ животнымъ даютъ немного свяченаго, и съ большимъ раченіемъ затворяють двери сараевъ, чтобы не проникали сюда заыя чары» (ib. стр. 30). «Молодцы, убранные въ праздничное платье, водять за собою, ввечеру этого дня, чучело быка или волка» (ib стр. 31). «Дарять яблоки» (ib. стр. 33). «Въ нъкоторыхъ мъстахъ съверной и восточной полосы Россіи, коляда называется авсенемъ, и таусеномъ, а въ Малорос-

сін, Бълоруссін и Литвъ удержано древнее названіе; однако въ нъкоторой части Литвы иногда она называется вечеромъ колодокъ или вечеръ блокковъ и вездъ готовится кутья изъ пшеничнаго зерна, и каша изъ гречневыхъ крупъ; по уваркъ гадають о будущемь урожав и неурожав хлібовь» (ib. стр. 37). «Въ нъкоторыхъ уъздахъ Вологодской и Архангельской губерній до нынъ приготовляють изъ пшеничнаго теста различныя изображенія животныхъ, какъ-то: овецъ, коровъ, быковъ, разныхъ птицъ и пастуховъ» (ibid). «Въ окрестностяхъ Москвы возять въ саняхъ, на канунъ Рождества Христова въ бълой рубашкъ дъвушку, которая называется колядою. Въ пъсни, которую поютъ при этомъ, есть намекъ, что колядъ приносили въ жертву козла» (ib. стр. 57). «Въ Россіи и Малороссіи ходятъ мальчики по домамъ, еще до объдни, поздравлять хозяевъ съ новымъ годомъ. Въ это время обстваютъ ихъ (т. е. мальчики хозяевъ) ячменемъ, пшеницею и овсомъ» (ib. 108). «Въ другихъ мъстахъ кормятъ посыпальнымъ зерномъ птицъ, и по ихъ клеванію замъчаютъ о будущемъ урожать» (ib. стр. 109). «Обрядъ обстванья сохранился въ иткоторыхъ мъстахъ восточной Россіи... онъ именуется авсенемъ, овсеномъ, усенемъ, говсенемъ, бауценемъ, баусенемъ и таусенемъ. Всъ эти слова суть испорченныя отъ мъстнаго употребленія. Ніть сомнінія (?), что они означають овесь (?), коимъ обыкновенно посыпаютъ въ то время, и самое поздравленіе поэтому называется овсеномъ... Ходя по домамъ, обсыпаютъ овсомъ изъ лукошка или рукавицы; зерно это собираютъ для весенняго посъва» (ib стр. 110). «Овсень... употребляется часто вытьсто коляды» (ib стр. 111). «Коляда... такъ искажена народомъ, что она иногда поется на Васильевъ вечеръ, какъ обыкновенная коляда, а иногда замъняетъ посыпальный обычай» (ib. стр. 116). И такъ коляда и авсень составляли во времена язычества одинъ большой праздникъ. Въ

одной колядовой пъснъ ихъ даже упоминаютъ вмъстъ: «коледа таусень» (стр. 123).

Коляда была языческимъ божествомъ. Противъ этого г. Терещенко ратуетъ всёми силами. «Нікоторые изъ нашихъ писателей думаютъ — говоритъ онъ — что русскіе язычники славили коляду, бога торжествъ и мира, и что въ Кіевѣ стоваъ ему кумиръ. Ни бога мира и торжествъ, ни идола въ Кіевѣ никогда не было» (ів. стр. 12). А почему жь коляда воспівается? почему есть ея чучелы, люди одіваются колядой?
«Изъ вышеприводимыхъ пісней — продолжаетъ авторъ — видно, что коляда означала то подарокъ, то поздравленіе, то
славленіе» (ів. стр. 33). Но какъ не видитъ авторъ, что
поздравляющіе, славящіе, дарящіе, въ лицахъ представляли
коляду, приносили съ собой земные плоды, и именно за то
были принимаемы съ особенной благосклонностью? Этого не
замітить!?

Поклоненіе враждебнымъ богамъ, олицетвореніямъ смерти, сна, зимы, ночи происходило въ святки и масляницу. Враждебныхъ боговъ не призывалъ первобытный человъкъ; онъ старался ихъ умилостивить, смягчить ихъ гнъвъ, и потому изъявлялъ имъ покорность, приносилъ жертвы, совершалъ въ честь ихъ празднества. Эти празднества обыкновенно отправлялись ночью: необходимой ихъ принадлежностью были личины, маски, ибо на праздникахъ, посвященныхъ духамъ тьмы, первобытные язычники въ лицахъ представляли враждебныя силы, которыя сами были нечто иное, какъ олицетворенное измъненіе, сверхъественный ненормальный видъ всего живаго, существующаго.

Обожаніе враждебных силь оставило по себё гораздо меите следовъ, чемъ поклоненіе деятельнымъ, живымъ силамъ природы. Причины этого должно искать, кажется, въ преследованіяхъ церкви. Христіянство, не допускающее никакихъ сде-

локъ между добромъ и зломъ, научившее міръ познавать побъду перваго, низложение второго, не могло равнодушно смотръть на поклонение духу тьмы. Оно было тъмъ нетерпимъе въ христіянствъ, что въ народныхъ понятіяхъ дьяволъ и языческіе злые духи слились въ одно. Другая причина заключалась, можетъ-быть, еще и въ томъ, что большая часть важивйшихъ христіянскихъ праздниковъ бываеть зимой или къ весив, слвдовательно именно въ то время, когда язычники совершали обычныя поклоненія враждебнымъ богамъ; съ утвержденіемъ христіянства эти поклоненія не могли не изсчезнуть передъ церковными торжествами. Наконецъ безнравственность языческихъ вакханалій, обыкновенно происходившихъ въ одно время съ праздниками въ честь враждебныхъ боговъ и составлявшихъ необходимую принадлежность богусложенія, вызвали противъ себя всю строгость нашего духовенства, что также должно было не мало содействовать искорененю этихъ праздниковъ.

«У скандинавскихъ и германскихъ илеменъ — говоритъ г. Терещенко — отправлялись на Рождество "Христово готескія игры, подъ другими названіями. Въ Саксоніи онт извъстны подъ именемъ Рупертовыхъ слугъ. Въ продолженіи 12 дней Рождества Христова они одъвались въ звъриный шкуры, натирали лицо сажею, украшали голову рогами, во ртт носили раскаленныя уголья, и бъгали по улицамъ съ крикомъ, пъніемъ и плясками подъ музыку. Въ другихъ мъстахъ проводили канунъ Рождества Христова въ чувственномъ пресыщеніи и пъніи стыдливыхъ (въроятно авторъ котълъ сказать: безстыдныхъ) пъсенъ» (іб. стр. 3). Такіе же обряды соблюдались и у насъ. Какъ мы сказали, они означали служеніе враждебнымъ, нечистымъ духамъ. «Въ нъкоторыхъ мъстахъ съверовосточной Россіи бьютъ... на Рожественскіе праздники сви пей и пекутъ пироги; убитаго кабана окропляютъ водой, оку-

ривають и обрызгивають огонь кровью, на коемъ обжигали его. Это делають въ томъ предубъждении, чтобы нечистая снаа не ходила по скотнымъ хлъвамъ, на канунъ Рождества Христо. ва и не портила бы ихъ домашній скотъ» (ів. стр. 4). Ясно, что во времена язычества свиньи приносилась въ умилостивительную жертву нечистой силь. «У насъ на Руси было непремъннымъ кушанъемъ въ Рождество Христово начиненный поросенокъ кашею или кабанья голова съ кръномъ» (ib. 6). «Женщины не оставляють вечеромъ нудели на прялкахъ, чтобы дьяволь не съль прясть вивсто ихъ. Такое повърье господствуетъ во всей западной Россіи, гдѣ еще думають, что если не допридуть кудели, то она будеть ходить, за ними... Остаются ли нитки на мотовиль, то не снимають ихь, а перерызывають» (ib. стр. 6). «Изъ Стоглава извёстно, что наканунъ Рождества Христова и св. Крещенія мущины и женщины сходились на ночное плещованье, игры, глумление и бъсовскія пъсни» (ів. стр. 38). «Иные по выходъ изъ крещенской заутрени запрягають сани, въ никъ насаживають ребятишекъ, и съ ними скачутъ во весь духъ по деревиъ. Причина этому та, чтобы уродился хорошій и долгій ленъ» (ib. стр. 38). «На Рождество Христова не должно выпускать домашняго скота изъ хлъвовъ, для безопасности отъ нечистой силы и знахарей» (ів. стр, 39). «Древнее обыкновеніе бросаться въ прорубъ воды (въ Крещенье) давно здъсь (въ Петербургъ) неизвыстень, и туть живеть оно въ одномъ воспоминании... Еще по нынъ, во многихъ мъстахъ Россіи существуетъ это обыкновеніе» (стр. 41). «Наканунь новаго года женщины Саратовской губернін Хвалынскаго и Петровскаго убадовъ сносять огромный ометь (кучу) соломы, и зажигають его посреди улицы. Горящій ометь называется тогда костромою, которая окружается дъвушками и ими величается» (ib. стр. 116). «У Литвиновъ... нынъ на канунъ коляды, таскаютъ изъ

седенія въ селеніе кододки, перескакиваютъ чрезъ нихъ и потомъ сожигаютъ при пѣніи и обрядахъ» (ів. стр. 60). «У венгерскихъ Словаковъ ходятъ (колядовать) съ деревяннымъ ужемъ, который сжимается и раздвигается по произволу; пасть его красная, на дбу корона изъ позолоченой бумаги» (ів. стр. 17). — Итакъ, поклоненіе водѣ (впрочемъ быть можетъ, и даже вѣроятно, что это не поклоненіе водѣ, а почитаніе богоявленской воды, слѣдовательно не остатокъ язычества), огню, принесеніе кровныхъ жертвъ, составляли принадлежность предрождественскихъ и рождественскихъ языческихъ праздниковъ.

Святки — продолжающіяся отъ Рождества Христова до крещенскаго сочельника, по митнію автора, «происходя отъ глагола святить, находятся въ тесной связи съ воспоминаніемъ о рожденіи Спасителя міра» (ів. стр. 130). Но почемужь Духовъ день называется «зелеными святками»? Можетъ быть авторъ и правъ, отвергая (стр. 127) производство святокъ отъ Святовида; но его догадка не лучше. Мы думаемъ, что названіе «святокъ», присвоенное двумъ праздникамъ въ году, зимнему и лътнему, показываетъ ихъ особенную важность во время язычества, а можетъ быть ихъ сродство между собою. Какъ бы то ни было, святки имъли въ древности совствъ не то значение, какое приписываетъ имъ г. Терещенко. Онъ увъренъ, и хочетъ другихъ увърить, что «предметъ святочныхъ забавъ... выражаетъ народное веселіе и семейную жизнь въ гаданіяхъ и переряживаніи» (стр. 132). Онъ и не подозръваетъ, что святки и святочные обряды были во время язычества поклоненіемъ мрачнымъ духамъ, враждебнымъ силамъ. Всъ факты это доказывають: «въ Орловской губерній особенно опасаются чертей, и ихъ называють здісь святошными и святошами. Никто не ходить ночью поздно въ гости, и никто ни за что не согласится ходить въ полночь,

наъ опасенія попасться въ руки чертей. Въ накоторыхъ мастахъ Россіи досель думають, что въ святочныя ночи бъгають черти» (ib. стр. 132). «Хари, личины или маски, употреблявшіяся у насъ издревле, были преслідуемы духовенствомъ» (стр. 133). Гаданья, переряживанья, святочныя игры и гулянья ночью составляли существенную принадлежность святокъ. Еслибъ авторъ вглядълся въ первоначальное значеніе этихъ теперь невинныхъ препровожденій времени, онъ увидаль бы въ нихъ несомивниме следы поклоненія нечистымъ духамъ и вакханалій. Переряживанье, надіванье личинъ было, какъ мы замътили, принадлежностью всъхъ языческихъ праздниковъ въ честь злыхъ духовъ; ибо они сами были нечто иное, какъ олицетворение смерти, измънение живыхъ существъ. Самъ г. Терещенко говоритъ, что всего чаще переряживались въ буку, медвъдя, ягу-бабу, козу, плясуновъ, дорожныхъ, а эти образы представляли враждебное человеку. У буки «лицо... было обмазано сажею, голова обставлена рогами, уши обвернуты лохмотьями, руки изъ соломы, ноги толстыя и кривыя, тело обвивалось чемъ-нибудь косматымъ, съ привещенными бубенчиками; во рту онъ держалъ раскаленныя уголья, изъ онаго выпускаль онъ дымъ» (ib. стр. 162). Но въдь это образъ дьявола! Курящаго табакъ сравнивали съ дьяволомъ, издыхающимъ огонь, и потому-то церковью запрещалось курить. Следовательно, забавнаго въ образе буки ничего не было, хоть г. Терещенко и находить его забавнымъ. Коза сопровождала буку; ужь одно это заставляетъ думать, что она не была символомъ благодътельной силы. Потомъ ягабаба «въ ступь, съ костяными ногами, помеломъ заметала свой следъ и правила костылемъ. Зубы имела она черные, и открытое лицо старое, морщиноватое, дёлала загадки и сама отгадывала» (ib. стр. 162). Яга-баба тоже не благодътельное существо. Весьма замъчательны ея загадки: онъ — аллегоріи, иносказанія и совершенно естественны въ устахъ существа, принадлежащаго къ царству смерти; ибо смерть, по понятіямъ язычниковъ, тоже существованье въ иномъ образъ. Плясуны едва ли принадлежали къ личинамъ язычниковъ; но они совершенно подходятъ подъ общій тонъ масокъ: извъстно, что плясуны, фигляры, какъ и актеры, по прежнимъ понятіямъ, тешили дьявола. Наконецъ дорожные, прітзжіе — обыкновенно сваты; мы увидимъ доказательства этому въ разборъ второй части «быта русскаго народа». Итакъ, вотъ изъ какихъ лицъ состоялъ жаскарадъ; къ нимъ присоединялась еще смерть: «иногда въ веселый кругъ является смерть, одытая въ саванъ; голова ея повязана наметкою, глаза и носъ красные изъ свеклы, огромные клыки изъ ръдьки. Въ лъвой рукъ она держитъ свъчу со свиткомъ бумаги, или чашу съ зажженой водкой, а въ правой деревянную косу» (ів. стр. 187). Если прибавимъ къ этому, что въ Вологодской и Новгородской губерніяхъ святки назывались кудесами, а наряженные кудесниками (ib. стр. 195 и 224), что «въ нъкоторыхъ уъздахъ Псковской губерніи святочные вечера носятъ название субботокъ» (ів. стр. 224), — то окончательно увъримся, что святки имъли прежде не то значеніе, какое имъютъ теперь: ибо съ словомъ кудесникъ соединяется понятіе волшебника, чародъя, а названіе субботокъ слишкомъ напоминаетъ шабаши, справляемые, по преданіямъ, въдьмами на Лысой горъ. Что субботки имъли много общаго съ шабашемъ, видно изъ того, какъ они праздновались въ Псковской губерніи. «Ими распоряжается изв'єстная безпорочною жизнью вдова... Вечеръ проводили въ пъніи и гаданіи... Мущины прежде не имбли права участвовать въ субботкахъ, но время измънило обрядъ... невъсты и женскій поль соблюдають строгое благонравіе» (ів. стр. 225). Въ обрядъ опахиванья полей, во время скотскаго падежа, соб-

людалось тоже самое: соху везеть вдова; мущины не принимаютъ участія въ обрядв и подвергаются опасности, если встрътять процессію. — «Во Франціи — говорить самъ же г. Терещенко — простой народъ върилъ, что маски суть покрывало дьяволовъ. Такъ и у насъ — прибавляетъ онъ — нъкоторые изъ простолюдиновъ думаютъ». Далье: «въ прежнія времена маскированные корчили изъ себя демоновъ и страшилищъ, наряжались волками, лисицами, быками и т. п. Женщины переряживались въ мужскія, а мущины въ женскія платья, бъгали по городу съ зазженными фекслами, били въ бубны, кричали и ревтли голосами разныхъ животныхъ... Нашъ простой народъ до нынъ думаеть, что со дня Рождества Христо. ва до Богоявленія посъщають доны ихъ дьяволы, подъ образомъ оборотней, вулкулакъ, букъ и хватаютъ маленькихъ дътей. Есть еще митніе, кто во время святокъ наражался чортомъ, особенно если кто надъвалъ на себя рожу (маску), тотъ страшный гръшникъ, и гръхъ не иначе можетъ быть смытъ, какъ только ръшимостью окунутся три раза въ крещенской провуби» (стр. 295, 296).

Воть о переряживаны. Теперь несколько словь о ночныхъ святочныхъ забавахъ и играхъ. «Накануне Рождества Христова, Василія Великаго, Богоявленія и св. Іоанна мущины и женщины сходились ночью, пели, играли, плясали... Въ утро великаго четверга... лживые пророки бегали изъ села въ село — нагіе, босые, съ распущенными волосами, тряслись, падали на землю и баснословили о небесныхъ виденіяхъ; скоморохи шатались по деревнямъ; мущины и женщины мылись, по какому-то обряду, въ одивхъ баняхъ», и делались другія безчинства (іб. стр. 299 и 300). «Изъ наряжавшихся по наибольшимъ безчинствамъ известны новгородскіе окрутники. На святочныхъ вечерахъ и на маслянице нарушали они всякое благочиніе и приличіе: буйство и чувственное насла-

жденіе увлекали ихъ» (ів. стр. 300). Слова патріарха Іоакима о святочныхъ забавахъ въ концъ XVII въка свидътельствують тоже самое: онь были нечто иное, какъ остатокъ языческихъ вакханалій. Конечно теперь не то. Теперь въ томъ же Новгородъ, переряженные «со второго дня Рождества Христова до крещенія ходять въ ть домы, гдь увидять на окнахъ свъчи, тъшатъ хозяевъ плясками и шутовскими представленіями. Въ Тихвинъ... украшаютъ разноцвътными знаменами лодку, кладутъ ее на нъсколько саней и возятъ множествомъ запряженныхъ лошадей по улицамъ; на лошадяхъ и въ лодкъ, въ разнообразныхъ одеждахъ и личинахъ, сидятъ окрутники: они поютъ и играютъ» (Ів. стр. 304 и 305). Что такое святочныя игры? перенесенныя съ улицы въ комнату, сиягченныя приличіемъ и христіянской нравственностью развалины прежнихъ вакханалій. Суженый, суженыя — альфа и омега святочныхъ игръ; а мы знаемъ, что это могло значить въ отдаленные времена язычества. Самъ г. Терещенко говоритъ. что святочныя пляски позволяют» «нѣкоторыя вольности» (ів. стр. 189). Вст игры позволяють тоже: напримъръ, онт обыкновенно оканчиваются поцълуемъ. Наконецъ гаданья святочныя состоять въ теснейшей связи съ языческими верованіями въ духовъ тьмы. Мы видъли, что яга баба предлагаетъ загадки. Замътимъ, что святочные гаданья происходили ночью, съ разными таинственными обрядами. Пътухъ, котораго крикъ прогоняль нечистыхь духовь, является охранителемь дівушки противъ нечистаго духа, когда онъ приметъ видъ ея суженаго, и чуранье ей не помогаеть (стр. 227). Всъ гаданья, пытаніе неизвъстнаго, которое открывается иносказательно, въ аллегоріяхъ, — имѣютъ связь съ надѣваніемъ масокъ, и слёдовательно съ поклоненіемъ божествамъ мрака, смерти. Въ гаданія, какъ замітно, входить и вызываніе нечистыхъ духовъ. Следы всего этого ясно видны но множестве гаданій.

собранныхъ и описанныхъ г. Терещенко весьма подробно (ч. VII, стр. 225 — 287).

Наконецъ масляница представляетъ какое-то странное смъшение всъхъ зимнихъ языческихъ празднествъ. Кажется, она по преимуществу была праздникомъ въ честь мертвыхъ: на это указываетъ употребление блиновъ, неразрывныхъ спутниковъ поминаній, и нъкоторые обычаи: «по древнему обычаюговоритъ г. Терещенко — нашъ народъ поминаетъ усопшихъ блинами; потому въ Тамбовской губерніи и смѣжныхъ съ нею мъстахъ цервый испеченный блинъ кладется на слуховое окошко, въ томъ предположении, что души родственниковъ, знакомыхъ, особенно родителей невидимо сътдаютъ его. Если онъ остается нетронутымъ, то думаютъ, что злые духи до него не допускають: въ такомъ случат прогоняють ихъ заклинаніями. Набожныя женщины, садясь за столь, ъдять первый блинъ за упокой усопшихъ, а следующими блинами встречають масляницу» (ib. стр. 330). «Есть въ Россіи мъстами обыкновеніе, что въ послідній день, прощаясь другь съ другомъ, ходятъ просить отпущенія грёховъ у своихъ священниковъ, и потомъ отправляются къ могиламъ родныхъ и знакомыхъ» (ів. стр. 346). Сверхъ того масляница была, кажется, и праздникомъ злыхъ, враждебныхъ духовъ. На это тоже много указаній. «Въ Костромской губерніи... въ последній день масляницы, именно въ воскресенье, составляется изъ наряженныхъ мущинъ, съ соломенными на головъ колпаками, верховая потадка, называемая обозъ. Вечеромъ за городомъ колпаки сожигаются---это значитъ сожигать масляницу... По деревнямъ поютъ пъсни, а вечеромъ мущины и женщины, взявъ съ своего двора по пуку соломы, складывають ее вмёстё и зажигають, что называется сожечь соломеннаго мужика» (ib. стр. 331). «Во Владимірской и частью Вятской губерніяхъ... возять на саняхь, запряженныхь двёнадцатью лошадьми, наря-

женнаго мужика. Онъ сидитъ на колесъ, утвержденномъ среди саней; въ рукахъ держитъ полуштофъ съ виномъ и кадачи. Съ нимъ сидятъ наряженные музыканты, которые поютъ и играютъ. Почти такое же дъйствіе происходить въ Симбирской, Саратовской, Пензенской и Нижегородской губерніяхъ. Сколотивъ вивств несколько дровень, застилають ихъ досками; посрединв ставятъ толстое, высокое дерево съ воткнутымъ на верху его колесомъ; на этомъ колесъ усаживается наряженный, который веселить народь своими забавами и продълками. Потомъ возять по всъмъ улицамъ сани съ деревомъ и лошадьми, наряженными въ разныхъ другихъ животныхъ: все нарочно на нихъ испещре но странными уборами. Многіе, вмъсто масокъ, разчерчиваютъ лице угольями и сажею, надъвають на себя платье на выворотъ, или шкуры животныхъ съ рогами и скелетомъ головы: при шествіи скачуть и поють. Вижсто музыки ударяють въбубны и тазы. Шествіе это называется проводами честной масляницы, и обыкновенно случается въ прощеное воскресенье.» Такой же почти обычай и въ Рязанской губерніи. Тамъ, послъ проводовъ «вечеромъ сходятся на общую пирушку и гуляютъ до разсвъта. Блины не сходять со стола, въ продолженіе даже ночи». (ib. стр. 335 и 336). «По некоторымъ местамъ Малороссіи было прежде въ обыкновеніи съ пъніемъ носить по улицамъ чучело; толпа дътей сопровождала его крикомъ и бросала въ него снъжныя комки... Въ другихъ мъстахъ возили на саняхъ масляницу-деревянное изображение женщины, съ распущенными волосами и въ пестрой одеждъ, и потомъ бросали въ воду, или сожигали за городомъ въ воскресенье» (ib. стр. 4 (3) 43 и 344). «Госполствуетъ между суевърными еще предубъждение, что кто хочетъ пріобръсть дешевою пъною талисманъ, съ коимъ можно являться повсюду и пріобрътать все, что пожелаетъ душа, въ такомъ случав надобно, въ последнее воскресенье на масляницъ, положить въ ротъ кусокъ сыра, во

время полуночи, и держать его три дня сряду, не вынимая изо рта, и не дозволяя чертямъ дотрогиваться до него... Многіе увъряють, что для успъха въ томъ, впередъ надобно продать думу чорту» (ів. стр. 345). «Въ послъдній вечеръ сырной недъли не должно ни разводить огня, ни зажигать свъчь» (ib. стр. 346). Въ чистый понедельникъ «во многихъ городахъ поутру собираются кучами ребятишки, идуть толпою къ дому каждаго хозяина съ ухватами, кочергами, помелами, сковородами и кричать: мы масляницу прокатили, святы вечера проиграли, мы рожественъ постъ пропряли» и т. д. (ib. стр. 348). Въ всехъ этихъ обрядахъ и поверьяхъ, относящихся къ масляницъ, видны слъды служенія злымъ духамъ. Къ этимъ же слъдамъ должно отнести ночныя гулянья и катанья, обычныя на масляниць (стр. 340, 342); въ Литвъ ъздять на необъезжанныхъ лошадяхъ (стр. 348); сюда же относятся переряживанье и маски (стр. 338). Что въ масляницу во времена язычества происходили вакханаліи, весьма втроятно изъпреведенныхъ фактовъ. Но есть еще одинъ, очень замъчательный. Въ нъкоторыхъ губерніяхъ на масляницъ «самыя дъвушки надъваютъ на голову повойники и кички» (ib. стр. 342). Наконецъ масляниця есть, отчасти, и празднование весны. Въ Ярославской губернии въ это время поють коляду (стр. 328). Въ Саратовской встречють масланипу подъ видомъ деревяннаго истукана съ веселыми пѣснями; но въ воскресенье ввечеру истукана погребають съ следующими обрядами: «наряжають старика въ черное рубище, и навязавъ на веревочку осколки битой посуды подаютъ ему въ руку; за нимъ несутъ масляницу на носилкахъ» (стр. 332 и 333). Что значать эти встръчи и похороны? Ихъ можно толковать различно. Можетъ быть масляница въ самомъ дъль одицетво. рена въ этомъ истуканъ; можетъ быть истуканъ, играющій роль масляницы, соединаль въ себт олицетвореную весну, которую встречали, и зиму, которую провожали. Такое смешение часто встрѣчается въ народныхъ обычаяхъ. Какъ бы то ни было, встрѣча совершается съ весенними обрядами, а проводы или похороны напоминаютъ торжества въ честь враждебныхъ силъ. Въ заключеніе замѣтимъ вообще, что въ празднованіи масляницы, обрядовъ, сопровождающихъ весенніе праздники, несравненно меньше, чѣмъ относящихся къ служенію злымъ духамъ и мертвымъ.

Весенніе и льтніе праздники, подобно зимнимъ, представляютъ обожаніе живительныхъ, благодътельныхъ силъ природы и поклоненіе злымъ духамъ. Слъды перваго мы находимъ въ празднованіи красной горки, Семика, Троицына дня, ярилы и наконецъ купалы; слъды втораго очень замътны въ обрядахъ русальной недъли.

У Чеховъ и Словаковъ весна встръчалась радостными пъснями. У первыхъ, кажется, при этомъ выносилась изъ села чучела, которая называлась смертью и была олицетвореніемъ зимы, и приносилась другая, олицетворявшая наступающее льто (ч. У, стр. 6). Въ Малороссіи носять чучело марену, или мару, тоже олицетвореніе прошедшей зимы, или ласточку-образъ наступающаго льта. Веснянки, по мньнію русскихъ простолюдиновъ въ накоторыхъ губерніяхъдухи, появляющіеся весною, какъ зим нянки зимой, осянки, или оснянки осенью (ibid. стр. 8 и 9). Съ этимъ соединяется множество разныхъ повърій о цълебной силь перваго весенняго дождя, купанья въ опредъленные дни, иногда въ весенніе праздники, о черпаньи воды весной съ особенными обрядами, разныя воззванія къ солнцу, и т. д. Г. Терещенко собраль о встръчъ весны интересные факты. Не знаемъ только, почему онъ говоритъ, что «въ Польшт веснянки почти забыты, а въ Россіи малоизвъстны» (ibid. стр. 8). Изъ его же словъ видно совершенно противное. К рас ная горка и выюнишникъ (какъ справедливо замъчаетъ авторъ отъ

юный, юность ib. стр. 16), составляющіе, по митнію однихъ, особенные праздники, и нераздъльные, по митию другихъ, въ томъ числъ и г. Терещенко, — не только представляютъ празднованіе весны, но, кажется, даже и следы языческихъ вакханалій, которыя вездё и всегда происходили въ опредъленное время, напоминая тъмъ о когда-то бывшемъ чисто природномъ состояніи человъка. Темное преданіе о нихъ сохранилось въ поздравленіи молодыхъ, обычномъ на красную горку; въ хороводахъ, примете, что «время красной горки почитается благопріятнъйшимъ для свадьбъ» (ів. стр. 18). Красная горка называется мъстами толпищемъ (ів. стр. 17). Въ другихъ она празднуется «въ Юрьевъ день, въ который выгонъ скота въ поле сопровождается служениемъ молебновъ, для предохраненія его отъ всёхъ недуговъ, а потомъ радостными пъснями и ночнымъ хожденіемъ около стадъ, въ томъ мивнін, что этимъ действіемъ прогоняется нечистая сила, которая въ то время бываетъ самая злая и чрезмерно портитъ скотъ» (ib. стр. 18).

Въ ярилъ во времена язычества несомитенно обожали производительную, творящую силу природы. Праздникъ его, разумъется, бывалъ въ началъ нашего лъта. Замъчательно, что
въ концъ іюня ярилу хоронили съ плачемъ и рыданіями. Начало и конецъ жнитвы сопровождаются тоже обрядами, напоминающими язычество. Божество плодородія (если оно было)
олицетворяется снопомъ, который одъваютъ въ женское платье
(названіе снопа: имянинникъ, кумушка, едва ли древнія),
и около него празднуютъ жатву, съ пъснями, плясками и разными обрядами, очевидно старинными, остатками язычества.

Семикъ и Тронцынъ день—два праздника, очень сходные между собою какъ зимніе Коледа и Авсень. Это, кажется, празднованіе окончанія весны. Въ ніжоторыхъ містахъ въ Тронцынъ день справляются проводы весны. Въ Муроміт,

въ первое воскресенье послъ Троицына дня «погребаютъ Кострому, а во Владимірт на Клязькі, погребають, въ это самое время Ладу» (ч. VI, стр., 192). Въ Пензенской и Симбирской губерніяхъ Тронцынъ и Духовъ дни сопровождаются страннымъ обычаемъ. Дъвушки, одъвшись въ простыя платья, сходятся на условленное мъсто; тамъ, избравъ одну изъ своихъ подругъ, съ названіемъ Костромы, кладутъ ее на доску, несутъ къ ръкъ и спускаютъ въ воду» (ib. стр. 189). Кострома символъ любви, наслажденій любовью, что до сихъ поръ сохранилось въ народныхъ поговоркахъ; ладъ, ладоне «общепринятыя для обрядныхъ и хороводныхъ пъсенъ окончанія», какъ утверждаетъ г. Терещенко (ч. V, стр. 56, въ выноскахъ), а весьма опредъленно значатъ мужъ, что видно изъ имъ же приведенныхъ пъсенъ, напр. Ищуль я, ищу, ласкова ладу... добрый молодчикъ, будь моимъ ладой (ч. VI, стр. 166 и 167). (Тутъ ладъ очевидно означаетъ мужа, а не жену, какъ думаетъ г. Терещенко ів. въ выноскъ или: «да не быть ръпю, съ тыномъ равну, да не быть ладу, супротивъ братцевъ моихъ (ч. IV, стр. 218). Похороны Лады самымъ убъдительнымъ образомъ доказываютъ, что Ладо не только могло быть, но и дъйствительно было языческимъ божествомъ, противъ чего г. Терещенко совершенно пеосновательно спорить съ гг. Снегиревымъ и Савельевымъ-Ростиславичемъ (ibidem). По тому смыслу, который имъетъ въ нашихъ пъсняхъ слово ладъ, кажется, Ладо было олицетвореніемъ любви и наслажденій. Множество фактовъ, относящихся къ простонародному празднованію Семика и Тронцына дня, приводять къ этому заключенію. «Въ Московской, Владимірской и Рязанской губерніяхъ сгибають молодыя плакучія березы, вьють изъ нихъ вънки и кумятся чрезъ вънки (цълуются)» (ч. VI, стр. 151). Вънокъ-символъ дъвичества. Это видно напр. изъ песни: «кому венокъ износить? Носить венокъ ста-

рому, старому вънокъ не сносить, мою молодость не сдержать» (ib. стр. 171). Поэтому припавъ въ Семикъ, когда давушки кумятся: «покумямся кума, покумимся, чтобы намъ съ тобою не браниться, въчно дружиться» (ib. стр. 151) — не выражаетъ первоначальнаго смысла этого обряда; да и большая часть хороводныхъ пъсенъ и припъвовъ такъ: обороты древніе остались, а слова измінились. Даліве, покумившись, онъ «дарятъ другъ друга желтыми янцами. Во Владимірской губерній ходять еще дівушки, поутру, съ пирогомь на янцахь, собирать у состадей деньги; вечеромъ составляютъ хороводы, пляшуть, поють, вдять пирогь и яичницу. У волжскихь жителей дъвицы пекутъ козули, — лепешки на яицахъ, въ видъ вънка» (ib. стр. 152). Въ другихъ мъстахъ действующими лицами являются кумъ и кума; мущина и дъвушка ставятся по срединъ хоровода (ib. стр. 153). «Въ нъкоторыхъ уъздахъ Костромской губерній... міняются при кумовстві кольцами и серьгами (очень можеть быть, что такъ делалось между девушками и мущинами. Еще досель у насъ мущины въ простомъ народъ носять серьгу въ ухъ). Въ Саратовской губерніи «по свитіи вънка каждая пара кумится. Это состоить въ томъ, что одна другой (дъвушки) подаетъ, сквозь вънокъ по яйцу; потомъ, обмънявшись имъ, цълуются сквозь вънокъ. За этимъ приступають къ выбору: которой изъ нихъ быть старшей кумою» (ів. стр. 165). «Надобно замітить, что въ Троицынъ день дъвушки спрашиваютъ у зозуль (кукушекъ), когда онъ кукуютъ: долго ли имъ быть еще въ домъ отца?» (стр. 478). «На другой день недъли (т. е. авторъ хотълъ въроятно . сказать: воскресенья), поутру рано, отправляются дъвушки купаться. У каждой изъ нихъ на головъ вънокъ, а въ рукъ полынь. Съ ними онъ входять въ ръку и ныряють: вънки сплывають съ ихъ головъ; послъ онъ выходять на берегъ и следять глазами за венками. Чей венокъ принесется водою

первымъ къ берегу, та думаетъ, что она прежде всехъ своихъ подругь выйдеть замужь, и т. д.» (ів. стр. 180). Съ этимъ въ связи «существовало обыкновеніе, которое містами отправдяется понынь, что парень задумавшій жениться, должень вытащить изъ воды вънокъ для той, которую просить за себя (ів. стр. 184). Въ некоторыхъ местахъ Казанской губернін, на канунъ Троицына дня, «поселяне обоего пола пляшутъ и поютъ въ честь ярилы» (ib. стр. 187). «Въ Орловской губерніи пекуть на Троицынь день два коровая: это печенье вазывается моленіемъ короваю. Одинъ тдять за столомъ, а съ другимъ ходять дъвушки въ рощу завивать вънки» (ib. стр. 192). Коровай, какъ извъстно, игралъ большую роль на свадьбъ. «Въ Семикъ и Троицынъ день разыгрываютъ, въ съверной части Россіи, хороводную игру жениха и невъсты при завиваніи в'ынковъ» (ів. стр. 195). Эта игра «оканчивалась въ старину расплетеніемъ косы» (ів. стр. 196); расплетеніе косы-обрядъ свадебный. «Между суевърными предметами, народъ сохранилъ на берегу р. Мечи, въ сель Козьемъ (около Тулы), кучу камней, расположенныхъ хороводнымъ кругомъ. Тамъ думаютъ, что этотъ кругъ состоялъ изъ хороводныхъ дъвушекъ, которыя за неистовыя пляски на Троицынъ день, превращены небеснымъ громомъ въ камни» (ib. 197). Впрочемъ мы никакъ не смъемъ утверждать навърное, что въ Семикъ и Троицынъ день праздновались исключительно супружеская любовь и наслажденія. Очень можеть быть, что Ладо было олицетвореніемъ не только этой любви, но семейнаго согласія и пріязни вообще. На это есть даже указанія въ фактахъ, собранныхъ г. Терещенко. Во всякомъ случав остается, кажется, внв всякаго сомненія, что сначала Ладъ, Ладо, было божествомъ любви въ тесномъ спысля этого слова; потомъ значение его могло расшириться, даже еще во времена язычества, и измънить сущность празднованія.

По нѣкоторымъ примѣтамъ можно думать, что Семикъ и Троицынъ день, во времена язычества, составляли одинъ и тотъ же праздникъ: Семикъ начало, а Троицынъ день — конецъ. Замѣтимъ, что въ хороводныхъ пѣсняхъ оба воспѣваются часто вмѣстѣ: «Семикъ да Троица» (ib. стр. 190, 191, 164), — что въ Семикъ заплетали вѣнки, а въ Троицынъ день ихъ развивали (ib. стр. 166), — что наконецъ въ Семикъ кумились, въ Троицынъ день раскумливались (ib. стр. 191).

Впрочемъ эти праздники не были однимъ почитаніемъ Лады; въ нихъ праздновалась весна; и то и другое сливалось, по причинамъ весьма понятнымъ въ естественномъ, природномъ состояніи человъка. «Въ старину дъвушки и пожилыя женщины сходились на окрестный близь Кіева лугъ, и пъли разныя сладострастныя пъсни, или пляшущая толпа выходила изъ города и деревень съ зелеными въ рукахъ вътвями, и плясала около поставленнаго въ полѣ истукана, который украшался цвътами полевыми, сучьями зеленыхъ деревьевъ и разноцвътными лоскутьями» (ib. стр. 141). «Изъ пъсенъ и обычаевъ видно, что въ Семикъ производились гаданія при рвкв и колодезв; двлали тамъ вопросы; умывали глаза водою, чтобы они не больди, и бросали туда мелкую монету» (ibid.). Въ Малороссіи, въ Семикъ, «обставляютъ храмы, дворы, домы и покои молодыми кленовыми деревьями, иногда липовыми и березовыми. Внутренность комнать посыпають травою и цвътами. Въ Велико-Россіи такой же обычай» (ів. стр. 146). «Дъвушки бросаются толпою къ березкамъ, плетутъ вънки, перевиваютъ ихъ лентою, и несутъ березку домой, съ пъснями» (ib. стр. 156). «Въ Тульской губерніи называють кумою семицкую березу» (стр. 159). Въ другомъ мъстъ: «Въ Троицынъ день наражаются дъвушки, поутру рано, въ лучшіе сарафаны, и потомъ отправляются вмёстё въ ту рощу, гдё завивали въ Семикъ вънки: берутъ съ собой березку, украшаютъ ее лентами и приносятъ съ пъснями, въ избранную ими для празднованія избу» (ів. стр. 188). «Въ нъкоторыхъ мъстахъ Енисейской губерніи одъвають березку въ пестрое платье, и ставять ее въ клъть до Троицына дня. Это чучело изъ березки называется гостейкою. Въ Троицынъ день послъ объдни, выносятъ дъвушки съ парнями гостейку за селеніе; завиваваютъ въ роще венки и плящутъ около гостейки» (ib. стр. 192). Въ Воронежской губерніи «для праздника строили шалашъ за городомъ, убирали его вѣнками, цвѣтами и душистою зеленью; внутри его ставили чучело одътое въ богатое платье, мужское или женское. Около шалаша толпились люди обоего пола, раскладывали на застланныхъ скатертью столахъ или на землъ, нарочно приготовленное кушанье, и ставили разнаго рода напитки: медъ, пиво, варенуху и водку: садились и угощали другъ друга. Затемъ начинали петь и плясать около шатра» (ib. стр. 194). «Въ древности ходили въ священныя рощи снимать кору съ деревьевъ, березы, липы и дуба и прикладывали ее къ ранамъ. Добывая огонь изъ священныхъ деревьевъ помощью тренія, хранили его дома. Другіе брали кусочекъ затлъвшаго дерева, или щепочку (?) золы, и берегли у себя, думая предохраниться отъ заразы» (ib. стр. 197).

Съ празднованіемъ церковью памяти Іоанна Крестителя, св. Агриппины и св. апостоловъ Петра и Павла совпадало древнее языческое торжество, котораго слёды удержались до сихъ поръ. Какое божество праздновалось въ это время— неизвёстно. Въ народныхъ обрядахъ и пёсняхъ на эти дни упоминаются к у пало, коледа. Самое время празднованія называется во многихъ мёстахъ соботкой и собуткой (часть V, страница 54), что напоминаетъ вмёстё и святки, носившія мёстами названіе субботокъ и шабаша. Изъ этого естественно возникаетъ вопросъ: не былъ ли праздникъ купалы установленъ въ честь враждебныхъ боговъ? Многія причины заставляютъ съ пер-

ваго взгляду такъ думать. Во первыхъ, праздникъ купалы имълъ непосредственное отношение къ повороту солнца на эмму. «Почти во всей Европъ-говоритъ г. Терещенко-празднуется Иванъ Купало, и онъ совпадаетъ съ летнимъ солнцестояніемъ» (ів. стр. 53). «Въ Силезіи Ивановскій огонь (о немъ ниже) называють огненнымъ поворотомъ солнца» (ib. стр. 67). «У Сербовъ господствуетъ мивніе, что въ Ивановъ день солице останавливается три раза на своемъ теченіи» (ів. стр. 54). «Въ Ивановъ день солнце, по митнію людей, вытажаетъ изъ своего чертога на трехъ коняхъ: серебряномъ, золотомъ и брилліянтовомъ къ своему супругу місяцу; въ пробадъ свой пляшетъ солице и разсыпаеть по небу огненныя искры, которыя могутъ видеть только при его восходе» (ib. стр. 75). Оттого во многихъ мъстахъ сохранился обычай наканунъ Иванова или Петрова дни ожидать солнечнаго восхода (стр. 78). Во вторыхъ, въ тесной связи съ этими поверьями находятся другія, представляющія ночь наканунт купалы страшной, таинственной, въ которую нечистыя силы составляютъ заговоръ противъ людей и домашнихъ животныхъ. «Наканунъ субботки или Ивана Купалы-говоритъ авторъ-не выпускаютъ земледъльцы въ полъ своихъ коней, въ томъ мнъніи, чтобы въдьмы не вздили на нихъ въ Кіевъ на Лысую гору, гдв въ то время бываетъ ихъ сборище» (ib. стр. 75). «Ивановская ночь почитается въ Малороссіи страшной ночью. Тамъ думаютъ, что въ это время хаты и скотные загоны постщаются втдымами и вукулаками (оборотнями). Для отвращенія ихъ посъщенія раскладывають по окнамь, порогамь и стойламь, жгучую крапиву или папоротникъ. Однъ яги-бабы, колдуны и кіевскія вёдьмы, которыя собираются тогда во множестве, летають на помель на Лысую гору или чортово берепище, находящееся подъ Кіевомъ, гдт онт совтуются на пагубу людей и животныхъ» (ib. стр. 87). «Простой народъ въ Литвъ въритъ, что въ ночь

предъ Ивановымъ днемъ, въдьмы высасываютъ молоко у коровъ» (стр. 74, 81 и 73). Кромѣ этихъ данныхъ есть извѣстія о празднованін Купалиной ночи у Поляковъ и Русскихъ въ XVI въкъ; изъ нихъ видно, что она, кажется, была посвящена злымъ духамъ (стр. 58, 59 и 70). Въ Силезіи «предъ днемъ св. Іоанна женщины жгутъ огни, танцуютъ, поютъ и совершаютъ молитвы и почести дьяволу» (?) (стр. 67). «Ночь купалы исполнена, по мнжнію простолюдиновь, чароджиныхъ явленій. Рыбаки увтряють, что поверхность рткъ бываеть тогда подернута серебристымъ блескомъ: деревья переходятъ съ мъста на мъсто и шумомъ своихъ вътвей разговариваютъ между собою» (стр. 79) Въ томъ же мивніи, т. е. что Ивановская ночь была посвящена злымъ духамъ, повидимому утверждаеть некоторое сходство этой ночи съ святочными. Напр. въ древности въ эту ночь тоже происходили вакханаліи. Польскій ботаникъ Мартинъ говоритъ, что «въ день св. Іоанна никого небывало въ церкви, потому что все проводило собутки съ бъсами, со всякимъ безчинствомъ... Пъли сатаническія пъсни, скакали» (стр. 59). Игуменъ Панфилъ писалъ Псковичамъ: «егда бо прійдетъ праздникъ во святую нощь, мало не весь градъ возмятется и въ селъхъ возбъсятся: въ бубни и въ сопели и гуденіемъ струннымъ, плесканіемъ, и плясаніемъ: женамъ же и дъвамъ и главами киваніемъ и устнами ихъ непріязненъ кликъ, вся скверные пъсни, и хребтомъ ихъ вихляніе, и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе; туже есть мужемъ и отрокомъ великое паденіе; туже и женское и дівичье шептаніе, блудное имъ возрініе, и женамъ мужатымъ оскверненіе и дівамъ растлініе» (стр. 70). Тоже находимъ въ Стоглавъ. На такое провождение Ивановской ночи есть намеки и въ теперешнихъ обычаяхъ. Славяне приносили жертву купалъ Потомъ, юноши, дъвицы, мущины и женщины... раскладывали огонь, плясали около него, взявшись за

руки и пъли пъсни при перепрыгиваніи. Въ день Петра и Павла становили качели, съ тъми же обрядами; качались, пъли, плясали и скакали на доскахъ (ів стр. 73 и 74). Качели запрещались духовенствомъ. Далъе: «Въ Витебской губерніи, наканунт Иванова дня,... молодыя дтвушки надтваютъ на голову вайникъ» (стр. 79) т. е. женскій головной уборъ. «Въ иныхъ мъстахъ молодые обоего пола купаются въ ръкахъ предъ закатомъ солица. Вечеромъ раскладываютъ огонь на поляхъ и на горахъ. Дъвушки и мущины, побравшись за руки, прыгаютъ попарно чрезъ огонь. Если при скаканіи не разойдется пара, то явная примъта, что она соединится бракомъ» (сгр. 83). Но всъ соображенія, что ночь наканунь купала была посвящена злымъ духамъ, разрушаются тъмъ, что въ обряды этой ночи не входили переряживанье и гаданія. Правда г. Терещенко упоминаетъ о гаданіи дъвушекъ вънками (стр. 59), о гадательныхъ пъсняхъ и примътахъ (ibid.); но такія гаданья и примъты сопровождали всъ языческія празднества и ничего не доказываютъ; притомъ, какъ видно, они даже не играли большой. роли въ Ивановъ день. Что же такое было предметомъ поклоненія на праздникъ купалы? Это трудно рышить: ихъ столько, и столько разнообразныхъ обрядовъ соблюдается въ этотъ праздникъ, что всякое соображение теряется. Во первыхъ, однимъ изъ важитишихъ предметовъ поклоненія былъ огонь. Его доставали посредствомъ тренія досокъ (стр. 59 и 67). Въ Далмаціи этотъ огонь поддерживали дъти: они наблюдаютъ, чтобъ онъ не погасъ (ів. стр. 66). Называется онъ огненнымъ поворотомъ солица (?), въ Новгородской губерніи — живымъ, лъснымъ, царь-огонь, лекарственнымъ (ів. стр. 71). У Германцевъ Ивановскій огонь быль очистительный, предохраняль отъ заразы и бользней и умилостивляль тени усопшихъ (стр. 57). Въ Польшћ и Галиціи есть повћрье, что онъ исцъляеть головныя боли (стр. 60); у насъ думають, что онъ не

۹. ۱**۲**.

даетъ злымъ духамъ доить молоко и предохраняетъ стада отъ дъшихъ (стр. 73). Наконецъ древніе Чехи приносили въ жертву дътей (стр. 64), а Силезяне, теперь, богородицкую траву (стр. 67). Ивановскіе огни разводятся ночью въ поляхъ, лізсахъ, близь ръкъ. Около нихъ собираются мущины и женщины, старые и молодые, поютъ пъсни, плящутъ и перепрыгиваваютъ чрезъ него, иногда босыми ногами. «Скаканіе (черезъ огонь) имъетъ свое особое значеніе. У иныхъ оно означаетъ освобождение отъ колдовства и бользней; у другихъ, когда высоко скачутъ, предзнаменовываетъ изобиліе льна и долгую жизнь. Скакали еще черезъ огонь на лошади, или бросали въ пылавшій костеръ лошадиную голову, чтобы воспретить появденію колдуновъ» (стр. 52). Очевидно, огонь быль предметомъ поклоненія и имель священное значеніе (стр. 58, 59, 67, 71, 73, 80 и 81). — Такое же почти значеніе имъла въ этотъ и съ этого дня вода. Это показываетъ воспъваніе купалы, которая празднуется въ Ивановъ день, подъ видомъ чучелы. «На Подоль и Волыни дъвицы сходятся въ то мъсто, гдъ поставлена убранная вънками и цвътами верба, называемая купайло, и ходя вокругъ нея поютъ печальныя (?) пъсни» (стр. 74). «Въ Бълоруссіи вбивають наканунь Ивана, по солнечномъ заходь. коль въ землю: обкладывають его соломою и коноплемъ, а на самой верхъ кладутъ пукъ соломы, называемый Купало» (стр. 76). Въ Малороссіи «одна изъ дъвушекъ беретъ соломенную, одътую въ женское пестрое платье куклу, ставить ее подъ дерево; другія дъвушки убирають ея голову лентами, очинкомъ и украшаютъ шею монистомъ. Это чучело называется купалою» (стр. 80). Несмотря на столь очевидные следы обожанія идола Купала, г. Терещенко утвердительно говорить, что «въ Россіи никогда не было бога Купала, какъ некоторые считають его богомъ земныхъ плодовъ... Таковое опибочное (?) митніе ввель Гизель въ своемъ Синопсист; ему последо-

валь Св. Дмитрій Ростовскій» (стр. 55 и выноска 2). Другія повёрья доказывають тоже священное значение воды въ этотъ праздникъ, и какъ будто ея обожаніе. Въ Сербіи «нѣкогда купали истукана въ водъ и обливали его водой» (ib. стр. 58). Купанья, начинавшіяся въ нъкоторыхъ мъстахъ съ Аграфенина дня, составляли необходимый религіозный обрядь этого праздника. «Около старой Ладоги производится купанье при огит, раскладываемомъ на горт Побъдницт» (ib. стр. 71). Изъ Стоглава это видно еще ясиће: «О Иванћ дић и въ навечерьи Р. Х. и Крещенія сходятся мужи, жены и дівицы на ночное плещование и на безчинный говоръ и на скакание, и бываетъ отрокамъ оспвернение и джвамъ растление... и егда ночь мимоходить, отходять къ реце съ великіемъ кричаніемъ и умываются водою» (стр. 71, выноска 1, стр. 83). Вода считается въ эти дни цълебною (стр. 71). Наконецъ во многихъ мъстахъ умываются въ Купалинъ день росою (стр. 71), думая, что она придаетъ свъжесть лицу и здоровье (стр. 60 и 73); въ Литвъ Купалинъ день даже называется росою (стр. 71).— Растеніе — третій предметъ поклоненія въ Ивановъ день. Люнебургскіе венды приносили въ жертву священному дереву пътуха (стр. 68). «У дравскихъ вендовъ въ высокомъ почитаніи деревья вънечное (березовое) и пътушиное (Наһиbаит). Вънечное употребляется женщинами въ Ивановъ день. Онъ однъ только могуть его рубить, вознть и ставить въ землю. Всякая женщина, какъ бы она ни была дряхлая. едва могущая ходить на костыль, отправляется смотрыть, гдв будуть ставить дерево. Его рубять наканунт праздника, снимають съ него вст вътки, оставивъ одну только верхушку на подобіе вънка. Въ Ивановъ день берутъ женщины телъгу, сами въ нее впрягаются вмітсто лошадей... и отправляются въ рощу. Молодыя и здоровыя женщины идутъ возл'я тельги, поють и веселятся, а ихъ матери везутъ... Новое дерево становится при торжественномъ восклицаніи: оно увъшивается вънками и цвътами... Обычай становить дерево совершается ежегодно съ особымъ почитаніемъ» (ів. стр. 68 и 69). Въ окрестностяхъ Петербурга Ижоряне, во времена Петра Великаго, приносили въ жертву липъ бълаго пътуха (стр. 73). На поклонение деревьямъ въ Ивановъ день указываютъ также пъсни и почести вербъ, называемой купайлой (стр. 74). Кромъ деревьевъ, травы и цвъты были во времена язычества тоже предметомъ обожанія въ Купалинъ день. Ихъ приносили въ жертву (стр. 58); сила ихъ была цълебна (стр. 60), предохраняла противъ нечистыхъ духовъ (стр. 81 и 87), несчастій и бользней (стр. 67), вообще имела чудодейственную силу (стр. 59). Оттого травы собирались на Ивановъ день съ особенными обрядами (стр. 70); это было необходимымъ действіемъ въ Купалинъ день (стр. 74 и 75). Изъ травъ плелись вънки; травами и цвътами убирались боги и люди въ этотъ праздикъ. Нъкоторыя изъ нихъ имћли особенную силу и таинственное значеніе (стр. 59). У г. Терещенки есть цълый имъ списокъ и описаніе (стр. 87-95). Можетъ-быть поэтому именно и сожигались травы и растенія въ Купалинъ день съ торжественными обрядами. У Сербовъ зажигаютъ «факелы и бересту, и обходять съ ними хліва и пастонща; потомъ идуть на горы, и сожигають при пляскахъ факелы и бересту» (стр. 54). У нихъ же «пастухи, наканунъ Иванова дня, жгутъ около хлъвовъ березовыя и черешневыя лыки, (стр. 58). Можетъ быть сожженіемъ лыкъ объясняется следующій странный обычай въ Литве: «въ день Купалы складывають костерь изъ поношенныхъ лаптей, онучь и лубяныхъ вещей и зажигаютъ ихъ; скачутъ и поютъ... Послъ начинаютъ танцовать около костра, бросая въ него березу и конопель» (стр. 75). Въ Далмаціи за десять дней до Иванова дня «толпа поселянъ складываетъ можжевельникъ въ кучу, которая называется коледо, и зажигаеть ее, сопровождая танцами и пъснями» (стр. 66). Въ нъкоторыхъ мъстахъ Россіи «въ день св. Агриппины собирали крапиву, шиповникъ и другія колючія растенія, клали въ кучу п скакали чрезъ нихъ» (стр. 72).

Всв эти данныя заставляють думать, что праздникъ купалы быль празднованіемь льта и живительныхь силь природы, такъ благодатно развивающихся и дъйствующихъ льтомъ. Іюнь - апогея льта. Но эта высшая точка раскрытія силь природы наступаетъ именно въ то время, когда солнце переходитъ въ знакъ рака, поварачиваеть къ зимъ. Отсюда таинственность Ивановской ночи: повърья о заговоръ враждебныхъ силъ, шабашъ въдьмъ, свиръпости русалокъ, лъшихъ, домовыхъ и проч. Это предчувствіе упадка льта. Но оно еще въ полномъ цвътъ. Враждебныя силы не властны надъ нимъ. Оттого въ этотъ праздникъ сожигаютъ или бросаютъ въ воду марену, дерево смерти (стр. 79, 81, 83). Накоторыя отступленія отъ этого обычая: сожиганіе коляды (стр. 66), обрыванье купайлы у дъвушекъ парнями (стр. 71), наконецъ общее чествование марены и купалы (стр. 80-82), показываютъ только, что прежніе обычаи спутались въ понятіяхъ, и относящееся къ одному перенесено на другое.

Вообще видно, что купалинъ праздникъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ языческихъ праздниковъ. Это и понятно: въ естественной религіи, гдѣ силы и явленія природы единственный предметъ поклоненія, лѣто должно было быть предметомъ особеннаго обожанія. Напрасно спрашиваетъ г. Терещенко: «откуда же перешелъ Купало въ Россію?» Напрасно думаетъ онъ разрѣшить этогъ глубокомысленный вопросъ словами: «на это нельзя отвѣчать утбердительно, но можно сказать (sic!). что это восточныхъ народовъ празднованіе, измѣненное вѣками въ разныя названія и обряды» (іb. стр. 55). Дѣло само по себъясно: у насъ было естественное, природное язычество, и слѣдо-

вательно было поклоненіе літу. Приходить или переходить ему къ намъ было не откуда и не для чего.

Въ заключеніе замѣтокъ о праздникѣ купалы позволимъ себѣ высказать догадку. День купалы совпалъ у насъ съ Ивановымъ днемъ. Не потому ли имя Ивана такъ распространено въ русскомъ народѣ? Что оно у насъ издревле одно изъ самыхъ употребительныхъ собственныхъ именъ, видно изъ того, что «простой народъ въ Болгаріи доселѣ называетъ всѣхъ русскихъ Иванами. Греки же, тамъ живущіе именуютъ Россію Ивановщиной (δι Ιβάνιδες)» (ч. ІІІ, стр. 56). Названіе народа по собственному имени приводитъ насъ къ другой мысли: не потому ли все славянское племя такъ названо, что имена на славъ въ немъ были очень обыкновенны? Предоставляемъ оба предположенія на судъ знатоковъ.

Совершенно иной характеръ имбетъ русальная недвля. Русальная недъля (т. е. семицкая), какъ показываетъ ея названіе, посвящена русалкамъ. Что такое русалки? объяснить это чрезвычайно трудно. Онъ олицетвореніе силь природы; это видно изъ встхъ признаковъ, которые народныя повтрыя приписываютъ русалкамъ. Но повърья эти такъ искажены поздетйшими, совершенно произвольными приставками и придълками, такъ много примъщано къ нимъ новаго подъ вліяніемъ христіянскихъ понятій, что почти невозможно добраться до первоначальнаго источника. Были ли русалки олицетвореніе водъ, ръкъ, источниковъ, какъ ундины, наяды, остается еще вопросомъ; ибо, правда, отношение, сродство ихъ съ водой весьма близкое, тёсное: но вода не исключительный ихъ элементъ. «Въ Малороссіи-замъчаетъ г. Терещенко-говорятъ, что русалки являются съ страстнаго четверга, какъ только покроются луга весенней водою, распустятся вербы и зазеленъютъ деревья и поля, и живуть на землъ до глубокой осени» (Ч. VI, стр. 124). «Въ Украйнъ и Малороссіи гос-

подствуеть еще повърье, что дъти, умермія безь крещенія, превращаются въ мавокъ, малокъ и гречухъ, сопутниковъ русалокъ; что злые духи мучатъ этихъ младенцевъ, которые освобождаются отъ ихъ власти только на зеленыя святки (т. е. въ Духовъ, нашъ Тронцынъ день)» (ib). «У насъ бъгаютъ русалки по лъсу, рощамъ или травъ, или плещутся въ ръкахъ и озерахъ... Въ нъкоторыхъ мъстахъ донынъ сохранился обычай, что въ русальную недёлю развёшивають по деревьямъ полотно, которое будто бы мавки и русалки берутъ себъ на рубашки. Иные... раскладываютъ еще горячій хлібов по окнамъ, думая, что паромъ его бываютъ сыты русалки» (ib. стр. 126). «Въ дивпровской Россіи утверждають поселяне, что огни, которые свътятся ночью на могилахъ, насыпныхъ курганахъ, въ рощахъ, лъсахъ и на поляхъ, разводятся дивпровскими русалками для того, чтобы заманить къ себъ людей... Наканунъ Троицына дня русалки, по мивнію Малороссіянь, бъгають по полямъ, засъяннымъ хлъбомъ, и хлопаютъ въ ладоши». Далъе: «Русалки до Троицына дня живутъ въ водахъ: (это опровергается другимъ повърьемъ «что въ Троицынъ день русалки падають съ деревьевъ» ч. VI, стр. 175) на берега выходять только поиграть. Съ Троицына дня до Петрова поста, шатаются по земль; живуть тогда въ льсахъ на деревьяхъ. Любимое ихъ дерево кленъ и дубъ. Качаются на зеленыхъ сучьяхъ и разматываютъ пряжу, которую упосять отъ поселянокъ, заснувшихъ безъ молитвы. Съ клечальной недъли (семицкой) онъ аукаютъ въ лъсахъ и зазываютъ къ себт съ хохотомъ прохожихъ» (ib. стр. 129 и 130). Русалки «на зеленую недълю становятся чрезвычайно сердитыми, даже до бъщенства, и все, что не попадется имъ, портятъ, особенно молодыхъ супруговъ» (ib. стр. 131 въ выноскъ). «Въ Тульской губерніи сохранилось преданіе о лъсовой русалкъ;... она поетъ и живетъ въ густомъ лъсу. Русалка эта совершенно безопасна, во все

время года, кромъ русальной недъли» (ів. стр. 134). Наконецъ, недълю спустя послъ Троицына дня и Духова дня, въ понедъльникъ, праздновались проводы русалки (стр. 137). Какъ ни противоръчатъ между собой эти извъстія, но изъ нихъ видно, во первыхъ, что русалки не были только водяными существами; потомъ — ихъ появление съ ранней весны, ихъ ожесточеніе, свиръпость въ русальную недълю и вскоръ затъмъ проводы въ началъ нашего лъта показываютъ, что собственно этимъ временемъ и ограничивается дъйствіе развитія той силы природы, которая была въ нихъ олицетворена. Но какая? все-таки не видно. Притомъ на русалкахъ есть странный отпечатокъ. Онъ имъютъ много общаго съ враждебными силами и принадлежать къ нимъ. Извъстно, что общее повърье приписываетъ имъ страсть защекотывать людей до смерти. Но вотъ другіе факты, еще важнѣе: «Онѣ между народами (въ дивпровской Руси) изображаются страшными, и ими пугаютъ детей, какъ кіевскими ведьмами» (стр. 129). «На русальную недёлю никто не осмёливается купаться въ рёкё и хлопать въ ладоши, потому что въ это время веселье русалокъ и хлопанье страшное... На ихъ удары стекаются и прочія русалки; однъ кіевскія въдьмы только могутъ купаться съ ними. На зеленой недълъ въ четвергъ никто не долженъ работать, чтобы русалки не попортили домашній скоть, птицу и все хозяйственное заведение. Этотъ день называется великъ день русалокъ» (ib. стр. 132). «На Руси господствуетъ митніе, что всь эти духи (водяные, льсные, льшіе, домовые и т. д.), при низироверженіи Вельзевула, со всею нечистою его силою въ адъ, частію попадали въ воду, другіе разсвялись по полямъ, а прочіе скрылись то въ льсахъ, то въ домахъ» (ів. стр. 433). «На русальной недълъ во вторникъ, крестьяне поминаютъ удавленниковъ. Родня умершаго приноситъ на могилу покойника блины, вино и красное яйцо, которое разбиваеть на могиле за упокой души удавленника: потомъ пьють вино и закусываютъ блинами, при чемъ призываютъ русалку» (стр. 134). «Русалки и водяные представляются вообще тоскующими и враждебными. Онъ — то души младенцевъ, плодъ незаконной любви, или умершіе безъ крещенія; то элые духи, преслъдующіе человъка, и принимающіе на себя разные виды, по произволу» (ib. стр. 135 и 136). «Праздновавшіе русальи представляли бъснованіе чертей. Одни въ видъ человъка ходили по улицамъ, били въ бубны, играли на волынкъ и на свиръли; другіе надъвали на себя... скураты или личины (маски)» (ibid). Этотъ способъ празднованья, какъ мы видъли, доказываетъ, что русалки принадлежали къ злымъ, враждебнымъ духамъ. «Между малороссійскими поселенцами Саратовской губерніи... думають, что онв (русалки) безобразныя: косматыя, горбатыя, съ большимъ брюхомъ и острыми когтями, длинной гривою и желёзнымъ крючкомъ, коимъ онё ловятъ проходящихъ» (ів. стр. 127). Русалки, подобно ягь бабъ, задавали загадки, и тъхъ, кто ихъ не разгадывалъ, защекотывали до смерти. Наконецъ самые проводы русалокъ чрезвычайно замъчательны и выражають такое же понятіе о русалкахъ: «Дъвицы и женщины собирались съ разныхъ улицъ деревни, или города, съ пъніемъ веселыхъ пъсней... Онъ становились по угламъ съ чучелою, которое было въ видъ женщины и представляло русалку; потомъ составляли хороводъ, въ срединъ коего женщина съ чучелою производила смъшныя тълодвиженія и скакала. Пропъвъ пъснь, онъ раздълялись на двъ половины: оборонительную и наступательную. Однъ защищали свое чучело отъ нападеній, другія бросали имъ въ глаза песокъ и обливали водою. Наконецъ вст толпой отправлялись въ поле; тамъ разрывали чучело и размѣтывали его по воздуху» (ib. стр. 137). Итакъ, смерть русалки была насильственною. Трудно понять вст эти обряды и повтрыя. Они показывають въ русалкахъ какое-то непостижимое соединеніе враждебныхъ силь и олицетворенія обыкновеннаго порядка и явленій природы, болье благодьтельныхъ, чёмъ вредныхъ. Существованіе ихъ прерывается, какъ будто къ радости людей, хоть г. Терещенко и говоритъ, что наши предки «выдумали (?!) противъ нихъ изгнанія и проводы» (ів. стр. 137); очевидно словопроизводство русалокъ отъ русла, «потому что онъ были обитательницы источниковъ, ръкъ и озеръ» (ів. 123), слишкомъ поверхностно и не стоитъ опроверженія.

Въ заключение статьи о праздникахъ остается сказать нъсколько словъ о праздникахъ въ честь мертвыхъ. Когда именно они отправлялись во времена язычества, трудно опредълить. Сроки теперешнихъ общихъ поминаній усопшихъ родительская суббота, радоница, диитріева суббота и т. д. не отвъчають на этоть вопросъ. Они отчасти узаконены церковью, отчасти условливаются какими нибудь важными историческими событіями, напримітрь октябрскія поминанія или дмитріевская суббота. Языческія поминанія, по встить втроятіямъ, имъли постоянное отношеніе къ временамъ года, потому что поклонение мертвымъ находилось въ тъсной связи съ поклоненіемъ враждебнымъ богамъ, олицетвореніямъ смерти, сна природы. Всъ данныя указывають на эту связь. «Въ Силезін, Польшь, въ верхнемъ, и нижнемъ Лаузиць-говоритъ г. Терещенко — народъ ходилъ, съ разсвътомъ дня, марта 1, съ зажженными факелами на кладбище и приносилъ жертву усопшимъ. Въ Богемін... представляли усопшихъ въ личинахъ, а въ память ихъ совершали игры» (ч. III, стр. 119 и 120). «На буяхъ и буйвицахъ (такъ называются кладбища Псковской и Тверской губерній) до нынъ дълають гаданія, какъ въ святки» (ч. VI, стр. 144). Скоморохи, и прежде н теперь даже въ некоторыхъ местахъ, играютъ на поминаньяхъ (ib. стр. 145). «Въ утро великаго четверга жгли солому и

кликали мертвыхъ» (ч. VII, стр. 299); другими словами, мертвымъ совершалось поклоненіе съ такими же обрядами, какъ и враждебнымъ духамъ.

Отъ этого теперь остались еще нъкоторые слъды въ поминальныхъ обычаяхъ. Боготвореніе мертвыхъ разумъется изчезло; но съ ними бестдують, ихъ призывають, ихъ угощають пищею, питьемъ, какъ будто они живутъ подъ тъми же условіями какъ и мы. «Въ нъкоторыхъ мъстахъ Бълоруссіи — говоритъ г. Терещенко — катаютъ на кладбищъ, на Ооминой недълъ во вторникъ, окрашенныя яйца, поливаютъ могилу пивомъ, брагою, водкою и потомъ ставится кушанье. Приступая къ поминальной трацезъ, дълаютъ воззвание къ родителямъ: «святые родзицили! ходзице къ намъ хлъба-соли откушаць». Потомъ садятся въ кружокъ. — Послъ пиру обращаются къ могилъ покойника, съ извиненіемъ: «вы бачете, наши родзицели, и не дзивицесь; цо маемъ, то и несемъ» (ч. III, стр. 122). Еще замъчательные обычан въ Олонецкой губернін. Здысь «поминовеніе совершается иногда цілой деревней: для этого назначають день и налагають на себя пость. За два или за три дня до срока, собираются къ кому нибудь изъ сосъдей, у кого побольше изба, и начинають стряпню сами гости. Хозяева выдають только припасы, и ходять по угламъ избы съ плачемъ и причитаньемъ. Въ назначенный день накрываютъ столы: одинъ на крыльцъ, другой въ съняхъ, третій въ комнать, и толиою выходять на встрычу воображаемымъ покойнвкамъ, приветствуя ихъ: «вы устали родные, покушайте чего нибудь». После угощенія на крыльце, идуть темъ же порядкомъ въ съни, а наконецъ въ избу. — Тутъ хозяинъ, обращаясь къ покойникамъ, предполагая ихъ присутствующими невидимо, говоритъ: «чай, вы зазябли въ сырой землъ, да и въ дорогъ-то, можетъ быть, было не тепло. Погръйтесь, родные, на печкъ». — Живые садятся между тъмъ за столъ, и

кушаютъ. Передъ киселемъ же, когда по обыкновенію поютъ въчную память, хозяннъ открываетъ окно, спускаетъ изъ него на улицу холстъ, на коемъ опускали покойника въ могилу, и начинаютъ провожать съ печки невидимыхъ покойниковъ. «Теперь вамъ пора бы домой, да ножки у васъ устали: не близко въдь было идти. Вотъ тутъ помягче, ступайте съ Богомъ». — Для такого обряда выбираютъ обыкновенно урожайный годъ. Здъшніе поселяне пашутъ еще могилы родныхъ во время поминокъ, т. е. сметаютъ съ могилы соръ, стелютъ на нее платокъ и потомъ разсказываютъ въ слухъ покойникамъ, что случилось послъ ихъ смерти (ib. стр. 123).

Трапеза мертвыхъ, въ которой дъятельно участвовали живые, естественно вела къ играмъ и веселостямъ на могилахъ. Этимъ объясняется происхожденіе такъ называемыхъ игръ въчесть мертвыхъ. Названіе неточно и затемняетъ смыслъ дъла; игры были слъдствіемъ пирушки, а не обрядовымъ дъйствіемъ. Поминки въ Малороссіи до сихъ поръ, наглядно, показываютъ, откуда взялись и какъ происходили эти игры. Вотъ любопытное описаніе малороссійскихъ поминокъ.

«Въ Кіевъ сходились, и теперь сходятся на гору Щековицу не только простой народъ, но почетнъйшіе граждане. Тамъ сначала отправляють панихиды надъ умершими, а потомъ каждое семейство, съвъ въ кружокъ близь родственной могилы, поминаетъ родителей, родственниковъ, друзей, знакомыхъ п все, что дорого для ихъ сердца. Бдять и пьють за упокой, желають усопшимъ царствія небеснаго, за ихъ добрыя дъла; прощаютъ нанесенныя имъ обиды, не желая препятствовать имъ идти прямо въ рай, — и просягъ ихъ не препятствовать имъ. Когда немножко поразгуляють, тогда заставдяють семинаристовъ или учениковь бурсы, пъть духовнаго содержанія стихи, но печальнымъ и погребальнымъ напъвомъ. - Это такъ растрогиваетъ настроенную ихъ чувствительность, что они, для удержанія своихъ слезъ, запивають горе виномъ; произнося: «о, якъ оце жалостливо! сховавъ риднего и ридненьку, хто жъ мене приголубе? Чи чуете вы, мій батиньку и моя матусенька? Чи вамъ тамъ лучшо, чи намъ тутечки? - Послъ многихъ возгласовъ, старшій изъ поминальщиковь обращается къ плачущимъ, и говорить: давайте жъ скорій чарку горилки, — утольнь горе! Когда и это не помогаеть. тогда обращаются къ, скрипачамъ, и говорять: музыка! нуте жъ завграйте, да такъ, щобъ плакало усе на взрыдъ. Скрипачи играютъ за унывныя или похоронныя пъсни, и всъ плачутъ. Годи! чи перестанете жъ играты? Не бачете, якъ вси взрыдалы, мовъ съ изнова риднего хоронютъ. Скрипачи начинаютъ играть веселыя, и всъ, забывъ горе, бросаются въ присядку. Поминки обращаются въ безотчетной разгулъ, который иногда продолжается во всю ночь.—На другой день говорятъ только: ой, болитъ моя головонька — Чтобы прогнать головную боль, похмълются; похмълье иногда длится нъсколько дней сряду.—Почти тоже самое происходитъ въ Полтавской, Черииговской и Харьковской губерніяхъ». (Ч. V. стр. 29 и 30).

Поминанія мертвых носять различныя названія: вселенской родительской субботы, дмитрієвской субботы, радониць. осензинь, больших осензинь, хавтурей (зн. похороны), дзядей и дідинь (ч. III, стр. 121). Поминанья совершаются у насъ теперь осенью въ октябръ, весной съ 1 марта до Семика.

Послѣ праздниковъ, важнъйшимъ источникомъ для изученія славянского язычество служать простонородные святцы и календарь. Воспитанный естественной, натуральной религіей. въ ея самой непосредственной первоначальной формъ, Славянинъ не могъ вдругъ постигнуть всю глубину евангельскаго ученія, стать въ уровень съ недосягаемой для него высотой христіянства. Поэтому, сдітлавшись христіяниномъ, онъ весьма естественно внесъ въ чистое ученіе церкви свои предразсудки. невъжество, примъниль это учение къ своимъ издавна укоренившимся понятіямъ. Онъ сталъ воздавать святымъ угодникамъ народныя почести, приписывать имъ отношение къ своему быту, какое только и быль способень понимать. Следствіемъ этого было то, что большая часть святокъ, чтимыхъ нашей православной церковью, получили въ его понятіяхъ опредъленное назначение, ближайшее къ его ежедневной жизни, къ его насущнымъ потребностямъ и матеріяльнымъ пользамъ и вреду, выгодамъ и невыгодамъ. Въ этомъ не было ничего противнаго чистотъ христіянства, уставамъ православной церкви; этимъ выражалось только правственное несовершенно-

Digitized by Google

изтіе новопросвіщенных, недостатокъ глубокаго духовнаго проникновенія въ тайны божественнаго ученія. Вотъ почему церковь, съ своей стороны, не только не воспрещала такое почитаніе святыхъ; напротивъ, она содъйствовала ему, видя въ немъ самое върное средство навсегда отклонить неофитовъ отъ язычества и привязать ихъ къ истинному ученію. Это средство было тъмъ върнъе, что оно дъйствовало не вдругъ, не представляло невозможнаго ръзкаго перехода отъ стараго къ новому, но постепенно, исподоволь воспитывало непросвъщенные умы до высоты христіянскихъ истинъ. Мудрость такой терпимости оправдалась самимъ опытомъ. Языческіе боги были забыты. Теперь почти всюду изчезли или быстро изчезаютъ сами собою и тъ суевърія, предразсудки, невъжественныя понятія, которыя сначала по необходимости примъшивались къ ученію церкви въ народныхъ обычаяхъ.

Простонародные святцы и календарь составлены г. Терещенкой, сколько мы можемъ судить, тщательно и полно, но помъщены въ книгъ полъ совершенно имъ несвойственнымъ названіемъ обрядныхъ праздниковъ (ч. V1). Авторъ смотритъ на предметъ очень правильно, какъ ръдко съ нимъ бываетъ. Вотъ его собственныя слова:

-Досель сохранились въ простонародіи чествованія дней угодниковъ, извъстимхъ подъ именемъ благотворителей или карателей, ибо они наказываютъ не уважающихъ ихъ святесть истребленіемъ хліба и травы на поляхъ, громомъ, молніею, дождемъ и засухою, или ниспосылаютъ изобиліе на богобоязиваго поселянина. Простолюдины воображаютъ, что угодники, обитая на небъ, нибютъ человъческій видъ, одъваются и живутъ тамъ, какъ люди; но отличаются отъ нихъ тъмъ, что постоянно находятся въ дружбъ между ангелами и добрыми людьми, и нисходятъ на землю, чтобы смотръть за поведеніемъ и трудолюбіемъ поселянъ. Таковые угодники могутъ принимать на себя разные виды, являться среди грома и бурь въ молніеносныхъ одеждахъ, вли на конт верхомъ, или парящими на облакахъ въ видъ ангеловъ. Народъ увъренный, что ничего не совершается безъ представительства святыхъ, прино ситъ имъ жертвы и оказываетъ почести совершенно Божескія. Въ дни угод-

никовъ не работаетъ, боясь прогитвить ихъ. Крестьянинъ скоръе согласится работать въ другой церковный праздникъ, нежели въ день праздникъ своего святаго. Каждая деревия, каждый городъ, или лучше сказать, каждый приходъ имъетъ своего защитника... Самые дни повсемъстнаго празднества принаровленны къ мъстности и времени. Въ глубокой древности они совпадали со днями народныхъ судовъ и торговъ, срочными работами и мировыми сдълками. Повсюду они, составляя отдохновение отъ работъ, содълались извъстными подъ именемъ праздниковъ...

Понынѣ Волося считается хранителемъ скотовъ, канунъ Ивановскаго дня купалою и производителемъ плодовъ; Агрипина, слыветъ купальницею... Пророкъ Илія превращенъ въ небереную грозу, св. Геремія въ запрягальника, св. Өеодосія въ колосяницу и проч.; всѣ они носятъ отпечатокъ превратныхъ понятій народа.

Отчего народъ далъ особыя названія праздникамъ? — Славяне, издревле земледѣльческій народъ, вмѣли въ язычествѣ своихъ боговъ покровителей, которые, по мнѣнію яхъ, споспѣшествовали ихъ благосостоянію, какъ въ полѣ, такъ и въ семейномъ бытѣ. Со введеніемъ христіянской вѣры, они долго уклонялись отъ чествованія церковныхъ праздниковъ. Правительственная власть употребляла усилія, а суевѣріе и предапность къ старымъ обычаямъ слили съ христіянскими понятіями языческія чествованія; потому къ именамъ многихъ святыхъ придали свои особыя значенія и прозванія... Если присоедпнить, къ этому закоренѣлые предразсудки, суевѣрные толки по разнымъ примѣтамъ вещамъ и дѣйствіямъ, извлекаемымъ изъ явленій природы и дѣйствій человѣка; то все это суть слѣдствія того состоянія, въ какомъ находился народъ нашъ до образованія своего.

Излишне было бы утверждать, что искаженныя обрядныя празднества не останутся наиссегда въ простонародія: уже измѣнилось много съ того времени, когда появились хорошіе пастыри; когда общежитіе проникло въ избы, а образованіе начинаетъ дѣйствовать повсюду, хотя издалека. Но что особенныя обрядныя празднества, много уже измѣнены, то это можно видѣть изъ отправленій ихъ: въ иныхъ мѣстахъ они или оставлены, или уже соединены съ чистотою Евангелія, или, что въ одномъ мѣстѣ чествуется особенно, то въ другомъ уже совсѣмъ неизвѣстно». (Ч. VI, стр. 3, 4, 6—7, 13—16).

Народные святцы дълятся собственно на двъ части. Во первыхъ, нъкоторымъ святымъ приданы простымъ народомъ названія по времени года и важнъйшимъ перемънамъ въ природъ, или событіямъ въ его ежедневномъ быту, совпадающимъ съ днемъ празднованія этихъ святыхъ. Такъ напримъръ преподобный Герасимъ названъ грачевникомъ, потому что, по

народнымъ примътамъ, въ этотъ день (4 марта) придетаютъ грачи; пророкъ Іеремія — запрягальникомъ, потому что съ 1-го мая, когда церковью чтится его память, начинаются большія сельскія работы; на такомъ же основаніи св. Пантелеймонъ названъ зажнивнымъ, Акилина-гречишвицей, и т. д. Преподобная Ксенія (24 января) названа полухлівоницей, или полузимницей, потому что по дню ея празднованія заключають объ урожав и цвнахь на хлібов на весь годъ; великомученица Екатерина — женодавицей, потому что ей молятся о дарованіи хорошей и доброй жены. Во вторыхъ, къ некоторымъ святымъ прибегаютъ преимущественно передъ другими въ данныхъ случаяхъ; ихъ представительство предъ Богомъ и чудодъйственная сила кажутся народу въ этихъ случаяхъ угодите, предпочтительные заступничества другихъ угодниковъ. Напримъръ, о сохраненіи отъ пожара и молніи прибъгаютъ къ св. Никитъ Новгородскому; объ избавленіи отъ запоя — Монсею Мурину и мученику Вонифатію; объ изо́авленіи отъ скотскаго падежа — св. Медосту, и т. д. О томъ и другомъ находимъ много любопытныхъ данныхъ въ книгъ г. Терещенки.

Третій источникъ древняго славянскаго язычества представляютъ хороводы. Изъ перечисленныхъ это самый скудный, потому что пъсни, которыми сопровождаются хороводы, очевидно принадлежатъ поздитишему времени, и потому въ нихъ мало слъдовъ отдаленной старины. «Не всъ наши пъсни и сказки, говоритъ г. Терещенко, носятъ древность (?) даже половины XVII въка, потому что онъ забыты или истреблены временемъ. Большая часть существующихъ нынъ суть первой половицы XVIII въка, а другія сочинены въ концъ XVIII въка. Многія уже передъланы мъстною потребностію и вкусомъ, или вновь сочинены, народъ самъ ихъ производитъ. Плясовыя, свадебныя и протяжныя часто сокращаются, дополняются но-

выми или вновь составляются. Замъчено, что по прошествім 25 леть самыя любимыя песни, оставлаются: считають ихъ уже старыми и замъняють новыми» (ч. І. стр. 127 и 128). Предоставляя знатокамъ дъла, гг. Далю, Сахарову, Киръевскому, решить, въ какой степени справедливы наблюденія г. Терещенки, мы заметимъ, что въ пользу последняго до некоторой степени говоритъ не только внутренняя в роятность, основанная на томъ, что русскій народъ живетъ, следовательно измъняется, но и самый фактъ, особенно поразительный въ обрядовыхъ пъсняхъ. Ръдко поясняетъ праздничный припавъ смыслъ простонароднаго празднованія: обыкновенно обряды, соблюдаемые въ нихъ, находятся въ противоръчіи съ пъснями, или тъ и другія не имъютъ между собой никакой связи, ничего общаго. Кое-гдъ слово, иногда стихъ только сохраняютъ смутное воспоминание о томъ, какой обрядъ совершался, и какія пъсни должны были пъться при этомъ, во времена оны. Исторически этотъ фактъ объяснить нетрудно. Когда христіянство вытъснило языческія представленія, и прежнія религіозныя торжества низошли въ разрядъ привычекъ и безсиысленныхъ обычаевъ, ихъ формы не могли не утратить первоначальной свъжести; безпрестанно вторгались въ нихъ новыя понятія, привычки, воззртнія и новыя условія жизни; онъ перераждались подъ вліяніемъ элементовъ чуждыхъ, враждебныхъ древнему язычеству, и примънялись болъе и болье къ этимъ элементамъ. Но обряды опредъленны, постоянны въ своихъ формахъ, какъ всякой ритуалъ: пъсни, напротивъ, подвижны, измънчивы, какъ живое слово. Такъ образовалась цълая бездна между обрядами и пъснями, которыми они сопровождались. Если и первые измѣнились, то какъ же должны были измъниться последнія?

Все это въ полной мъръ примънимо къ хороводамъ и хороводнымъ пъснямъ. Ихъ теперешній видъ безъ сомнънія новый.

Напрасно станемъ мы, по примъру страстныхъ археологовъ, искать въ нашихъ отдъльныхъ хороводныхъ играхъ и припъвахъ живыхъ остатковъ глубокой, языческой древности. Этихъ остатковъ мы не найдемъ; всв подробности, за исключеніемъ очень немногихъ, и то отрывочныхъ, восходятъ къ недавнему времени. «Время сочиненія хороводныхъ пъсней, говоритъ г. Терещенко, неизвъстно. Судя по слогу, онъ относятся къ разнымъ въкамъ; за исключеніемъ немногихъ, а именно «синичка», «макъ ростить», «просо съять», которыя должны быть XVI въка, всъ прочія XVII и XVIII в.; но и эти искажены итстностію до того, что нельзя опредтлить настоящей ихъ эпохи» (Ч. IV, стр. 435). Но общій складъ хороводовъ, хороводная форма, тонъ, смыслъ этихъ народныхъ увеселе ній очевидно весьма древніе и начало ихъ теряется въ незапамятныхъ временахъ. Авторъ «быта русскаго народа» справедливо замъчаеть, что хороводы «составляли первоначально часть языческихь редигіозныхъ обрядовъ» (ів. стр. 133). Впрочемъ, чтобъ это доказать, вовсе не нужно искать начала ихъ у Ассиріянъ, Вавилонянъ и Грековъ, какъ дълаетъ г. Терещенко. Онъ забыль, что и у насъ было язычество; съ аимъ-то наши хороводы связаны самымъ тъснымъ образомъ.

Чтобъ убідиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить, съ какими обрадами происходили наши древнія языческія торжества: ни одно не обходилось безъ круговой пляски и піссень около какого нибудь божества, дерева, вообще какого нибудь предмета поклоненія. Эти піссни и пляски выражали первоначально чувства, ощущенія человіка, вызываемыя въ разныя времена природой, которую боготворили древніе Славяне, в потому-то естественно, необходимо совпадали съ временемъ празднованія разныхъ божествъ. Одно другому вполні соотвітствовало, ибо обоготворялась, праздновалась именно та сила, то явленіе природы, то время года, которыя внушали ті

или другія ощущенія и чувства. Вотъ почему, далье, языческія празднованія неръдко сопровождались дъйствіями, не только богослужебными, вытекавшими изъ олицетворенія предметовъ, явленій и силъ природы, но и такими, въ которыхъ самымъ фактомъ, дъломъ, выражались чувства и ощущенія. Эти дъйствія потому же именно и имъли религіозное значеніе, и составляли необходимую, существенную часть празднества. Таковы были, по преимуществу, языческія вакханаліи.

Въ пляскахъ, птеніи и дъйствіяхъ, сопровождавшихъ языческое богослуженіе, и должно искать начала хороводовъ. Сперва они не были игры, представленія. Они выражали то, что дъйствительно ощущалъ человъкъ; это былъ фактъ, облеченный въ богослужебную форму и возведенный на степень языческаго священнодъйствія. Поэтому поклоненіе разнымъ божествамъ, въ разное время, сопровождалось и разными хороводами. Каждый праздникъ имълъ свои, опредъленные, отличавшіеся отъ другихъ, какъ различались между собою и праздники. Сверхъ того, какъ живое дъйствіе, фактъ, хороводы не могли имътъ установленнаго ритуала и въроятно разнообразились до чрезвычайности съ каждымъ новымъ отправленіемъ праздника.

Успіли ли они принять правильный видъ, получить извістную форму и опреділенность еще во времена язычества—это трудно рішить. Судя по грубости, непосредственности нашего язычества, вто невітроятно. Какъ бы то ни было, но то вітрно, что, рано или поздно, до христіянства или послії его водворенія, эти пісни, пляски, дійствія должны были выработаться въ обряды—опреділенныя, формулированныя, торжественныя дійствія. Съ перемінами въ самыхъ языческихъ вітрованіяхъ, съ нікоторой отвлеченностью ихъ, а тімъ больше съ уничтоженіемъ ихъ, водвореніемъ христіянства и обращеніемъ древ-

нихъ праздниковъ въ простые, безсмысленные обряды эти пъсни, иляски и дъйствія не могли не утратить первоначальной непосредственности. Они обратились мало-по малу въ обрядовыя, символическія дъйствія, игры, представленія, изображенія. Ихъ первоначальная, естественная, природная основа является въ этой новой формъ измѣненной, символизированной. Они не живыя дъйствія, не выраженія того, что дълается въ человъкъ и съ человъкомъ, а ритуалъ, имѣющій самостоятельное значеніе, независимо отъ чувствъ и ощущеній тъхъ, которые принимаютъ въ немъ участіе, играютъ въ немъ какую-нибудь роль.

Христіянство и болье очищенная нравственность внесли много измъненій въ этотъ остатокъ древняго язычества. Христіянство отнало у хороводовъ религіозное значеніе и обратило ихъ въ простыя забавы. Не связанные болье съ извъстными языческими празднествами, они утратили почти все то, что показывало ихъ отношение къ тому или другому богослуженію; особность ихъ изчезла, формы смішались. Остались, и то какъ смутныя воспоминанія, ніжоторые общіе признаки, когда именно они происходили въ язычествъ; по догадкамъ, можно приблизительно судить, къ какимъ праздникамъ относились разные хороводы. Нравственность и предписанія церкви, въ свою очередь, изгладили изъ хороводовъ все, что слишкомъ живо напоминало ихъ естественное натуральное происхожденіе. Какъ и когда все это сдёлалось—не знасиъ; но исторія хороводовъ ясными чертами написана въ ихъ теперешней формъ. Быть можетъ современемъ откроются и другіе источники.

Г. Терещенко показалъ мало ученаго, археологическаго такта и въ описаніи хороводовъ. До какой степени полно и хорошо его собраніе хороводныхъ игръ, предоставляемъ судить знающимъ дёло лучше насъ. Обработка ихъ весьма слаба. Во первыхъ, не понявъ первоначальнаго значенія хороводовъ,

авторъ разумъетъ ихъ слишкомъ буквально. Для него хороводы только тв игры, которыя играются весной или лвтомъ, подъ открытымъ небомъ. Еслибъ онъ вникъ въ происхождение и древній смысль хороводовь, онь увидьль ом совершенно соотвътствующее имъ явление въ святочныхъ играхъ, которыя играются дома, потому что на дворъ холодно, имъють другой характеръ, потому что онъ относились къ другому разряду языческихъ празднествъ; многое изъ помъщеннаго въ книгъ въ отдълъ и гръ должны бы перейдти въ отдълъ хороводовъ и съ ними составить особую часть, особое изслъдование. Собранное авторомъ подъ названіемъ хороводовъ представляеть только остатки летнихъ языческихъ торжествъ. Во вторыхъ, авторъ не позаботился изследовать, къ какому именно языческому празднику относится та или другая хороводная игра. Мы знаемъ, что это дъло очень трудное, въ большей части случаевъ невозможное. Все же авторъ могъ сдълать хоть чтонибудь, хоть обратить вниманіе на вопросъ, по крайней мірі тамъ, гдъ есть ясныя указанія на связь хоровода съ языческимъ праздникомъ. Какъ г. Терещенко мало понимаетъ дъло, видно изъ того, что принъвы Дидъ, Ладо, Люли и т. д.почти единственный остатокъ языческихъ формъ хороводовъ, --въ его глазахъ — окончанія, неимъющія смысла. Съ такимъ взглядомъ на нашу старину и ея памятники немного сдълаешь. Наконецъ, что всего менъе имъетъ право занимать мъсто въ историческихъ изследованіяхъ, — личныя ощущенія и чувства автора, — у г. Терещенки, какъ нарочно, вездъ на первомъ планъ. Выходятъ вещи презабавныя. Напримъръ въ хороводъ, не знаемъ почему названномъ у автора поствомъ льна, дъвушки учатся у матери, какъ собирать, сушить, прясть ленъ, но безъ ученья идутъ «съ молодцомъ гуляти»; мать имъ грозить, онъ смъются. Авторъ преглубокомысленно замъчаетъ въ концъ: «Выраженіе этого хоровода: гони природу въ дверь, а она влетитъ въ окно» (Ч. IV, стр. 201). Другой примъръ: въ одной хороводной игръ молодка сравниваетъ поодиначкъ своихъ кровныхъ родныхъ съ новыми, мужниными, и находить, что первые дучше. Исторически-важный факть, впрочемъ одинъ изъ тысячи подобныхъ. Г. Терещенкъ онъ подаетъ поводъ къ слъдующимъ размышленіямъ: «кто не хочетъ замужъ? Дъвушки молчатъ, а это молчаніе есть убъдительное доказательство пламеннаго ихъ желанія. Спросите у сердца дъвушки, и върно оно скажеть: я замужъ хочу! Посмотрите на миленькое розовое созданіе, оно такъ и говорить: я замужъ хочу! Дъвушки разборчивы въ выборъ жениховъ, а это и есть причина, что переборъ столько делаетъ помекъ въ семейныхъ домахъ» (ib. стр. 219, 220). Наконецъ послъдній примеръ: въ короводной игре мужъ всячески приголубливаетъ жену, но она на него и не смотритъ. Онъ предлагаетъей плеть: тогда она его обнимаеть и целуеть. Г. Терещенко замъчаетъ: «Сдълавшись женой, надобно быть покорной, а не евоенравной. Прадъды наши управлялись, съ дражайшими половинами, очень скоро, — плеткой. Конечно, этого средства нельзя допустить въ нашъ въкъ, но и въ наше время ни (т. е. не) одному мужу приходить мысль, -- разумъется мысль варварская, несообразная при нъжности нашего прекраснаго пола, — чтобы прибегнуть иногда къ смирительной пружине: оттого, что горькой опытностію дознано: пагубна воля жены» ів. стр. 162). Подобныхъ замітокъ могло бы и не быть въ книгь, посвященной историческимъ изысканіямъ. Онъ конечно милы и остроумны, только совершенно не у мъста въ описаніи «быта русскаго народа».

Представляя скудный источникъ для изученія древнихъ языческихъ върованій Славянъ, хороводы содержатъ богатые матеріялы для узнанія теперешняго русскаго человъка, преимущественно его частнаго и семейнаго быта. Послъдній составляетъ главный ихъ предметъ. Отдъльныя сцены изъ частной, семейной жизни разыгрываются здѣсь въ лицахъ и дѣйствіяхъ; пѣсни поясняютъ то, что представляется. Въ иныхъ хороводахъ принимаютъ участіе и мущины и женщины; въ другихъ однѣ первыя, что зависитъ частью отъ теперешняго смысла хороводныхъ игръ, частью, можетъ-быть, отъ праздника, съ которымъ онѣ были связаны. Наши хороводы очень разнообразны; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ отношеніе къ сельскимъ занятіямъ: посѣву льна, проса, сажанью хрѣна и т. д. Такихъ сравнительно немного. Изъ этого содержанія видно, что хороводы сопровождали лѣтніе и весенніе языческіе праздники.

3.

Отъ языческихъ върованій, которыя оставили по себт болъе или менте ръзкіе слъды въ простонародныхъ праздникахъ, повърьяхъ, обрядахъ, примътахъ и обрядовыхъ пъсняхъ, перейдемъ теперь къ древнъйшему языческому частному и общественному быту нашихъ предковъ. Мы уже замътили, что въ собраніи г. Терещенки матеріяловъ для изученія этого быта, сравнительно, меньше, чъмъ для языческихъ върованій. Авторъ не юристъ. Онъ смотритъ на русскій бытъ какъ то по своему, не только съ ошибочной, но и съ весьма ограниченной точки зръпія. Оттого подробности домашней жизни и общественныхъ отношеній его мало интересуютъ. Несмотря на то, есть въ его собраніи любопытныя данныя, поясняющія эту жизнь и отношенія. Особенно изобилуетъ ими, какъ и естественно, второй томъ, посвященный свадебнымъ обрядамъ. Онъ заключаетъ въ себт описаніе древнихъ великокняжескихъ и царскихъ свадебъ; свадебъ лицъ высшихъ и низшихъ сословій по Котошихину, Петрею и Олеарію; тринадцать описаній теперешнихъ простонародныхъ свадебъ въ разныхъ великорусскихъ, бълорусскихъ, малороссійскихъ и литовскихъ губерніяхъ; замътки о свадебныхъ обрядахъ другихъ губерній, у казаковъ и въ Сибири; наконецъ есть въ этомъ собраніи главы общаго содержанія: обозрѣніе древнихъ свадебныхъ обрядовъ, ихъ измъненія и очеркъ теперешнихъ. Изъ этого уже видно, какъ тщательно составленъ отделъ свадебныхъ обрядовъ. Прибавить должно, что нъкоторые изъ нихъ описаны удивительно подробно, и съ большимъ знаніемъ дѣла, другіе хуже — но интересны всв. По нашему мнвнію, это лучшая часть въ цвлой книгь, и сама по себь есть уже драгоцьиное пріобрытеніе для русской археологіи; нобо, сколько намъ извъстно, подобнаго собранія свадебныхъ обрядовъ у насъ еще не было. Мы его очень рекомендуемъ всёмъ, кого интересуютъ русскія древности.

Попытаемся, по указаніямъ этой части и извъстій, разбросанныхъ въ другихъ, составить себъ живое, наглядное представленіе о нашемъ древнъйшемъ внутреннемъ бытъ.

Выше мы сказали, что въ незапамятныя времена роды и семьи были у насъ единственными общинами, что эти родовыя, патріархальныя общины ничёмъ не были тогда связаны между собою, и не имъли однё къ другимъ никакихъ правильныхъ, постоянныхъ отношеній. Письменные памятники не сохранили извъстій объ этомъ времени; Несторова лѣтопись говоритъ о немъ по темнымъ преданіямъ и въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Въ свадебныхъ обрядахъ воспоминаніе объ этомъ бытъ сохранилось со всей свѣжестью живаго преданія. Во всѣхъ обрядовое, церемоніяльное сватовство (которому обыкновенно предшествуютъ предварительные, неоффиціяльные сговоры и условія) представляетъ людей пріѣхавшихъ

пздалека, въ пезнакомую сторону, въ которой п ихъ никто не знаетъ. Они просятъ у родителей невъсты, къ которымъ зашли нечаянно, позволенія отдохнуть послъ долгаго пути. Эта тема разнообразится въ разныхъ мъстахъ Россіи.

Сейть одъвается въ новый армякъ, подпоясывается краснымъ пелсомъ, надъваетъ на голову щегольскую шляну съ кистью или перомъ навлинымъ; нею обвязываетъ нестрымъ, преимущественно краснымъ платкомъ. — Этотъ нарядъ горожанъ больше и зажиточныхъ деревенскихъ. Онъ отправляется въ домъ се посольствоме, сначала одинъ. У дверей принимаютъ его какъ незнакомаго; онъ кланяется св. образамъ, потомъ хозяевамъ, а наконецъ во всъ четыре стороны. «Здраствуй хозяниъ съ хозяйкой», начинаетъ онъ говорить первый, «съ твоими дътым и твоей красною дъвицею. Тъхалъ и заплутался: почь темная и не мъслуная; тутъ засвътился у васъ въ теремъ огонекъ».—Родимый, отвъчаетъ хозяинъ, для добрыхъ наша избушка, — добро жаловать. Но кто ты, батюшка? господинъ баринъ, аль купецъ? товары али какіе везешь, и знать далече. — Сватъ, поглаживая бороду и посматривая на сторону, говоритъ: «мы товары развозимъ, батюшка родимый, для праздниковъ радостныхъ, для дъвицъ суженыхъ» (Ч. П. стр. 118—119).

Свать, прівхавин съ женихомъ, подходить къ избѣ, по замѣти, что дверь заперта, начинаетъ стучать. — Кто тамъ? спранивають изъ избы. — «Провзжіе, добрые люди». — Что надо? — Впустите обогрѣться, сбился съ дороги». — А откуда провзжіе? — Здѣсь пускается свать въ сказки и присказки, по коимъ судять о достоинствѣ свата, а потому избирають для этого случая опытнаго балагура. Во время разсказовъ отворяется дверь. — Провзжіе чай передрогли съ холоду—то, говорить отворяющій дверь, и подносить полими стаканъ водки. — Свать входить въ избу, выпиваеть и говорить: «водка водкою, а старички твердять: пей да ума не пропей, и дѣло разумѣй» (Ч. П. стр. 195).

Входять въ хату двое старость, въ спилхъ жупанахъ (кастанахъ), подпоясаные англицкою каламайкою (англійскою бахрамою) и съ налками въ рукахъ. Старшій староста держить въ рукахъ святый хлѣбъ, молится Богу и
потомъ кланяется хозянну и хозяйкъ.—Хозяннъ просить ихъ състь и спрашиваеть: что они за люди? куда идуть и за чѣчъ ихъ Богъ сюда принесъ?—
Отецъ, хотя уже знаеть, за чѣчъ они пришли; однако спрашиваеть ихъ изъ
одного обыкновенія.— Старшій староста говорить: «прежде всего позвольте
намъ поклониться вамъ, и добрымъ словомъ прислужиться. Не прогнѣвайтеся
выслушать насъ, и колы буде тее, то мы и онее; если же наше слово
не въ ладъ, то мы пойдемъ назадъ. А что мы люди честиме и безъ злой
науки, то вотъ вамъ святый хлѣбъ въ руки».—Отецъ береть хлѣбъ, цѣлуетъ
его, кладетъ на столь подлѣ своего хлѣба и говорить: «хлѣбъ святый причи-

Digitized by Google

маемъ, а васъ послушаемъ. Садитесь добрые люди. Что будетъ то будетъ, а тому бывать, чему не миновать. Содитесь, будь ласково (сдъдайте милость) и погъ своихъ не утруждайте, -- вы пришли изъ далека. Съ котораго же царства, съ котораго государства? -- Старшій староста отвъчаеть: «мы люди нъмецкіе, идемъ изъ земли турецкой. Мы ловцы, удалые молодцы. Однажды, на нашей земль, выпала пороша (небольшой снъгъ). Я говорю товарищу: чего намъ смотръть на эту непогоду, пойдемъ на охоту, и пошли. Вздили, следили и ничего не нашли. - Между темъ на встречь намъ едетъ князь (женихъ), на ворономъ конъ, и говоритъ намъ: эй, вы, ловиы, добрые молодцы! услужите мит службу, нокажите дружбу: мит попалась лисица или купица, но едва ли не красная дъвица. Ъсть, пить не желаю; поймать ее желаю, - поногите! Чего ваша душа захочеть, требуйте оть меня. Ловцамь молодцамъ того и надобно. Мы пошли по слидами, по всими городами. Первый следь показался въ земле немецкой, а далее въ турецкой; идемъ, пщемъ и не находимъ. Всв царства, всв государства прошли, а ее не нашли. Мы и говоримъ князю: мы поищемъ въ другомъ мъстъ, и найдемъ не только куницу, но и красную дъвицу. -- Нашъ киязь остался при своей думъ, и счазаль: сколько по свёту ни взжаль, въ какихъ государствахъ ни бываль; но такой куницы, или красной дъвицы, не видаль. Мы вновь по слюду пошли, и вт это село, какт зовется, не знаемь, нечаянно зашли. Туть спова нала пороша, а мы ловцы, добрые молодцы, давай ходить, давай слъдить. — Сего дня рапо встали и на слёдъ напали. Побёжаль нашъ звёрь да къ вамъ на дворъ, а со двора до хаты; теперь хочемъ его пойнати. Нътъ сомивнія, что наша куница въ вашей хать, в это наша красная двица. Нашему слову конецъ, а вашему делу венецъ. Огдайте нашему князю куницу, вашу красну дъвицу. Отдадите ли, или пусть она подрастеть еще? - (Ч. И. стр. 489-491).

Итакъ, сваты приходили издалека. Ихъ никто не зналъ, и они не знали ни края, куда пришли, ни тъхъ, кто имъ далъ убъжище. Вотъ доказательство, и самое очевидное, какъ первоначальныя общины, въ незапамятныя времена, жили разрозненно, безъ всякихъ взаимныхъ отношеній, и какъ опъ терялись на огромномъ пространствъ, по малочисленности населенія. Всъ свадебные обряды подтверждають этотъ фактъ. Невъста говоритъ своимъ родителямъ передъ вънчаньемъ: «Не хорошъ мнъ сонъ привидълся... что вставаля вихри буйные, уносили-то мою постелюшку, въ незнаему сторонушку, къ чужому отцу матери, къ незнаему роду племени» (стр. 178).

Передъ отправленіемъ въ церковь къ втицу, соблюдается извъстный обрядъ, употребительный и въ наше время нередъ отътздомъ въ дальную дорогу: «двери избы запирають; вст садятся, и посидъвъ нъсколько минутъ молятся, а невъсту благословляють» (стр. 180, 284). Подруги невісты поють ей, послъ сговора: «отдаемъ тебя за умнаго, что за умнаго за разумнаго; ужь какъ мы тебя не одну спустимъ; мы дадимъ тебь провожатыхъ» (стр. 212). На дывичины, «обойдя всихъ съ подносомъ, невъста останавливается у стола; дружки сиимають съ нее фату концами плети» (стр. 215). Они прівзжіе. «Лошади, на которыхъ везутъ молодыхъ, обвъшаны колокольчиками, а подъ дугой особый колокольчикъ» (стр. 226, вын. 2). Съ колокольчикомъ тадили въ дальній путь. Невъста говоритъ родителямъ, передъ отправлениемъ въ церковь: «Во путь, во дороженьку меня сорядили, во путь во дороженьку на чужую сторонку, какъ во темной лъсъ во чужу семью, незнамую, незнакомую» (стр. 325). Послъ вънчанья, на пиру, братъ молодого разсказываетъ, «какъ онъ тадилъ сватать за молодаго, какъ было тогда морозно, сколько онъ перенесъ опасностей» (стр. 366). На сговоръ, когда свать дарить цевъстъ башмаки, а она ихъ бросаетъ, онъ говоритъ ей: «пе хорошо бросать башмаки; въ нашей сторонъ зима не ровная, иногда и пригодится» (стр. 481). Въ Малороссін даже, гдъ, какъ увидимъ, девушка сама выбираетъ себе жениха, она на оффиціяльномъ сговоръ тоже показываетъ видъ, будто совстмъ не знаетъ будущаго мужа (стр. 494). Въ заключение замътимъ, что какъ бы ни была близка церковь, где венчались, непременно ъдутъ въ телъгахъ или саняхъ, мущины иногда верхомъ; новажане и заправляющіе повздомъ всегда являются въ видъ дорожныхъ (стр. 136).

Послѣ этого обрядовый плачъ невѣсты очень понятепъ: ея разставанье съ родными и близкими было когда-то не одной

необходимой церемоніей, а дъйствительнымъ отъездомъ изъсемьи въ незнакомую сторону, къ незнакомымъ людямъ; разставанье было на долго, всего вероятней навсегда. Тутъ было чему кручвниться. «Пришелъ же на меня печальный день! Въ воскресенье свётъ расплетутъ русу косу, разлучатъ меня съ отцомъ матерью, съ родомъ со племенемъ, съ близкими пріятелями, съ подружками-ластушками» (стр. 150). Оттого трижды бросаетъ новобрачная женскій головной уборъ, который падъваетъ на нее сваха (стр. 527 и 528). Ей не хочется замужъ!

Обычай отдавать дърушекъ замужъ въ дальнюю сторону показываетъ, между прочимъ, что древитиши общины состояли каждая изъ одной семьи, рода, между членами которыхъ не бывало браковъ. Опять и этотъ составъ первоначальныхъ общинъ доказывается свадебными пъснями. Въ нихъ безпрестанно плачется невъста, что она разстается съ своимъ родомъ племенемъ и переходитъ въ чужой, незнакомый родъ племя. «Выдаетъ меня сударь-батюшка, снаряжаетъ родна матушка, къ чужому отцу къ матери, къ чужому роду племени» (стр. 124). «Хотятъ они разлучить меня съ отцомъ съ матерью, съ родомъ племенемъ» (стр. 343).

Въ какихъ отношеніяхъ были эти разобщенные роды между собою? Объ этомъ мы находимъ множество любопытныхъ указаній въ свадебныхъ обрядахъ. Плачъ невъсты, что она уъзжаетъ въ чужую, незнакомую сторону, доказываетъ, что между чужими жить было не хорошо. Въ ея устахъ чужой и врагъ одиозначительны.

Ни злата я у тебя, батюшка, прошу, Ни злата, ни серебра. Прошу я у тебя, батюшка, благословенья. Благослови-ка ты меня, батюшка, Во чужи люди, во незнамые; Во незнамые, незнакомые. Какъ-то мив, батюшка,
Во чужиль людяль будеть жить?
Какъ то мив, родимой,
Чужимь людямь будеть служить?
Во чужиме людямь обидеть служить?
Во чужиме людямь жить горькомонько,
Во чужиме незнамышке,
Служить тяжелемонько, (Ч. П. стр. 352 в 353).

Надо жить во чужна модяхь,
Уивючн,
Разумбючн.—
Чужси люди,
Равно темный лись,
Словно туча грознал.
Безъ мороза сердце вызябнеть.
Во чужна модяхь будь:
И покорна,
И пословна (ласковая). (Ч. И. стр. 340).

Забросили дътище въ нелюбиму сторону Да на горюшко, на кручинушку, Да на плаканье, да на епчное. (стр. 210).

Именно тъмъ, что чужіе были почти враги, а только свои друзья, объясняется враждебное отношеніе родныхъ мужа къ его женъ. Названіе лютая свекровь, лютой свекоръ стали поговоркой. Какой бы, кажется, быть причинъ немилостиваго обращенія съ невъсткой? Она чужая! И теперь, натравливая на кого-нибудь собаку, говорятъ: чужой, чужой! Въ свадебныхъ пъсняхъ тоже не разъ упоминается о враждебности родныхъ мужа къ его женъ. Жениху поется про его будущую жену:

Не давай ее въ обиду
Ты ни свекору, ни свекрови,
Ни деверямъ, ни золовушкамъ;
Ты давай высиаться ей
До девятаго часу. (стр. 133).

Вотъ другія пъсни:

Что отставала свътъ. Да княгиня да боярыня, Свътъ княгиня Елисаветъ Петровна. Прочь отъ роднаго государя отъ батюшки, Оть родной государыни матушки; Прочь отъ роду, отъ илемених И отъ ближнихъ пріятелей. — Что приставала лебедушка, Свътъ княгиня боярыня, Княгиня Елисаветь Петровна, Что ко чужому ко роду, ко племени, Ко чужому свекру государю батюшки, Ко чужой свекрови государыни матушки. Не успала, свать, головушки оправить, Началь свекорь батюшка журить, А свекровь матушка бранить, А свъть княгиня боярыня плакать, И роднаго батюшку кликать: Что вы меня, свекоръ батюшка, журити? И что вы меня, свекровь матушка, бранити? Не сама я къ вамъ залетъла. Не своей неволею, Но большой несгодою; Завезли меня добры кони, Добры кони вороны, Свътъ великаго князя Андрея Григорьевича (стр. 153).

Прибавлю ума разума, Назову свекра батюшкою, Люту свекровушку матушкою. (стр. 216).

Ты поплачь, поплачь дъвеца, Поплачь дочь отецкая! На чужой-то на сторонъ, Не повадно, не весело; Всъ не добры и не ласковы, До тебя молодешеньки. На чужой-то на сторонв, Надо жить-то умъючи, Говорить разумъючи, ---Голову держать поклончиву, Ретиво сердце покорчиво, Молодому поклонитися, Старому покоритися. -На чужой-то на сторонъ, Растуть авса-то вилявые, Да живуть люди лукавые, Продадуть да и выкупять, Проведуть да и выведуть Они тебя молодешеньку. (Стр. 242).

Государыни свътъ мои, Вы, подружки голубушки! Мив ночесь-то мало спалось, Да во сив много виделось. Ужь я видъла, подруженьки, Я гору высокую. Среди горы крутыя, Лежить бълый горючь камень. На этомъ на камешкъ, Сидить орель птица острая, Во когтяхъ держитъ лебедущку. Подъ горой подъ высокою, Атса ростуть темные И шипица колючая, Да и крацива-то жгучая. Да и осока ръзучая. Во этомъ темномъ лѣсу,

Ходить медвёдь съ медвёдицей Разсудите подруженьки: Мив къ чему сонъ привидвися? Буде вы не разсудите, Такъ скажу вамъ, подруженьки, По словечку единому. Эта гора-то высокая, Чужа дальная сторона; Бълый-то камешекъ, Чужой-то высокъ теремъ; А орель, птица острая, Чужой это чужанинъ, Да дородный-то молодецъ. Онъ въ когтяхъ держитъ лебедушку — Да меня молодешеньку; А лъса-то растутъ тенные, --Чужи люди, не знакомые; Что медетдь ст медетдицей, Богоданный-то батюшка, Съ богоданою матушкой, Шипица колючая, Богданы милы братцы; Крапива-то жиучая, Богоданныя сестрицы. (стр. 246 и 247).

Кромъ этого, взаимная враждебность родовъ выражается почти во всёхъ свадебныхъ обрядахъ тёмъ, что родители брачщихся благословляютъ и встрёчаютъ молодыхъ одётые въ вывороченную шубу или стоя на вывороченной шубъ (стр. 225, 359, 457, 516). По мнѣнію г. Терещенки, вывороченную шубу и малахай (овчинную шапку съ длинными ушами) надѣваютъ для того, чтобъ походить на медвѣдей (стр. 539, вып. 2). Это объясненіе, можетъ-быть слишкомъ буквальное, оправдывается отчасти тѣмъ, что въ Малороссіи мать молодой встрѣчала у себя новобрачныхъ «въ вывороченной шубъ, сидя на вилахъ или на кочергѣ (стр. 547); очевидно, этимъ нарядомъ выражалось нѣчто враждебное. На это указываетъ и то, что дружка и поддружья погоняютъ мать жениха палкой (стр. 576).

Кромъ того, изъ всъхъ свадебныхъ обрядовъ видно, что роды жили, въ отдаленной древности, на-заперти и неохотно пускали кого-либо къ себъ въ домъ. Только послъ троекратнаго стука въ окно или у дверей и увъренія пріъзжихъ, что опи добрые люди, ихъ впускали въ избу. Изъ этого трудно вывести близость, пріязнь съ чужими, довъріе къ нимъ.

«Жених» отправляется съ потздомъ въ домъ невъсты, гдъ также ппруютъ. Потздь останавливается на дворъ. Дружко идетъ къ окну и просить позволенія войдти обогръться.—Негдъ, отвъчають ему, у насъ ппрушка —Дружко возвращается къ своимъ, и чрезъ нъсколько минуть идеть снова подъ окно; тоть же отказъ Во все это время, съ той и другой стороны, поють сваты укорптельныя птсни. Дружко подходить въ третій разъ, но уже не къ окну, а къ дверямъ. Здъсь пстощаеть онъ весь запасъ своего красноръчія, убъждая непреклонныхъ хозясвъ впустить его обогръться въ избъ, и наконець онъ достигаеть своей цълі; къ нему выходить певъста, сопровождаемая сватокъ и потздомъ». (ч. П. стр. 449).

«Когда все приготовлено, женихъ отправляется съ своимъ повздомъ за молодою, въ домъ коей онъ застаеть собравшихся гостей, сидящихъ уже за столомъ; но ворота для жениха заперты, онъ останавливается съ побажанами, дружка стучитъ въ ворота, говори: отворите! — Нельзя, отвъчаютъ ему, не сюда вамъ дорога: а хотите провхать, заплатите. — Сколько надобно? — А сколько васъ людей? спрашиваетъ предворотникъ. Душъ двъсти, отвъчаетъ дружка. - По рублю съ человъка, да и то мало, говорить предворотникъ, у насъ княгиня мододая, никому не велить Тадить чрезъ ея земли. — А у насъ князь молодой, говорить дружка, мы люди сбройные, ворота отобьемъ и силой въбдемъ. - Онъ начинаетъ стучать покръпче, по предворотникъ гогорить ему: не пущу! развъ сплой возьмете. Тогда дружка начинаеть объясняться съ нимъ по ласковъе: эй, любезный другъ! намъ нъкогда долго ждать, намъ пора бхать. Хочень зи выпить чару зеленаго?-Почему же не такъ -- отвъчаетъ предворотникъ, -- беретъ стаканъ съ водкою и выпиваетъ; дружка даеть еще, потомь еще и дотоль подаеть, пока не упонть. — Тогда повзжаные сами отворяють ворота, и въбзжають съ шумомъ на дворъ. --Дружка, войдя въ пзбу съ женихомъ и повзжанами, бъетъ кнутомъ по полу и давкамъ; гости выходять изъ-за стола, а повзжаные салятся на ихъ мъста. (Ч. II. стр. 272).

Если роды были такъ разобщены между собой, почти враждебны вслъдствіе чуждости, можно представить себъ, что дълалось внъ родовъ. Тутъ царили совершеннъйшій произволь и страшная неурядица; никто не быль безопасень вив домашняго крова. Воспоминаніе объ этомъ сохранилось въ повтрыяхь о перекресткахь. «При повадв въ церковь и при отъвадв изъ церкви, обътажаютъ перекрестокъ, молясь и крестясь. чтобы избавиться отъ лихаго человъка, который будто бы прячется здёсь» (стр. 349). По другимъ народнымъ повёрьямъ, «на перекресткъ черти янца катаютъ, въ свайку играютъ» и т. д. Перекрестокъ — мъсто, гдъ сходились дороги и сталкивались люди съ разныхъ сторонъ, чуждые другъ другу. При отсутствій гражданственности и необезпеченности общественнаго порядка, мъсто это не могло не быть бойкимъ. Такъ же смотръли и на дорогу. На пути въ церковь къ вънцу «угощаютъ встръчныхъ виномъ, чтобы никто пе сглазилъ пли не перешель дороги, въря, что это можетъ разладить супружество» (стр. 349). Крестьянинъ не строитъ дома «на томъ мъстъ, гдъ пролегала дорога: тутъ по его мнънію шатался дьяволь» (ч. У, стр. 151, вып. 1). Этимъ объясняется торжественность и многочисленность свадебныхъ повздовъ. Повзжане отправлялись какъ бы въ походъ, вооруженные, со встми воинскими принадлежностями. Теперь это церемоніяль, а прежде было фактомъ, совершенно необходимымъ при отсутствіи гражданственности, при малонаселенности края, при большихъ разстояніяхъ отъ рода жениха до рода невъсты п опасностяхъ путешествія. «При вытадт (къ втицу) дтаютъ выстрель» (стр. 351). У Мордвы за кибиткой невесты стоить дружко съ длиннымъ торомъ (ножомъ), «которымъ онъ пересъкаетъ колдовство» (стр. 349); «поддружья садятся по своимъ возкамъ и събзжаютъ со двора, стредяя изъ ружьевъ или пистолетовъ» (стр. 358). Въ Енисейской губерніи «впереди вдугъ дружко и поддружье, главные распорядители: они охраняютъ побадъ на пути отъ всехъ непріятныхъ встречь; сворачивають съ дороги встречныхъ, отворяють и запирають

ворота» (стр. 601). «Сопутствующіе въ поладт невтсты и жениха называются потажаными. Въ дружки избираются лучшіе друзья и пріятели жениха; ты сяцкіе и бояры составляють свиту молодыхь; чты она многочисленнте, тти болте чести и уваженія для молодыхъ» (стр. 125).

Да кому у насъ быть боярпномъ? Кому слыть воеводою? Выть боярпномъ Иванушкъ, Воеводою слыть Даннловичу, Сберегать своего килзя люлодаго, Нашого гостя дорогаго. — Ты слышешь ли Данилушка? Тебъ пъснь поемъ.

И честно величаемъ. — (стр. 300).

Далье: «У богатыхъ людей бывають еще дворяне, кои набираются для увеличенія повзда. Дружка завыдываеть всей свадьбою, поддружье помогаеть ему въ распоряженія, тысяцкій оберегаеть приданое молодыхъ» (стр. 324). Тысяцкому въ честь поется на свадьбы:

У тысяцкаго у свъта бородка хороша, По бородкъ его царь любять, Во большія мъста его сажаеть, Воеводой называеть.
Воевода ль ты, воеводушка! Поъжай-ка ты во чисты поля, Въ чисты поля, Въ чисты поля, Въ чисты поля, въ лагери.
Осмотри силу войсковую, Донеси мит обо всъхъ начальникахъ, Слышешь ли, тысяцкой?
Тебъ пъсию поемъ. (стр. 332).

У донскихъ казаковъ поважане назывались въ старину храбрымъ повадомъ. «Подлъ жениха шелъ въду нъ (оберегатель), котораго пріпскивалъ дружко заблаговременно, и опъ не отлучался отъ жениха до окончанія брака, наблюдая, чтобы

на порогахъ и на притолкахъ не было чародъйства, и чтобы въ пищу и питье не примъшивалъ кто порчи» (стр. 613).

Составъ свадебнаго повзда достаточно показываетъ, что опъ значилъ въ первобытныя времена. Замътимъ здёсь мимоходомъ удивительное сходство состава древне-русскаго кияжескаго двора и свадебнаго штата. Молодой называется кияземъ, молодая княгиней. Мы видъли, что при инхъ были тысяцкій — воевода и бояре, даже дворяне. Объяснить это тожество мудрено. Оно можетъ указывать на первоначальное царственное значение отдельныхъ родовъ. К и яже п і емъ называется власть родоначальника даже въ Несторовой лътописи. Еще въ XVII въкъ составъ боярскаго двора и царскаго были почти одинаковы (не говоримъ уже о томъ времени, когда бояре переходили на службу отъ одного князя къ другому). Очевидно, одинъ типъ лежалъ въ основаніи всего общественнаго и частнаго быта. Но, кажется, гораздо проще объяснять это сходство темъ, что бытъ княжескій и боярскій быль пдеаломъ для низшихъ классовъ. Основанный на однихъ началахъ съ простонароднымъ бытомъ, онъ былъ его продолжениемъ, какъ бы высшей степенью, и потому предметомъ удивленія и подражанія. Многія свадебныя песни, сохранившіяся теперь въ простомъ народъ, по всъмъ въроятіямъ, сложены и пълись сначала на боярскихъ и княжескихъ свадьбахъ. Богатство, роскошь, упоминаемыя въ нихъ, могли быть дъйствительностью между одинии высшими, зажиточными сословіями, и только идеаломъ, мечтой для простого народа. Да въроятно и не одит свадебныя пъсни такъ произошли. Многія изъ тъхъ, которыя теперь поются одинии крестьянами, носять на себъ слъды стариннаго боярскаго и княженецкаго житья бытья. При всей безыскуственности, наши пъсни, особенно старинныя, представляють что то полное, обделанное со тщаніемь, законченное. Она цвать, результать извастной, хотя и ограниченной, младенческой цивилизаціи; этого нельзя не замітить. Многія изъ нихъ могли быть сложены въ теремахъ, хоромахъ, и даже віроятно, что оні тамъ сложились.

Однимъ изъ частыхъ поводовъ къ сношеніямъ между родами были браки. Какъ заключались браки въ отдаленной древности? Собственно браковъ не было; невъстъ похищали, увозили насильственно, добывали вторженіемъ въ чужіе роды. Эти хищническія нападенія оканчивались иногда покореніемъ или уничтоженіемъ рода и племени невъсты. Живые слъды такого способа пріобрътенія невъстъ сохранились въ теперешнихъ свадебныхъ обрядахъ. Вотъ доказательства. На свадьбахъ поется пъсня:

Не сиди, наша голубушка,
Подъ косящатымъ окошечкомъ.
Ты не трачь чиста серебра,
И не порти красна золота.
По сегоднишнему денечку
Быть саду да полоненному,
Всему роду покоренному (стр. 219).

«По совершенія вънчанія, провожають новосочетавшихся въ домъ жениха. Невъсту моють, а иногда бълять и румянять, за тъмъ переодъвають ее въ платье молодухи и выводять съ покрытой фатою. Тогда свать, ударивъ три раза на кресть по столу новой плетью, чтобы отогнать всякія чары, говорить: какова-то наша добыча?—и кокцемъ кнутовища сбрасываеть съ невъсты фату. Всъ кричать: молода и хороша!» (стр. 227).

Невъста поетъ:

Государыни свёть мон, Вы подружки, голубушки! Подождите, подруженьки, До поры да до времени, Вы до дил-то до срочнаго. Да до часу до урочнаго. Что взавтра, о эту пору, Поранъе малешенько,

Digitized by Google

Пріюдуть ко батюшкю, Сь боемь да со грабежемь; Что ограбять же батюшку, Да полонять мою матушку. Повезуть меня молоду, На чужую на сторонушку. (стр 254).

Въ другой песне невеста просить: «схороните, светь, подруженьки отъ лихаго навздника» (стр. 267). Въ Пензенской губерній, наканунт втица, на пиру у невтсты, «подруги нарочно прячуть ее въ уголь, и завешивають платкомъ... онь (женихъ) вырываетъ платокъ изъ рукъ невъсты и цълуетъ ее насильно» (стр. 283 2(3)29). Въ Хвалынскомъ утзят, Саратовской губерніи, свать называется даже смутчикомь (стр. 288, выноска 1). По литовскому свадебному обряду, «прівзжаеть женихъ съ дружками, боярами, сватомъ и однимъ близкимъ родственникомъ. Они входять въ избу молча, съ важностію и въ надвинутыхъ почти на глазахъ шапкахъ; ни съ къмъ не здороваются; гости не встають съ мъста и молчать; одинъ свать привътствуеть собрание наклонениемъ головы, не снимая шапки. Вст они идуть въ конецъ избы и занимають мъста за столомъ; женихъ садится въ углу подъ иконами, подлъ него сватъ, далъе дружки и наконецъ музыкантъ, избираемый преимущественно изъ родственниковъ. Остальные разсаживаются, гдв есть мъсто. Долго не говорять; на лицахъ выражается какое-то неудовольствіе; одинь свать балагурить. то съ темъ, то съ другимъ, более же съ девушками, но и онъ избъгаютъ разговоровъ» (стр. 479). На насильственный увозъ невъсты указываетъ еще слъдующій обычай: «дружко съ обнаженною саблею въ рукъ въ казацкомъ нарядъ и въ шапкъ на бекрень ъздитъ верхомъ около сънника молодыхъ. Никто тогда не смъетъ подойти» (стр. 532, 183). Обереганье молодыхъ ночью вооруженнымъ дружкой было у насъ въ старину непремъннымъ обычаемъ. Наконецъ множество другихъ обычаевъ, которые мы здѣсь опускаемъ (см. стран. 344, 354—356, 465, 496, 517), ясно свидѣтельствуютъ о бывшемъ у насъ когда-то похищении или насильственномъ увозѣ невѣстъ. Догадка, предположение, которое одни робко защищали, другие съ увѣренностью отвергали, какъ невозможное и несбыточное, оказывается по свадебнымъ обрядамъ историческимъ фактомъ, не подлежащимъ сомнѣню.

Впрочемъ натады не всегда оканчивались покореніемъ рода. Они могли быть неудачны, и война иногда оканчивалась полюбовной сделкой о невесте. Доказательства опять въ свадебныхъ обрядахъ. «Въ Саратовской губерніи молодой, посаженый отецъ, тысяцкій и весь повздъ вдуть верхами. Если свадьба происходить зимою, то молодые садятся въ сани; отътавь не много отъ дома, потажаные останавливаются и смотрять: не скрылась ли княгиня? а дружко и поддружье фдуть въ домъ молодой, чтобы выкупить ея постель. Здёсь даритъ дружко деньгами оставшихся девущекъ. После выкупа постели, вдутъ «безостановочно до церкви» (ч. II, стр. 349). Въ той же губерній, передъ отправленіемъ къ вънцу соблюдается сльдующій обычай. «Всѣ входять вь избу, дружко привътствуеть вивств съ повздомъ: здорово сватушка и свахонька! Можете ли вы гораздо? — Они отвъчають: слава Богу! — Дружко, не говоря ни слова, обращается къ брату, который сидитъ съ скалкою: что ты другъ сидишь здёсь? Вонъ, вонъ отсюда! -Поддружье замахивается на него кнутомъ и бьетъ по столу. Братъ невъсты сидитъ и говоритъ: не боюсь! Вотъ! (скалка) не дюжа прыгайте, упрыгаетесь. - Потомъ дружко начинаетъ говорить ему ласково: намъ надо сажать жениха. -- Братъ невъсты отвъчаетъ: выкупи сперва мъсто. — Дружко спрашиваетъ: сколько ты возьмешь? — Золотую гривну да пива ръmeто. — Дружко и брать невъсты спорять, пока не сойдутся въ условіи» (стр. 355 — 356). Въ Малороссіи, послі він-

чанья «молодой сходить съ лошади, а на нее садится брать невъстинъ, или другой какой-либо свойственникъ, и скачетъ по улиць во всю прыть. Бояре, съвъ на своихъ лошадей, обращаются за нимъ въ погоню. Словивъ его, они ведутъ къ невъстъ и предъ нею подчуютъ виномъ. Подающій вино говорить: прошу выкушать. Тоть ему кланяется и не пьеть. Тогда дружко выпиваетъ вмёсто его, и, наливъ другую чарку водки, подносить брату невъсты; онь опять отказывается. — Снова дружко спрашиваетъ: что тебъ надобно? — Денегъ. — Дружко вынимаетъ изъ кармана нъсколько денегъ, кладетъ на тарелку и подносить ему. Онъ береть деньги, выпиваеть вино и слъзаетъ съ лошади; тогда бояре бьютъ слегка по спинъ его прутьями; онъ уходить отъ нихъ, потомъ возвращается къ съннымъ дверямъ и, взявъ обнаженную саблю, садится подлъ невъсты. Князь съ свахою и свитилкою стоять въ съняхъ; мать невъсты выходить изъ избы, зажигаеть у свитилки, съ тройной ея свъчи, прилъпленной къ ея саблъ, свою восковую свъчу; цълуется съ свитилкою черезъ порогъ и, съ дозволенія старосты, вводить молодого къ невъсть, окруженной уже дружками. Подлъ невъсты сидитъ братъ или другой какой-либо свойственникъ, или тотъ самый, который вздилъ на лошадв молодого. Дружко спрашиваетъ его: зачемъ сидишь здёсь?-Я берегу свою сестру. — Она уже не твоя, а наша, возражаетъ дружко. — А ежели она теперь ваша, то заплатите мнв за ея прокормленіе. Я одъваль ее, кормиль, поиль въ теченіи восемнадцати лётъ, - говоря о лётахъ невёсты, не насчитывають болье восьмиадцати, — а вы хотите взять даромъ! — Что же ты издержаль? спрашиваеть дружко. --- Много! восемь бочекъ бураковъ, четыре бочки капусты, шесть воловъ, двънадцать кабановъ, двадцать овецъ, двъсти гусей, триста курицъ, четыреста утокъ, сто кулей муки, пива пятнадцать бочекъ, меду пятьдесять бочекъ, водки сороковую бочку, — а платья, а уборовъ, а черевикъ, — и счету нътъ! — Чъмъ болъе выставляется расходъ, тъмъ почетнъе для молодой. — Дружко вынимаетъ изъ кармана нѣсколько мелкихъ денегъ, кладетъ на деревянную тарелку и ставитъ на ней чарку водки; потомъ подноситъ ему, но онъ не беретъ, потому что мало. Дружко склоняеть его на уступку, но онь не соглашается; торгъ продолжается, пока не сойдутся въ цънъ» (стр. 517 и 518). «Въ другихъ мъстахъ сидятъ, по объимъ сторонамъ невъсты, два мальчика съ палками, изображающими мечь; на концахъ ихъ наверчено по шпшкъ коровайной 🕏 по платку. Когда женихъ приблизится къ невъстъ, тогда начнутъ они бить его и дружку. Дружко вынимаетъ деньги, и даетъ имъ. Они снова быють его. Дружко спрашиваеть сколько же вамъ надобно? Богато (много), и дуже богато (и очень много), отвъчаютъ они, а якъ не дасте, то за стилъ не пустимо. — По продажь мьста, мальчики выходять изъ-за стола и уступають мъсто жениху» (стр. 584). Въ Эстляндіи существуетъ слъдующій странный обычай. Передъ отътадомъ къ втицу женихъ посылаеть туда дружко: «но въ воротахъ, при въбзде въ село или въ ограду церкви, собравшіеся мальчики, болье изъ родственниковъ молодыхъ, останавливаютъ его плетьми, и онъ долженъ откупить право въбзда, бросивъ имъ нъсколько мелкихъ монетъ, а если этихъ денегъ мало, то мальчики задерживаютъ дружку. Тогда женихъ видя, что дружко не встръчаетъ его, и догадавшись о причинъ, посылаетъ впередъ себя другого дружку; случается со вторымъ тоже; тогда посылается третій. Щедрость этого последняго, или умеренность продающихъ право вътада, отворяетъ наконецъ ворота, и посланный встрѣчаетъ молодыхъ, уже въѣзжающими» (стр. 605).

Похищениемъ невъстъ, которое предшествовало у насъ всъмъ другимъ формамъ брака, объясняется между прочими особенностями нашихъ древнъйшихъ брачныхъ отношеній и отсутствіе

Digitized by GOOG

приданаго. Въ первыхъ историческихъ памятникахъ о немъ не говорится ни слова. Даже теперь въ Малороссіи и у казаковъ невъсту берутъ, по свидътельству г. Терещенки, не требуя приданаго (стр. 491 и 616). Увозъ невъстъ исключаетъ приданое. Последнее есть результать дружелюбныхь отношеній между семьями, выражение желанія рода поддержать свою честь и достоинство передъ новыми родственниками богатымъ одареніемъ своего члена, переходящаго въ чужую семью, и вслъдствіе того первая вещественная опора гражданскаго, до нѣкоторой степеми независимаго положенія женщины въ отношеніи къ семьъ, въ которую она вступаетъ: насильственный увозъ невъсты несовиъстимъ съ этими побужденіями, съ этими отношеніями молодой къ новой семьъ. Онъ поставляетъ женщину въ униженное положение, уравниваетъ съ послъдними членами рода; какъ чужая, она дёлается безотвётной жертвой новой родни, новаго дома, куда привезена противъ воли.

Хищническіе натады для пріобратенія невасть должны были весьма рано смениться покупкой последнихь. Эта вторая форма заключенія браковъ уже сама по себъ была важнымъ шагомъ впередъ въ развитіи гражданственности. Она — начало миролюбивыхъ отношеній между разрозненными, чуждыми семьями и родами, --- начало договоровъ, условій, слідовательно и внісемейнаго, вив-родового общежитія. Разумвется, мы не хотимъ этимъ сказать, что когда началась покупка невъстъ, ихъ увозъ совершенно прекратился, и наоборотъ, пока были увозы, не встръчалось ни одной покупки такого рода. Въ исторія нигдъ нельзя найдти ръзко проведенныхъ границъ между періодами и эпохами; последнія нельзя отделить съ математической точностью одну отъ другой. Случаи похищенія и покупки невъстъ могли совпадать по времени, и конечно совпадали; мы видъли, какъ цацаденія, предпранятыя съ цълью пріобръсти невъсту, оканчивались сдълками. Но то весьма въроятно, что сперва при большей разрозненности родовъ преобладали увозы, а потомъ, когда чаще стали происходить между ними сближенія и мирныя отношенія, начали преобладать покупки.

Покупки невъстъ совершались сначала со всъми формальностями обыкновенной купли и продажи. Покупщиками были родственники жениха или самъ женихъ, продавцами — родители или родственники невъсты. Множество самыхъ яркихъ слъдовъ такой покупки и продажи сохранилось въ свадебныхъ обрядахъ. Вотъ нъсколько:

•Въ нъкоторыхъ мъстахъ, особенно въ городъ Нерехтъ, покупаютъ невъсту за деньги. Не только бъдные, но богатые поселяне почитають себъ за безчестіе отдать дочь безденежно. Чъмъ выше цъна, тъмъ болъе чести для невъсты, о чемъ провозглашается немедленно по деревиъ. Продажная цъна называется калымомъ (стр. 470).

«Свать просить ихь (дружка сь поддружьемь) състь. Дружка садится за столь; ихь подчують пивомь и водкою. Дружка напоминаеть свату, что пора показать невъсту, и увидъвь ее, просить снарядить въ благословенный путь. Отець соглашается, дружка береть ее за руку и сажаеть за столь; подносить свату кружку пива, убъждаеть отща посадить подлю ее стражу, чтобы она не ушла. Случалось, что невъста, не дождаешись жениха, уходила изъ-за стола, потому сажали подлю нее стражу изъ поддружкоев, которые берегли ее до прибытия жениха.— Отець соглашается приставить стражу, дружко на-кръпко приказываеть смотръть за быстроногою, совътуеть не слушать ее словець и беречь княгиню молодую» (стр. 188 и 189).

Тутъ отецъ вмѣстѣ съ дружкой хлопочутъ, чтобъ дочь не ушла: указаніе на совершенное безучастіе ея въ этомъ тортѣ. Постоянно женихъ называется купцомъ, невѣста товаромъ (стр. 194, 201, 231). Въ Вологодской губерніи смотрины, т. е. показъ невѣсты (бывающій вездѣ), въ полномъ смыслѣ осмотръ товара.

«Въ назначенный день отправляются родители съ своимъ сыйомъ и близкими родствонниками, въ то село, гдъ живетъ невъста, и останавливаются у сосъдей. Въ то время наряжають невъсту ея подруги; по уборъ ея, отецъ и мать приглащають женика, со всъми его родными. Они, входя въ избу, момятся Богу; потомъ кланяются и становятся въ переднемъ углъ. «Ну, любезный Афонасьевичь, говорить отецъ жениха, мы прітхали къ тебт за дъломъ: посмотръть твою любимую дочь». Тогда подруги выводять невъсту изъ куми на средину избы, и сажають ее на скамейку. Женихъ и родные подходять и осматривають: лице, шею, уши, руки, и если это бываеть вечеромъ, то еще со свычею въ рукахъ. — Осмотръли, невъста встыь нравится. Но еще просять ее пройдти по комнать» (стр. 231 и 232).

Не менте любопытны смотрины въ Саратовской губерніи.

•Сваха выдѣзаеть изъ—за стола, подходить къ невѣстѣ и спрашиваеть, улыбаясь: скажи красавица, какъ тебя звать?— Дуняша, отвѣчаеть она. — Между тѣмъ сваха поднимаеть ея руки вверхъ, для удостовъренія: не выломлены ли у ней руки? Или, не безрукая ли она? Ворочаеть ее туда и сюда, чтобы осмотрѣть: нѣтъ ли за ней какого порока? За тѣмъ она выводить жениха изъ за-стола, беретъ зажжениую лучинку или зажженный пучекъ, и подносить его подъ глаза жениха, чтобы убъдить смотрящихъ, что онъ не слѣпой. Потомъ она заставляеть его пройдтись по избѣ, для доказательства, что опъ нехромой» (стр. 290).

Потомъ вдутъ переговоры о приданомъ. Если объ стороны сойдутся, то «отцы жениха и невъсты, закрывъ полою кафтана правую руку, подаютъ ее одинъ другому, въ присутствіи священника, въ знакъ върности, или, какъ говорится здѣсь: бьютъ по рукамъ и молятся Богу» (стр. 232). Оттого и сосватанье называется обрученьемъ, порученьемъ, рукобитьемъ. Это формальный договоръ (стр. 208, 266). Въ Енисейской губерніи «отецъ... обвертываетъ свою руку бълой ширинкою, беретъ за руку дочь и передаетъ ее женвху, который также принимаетъ ее обвернутой рукою въ ширинку» (стр. 602). До сихъ поръ еще такъ продаютъ у насъ лошадей. Невъста поетъ:

Что не ключики брякнули, Да не замочики щелкнули, — По рукамъ пріударили. Запоручиле сударь-батюшка, И родимая матушка. Да меня молодешеньку

За поруки за кръпкія, Да за заряды великів (стр. 232 и 233).

Отсюда названіе невъсты—ряженая, отърядъ, договоръ (стр. 229): первоначальное значеніе этого названія имъетъ отношеніе къ куплъ, а не къ брачному условію, по общему смыслу евадебныхъ обычаевъ. Отсюда самое названіе невъсты. Она была невъдомая, незнаемая, невъсть. Въ XVII въкъ личная неизвъстность невъсты жениху подавала, какъ извъстно, поводъ къ подмъну невъстъ. На возможность такого подмъна указываетъ слъдующій свадебный обычай въ Бълоруссіи:

«Рано съ вечера приходять въ домъ невъсты сваты жениховы, и приносять себя водку, а отъ жениха кольцо. Гостей уже полная изба, но невъсты еще нътъ. Заслышавъ, что идуть сваты, она виъстъ съ подружками выходитъ въ съне; тамъ надъваютъ на нее шубу, и потомъ подруги, побравшись за руки илотно, ставять на одномъ концъ младшую изъ подругъ, а на другомъ невъсту; входятъ всъ въ избу и останавливаются передъ сватами. Сватьи невъстины указываютъ на младшую подругу и говорять: вось ваша илепьста!— Нюста ни илепьста, отвъчають жениховы сваты, и смъются громко.— Сватьи показываютъ на другую: такъ вось ина!— И ета ни ина, отвъчають сваты. Такимъ образомъ неребирають всъхъ дъвушекъ». (стр 460 и 461).

Наконецъ на продажу невъстъ указываетъ выкупъ невъстиной постели, который обыкновенно бывалъ послъ отъъзда молодыхъ къ вънцу; покупка мъста подлъ невъсты у ея брата, родственника или даже ребенка (стр. 343, 483, 583 и т. д.), наконецъ покупка тоже у брата ея косы, которая отръзывалась свахой и хранилась у родныхъ или у самой невъсты (стр. 112, 132, 201, 344) (бывалъ также, какъ видно изъ другихъ обычаевъ, выкупъ косы у брата невъсты, чтобъ онъ ея не отръзывалъ; стр. 459, вып. 2). Вообще смыслъ этихъ обычаевъ очень ясенъ. Но что именно могутъ значить они въ частности, какое ихъ историческое происхожденіе, почему братъ, даже посторонній мальчикъ или родственникъ продаетъ мъсто подлъ невъсты и косу ея, а не отецъ, почему они, а не

онъ защищаютъ невѣсту, — почему отецъ, по нѣкоторымъ свадебнымъ обрядамъ, даже не былъ въ избѣ, когда за невѣстой пріѣзжалъ женихъ, и входилъ въ нее послѣ самыхъ усильныхъ просьбъ — вотъ загадки, надъ которыми напрасно ломали мы себѣ голову. Изъ нихъ можно только вывести, что братъ имѣлъ большое вліяніе на судьбу сестры. Больше мы не рѣшаемся покуда ничего сказать въ объясненіе этихъ странныхъ обрядовъ.

Покупка невъстъ, важный шагъ въ сближени родовъ между собою, не могла измънить взаимныхъ отношеній брачущихся. Въ отдаленную старину, при заключении супружества, дъло шло собственно не о невъстъ или женихъ, а о связи, союзъ родовъ, между которыми, вслъдствіе и посредствомъ браковъ, установлялись договорныя и мирныя отношенія. Судьба дъвушки, переходившей по куплъ въ новую семью, была такъ же печальна, какъ и при ся насильственномъ увозъ. О ней не заботились, потому что она играла въ этихъ сдълкахъ второстепенную роль. Вст свадебные обычаи, обряды и повтрыя доказывають это. Новобрачная переходила изъ-подъ власти отца или брата подъ власть мужа. Въ Костромской губернім послѣ вѣнчанья «отецъ, слегка бьетъ плетью по спинѣ новобрачныхъ три раза (съ цълью, выдуманной г. Терещенко), чтобы она забыла прежнихъ жениховъ и любила одного мужа» (стр. 181); тоже дълаетъ и новобрачный: въ первый день свадьбы, садясь на постель, онъ бьетъ свою жену три раза плетью (стр. 144). Даже въ Малороссіи «молодой, по выбздъ изъ тестева двора, бьетъ плетью по спинт своей молодой нтысколько разъ, приговаривая: покидай нравы отца и матери и привыкай къ моимъ» (стр. 532). Этотъ обычай бить новобрачную, здёсь соблюдаемый отцомъ, тамъ мужемъ, очевидно не что иное, какъ символъ власти, принадлежавшей отцу и переходившей послъ брака къ мужу. Въ старину у донскихъ казаковъ женихъ, прівзжая къ невъсті передъ вінцомъ, находилъ ее въ переднемъ мість, подъ святыми. «Подлі нея сидіти одинъ или два мальчика, ея братья, съ державою, т. е. съ простой или шелковой плеткою» (стр. 613). Названіе державы, присвоенное плети, показываетъ, что значила послідняя въ свадебномъ обрядь. Эта держава, по свидітельству иностранцевъ, даже прямо передавалась отцомъ новобрачной зятю: «отецъ, вручая жениху дочь свою, билъ ее слегка плетью и говорилъ: любезнійшая дочь моя! я быю тебя въ послідній разъ; ибо власть моя надъ тобою кончилась; теперь ты должна повиноваться своему мужу; онъ заступилъ мое місто, а этой плетью онъ будеть наставлять тебя, если забудешь свой долгъ. Тогда онъ передаваль плеть ея мужу, который говорилъ въ оправданіе своей невъсты: я не думаю, чтобъ была надобность въ плети» (стр. 90).

Переходъ новобрачной подъ власть мужа доказывается и другими, не менъе характеристическими данными. Въ одной свадебной пъснъ невъста называетъ себя вольнымъ, върнымъ и безотвътнымъ слугой отца и матери (стр. 327). Послъ брака она становилась слугой мужа. Это символически выражалось тымь, что послы женитьбы жена снимала съ него сапогъ; если въ сапогъ оказывалась плеть, то онъ билъ ею жену; если деньги, то онъ отлавалъ ей деньги (стр. 35 и 532). Объ власти, отцовская и мужняя, были совершенно одинаковы и не имъли юридическаго характера. Въ патріархальномъ быту онъ и не могли его имъть. Господство понималось въ условіяхъ родственнаго быта; поэтому и наказаніе не было казнью, местью, средствомъ устрашить и обуздать преступниковъ: оно было исправительной мърой, назиданіемъ, и въ этомъ смыслъ доказательствомъ вниманія, заботливости, любви, а не гитва. Такой взглядъ преобладалъ въ древней Руси. Наказаніе и всё слова того же корня имели это значеніе; теперешнему наказанію соотвітствовала тогда казнь. Воть почему простолюдины благодарили за тілесное наказаніе; жена виділа въ побояхъ мужа доказательство любви; если онъ не наказываль жены, вто значило, что онъ не заботился о ней, быль къ ней невнимателенъ,—словомъ, не любиль ея. Намъ, воспитаннымъ въ понятіяхъ личнаго достоинства и чести, такія понятія кажутся безсмысленными; но они послітдовательно вытекали изъ патріархальнаго быта и составляють одну изъ его главныхъ отличительныхъ чертъ.

Что положеніе женщины не измѣнилось, когда ее стали покупать, а не насильственно увозить, видно изъ того, что какъ при насильственномъ увозѣ, такъ и при продажѣ замужъ, горько плакалась невѣста:

«Улетъла моя любимая вольная волюшка, за горушки высокія, за лъсушки темные, за озерушки широкія! Обневолили меня желанные родители за чужаго чужанина, на чужую сторону. Какъ то будеть привыкать мит къ чужому чужанину, къ чужимъ родителямъ, къ чужой сторонъ? Мив не долге красоватися волюшкой у своихъ родителей и у братцевъ, ясныхъ соколовъ.-Видно я имъ наскучила, видно была не работница и не заботница. Пріустали, видно, мои родители, меня поючи кормючи, узки плечики одбиваючи, ръзвы ножки обуваючи! Выйду я, бъдная дъвушка, въ зеленую добровушку; посмотрю на всв четыре стороны: не увижу ли я, гдв летаеть моя любимая волюшка? обернусь я, красная дъвица, къ косясчету окошечку; посмотрю на широкую улицу: исполна ли печетъ красное солнышко? исполна ли свътитъ свътелъ мъсяцъ? Погляжу я, красная дъвушка, на брусовую гладкую лавочку: исполна ли сидять мои родители на брусовой красной лавочкъ? Исполна, исполна: лишь итть моей любимой волюшки! Ахь, любимыя подруженьки! У вась цветуть желанныя волюшки на буйныхъ головушкахъ, у меня у бъдной горюшницы. распущена косанька, нътъ моей вольной волюшки! Не держите вы ее по радовымъ денечкамъ, а держите по годовымъ праздинчкамъ! Поднимись, ручка правая, противъ вздоха тяжелаго. Первый поклонъ положу я за кормилица батюшку, вторый покленъ за родитель матушку, третій поклонъ за крестнаго батюшку, четвертый поклонь за крестную матушку. И еще поднимись, ручка правая, на горемычную головушку, Ты, Покровъ Богородица! покрой меня дввушку пеленой своею нетабиною, идти на чужую сторону! Введенье мать Богородица! введи меня на чужую сторонушку! Срътенье мать Богородица! встръть меня на чужой сторонушкъ! - (стр. 225 и 226).

Въ объяснение этого плача должно замътить, что здъсь волей называется дъвичій головной уборъ. Передъ благословеніемъ его надъвають на невъсту, а потомъ она снимаеть его, и отдаетъ родной сестръ, а если нътъ сестры, то одной изъ подругъ (стр. 224, 225). Плачь невъсты—необходимая принадлежность свадебныхъ обрядовъ во всъхъ краяхъ Россіи. Кое гдъ онъ уже выводится, напримъръ въ Пермской губерніи (стр. 599); но былъ вездъ. Затъчателенъ плачь въ Саратовской губерніи:

> Свъть ты, моя волюшка! Свътъ ты, моя нъгушка! У родимой у матушки, Куда-то мою волюшку, Мив пустить будеть? Пущу я мою волюшку, Во чисто поле; Пущу я мою волюшку, Во темный лъсъ. Во темномъ лъсу она заплутается. Нътъ, пущу я мою волюшку, По милымъ подруженькамъ. Покрасуйтеся подруженьки, Покрасуйтеся любезныя. Поколь вы у батюшки, Поколь вы у матушки, А я горькая горемычная, Я уже открасовалася; Отшутила я съ вами, Всъ шутки шутливыя. (Ч. II. стр. 341).

Въ Малороссіи невъста благодарить отца за беззаботное житье-бытье въ дъвичествъ.

Упала Гануся батиньки низко, Спасибо тоби, мій батинько, За твое коланьеце: Що я у васъ гуляла, Важнаго дила не знала, Тилько знала до свиточку

15

Та на удичку, Та за виночокъ, — Та въ тоночокъ. (стр. 531).

Съ дъвичествомъ оканчивались беззаботность и воли женщины. Въ Костромской губерніи женихъ, наканунъ свадьбы, подноситъ невъстъ ключи (стр. 175) и этимъ какъ бы передаетъ ей всъ заботы и хозяйство внутри дома; въ Саратовской, молодую послъ свадьбы подымаютъ словами: «вставай невъстка! ребенокъ плачетъ, корова реветъ, овцы блъютъ, корму у нихъ нътъ» (стр. 361). Тамъ же, по возвращеніи молодыхъ отъ вънца, новобрачную передаютъ «родственникамъ жениха или свахъ, которая приводитъ къ разложенному огню въ чуланъ и показываетъ молодой, какъ она должна стряпать» (стр. 360). Въ другихъ мъстахъ, на другой день свадьбы, новобрачную учатъ носить воду (стр. 371, 458) и прясть (стр. 551). Вездъ указанія на заботы и труды, которыхъ не знала дъвушка до замужства.

Покупка невъстъ, свидътельствующая о дружелюбныхъ или по крайней мъръ мирныхъ отношеніяхъ между семьями и родами, съ большимъ ихъ солиженіемъ, съ утвержденіемъ между ними болье постоянныхъ отношеній, должна была мало-по-малу перейдти въ брачный договоръ. Повидимому различіе между тъмъ и другимъ ничтожно, но въ сущности оно чрезвычайно важно, хотя, по всъмъ въроятіямъ, и не вдругъ обозначилось. Въ куплъ и продажъ невъстъ есть покупщикъ, есть продавецъ; первый требуетъ товаръ, осматриваетъ его, прицънвается; второй его сбываетъ. Отношенія купца и продавца, равныя, когда идетъ ръчь о вещи, весьма неравны, когда предметъ торга—женщина, будущая жена покупщика. Семья жениха выбираетъ, семья невъсты играетъ пассивную роль; первая постановляетъ свои требованія и условія; вторая не имъсть права предъявить такихъ же требованій; она согла-

шается на предлагаемое, или не соглашается, но не смотрить жениха и не дёлаеть выбора. Эта форма браковь такъ безобразна, такъ неестественна, что необходимо перераждается въ обоюдные договоры. Въ послёднихъ условливаются о бракъ двъ семьи: каждая изъ нихъ выбираетъ и постановляетъ свои условія. Тутъ нътъ покупщика, нътъ и продавца, хотя прежнія формы купли и продажи и удержаны по преданію. Собственно это договоръ двухъ семей о брачномъ союзъ ихъ членовъ.

Такой переходъ долженъ былъ отразиться въ характерѣ нашихъ свадебныхъ обычаевъ. Вглядываясь въ теперешніе,
естественно приходишь къ мысли, что, по всёмъ вёроятіямъ.
они окончательно сложились и получили свою настоящую
форму именно подъ вліяніемъ этого новаго вида браковъ: такъ
сильно преобладаютъ въ нихъ черты, напоминающія этотъ
видъ, надъ всёми остальными — остатками похищенія и покупки невѣсть, или слабыми зачатками лучшихъ, болѣе просвѣщенныхъ и облагороженныхъ понятій о бракъ. Рядомъ се
смотромъ невѣсты появляется смотръ жениха. Въ нѣкоторыхъ
губерніяхъ онъ происходитъ въ одно время съ осмотромъ невѣсты; такъ въ Вологодской губерніи (стр. 232); но въ другихъ, напримѣръ въ Нижегородской, для него назначается
особенный день, и онъ называется гляди на ми.

«По взавиномъ соглашеніи, родители дочери отправляются на другой день, шли въ какой-небудь другой условленный, глядѣть жениха, и это называется глядинами. Туть ихъ принимають со всею почестью: отець и мать жениха встрѣчають ихъ на крыльцѣ, кланяются и привѣтствують; потомъ, введя въ взбу, всё молятся Богу, а женихъ между тѣмъ, одѣтый въ лучшее платье, стоитъ у порога и кланяется имъ.—Родителей невѣсты сажають въ красномъ углѣ, разговаривають съ ними дружески и весело, и спустя нѣсколько времени накрывають столъ бѣлымъ полотномъ и ставятъ на него закуску съ виномъ. Во все это время пріѣхавшіе на глядины смотрять украдкой на молчаливаго жениха, и замѣчають всѣ его движенія, по которымъ гадають о счастливой будущности. Когда женихъ имъ покажется, тогда они просять его садиться съ ними за столь; онъ сначала нейдеть и кланяется имъ. По повтореніи нісколько разь приглашенія, его родители говорять ему: не отказывайся оть чести поподчивать гостей. Онь подходить къ нимъ, и садится, потупивь глаза. Отець же его наливаеть чарку водки и сначала угощаеть глядівльщиковь, за тімъ свою жену, а потомъ себя, произнося: за здоровье добрыхъ гостей!—Поразсмотрівь еще нісколько жениха, глядівльщики, если имъ по сердцу женихъ, просять его къ себі въ гости и потомъ ублажають домой. Если женихъ не по ихъ мыслямъ, то отказываются оть другой чарки водки и ублажають, поблагодаривши за хлібъ-соль» (стр. 264).

Эти глядины жениха имъютъ разительное сходство со смотринами невъсты. Тъже пріемы родителей невъсты, таже пассивная роль жениха. Ясно, что право выбора жениха имъ столько же принадлежало, сколько родителямъ последняго выборъ невъсты. На это право есть и другія указанія. «Выборъ невъсты между Уральскими казаками, говоритъ г. Терещенко, зависить отъ жениха, родители не препятствують ему; но избраніе жениха зависить оть родителей» (стр. 617). Тоже въ Малороссіи. Здёсь не только об'в договаривающіяся стороны равны, но семья невъсты имъетъ даже, въ брачномъ договоръ, видимый перевъсъ надъ семьей жениха. Бопланъ. оставившій описаніе Малороссіи въ половинь XVII выка. прямо говорить, что здёсь, «наперекорь всёмь народамь, не мущины сватаются за дѣвицъ, а дѣвицы за мущинъ» (стр. 485). Это странное извъстіе подтверждается теперешними малороссійскими свадебными обычаями. Если дъвушка любитъ жениха, она сама упрашиваетъ родителей отдать ее за него зашужъ (стр. 493); а если не любить, решительно отказывается (стр. 494).

«Современи засватанья — говорить г. Терещенко, — до свадьбы, помолвленные видятся между собою почти каждый день: они вмёстё ходять и цёлуются, вмёстё закупають вещи для домашняго обзаведенія, и новыя платья для радостнаго своего праздника; проводять вмёстё не только день, но и ночь, и женихъ строго наблюдаеть благопристойность»

(стр. 505). Невъста повязываетъ жениха рушникомъ. Это значитъ, какъ видно изъ словъ старостъ (сватовъ), вязать приводца (т. е. приведеннаго), чтобы онъ не убъжалъ изъ хаты (стр. 497). Оттого и поется:

Сказано матери
По теоих диток зелзали
Твоях дитокъ
Одник лятокъ.
Тонесенькимъ, белесенькимъ
Рушничкомъ. (стр. 522).

Это объясняеть, далье, древній обычай при разводахъ: брачущіеся разръзывали полотенцо и расходились въ разныя стороны. Потомъ, въ Малороссіи, послі вінца, молодая іздеть къ себъ въ домъ, а новобрачный къ себъ; отсюда последній прітэжаеть къ родителямъ ея и туть справляеть сватьбу, а уже после того едеть въ свой домъ (стр. 516-532). Далее, въ Малороссіи, въ число свадебныхъ обрядовъ входитъ ловля жениха. «Передъ вечеромъ-говоритъ г. Терещенко-подъвзжаетъ женихъ съ боярами къ дому невесты. Дружко его становится у воротъ, съ кувшиномъ квасу и съ хлебомъ, и начинаетъ ловить жениха, который съ боярами проскакиваетъ мимо его до трехъ разъ. Потомъ онъ подътажаетъ тихонько: дружко хватаетъ лошадь за повода и вводить его къ невъстъ на дворъ» (стр. 581). «Ловятъ жениха еще иначе. Родственники невъсты выходять на улицу съ палками, и въ то время, когда женихъ подъёдетъ къ воротамъ, они забёгаютъ и гонятъ его палками на дворъ къ невъстъ; онъ бьетъ плетью своего коня и усканиваетъ съ боярами; это дълается имъ до трехъ разъ. Когда загонять его на дворъ, тогда мать невъсты беретъ у него лошадь и привязываетъ къ столбу. Женихъ входить съ своими боярами въ съни, гдъ встръчаеть его невъста» (ibid. въ выноскъ). Наконецъ дружки и подружки должны выкупать женихову шапку у ен сестры или свахи (стр. 588).

Любопытно было бы знать, отчего здёсь невёста играетъ роль жениха и множество свадебныхъ обычаевъ имъютъ обратный смыслъ въ сравненіи съ великорусскими? Конечно, юморъ, составляющій отличительную черту Малороссіянъ (ср. юмористическое наставление молодымъ, стр. 497), играетъ въ этомъ немаловажную роль; но всего ему одному приписать нельзя, особливо зная свидетельство Боплана. Племенная особенность тоже не ръшаетъ вопроса, ибо, рядомъ съ приведенными обычаями, есть тамъ множество другихъ, указывающихъ на бывшее и здъсь похищение и покупку невъстъ, - словомъ, на брачныя отношенія совершенно одинакія съ великорусскими. То върно, что въ этомъ противоръчіи выразились объ крайности ненормальныхъ, неестественныхъ отношеній брачущихся въ нашихъ древнихъ бракахъ. Пассивная роль жениховъ только окончательно убъждаеть, что интніе, будто женскій поль слабъйшая половина человъческого рода, и потому занимаетъ въ быту второстепенное мъсто - далеко не аксіона и не можеть быть принято исходной точкой въ историческомъ изследованіи. Впрочемъ такое неправильное проявленіе взаимныхъ отношеній между мущинами и женщинами въ первоначальномъ быту есть необходимая принадлежность древитишей общественности. По отсутствію опредъленности и правильности, она непремънно выражается въ крайностяхъ и ръзкихъ противоръчіяхъ. Сдавленное и сгнетенное здъсь, необузданно, чрезмърно обнаруживается тамъ. Игра силъ и потребностей, не приведенная въ опредъленную норму, не уравновъщенная образованностью и гражданственностью, представляетъ всюду необычайное и ръзкое.

Согласіе брачущихся на вступленіе въ супружество, когда браки обратились въ договоры родовъ и семей, все еще не нужно и не требуется; ибо эта относительно высшая форма брачныхъ союзовъ все-таки не болъе какъ сдълка, условіе.

По крайней мёрё въ этой форме открывается больше простора для личныхъ наклонностей жениха и невёсты. Ихъ желаніе или нежеланіе вступить въ бракъ принимается уже иногда въ уваженіе домоначальниками. Конечно, оно не обязательно для послёднихъ; но они могутъ обратить на него вниманіе, и иногда обращаютъ, потому что бракъ, при сожительстве и постоянныхъ отношеніяхъ семей и родовъ, перестаетъ быть предметомъ временныхъ столкновеній между ними, но образуетъ и установляетъ связи, пріязни, которыя скрепляются или ослабляются согласіемъ или раздорами новобрачныхъ. Вотъ зачатки непринужденнаго, свободнаго выбора супруга.

Эти зачатки нетрудно открыть въ нашихъ тецерешнихъ свадебныхъ обрядахъ. Почти вездъ замътно участіе, дъятельное или хоть пассивное, отрицательное, самихъ будущихъ супруговъ въ опредъленіи выбора жениха и невъсты. Оно конечно не юридическое, и потому не оффиціяльное, не торжественное. Главными дъйствующими лицами являются старшіе; младшіе не имъютъ ръшительнаго голоса въ дълъ, которое однакожь ихъ непосредственно касается, и потому безпрестанно могутъ заключать и заключаютъ браки противъ своего желанія. Но обыкновенно ихъ спрашиваютъ или имъ самимъ предоставляютъ выборъ. Патріархальность нашего быта причиной, что и то и другое даже чаще бываетъ, чъмъ можно заключать по строгимъ символическимъ свадебнымъ дъйствіямъ, въ которыхъ слышатся времена увоза и покупки невъстъ.

Изъ множества данныхъ, доказывающихъ участіе брачущихся въ выборъ жениха или невъсты, приведемъ здъсь нъсколько болье ръзкихъ. У Мордвы и до сихъ поръ невольное вступленіе невъсты въ бракъ наглядно выражается въ слъдующемъ обычаъ: «когда молодая увидитъ дверь клъти, тогда она останавливается и не хочетъ идти. Молодой, бьетъ по ея спинъ плетью три раза, чтобы она не упрямилась впередъ.

Сваха, передавая молодую, говоритъ новобрачному: «волкъ! на, тебъ овцу» (стр. 361). Но мъстами видно уже другое. Въ Нижегородской губернін, «невъста, подслушивая ихъ разговоры (совъщанія родителей съ родственниками, выдать ли имъ дочь замужъ), съ волненіемъ ожидаетъ приговора, и когда услышить выдать, тогда она немедленно отправляется къ своимъ подругамъ совътоваться: выходить ли ей замужъ? и не знаютъ ли онъ что дурное про него? Знающія или слышавшія что либо дурное про него, остерегають ее и не совътують выходить запужъ. Тогда начинается суматоха въ домъ ея родителей: ее уговаривають не слушать и не втрить разсказамь, и если не убъдять, то расходятся до ея вспокоянія. Въ противномъ случать женихъ получаетъ отказъ» (стр. 265). По мнт. нію г. Терещенки, слово вспокояніе значить раздумье. Но это несправедливо. Вспокаяться слово въ слово значить раскаяться; въ данномъ случат оно очень характеристично, представляя неподчинение дочери воль родителей не какъ преступленіе, а какъ гръхъ, следовательно придавая ему религіознонравственное, а не юридическое значение. Иначе и не могло представляться отступление отъ обычнаго, не юридическаго быта. Любопытно также описаніе сговора въ Литвъ: въ день сватовства, женщины, находящіяся въ избіт, вводять съ собой невъсту.

«Общее молчаніе; всё посматривають на нее. Она оть робости останавливается въ углу, подлё печи, и отворотившись оть няхь, долбить пальцемъ въ стёну. Послё непродолжительной тишины, заводятся разговоры: сперва тихо, потомъ громче и громче, наконець настаеть общій разговоръ. Свать, возвысивь голось, обращается къ невъстё: что жь дѣвушка ты не говоришъ? А я сюда не даромъ пришель.—Она молчить и долбить стёну.— Мать продолжаеть: нечего сказать, молодецъ хоть куда! Не найдешъ въ немъ пороковъ: ни пьяница, ни гайдамака, ни воръ. Домъ зажиточный, семья добрая,— никто объ ней не скажеть худаго. Какъ думаешъ, мое дитятко? Отвёчай, вёдь ты уже не ребенокъ. —Молчаніе.—Наконецъ дочъ, потупивъ глаза въ землю, отвёчаеть тихо: какъ хотите себё? — Отецъ вли мать говорить ей:

явть моя родная! говори пояснёе: любинть ли его? Ты у насъ не липиня, изъ дому тебя не гонимъ. Не для того тебя вскормили и вспоили, чтобы покинуть тебя. Какъ думаешъ? — Она, отворотясь отъ ствиы, отвечаетъ: что жъ двлать? Если выходить за мужъ, такъ выходить, —пусть по вашему будеть!—После этого она выступаетъ на нёсколько шаговъ впередъ. Каждый изъ гостей двлаетъ ей приличное приветствие, и разговоръ становится живъесстр. 475 и 476).

Но если ужь согласіе невъсты на бракъ допускается какъ условіе брачныхъ союзовъ, то тъмъ болье допускаются согласіе и самый выборъ жениха. Неръдко онъ является на смотръ невъсты (стр. 232), самъ выбираетъ ее при жизни родителей (стр. 617) и посылаетъ къ ней сватовъ (стр. 288); иногда является на сватовство вмъстъ съ сватами (стр. 207 и 492).

Когда бракъ сталъ обоюднымъ условіемъ равныхъ договаривающихся между собой родовъ, должно было появиться и приданое. Пока невѣсты продавались, ихъ родные получали калымъ, или плату за вѣно¹); когда же бракъ сталъ договоромъ, условіемъ, сдѣлкой двухъ родовъ, скрѣплявшей и упрочивавшей ихъ союзъ и согласіе, и слѣдовательно полный разрывъ новобрачной съ своимъ родомъ не могъ имѣть мѣста, какъ прежде — ея родственники, весьма естественно, старались, по возможности, обезпечить хозяйство и довольство молодыхъ. Вотъ первый поводъ давать за невѣстой приданое. Оно стало потомъ предметомъ соревнованія между родами,

¹⁾ Не происходить ин вымо оть вынокъ? Послёднее, кажется, уменьшительное перваго. Какъ бы то ни было, вынки были непремённой принадлежностью и украшенемъ дёвушекъ. Въ нихъ онё являлись въ хороводы, по нимъ гадають о супружестве. Завиваніе вёнковъ необходимый обрядъ семика. Въ Малороссіи встарину невёсту наряжали къ вёнцу въ длинное шерстяное платье, темнаго цвёта, и съ широкою на груди оторочкою изъ полушелковой матеріи. На головы никакого не было убора, кромы цвыточнаго вынка: волосы раскидывались по плечамъ, грудь и шея были закрыты (ч. 11, стр. 486).

которыхъ члены соединялись бракомъ. Родственники невъсты выказывали свое достоинство, честь, богатство передъ родными ея мужа, давая за ней большое приданое. Такимъ образомъ послъднее стало необходимой принадлежностью брачныхъ союзовъ. Оттого, напримъръ, у Уральскихъ казаковъ «о приданомъ не спрашиваютъ; что дадутъ родители, тъмъ довольны; молодые всегда надъятся, что ихъ надълятъ достаточно» (стр. 617).

Получивъ значеніе добровольнаго, на обоюдномъ согласіи семей основаннаго договора, въ которомъ объ стороны играютъ равную роль, браки мало-по-малу теряютъ характеръ первоначальной, грубой непосредственности и случайнаго факта. Они становятся постояннымъ союзомъ, актомъ многозначительнымъ въ частномъ быту семьи и во взаимныхъ отношеніяхъ родовъ. Вотъ почему еще во времена язычества они получили религіозное значеніе. Бракъ — вельніе божества; онъ — судъ Божій (стр. 110). Отсюда названіе суженый, суженая (стр. 470), т. е. присужденный. Въ Костромской губерніи, передъ поъздомъ къ вънцу, поютъ:

Бдетъ новобрачной князы
Съ новобрачной княгинею,
Ко вънчанію.
Подъ вънецъ стоять,
Законъ Божій принять,
Суженую взять,
Ряженою взять,
По Божьему повельныю,
По чарскому уложенью,
По господскому приказанью,
По мірскому приговору (стр. 192).

Эти слова весьма замъчательны. Изъ нихъ видно, что бракъ былъ опредъленіемъ, приказаніемъ, судьбой. Есть извъстіе, что у казаковъ атаманъ давалъ невъстъ, какъ въ семьяхъ глава семьи. Въ одной хороводной пъснъ поется:

Пойду ли я на матушку на Волгу Къ наибольшему атаману: Чить онъ меня подаруеть, Подариль меня женою (ч. IV, стр. 194).

Послъ этого бракъ по мірскому приговору не представляеть ничего удивительнаго.

Суда по остаткамъ, сохранившимся въ теперешнихъ свадебныхъ обычаяхъ, необходимой принадлежностью языческихъ свадебныхъ празднествъ были, между многими другими, курица и пътукъ, коровай и перепрыгивание черезъ огонь. Курица и пътухъ играли въ древнихъ свадьбахъ очень важную роль. Молодымъ после венца подавали у насъ, въ XVII веке. жаренаго пътука (стр. 100). Въ Смоленской губерніи, послъ благословенія, и теперь дарять священнику чернаго пітуха (стр. 457). Въ Малороссіи пътуха впускають въ хату, если въ домъ жениха сдълается что-нибудь нехорошее до прівзда молодой (стр. 532, въ выноскъ); здъсь же дружки приносятъ молодой, на другой день свадьбы, жареную курицу (стр. 534); въ другихъ мъстахъ родители, благословивъ невъсту, даютъ ей съ хлібомъ солью и черную курицу (стр. 589) и т. д. Наконецъ мы знаемъ, что въ нъкоторыхъ губерніяхъ, напримъръ въ Тульской, крестьянинъ, приходя къ помъщику просить о женитьбъ сына, непремънно приноситъ курицу.

Корован пекутся въ Малороссіи съ торжественными обрядами, показывающими ихъ прежнее, религіозное значеніе.

-Дня за два до свадьбы, пекутъ большіе и малые корован: т. е. пшеничные хлёбы, окрашенные красною краскою; по верхъ ихъ налъпливаютъ хлёбныя птички, которыя, витств съ короваемъ, покрываются золотой мишурой и украшаваются прапорками (спичками). Печеніе короваевъ сопровождается птвіемъ птсней, сколько можно веселыхъ, думая, что въ это время оят имбютъ вліяніе на судьбу молодыхъ. Самую закваску свадебнаго хлёба сопровождаютъ птснями, по той же самой причинть.— Когда коровай будетъ спеченъ и онъ поднимется высоко, тогда женщины поднимаютъ радостный

жрикъ, быотъ въ ладоши, скачутъ по лавкамъ и столамъ, и вакханскимъ наизвомъ разгоняютъ стыдливыхъ дъвушекъ». (Ч. II. стр. 510).

За свадебнымъ объдомъ ставится «посреди стола коровай, покрытый крестообразно двумя утиральниками, съ воткнутою въ него вътвью, еловою или калиновою... Старшій дружко, прочитавъ послъ благословенія старосты Отче нашъ, снимаетъ съ коровая рушники, беретъ одинъ себъ, а другой отдаетъ ноддружему и перевязываетъ себъ и ему черезъ илечо; потомъ разръзываетъ коровай на части и дълитъ между гостями; каждый даеть за то по несколько денегь» (стр. 526 и 527). Обычай перетажать черезъ огонь тоже употребителенъ на свадьбахъ и почти повсемъстенъ. Огонь раскладывается или у вороть невъстина дома, когда въ нихъ въъзжаетъ женихъ со своими поважанами (стр. 469), или когда свадебный потадъ возвращается изъ церкви въ домъ жениха (стр. 589). Съ этимъ перетздомъ черезъ огонь соединяются разныя повърья, которыя показывають, что это быль когда то религіозный обрядъ. Такъ г. Терещенко говоритъ, что «это дълается въ очищение молодыхъ отъ порчи и злыхъ чаръ» (стр. 589, вын.). Но мы знаемъ, что значатъ эти повърья: они указываютъ на прежнее священное значение обряда, которому потомъ приписана чудодъйственная сила.

Что значать всё эти и многія другія принадлежности свадебных обычаевь? Онё не представляють никаких существенных отличій оть прочих языческих обрядовь. Въ последних тёже предметы играли важную роль. Курица, пётух приносились въ жертву; такъ же и пироги. Въ свадьбахъ — они несомитно остатокъ языческих жертвоприношеній. Такое сходство невольно приводить къ мысли, что въ незапамятныя времена свадьбы были существенною частью извёстных языческих праздниковъ, можетъ быть даже развились изъ вакханалій, которыми сопровождались эти праздники.

Не сивемъ утверждать этого положительно; но нъкоторыя данныя какъ будто подтверждаютъ догадку. Всемъ известно классическое свидътельство Нестора о бракахъ у Съверянъ, Родимичей и Древлянъ. Едва ли можно сомнъваться, что лътопись говорить здёсь о языческих вакханаліяхь, служившихь уже тогда началомъ последующихъ брачныхъ отношеній. Вспомнимъ и то, что и теперь, по народнымъ понятіямъ, есть въ году времена, слывущія временемъ свадебъ: такъ Красная горка. Должна же быть этому причина. Мы думаемъ, что въ эпоху дикаго состоянія племени, происходили въ это время года языческія вакханалін; къ нимъ побуждала природа. Потомъ, когда человъкъ началъ выходить изъ этого состоянія, и стали появляться сколько-нибудь постоянныя отношенія между отдельными родами, вакханаліи уже подавали поводъ къ бракамъ. Браки, происходившіе такимъ образомъ, получили религіозное значеніе отъ языческаго торжества, при которомъ совершались въ опредъленное время. Послъ они отдълились отъ этихъ торжествъ и совершались особливо; но обряды, напоминавшіе поклоненіе извъстнымъ языческимъ божествамъ, удержались при нихъ, котя и потеряли первоначальный смыслъ. Разумъется, могло быть и то, что, совершаясь въ разныя времена, они остались вфрны своему историческому происхождению и соединялись съ поклонениемъ тому божеству, съ празднованіемъ котораго и первоначально были тъсно связаны. Оба эти объясненія религіознаго характера древнихъ свадебъ не противоръчатъ другъ другу: и та и другая причина, по всёмъ вёроятіямъ, дійствовали вмёсте и образовались въ одно время. Какъ бы то ни было, все заставляетъ думать, что браки получили священный характеръ въ одно время съ установленіемъ ніжоторой правильности, постоянства во взаимныхъ отношеніяхъ первоначальныхъ патріархальныхъ союзовъ, съ первыми зачатками гражданскаго сожитель-

Digitized by Google

ства распавшихся родовъ и сблизившихся, сперва чуждыхъ между собой семей. Выражая новыя условія жизни, новый ея видъ, религіозный характеръ браковъ солтиствоваль развитію этихъ условій, этого новаго вида общественнаго быта. Вотъ почему въ исторіи скудной цивилизаціи, до которой только могла возвыситься древнійшая Русь, въ медленныхъ и ограниченныхъ успъхахъ нашей такъ сказать до-исторической общественности это новое значеніе браковъ играєтъ чрезвычайно важную роль и заслуживаєтъ особеннаго вниманія.

Слѣлавшись предметомъ дружелюбныхъ отношеній и связей между семьями и родами, браки стали сопровождаться пирами, весельемъ, согласіемъ и замиреніемъ враговъ. Свадьбы были однимъ изъ древивйшихъ и самыхъ частыхъ поводовъ для мирныхъ столкновеній чуждыхъ другъ другу людей, однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ выраженій первоначальнаго общежитія.

На все это мы находимъ ясныя указанія въ теперешнихъ свадебныхъ обрядахъ простого народа. Въ нихъ сохранилось воспоминаніе о томъ времени, когда дійствующими лицами въ свадьбахъ были не брачущіеся, а ихъ роды. Послѣ сватовства, цълый родъ, къ которому принадлежала невъста, держалъ совътъ, отдать ли ее, или нътъ. Такъ и теперь дълается между крестьянами (стр. 143, 488). Въ Нижегородской губерніи эти семейные совъты, состоящіе изъ родии, друзей и сосъдей, называются совътливыми сговорами и до сихъ поръ имъютъ ръшительный голосъ въ принятін или непринятім предложенія (стр. 265). Подобные совъты еще очень недавно пграли важную роль въ частномъ быту высшихъ, образованныхъ классовъ русскаго общества и полновластно распоряжались семейными дълами. По свадебнымъ пъснямъ, бракъ есть веселье рода (стр. 591); честь невысты — честь рода (стр. 592). Вездь, во всемь видно, что свадьбы сближали и мирили роды

жениха и невъсты. Послъ свадьбы родня новобрачнаго и его жены попеременно ходять другь къ другу на пиры (стр. 367). Въ Саратовской губерніи брать невісты и жених ея, послі продажи последней, братуются нежду собою (стр. 345). Отчужденные другъ отъ друга до свадьбы, роды дълались послъ брака знакомыми и входили въ постоянныя отношенія: «коли породинансь, то уже будемъ ходить другъ къ дружкъ», отвъчають въ некоторыхъ губерніяхъ родные одного изъ молодыхъ на приглашение родныхъ другого (стр. 371). «Много радости на малороссійскомъ ве сельи (свадьбъ), говоритъ г. Терещенкои оно, выражая вполнъ мысль веселья, обращается въ праздникъ неръдко всего околодка. Поселяне и горожане сами стекаются толпами; двери избы открыты тогда для всвхъ, званыхъ и незваныхъ; кушанье, питье, танды, - все для всёхъ. Родители молодыхъ принимаютъ чистосердечно (?) даже своихъ враговъ; угощаютъ ихъ съ чувствомъ торжествующей добродътели (!). Някто тогда не врагъ; самые злые недруги примиряются, и веселье молодыхъ часто соединяетъ дружбою (?) многихъ непріязненныхъ» (стр. 487). Мысль, выраженная здёсь по-Маниловски, въ основаніи верна. Свадьба была весельемъ, миромъ; это ея существенная черта. Вражды невольно должны пританться тамъ, гдв ихъ не допускаетъ обрядь, образовавшійся подъ вліяніемъ когда-то бывшаго дъйствительнаго сближенія чуждыхь, соединенія разрозненныхъ и враждеоныхъ въ одинъ міръ. Но какъ это сближеніе было сперва осторожно, недовърчиво, какъ люди оставались себъ на умъ, видно изъ многихъ подробностей свадебныхъ обыча. евъ. Мы уже говорили о въдунъ, не покидавшемъ жениха за все время свадьбы, и который долженъ быль смотръть, чтобъ не околдовали молодого, не испортили его (стр. 613): доказательство, что ненависти не потухали на свадьбъ и дъйствовали тайно. Да и могло ли быть иначе? Исторія человъческаго

общежитія началась не миромъ, а враждой, не любовью, а чуждостью или ненавистью. Внъшнее сближение людей, юридическія отношенія, признаніе другихъ личностей и общаго аакона, равно охраняющаго всъхъ и карающаго нарушителей мира, — все это плодъ долгаго развитія, великихъ усилій и жертвъ, завоевано каждымъ обществомъ, а не даромъ получено. Нъкоторые изследователи начинають исторію известныхъ народовъ съ того времени, когда отношенія между семьями в родами уже установились по образу тъхъ, которыя существовали внутри семьи между членами родовъ, --- другими словами, съ появленія и упроченія міровъ. Они забывають, что этотъ семейно-патріархальный быть, обнимающій цалый народь, цьлое племя, есть результать длинной эпохи вражды и страшнаго разъединенія, и уже поэтому не могъ быть такъ простодушно наивенъ и искрененъ, какъ обыкновенно думаютъ. Кто не знаетъ, какъ долговъчны и непримиримы вражды у первобытныхъ, младенческихъ народовъ? Онъ передаются изъ рода въ родъ, отъ поколенія къ поколенію, и оттого длятся Богь знаетъ сколько времени. Посмотрите пристально на свадебные обряды: они на каждомъ шагу напоминаютъ объ этой особенности, или, если можно такъ выразиться, сдержанной враждебности, на время нарушенной чуждости родовъ. Вездъ видимъ выкупъ, плату за каждое дъйствіе. Дъвушки выманивають у жениха невъсту, свою подругу, и не отдають ее безъ выкупа (стр. 598). Свахи и дружко не выпускають молодыхъ изъ бани, пока не сторгуются о подаркахъ (стр. 602). Это примъры изъ множества подобныхъ и взяты на угадъ. Все оплачивается. Роды не берутъ на себя издержекъ праздника: участвующіе въ немъ приносять свою долю (стр. 327, 482), или онъ падаютъ на счетъ жениха, который платитъ напримъръ за угощенье на сговоръ (стр. 610). Въ Пеизенской губерніи «уговариваются въ кладкь: отець невысты получаеть

нъсколько денегь, вина, мяса, масла и другихъ съъстныхъ припасовъ, необходимыхъ для совершенія пира» (стр. 281). Подарки — самое положительное доказательство сближенія, пріязни и дружбы; всъ дарять другь друга на свадьбъ; но эти подарки взаимны, или они — спасибо за угощенье; наконецъ они опредъляются по ряду, условію, что показываеть, что они не были выраженіемъ искренней пріязни, а дълались съ задней мыслью, съ разсчетомъ, съ опредъленной цълью (стр. 291). По встив этимъ даннымъ, можно судить, какую важную роль играли свадьбы въ исторіи нашего внутренняго быта. Онъ завязывали узель общественности, воспитывали ее и поддерживали. Въ нихъ, и посредствомъ ихъ, всего чаще происходило солижение между людьми и устанавливались постоянныя отношенія. Поэтому ихъ должно по всей справедливости признать однимъ изъ дъятельнъйшихъ двигателей древней гражданственности.

Отъ браковъ, въ формахъ которыхъ отпечатлелось, какъ мы видели, постепенное образование общежития, перейдемъ теперъ къ прочимъ явлениямъ, гражданской жизни—играмъ, собраниямъ, судамъ и сдёлкамъ всякаго рода.

Въ незапамятныя времена, общежитіе, какъ мы сказали, сосредоточивалось внутри разрозненныхъ, чуждыхъ, почти враждебныхъ между собой родовъ и семей. Эти семьи должны были, современемъ, разростись въ общины, которыхъ бытъ разительно былъ сходенъ съ семейнымъ, потому что изъ семей онъ образовались, и слъдовательно семьи были ихъ историческимъ первообразомъ.

Съ другой стороны — между отдъльными и ничъмъ несвязанными родами должны были происходить столкновенія, и вслъдстіе того установиться отношенія и связи. Мы видъли, каковы они были сначала. Вызванныя внъшней необходимостью или случайными обстоятельствами и ничъмъ необезпе-

ченныя, они оставались долгое время вибшними и не проникали глубоко въ бытъ. Установились міры-эти первые зачатки гражданскаго общежитія, а чуждость и вражда долго еще не могли прекратиться. Роды были по прежнему замкнуты внутри себя, и жили отдъльно другъ отъ друга. Теперь они только замирились и въ опредъленное время сходились вибстб. Вотъ почему союзы, собранія съ самаго начала получили религіозный характеръ; не имъя внутренней связи, они должны же были инъть какую нибудь вившнюю опору. Такой опорой и витшней связью служили имъ втрованія въ языческое божество, охранявшее міръ или общину, управлявшее его дълами. обличавшее виновныхъ и каравшее злыхъ. Оно было для первоначальной общественности, что теперь правительство и администрація, и очень несовершенно заміняло ихъ, ибо выражало требованія возникающей гражданственности, а не удовдетворило имъ.

Изъ всего этого можно составить себъ слъдующее представленіе о первоначальной общественности. Она имъла тъсную связь съ языческими върованіями, была ими проннкнута, и потому ими опредълялась и поддерживалась. Внъ религіозныхъ условій быть оставался по прежнему грубымъ и разобщеннымъ. Отдъльность, обособленность, въ которой проходила жизнь семей и родовъ, нарушалась, по временамъ, религіозными празднествами и общимъ богослужениемъ, въ которыхъ всъ принимали участіе, на которыхъ ръшались общественныя дъла и сосредоточивались гражданскіе обороты, — отчасти по зависимости общественныхъ дълъ отъ вельній божества, отчасти потому, что на празднества собирался весь міръ, вся община. Но и въ этихъ сходбищахъ отдельность, чуждость людей обнаруживались безпрестанно, даже въ самыхъ празднованіяхъ в торжествахъ. На все это есть множество данныхъ въ книгъ г. Терещенки. Овъ описываетъ настоящее, по въ этомъ

настоящемъ еще живо сохранились слѣды незапамятной старины, несмотря на измѣнившіяся условія общественной и частной жизни.

Во первыхъ, весьма замъчательно, что во всей Россіи многіе церковные праздники и всѣ приходскіе или, такъ называемые храмовые, обыкновенно сопровождаются пирами. Эти пиры, называемые братчинами или братовщинами, ссыпчинами, складчинами, бываютъ послъ объдни, въ приходскомъ селъ; въ нихъ участвуютъ всъ или многіе окольные крестьяне, отчего эти пиры и носять изчисленныя названія. «Въ день Николы говоритъ г. Терещенко-собираются попировать у знакомыхъ и родныхъ, на открытомъ воздухъ, близь храмовой церкви. Въ старину приготовляли на этотъ праздникъ орагу, вино, пироги и варили въ полъ щи и молошную кашу. Иногда поселяне, сдълавъ складчину, пировали все виесте. При такомъ случат избирался изъ среды ихъ особый хозяинъ, который назывался старостою: онъ все устронваль для общаго веселія. Бъдные и нищіе принимались встии радушно. — Иногда пировали по нъсколько дней сряду, -- но пиръ не начинался и не оканчивался безъ храмоваго священника. При разгульномъ весельи составлялись хороводы, въ которые вившивались и женщины и старики» (Ч. IV, стр. 202). «Въ день великомученика Прокопія поселяне празднуютъ общимъ міромъ (не пиромъ ли?) наступившую жатву. На канунт Прокопія убиваютъ нъсколько барановъ и пекутъ ихъ, а въ день праздника отслуживаютъ молебень за счастливое окончаніе сельскихъ работъ и потомъ пируютъ» (Ч. VI, стр. 49). Такой же пиръ въ день св. Власія, послѣ молебна (ib. стр. 38). Дѣвушки дѣлаютъ складчины или ссыпчины и пируютъ въ Покровъ (ib. стр. 55), за недълю до Косьмы и Даміана (ів. стр. 62 и слъдующіе), наканунъ Тронцына дня (ів. стр. 188). «Перияки собираются въ день Ильи. изъ двухъ или трехъ деревень въ одну, приводятъ сюда быка или теленка, закалываютъ и готовять общій пирь» (ів. стр. 51). «Главныхь братчинь суть двъ: Михайловская и Никольская: первая въ честь Архистратига Михаила (сентября 6), а вторая въ честь св. Николы зимняго (декабря 6). Въ эти два дни поселяне ставятъ общимъ міромъ въ церкви большую свѣчу и служатъ молебень о ниспосланіи на нихъ всякихъ благъ. Послѣ угощаютъ на свой счетъ поселянъ изъ своего околодка; остатки отъ стола раздаютъ нищимъ; хлъоныя крохи оросаютъ на воздухъ, чтобы нечистые духи не портили ни деревьевъ, ни полей. По многимъ городамъ, деревнямъ и селамъ, зажиточные люди дълаютъ складчину изъ благоговънія къ празднику какого нибудь святаго, или такого угодника, который почитается покровителемъ цълой деревни, или во имя того праведника, въ честь коего выстроена церковь, по какому нибудь чудесному событію... Въ юго-западной Россіи и въ большей части съверо-восточной празднуютъ еще братчину по случаю заложенія или окончанія церкви. Тогда прихожане отправляють братчину съ особой веселостью; со всъхъ окружныхъ мъстъ съфажаются къ нимъ на праздникъ: тутъ проводятъ время въ забавахъ и играхъ. Аттомъ празднуютъ обыкновенно подъ открытымъ небомъ, о́лизь церкви, а зимою́ въ домѣ священника или церковно-служителя» (Ч. V. стр. 150). «Въ старые годы было даже обязанностію, чтобы вздить на братчины: это происходило изъ уваженія къ храмовому празднику» (ib. стр. 151). Въ Малороссіи мъстами такое разгулье называется конономъ. «Я присутствоваль, говорить г. Терещенко. при одномъ кононъ. Послъ совершенія службы, это было літомъ, прихожане чино устлись за приготовленными столами, подъ деревьями благоухающими; священникъ. благословивъ кушанье, поздравляль гостей съ праздникомъ, и потомъ пили чарку водки, которую поднесъ ему староста, распоряжавшійся об-

щимъ пиромъ, и таже чарка обходила всъхъ кругомъ. Подали пироги и паляницы со сметаной, за тъмъ горячее кушанье. Священнику подавали прежде встать, за нимъ по старшинству остальнымъ. Угощеніе состояло изъ разныхъ блюдъ; во время кушанья пили, кто что хотълъ. Послъ объда молодыя женщины, дъвушки и парни занялись играми и хороводами. Прочіе веселились илясками и птніемъ» (ів. 151 и 152). «Съ братчинами имъютъ больше сходства ссыпчины, юровый день, никольщина и холки. Вст они служать предметомъ для народныхъ увеселеній: сельскія сходбища и забавы, составляемыя по предварительному соглашенію зажиточныхъ семействъ, происходятъ по случаю какого-нибудь деревенскаго праздника. Пиво и вино, пироги съ яйцами и кашею, суть главное кушанье. - Не одинъ мужскій, но и женскій полъ принимаетъ участіе въ веселін, которое продолжается за полночь. Во время ссыпчинъ являются часто скоморохи, а гости, развеселенные чаркою вина, прощаютъ другъ другу убытки, нанесенные имъ въ продолжении лътнихъ работъ, какъ то: потравы хлъба и травы, закосъ въ чужихъ лугахъ и т. п. - Молодки, дъвушки и парни пускаются въ присядку и поютъ пъсни» (ів. стр. 152). «Пирующіе, разгорячаясь виномъ болъе и болье, употребляють часто выраженія довольно нескромныя, отъ коихъ, какъ говорится, уши вянутъ. — Конецъ пированья, ссыпцины или братчины, иногда бываютъ причиною ссоръ и новыхъ попоекъ на мировую. — Юровый день, получившій свое название отъ праздника св. Георгія, празднуется сибирскими рыболовами послѣ счастливаго улова рыбы. — Никольщина же есть общій веселый русскій праздникъ, совершается въ день св. Николая (мая 9). Люди собираются къ храмовому празднику Николая, если въ деревиъ есть церковь во имя Св. Николы, и послъ службы пирують. Гдъ нъть церкви во имя Св. Николая, тамъ отпъвають молебень въ обыкновенной приходской заступнику николаю, и потоиъ предаются общему радостному разгулу». (ib. стр. 153 и 154)

Не въ одни церковные праздники бываютъ такіе пиры и братчины; простонародные праздники — остатки языческихъ торжествъ -- гочно такъ же сопровождаются пирами и складчинами. «На святкахъ бываютъ вечеринки безденежныя и со взносомъ денегъ. На первыя зовутъ хозяева. Вечеринка со взносомъ денегъ составляется молодыми людьми изъ одной какой либо деревии. Выбравъ по общему согласію горницу, просять у хозаина позволенія сделать въ его дом'є вечеринку и потомъ отправдяются въ сосъднія деревни съ въдомомъ, что вь такомъ-то домѣ будетъ вечеринка Молодежь обоего пола. запасшись кормомъ для лошадей и мелкими деньгами для музыкантовъ, събзжается на зовъ, пируетъ до разсвъта; при концѣ вечеринки музыканты подходятъ къ каждому изъ пирующухъ съ тарелкою, куда кладутъ деньги. Веселье на этой вечеринкъ сопровождается танцами и хороводными играми, но часто выходять раженые на сцену» и т. д. (Ч. VII, стр. 185 и 186). На этихъ вечеринкахъ бываетъ женитьба бахоря. Онъ и его жена обыкновенно выбираются изъ пожилыхъ, «представляютъ изъ себя родителей всей играющей молодежи» и послъ женитьбы «пляшутъ... на долгій ленъ» (стр. 187 и 188). Послъ запашки бывають такіе же пиры и братчины.

•Въ деревит варятъ тогда брагу и пяво, и по окончани работъ, угощаютъ взаимно. При заствании яроваго хъба, женщины готовятъ янчницу и пирушку; по обычаю онт пируютъ сами. Въ праздничный день сходятся поселяне въ церковь отслушать благодарственную молебень; другіе приносятъ въ церковь, на освященіе, часть баранины или что-нибудь изъ птицъ, особенно чернаго птуха и хлтбы. Послт молебна берутъ съ собою мясное, оставивъ хлтбы священнику; варятъ и жарятъ, и приглашаютъ на общій пиръ священника, своихъ родственниковъ и встать своихъ состедей, чтобы отпраздновать опашку или запашку. (Ч. V. стр. 34 и 35).

Такія же празднованія и пиры бывають послѣ засѣва (ibi-dem) и жатвы (ib. стр. 109). Что всѣ эти праздники остатки

языческихъ празднествъ — не только само по себъ очевидно, но доказывается положительными историческими свидътельствами о языческомъ торжествъ въ честь Пергрубія въ Пруссіи, Самогитіи, Литвъ, Бълоруссіи и Лифляндіи (ів. стр. 170 и 108).

Эти обычан восходять въ глубовой древности. Они показывають, что въ незапямятныя времена редигіозныя празднества соединяли людей, примирали ихъ. Пиры — остатки жертвоприношеній. Складчины и ссыпчины напоминаютъ раздъльность родовъ, отсутствие гостепримства, которое такъ ошибочно и въ такомъ несвойственномъ нашей старинъ смыслъ приписывали древнъйшимъ Славянамъ. Не имъя другихъ формъ для общественныхъ отношеній кромъ семейныхъ, патріархальныхъ, наши предки перенесли эти семейныя формы на общественный быть. Люди чуждые между собою братались, становились близкими какъ братья. Отсюда братчины. Такъ общественность возникла у насъ подъ покровомъ языческихъ върованій и поддерживалась ими. Страхъ, трепеть, благоговініе передъ божествомъ мъшали нарушить миръ и тишину на общихъ празднованіяхъ въ честь боговъ. Какой видъ общественныхъ простонародныхъ собраній ни взять, — будуть ли они административныя, или праздничный, для веселья, - вст безъ исключенія, женскія, и мужскія, дівичьи и обоего пола, непремънпо восходять по своему началу къ какому-нибудь языческому празднеству и имъли, сперва, религіозный характеръ; таковы хороводы и посидёлки, таковы дёвичники, вечеринки, субботки и бесъды. Эти, сначала общественныя и богослужебныя собранія, послужили первообразомъ для частныхъ; по нхъ образцу устроилось частное гостеприиство. Но чтобъ правильно уразумъть особенности того и другого, не надобно терять изъ виду того, что исторически имъ предшествовало и ихъ вызвало.

Г. Терещенко совершенно неправильно смотритъ на братчины и объясняетъ ихъ какъ-то очень странно.

«Мірсків сходки — говорить онъ — въ древнее время, были въ большомъ обыкновенія. На нихъ ръщались семейныя и частныя дъла и весьма часто одиниъ сходомъ, но братски. Послъ примпреній предлагались взавмимя угощенія, обратившіяся въ послъдствін какъ бы въ особое празднество; извъстное подъ именемъ братчинъ, братовщины и братовщинокъ. Тутъ прекращались навсегда сельскіе раздоры, водворялось дружество, ипролюбіе и побратство. Время однако измінило значеніе братчинь, переобразовавь его вь народное празднество, и эта перемъна произошла послъ введенія повсемъстныхъ судовъ и сельской расправы. Тогда сельскіе старшины, головы и старосты, созывали свой міръ изъ одной обязанности, но по окончанів дъль старые люди не покидали стариннаго обычая гостепріниства: приглашали другъ друга на хавоъ-соль п чарку вина. Такимъ образомъ братчины сами по себв малу по мало измънились, и народъ сталъ сходиться только въ извъстные праздники, для одивхъ парушекъ, кои составлялись изъ дружелюбной складчины». Въ другихъ мъстахъ тогда варили пиво, на собранныя деньги, и готовили кушанье, (Ч. V. стр. 149).

Эти слова ясно показывають, что, несмотря на огромный запась фактических знаній нашей старины, авторъ все-таки ее недостаточно понимаеть. Все, что онъ тутъ ни говорить, во первыхъ — его догадки; ибо нътъ доказательствъ, что сходки сопровождались пирами, что братчины стали празднествами, когда ввелись суды и сельскія расправы; во вторыхъ, въ словахъ и положеніяхъ автора — страшная безсвязица, непостижимое противоръчіе съ тъмъ, что онъ самъ же разсказываетъ въ своей книгъ.

Во вторыхъ, съ языческими пирами и богослужениемъ, отъ которыхъ удержались братчины, складчины и т. д., совпадали всё общественныя дѣла и гражданские обороты. «Самые дни повсемъстнаго празднества, говоритъ г. Терещенко, принаровлены къ мъстности и времени, и въ глубокой древности совпадали со днями народныхъ судовъ и торговъ, срочными работами и мировыми сдълками» (ч. VI, стр. 6 и 7). Такими

днями были: Юрьевъ день, празднуемый дважды въ году: весною 23 апръля и осенью 26 ноября (ів. стр. 26). У насъ онъ былъ срочнымъ днемъ для перехода крестьянъ отъ одного владъльца къ другому (ів. стр. 34). (Когда Борисъ Годуновъ сдълалъ крестьянъ крепостными (ibidem), какимъ указомъ опредълилъ онъ ихъ последній переходъ къ 1-му сентября, постр лего они были записаны за владривцами, на землр ко торыхъ жили (ч. VII, стр. 95) — про то, знаетъ, кажется. одинъ г. Терещенко. Источники повъствують объ этомъ иначе). Въ Малороссіи и у южныхъ Славянъ тоже существовали юрьевы сроки для торговъ и разныхъ сдёлокъ (ч. VI, стр. 35). День Семена лътопроводца (1-го сентября), съ котораго начинался новый годъ, «былъ у насъ торжественнымъ днемъ празднованія и... разборомъ срочныхъ условій, собираній оброковъ, податей и личныхъ судовъ» (ч. VII, стр. 94. Ч. У, стр. 143). И Никольщина была тоже въ прежніе годы срочнымъ днемъ для сдълокъ, платежей и повинностей (ч. У, стр. 154). Въ заключение нельзя не упомянуть о пятницъ див, посвященномъ чтить память этой святой одинъ разъ въ году, именно 28 октября, но народъ празднуетъ нъсколько пятницъ (девять и десять). Извёстно, что пятница имбетъ у насъ религіозное значеніе; въ тоже время мы знаемъ, что она была сборнымъ днемъ для торговъ. «По городамъ и деревнямъ събзжались землевладъльцы и купцы для сбыта произведеній и совершенія торговыхъ сділокъ». Въ пятницы происходили такъ же судъ, расправа и казни (ч. V, стр. 55, 61). Послъднія, совпадая съ торговыми днями, были даже названы торговыми; а связь торговли и гражданскихъ сдёлокъ съ празднованіями сохранилась въ происхожденіи словъ торгъ и торжество отъ одного корня.

Смыслъ всъхъ этихъ данныхъ очень ясенъ. Сходбища для богослужения были, во времена язычества, единственными ч. 1v. 47

случаями столкновенія между отдільными родами, и потому на нихъ производились общественныя дъла, суды, происходила мітна произведеній, заключались условія и сділки, словомъ, здёсь сосредоточивалось все то, что съ постепеннымъ уничтожениемъ обособленности людей, съ расширениемъ потребностей, усиленіемъ оборотовъ, появленіемъ частыхъ сношеній между членами одного и того же гражданскаго союза. вообще съ возрастаніемъ гражданственности, вошло въ составъ ежедневной, будничной жизни, и потому не имъло болье нужды происходить въ извъстные дни и на извъстномъ пространствъ. Одна бъдность гражданскихъ оборотовъ и потребностей, возможность каждаго самому, безъ помощи другихъ, удовлетворять своимъ нуждамъ, и только въ ръдкихъ случаяхъ ощущаемая необходимость въ сношеніяхъ съ другими были причиной, что торгъ, сдълки, условія, суды, составляли исключеніе изъ обыкновеннаго порядка жизни, имѣли опредъленные дни и соединялись съ религіозными торжествами.

Но когда первобытная чуждость людей, отдъльность родовых союзовъ мало по малу сгладились, и, подъ вліяніемъ религіи, уступили мъсто связи, частымъ сношеніямъ и сдълкамъ, первоначальный бытъ долженъ былъ существенно измъниться. Между семьями установились мало по малу такія же отношенія, какія сперва существовали внутри семей и родовъ, между ихъ членами. Цълое общество приняло видъ большой семьи, въ которой всъ относились между собой какъ будто были связаны родствомъ. Это распространеніе семейныхъ отношеній на весь бытъ было великимъ успъхомъ и шагомъ впередъ въ нашемъ древнъйшемъ внутреннемъ быту. Оно собственно создало и упрочило общественность: отсюда, по всей справедливости, должна начинаться ея исторія. Все, что предшествовало, было только пріуготовленіемъ, какъ бы предисловіемъ къ ней. Древняя русская исторія упрочила, развила,

утвердила эту семейно-патріархальную общественность—исторически первую ступень и необходимое основаніе всякаго гражданскаго союза. Реформа Петра Великаго бросила на нашу почву первыя съмяна иного быта...

Вотъ содержание книги г. Терещенки. Если обозръниемъ ея мы успъли возбудить въ большинствъ читающей публики хотя нъкоторый интересъ къ предмету, мало извъстному и почти не обработанному, мы достигли своей цёли; ибо намъ прежде всего хотълось указать на историческую важность нашихъ повърій, обрядовъ и примътъ, на которыя обыкновенно не обращають вниманія или смотрять съ насмішкой. Потомъ надо было уяснить точку зрвнія на эти памятники старины, опредълить, что можно и чего нельзя въ нихъ искать. Большаго мы не имъли въ виду. При иладенческомъ состояніи русской археологін, странно было бы мечтать о полнотъ и ученомъ достоинствъ работы, основанной на тъхъ только фактахъ, которые собраны въ разбираемой книгъ. Оттого мы не входили въ критическій разборъ самыхъ данныхъ, не пользовались другими источниками: не оцанка сочиненія, а оцанка предмета казалась намъ особенно важной.

Въ заключение скажемъ, что по отзывамъ знатоковъ книга г. Терещенки въ самомъ изложении обычаевъ и обрядовъ исполнена ошибокъ и неточностей. Изчислять ихъ и исправлять мы не только не хотъли, но сознаемся — и не могли: такая задача превышаетъ и наши силы, и наши знанія. Что мы замътили, то было указано въ своемъ мъстъ. Прибавимъ къ этому еще нъсколько примъровъ.

Описывая разныя травы, имъющія чудесную силу и собираемыя обыкновенно наканунъ Иванова дня, авторъ такъ говоритъ о мъдяницъ или курячьей (?) слъпотъ.

«По мивнію народа она срывается невидимой рукою и знахарями: наводить мертвый соиъ на того, кто держить ее при себь, потому мстительные суе-

въры дають пить съ него (т. е. нея) отваръ. Думають еще, что она иншаеть зрънія, кто ее положить себъ подь голову. Нъкоторые утверждають, что медяница вырастаеть изъ гніенія зловредныхъ гадовъ; что она растеть слъпою, получаеть зръніе только въ Ивановъ день, п когда увидить человъка или другое животное, тогда бросается на него стрълою и пробиваеть его на сквозь» (Ч. V, стр. 94).

Трава, ростущая сліною, прозрівающая и кидающаяся съ быстротой стрілы—явно безсмыслица. Авторъ смішаль траву медуницу съ змітей медяницей. Странная ошибка, особенно въ книгі, гді излагаются повітрья и приміты.

Въ первой части, стр. 114, г. Терешенко оплакиваетъ смерть П. В. Киръевскаго, извъстнаго знатока русскихъ древностей, составившаго драгоцънное и полнъйшее собраніе нашихъ пъсень. Мы не върили своимъ глазамъ; ибо, къ счастію науки и друзей г. П. Киръевскаго, онъ не только, слава Богу, живъ и здоровъ, но, какъ мы достовърно знаемъ, дъвтельно приготовляетъ свое собраніе къ печати. Подобныя извъстія, особенно о такихъ лицахъ, какъ г. П. Киръевскій, можно бы печатать нъсколько осмотрительнъе.

Нъкоторыя пословицы и поговорки совершенно переиначены г. Терещенкой; напримъръ, извъстная пословица: по илатью (или по одеждъ) встръчаютъ, по уму провожаютъ, у него передана на выворотъ: «встръчаютъ по головъ, провожаютъ по одеждъ» (ч. І, стр. 321). Въ этой версіи она намъ совершенно неизвъстна; мы думаемъ, что въ пародъ и нътъ такой версіи. Другой примъръ: пословица говоритъ: началъ за здравье, кончилъ за упокой; у автора: «начинаютъ за упокой, кончаютъ за радость» (ч. ІІІ, стр. 130). — Мы замътили еще слъдующіе промахи: авторъ называетъ нелъпостью извъстіе, что умершимъ вкладывались у насъ листы въ руки (ч. ІІІ, стр. 94), а этотъ обычай и до сихъ поръ соблюдается; кубарь и волчекъ, по его словамъ, одно и тоже (ч. ІV, стр. 27), это неправда; и т. д.

Книга написана языкомъ, испещреннымъ безчисленными граматическими ошибками, въ родъ: расчешивали, блюдовъ. ружьева, схвачивали, дочерь, церквь, старостова, брясчать, перешелчиваются, грядей, татарово, привево, (вмъсто приведя), и т. д. На каждомъ шагу встръчаемъ удивительныя фразы: «идетъ къ зятнему отцу (ч. II, стр. 536); чугунъ, стоящій въ печи съ водою (ч. VII, стр. 165); умываются водою изъ подблюдныхъ пъсней (ів. стр. 234); еслибъ я была колиброй (какъ мило въ устахъ дъвушки!) (ч. IV, стр. 112); драконъ есть таинственное значение (ч. VI, стр. 26); боль въ ревматизмѣ (ib. стр. 69); бабскими трудами» (ч. V, стр. 144) и мн. др. Изданіе самое неисправное: опечаткамъ нътъ конца; ихъ тысячи въ каждой части. — Общихъ разсужденій въ последнихъ шести частяхъ, какъ мы уже заметили, меньше, чёмъ въ первой; по они есть; некоторыя изъ нихъ курьёзны. Вотъ на выдержку:

«Въ честь новаго года столько написано привътственныхъ стиховъ и сочиненій, на всъхъ возможныхъ языкахъ, какими только говорилъ смертный и говоритъ нынъ, что нътъ возможности изчислять ихъ. А сколько еще писать будутъ! Но сколько ни писали, всегда имъли въ виду подарочекъ: посему новый годъ справедливо назвать можно подарочнымъ. Если бы кому вздумалось сосчитать, сколько уже сдълано подарковъ въ новый годъ, съ того времени, какъ міръ стоитъ, то върно бы онъ сказалъ: считайте сами, если хотите сойдти съ ума. Нынъ каждый новый годъ заваленъ грудами визитныхъ карточекъ, копчи поздравляя, желаютъ каждому счастія, почестей п богатства. Мы желаемъ, чтобы каждый встръчалъ новый годъ съ з лотыми подарками, возвишался въ почестяхъ и наслаждался земнымъ счастіемъ; мы желаемъ этого всъчъ, какъ желаютъ въ поздравительныхъ стихахъ; но болъе всего желаемъ, и просимъ Бога, чтобы Онъ посылалъ намъ русскимъ покровителей наукъ, если не каждый новый годъ, то покрайней мъръ чрезъ каждое столътіе - (Ч. УП, стр 425 и 126).

Какое остроуміе!

Посавдніе два дня на сырной недвав (субботу и воскресенье), одни изъ
приличія, другіе по набожности, носвящають на испраниваніе другь у друга
прощенія. Встрвтясь, даже на улицв, они цвауются, говоря: «прости меня,

въ чемъ я тебя обядъть, умышленно и неумышленно, дъломъ или словомъ. — Богъ тебя простить и Божія Матерь, — отвъчаеть ему другой, — и въ знакъ примиренія цълуются. — Люди высшаго сословія не стыдятся подить тогда къ своимъ врагамъ и жирятся съ ними. Иностранецъ Албертъ Кампензе, описывая Религію Русскихъ въ началъ XVI въка, замъчаеть, что они гораздо лучие слъдують ученію Евангелія, нежели Католики. Эта пожвальная черта не истребилась понынь у насъ (Ч. VII, стр. 315).

• Кто же послѣ этихъ словъ усомнится, что г. Терещенко между людьми высшаго сословія какъ у себя дома? Но онъ имѣетъ передъ ними страшное преимущество: между тѣмъ какъ они вполнѣ отдаются своему обычному образу жизни, г. Терещенко разсуждаетъ. Зная хорошо пружины свѣтскихъ отношеній, онъ видитъ всю ихъ ничтожность. Только изъподъ его велико-свѣтскаго пера могло вылиться слѣдующее, тонкое описаніе петербургскихъ пикниковъ, проникнутое изящной, но ужь черезчуръ злой ироніей.

«И нынъ въ Петербургъ знатныя дамы катаются съ ледяныхъ горъ, нарочно для ихъ состроенныхъ, какъ во время масляницы, такъ и въ иткоторые дни поста. Это на модноми языки называется journée folle или de jeuner dansant, а на обыкновенномъ - пикникъ. Сюда съвзжаются, чтобы портозвиться на свободь; тамъ танцують и катаются съ горъ на самолетныхъ сапочкахъ: въ то время избрапная дама сидить на колъняхъ своего кавалера.-Цвить высшаго круга, утомленный скучными концертами великаго поста, безконечными представленіями живыхъ картинъ и фантастическихъ тъпей, задумываетъ разсвять себя: онъ назначаетъ пикникъ. И едва эта мысль вырвалась изъ l'èlit (?!) du beau monde, какъ она облетаетъ мигомъ дамскіе туалеты и петербургские салоны. — Вст собпраются дружно въ условленный часъ. и всв, не на шутку, съвзжаются въ указанный домъ. Говорливая молодежь и молчаливый дипломать, и важный мужь летять въ пошевняхъ, въ плетеныхъ прозрачныхъ саночкахъ и на иноходит: все торопится, все сившить, боясь опоздать или не заставить ждать себя. - Когда вст соберутся, тогда каждая дама сопровождается избраннымъ своимъ кавалеромъ. Длянный рядъ баловней роскоши несется пестрой вереницею по дорогъ. Разноцвътныя пононы удалой тройки и узорчатые ковры саней, бархатные кафтаны кучеровъ съ бобровой опушкою, малиновыя и голубыя шапки на бекрень, выдвигаются на первомъ мъстъ картины; богатыя съ развъвающимися перьями планки и полувоздушныя вуали, выощіяся бѣлымъ пухомъ.

обхватывають очаровательныя головки красавиць; сребристые бобры и черный лисій міхь, окутывають нюжный стань счастливых в сибаритокь; сверкающів безпечной радостью глаза, шутки и остроты красавиць, -занимають средину прекрасной картины. Избранные кавалеты, стоящіе на запиткахь, дорисовывають картину неумолкавмой болтовнею, - все мчится съ восторженной веселостью. Ухабы, мятель, даже грязь и лужи ни почемъ... Потздъ вдругъ останавливается предъ назначеннымъ домомъ. Дамы, едва воптан въ пышно убранныя комнаты, немедленно садятся за туалеть: иныя вновь наряжаются, а другія поправляють свои уборы. Посат нъскольких минуть, вст сходятся въ блестящихъ уборахъ: говоръ, щумъ и хохотъ разносятся повсюду. Подаютъ завтракъ, и каждый кавалеръ старается угостить свою даму; потомъ раздается музыка и начинаются танцы. Въ вихръ вальса забывають и время страстныхъ дней: все кружится до упаду Безпрерывные танцы, сменяемые утонченной изобретательностію, никому не дають покоя. Отчаянное веселье въ полномъ разгаръ, и только пріостанавливается въ то время, когда позовуть къ объду, который не ранве начинается шести часовъ вечера. За объдомъ тотъ же кавалеръ угощаеть свою даму, и тоть же кавалерь посль объда, танцуеть первый танецъ съ своею дамою. Танцы продолжаются до поздней ночи, потомъ всль разстаются, каки сошлись, бези сожальнія, и весьма равнодушно приглашають: один---«завтра ко мий на вечерь!» другіе---«ко мий посли завтра на балъ! - Пикникъ, полный странностей и противуположностей, выходить изъ круга обыкновеннаго веселія. Оттого-то онъ п нравится: и что же онь? Баль не баль, а вирное изображение пресыщенных пирами и роскошью» (Ч. VII, стр. 324 и 326).

Какъ хорошо извъстны автору обычан высшаго круга, видно и изъ слъдующей замътки о петербургскихъ нравахъ:

-Празднованіе имянинъ такъ сдізалось повсемістнымъ, что даже не только между купеческимъ сословіемъ; но и между ниженими чинами (?) оно совершается съ особой роскошью. Для этого дня никакихъ ни жаліютъ издержекъ, и чёмъ болбе гостей, даже незваныхъ (?), тічь болбе чести имяниннику. Кто живаль въ Петербургъ, тоть знаеть, что порядочный сколько-нибудь человикъ, угощаеть кулебякою и обидомъ, виноградными винами и шампанскимъ. Для него было бы обидно, еслибы гости разошлись не веселыми, надобно чтобы всё поминан его праздникъ, и потому радкіе возвращаются домой пъшкомъ. (Ч. ПІ, стр. 64).

Не менъе глубоко проникнулъ г. Терещенко въ тайны женскаго сердца. Вотъ въ доказательство нъсколько выписокъ:

По поводу игры горъдка:

«Любовь давно тревожить сердце дъвушки, а дъвушка давно ищеть мысленно имъ любимаго, в горить къ нему. Для дъвушки не существуеть нють. Въ ея воображении созидается заранъе предметь. Дъвица въ шестнадцать лъть,—не тронь меня: она тогда еще не ръшительная, боязливая, а въ восемьнадцать лъть: задумчивая, мечтательная и вспыхиваетъ какъ пороль (Ч. IV, стр. 29).

Игра драгунъ подаетъ поводъ къ следующему замечанію:

•Эта игра обнаруживаеть сладкие поцилуи любовниковь (?). Парень всегда выбираеть ту дъвушку, которую онь любить: а дъвушка нарочно упряме (и) тся сказать, пока онь ее не разцълуеть. Дпеушки страстно любить поцилуи, думая, что въ нижь истинная любовь; но любовь и дурачество, въ тисной дружбь (ib. стр. 88).

Вотъ еще остроумная замътка объ игръ: выборъ невъстъ.

•Указавъ на невъстъ, т. е. на всъхъ дъвушекъ, предоставляется парнямъ выборъ любой, и не ръдко отъ шутокъ доходить до дъла. — Кому изъ дъвушекъ непріятно скоръе за мужъ?—Но то бъда, что женихи разборчивы. — Не смотря на странную привычку жениховъ, а всего болъе на ихъ вкусъ причуданвый: кому нравится чернобровая, а кому голубоокая, кому тонкая, а кому толстенькая, дородная, румянная, пылкая, кипящая вулканоми страстей, а кому чтобы и ипожная и мягкая,-причудинный вкусъ мущинъ!-а какой вкусъ дъвушекъ? - мы не знаемъ, только знаемъ одно, что опъ черезчуръ взыскательныя, разборчивыя и часто рады, когда отыщуть имъ жениха: хоть кулыкт (?), да лишь бы не просидеть въ девушкахъ. Случается на грехъ, что женяху перадко понравится сатана, лучше яснаго сокола. - Кто жъ посла этого не разборчивъ? — Дъвушки? — нътъ! — Мущины? — нътъ! Неразборчивъ тотъ, кто перезрълъ, и въ доказательство этого сами дъвушки говорятъ: вотъ вамъ невъсты, выбирайте, кто вамъ понравится-это значитъ, что онъ давно были узаконенныя невъсты, а теперь перезрълыя, потому выбирайте: вотъ вамъ невъсты! · (Ч. IV, стр. 148 и 149).

Вст эти выходки удивительно какъ кстати и у мѣста въ археологическихъ изслъдованіяхъ! Онъ и смъшны и досадны. Иному онъ послужатъ развлеченіемъ при чтеніи такой сухой книги, какова «Бытъ русскаго народа». Другому прискороно станетъ, при мысли, что за такой важный любопытный пред-

метъ принимаются у насъ недостойнымъ образомъ. Это впечатлъніе произвела на насъ книга г. Терещенки. Будемъ надъяться, что дальнъйшіе труды по этой части будутъ серьёзнъе, дъльнъе и тщательнъе.

НЪКОТОРЫЯ ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ СОВИРАЕМЫХЪ ВЪ И. Р. Г. ОВЩЕСТВЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ МАТЕРІЯДОВЪ О РОССІИ, СЪ ЗАМЪТКАМИ О ИХЪ МНОГОСТОРОНИЕЙ ЗАНИМАТЕЛЬНОСТИ И ПОЛЬЗЪ ДЛЯ НАУКИ.

Извъстно, что вскоръ послъ основанія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества къ нему начали поступать этнографическія описанія различныхъ мъстностей нашего обширнаго отечества. Это подало мысль воспользоваться рвеніемъ частныхъ лицъ въ большемъ объемъ. Составлены были подробныя этнографическія и статистическія программы, по которымъ должны были доставляться описаній, и вскоръ усердіе добровольныхъ дълателей въ пользу науки превзошло ожиданія. Такъ покрайней мъръ было по Этнографическому Отдъленію. Въ теченіе трехъ лътъ поступило сюда около четырехсотъ нумеровъ описаній изъ всъхъ краевъ имперіи. Нътъ ни одной губерніи, изъ которой не была бы принесена лепта на пользу науки.

Множество накопившихся матеріяловъ побудили Этнограонческое Отдъленіе приступить къ ихъ разработкъ. Опредълено было ходатайствовать о напечатаніи нъкоторыхъ, несая

Digitized by Goog

мнѣнно лучшихъ описаній мѣстностей—вполнѣ, изъ другихъ же сдѣлать сводъ. Эти работы возложены на г. Предсѣдательствующаго въ Этнографическомъ Отдѣленіи, и вмѣстѣ съ гг. Дѣствительными Членами Общества, И. И. Срезневскимъ, И. П. Сахаровымъ и П. С. Савельевымъ, я былъ удостоенъ чести принять участіе въ приготовленіи къ печати этого общирнаго и важиаго собранія матеріяловъ, именно того отдѣла ихъ, который касается собственно славянскаго населенія имцеріи.

Богатство и разнообразіе доставленныхъ матеріяловъ поразительно. Обнимая всъ стороны народнаго быта въ мальйшихъ подробностяхъ, они представляютъ полную картину современнаго русскаго простолюдина, начиная съ его наружнаго вида, одежды, пищи, жилья, до тончайшихъ оттънковъ его ръчи, понятій, печалей и радостей въ домашней и общественной жизни. Конечно, не всъ доставленныя описанія, отдъльно взятыя, въ равной степени важны. Но, въ замънъ, нътъ ни одного, которое не заключало бы какого-нибудь любопытнаго факта. Дополняя и поясняя другъ друга, они, въ совокупности, представляютъ картину быта если не совершенно полную, то покрайней мітрі довольно подробную для того, чтобъ видіть, чего именно въ нихъ недостаетъ. Такимъ образомъ, они даютъ возможность проследить историческую нить и последовательность въ развитіи языка, понятій, обычаевъ и вѣрованій въ трехъ вътвяхъ русскаго племени: Велико-русской, Малороссійской и Бълорусской.

Вст доставленные въ общество матеріялы (теперь составляющіе уже болье пятисоть нумеровъ) могуть быть раздълены на двт главныя группы. Первая представляеть полное описаніе извъстныхъ мъстностей, болье или менте обширныхъ, даже цълыхъ племенъ, напримъръ: Малороссіянъ, Бълоруссовъ; или же губерній, утадовъ, приходовъ, волостей, городовъ и

селъ. Вторая группа составляется изъ матеріяловъ, которые относятся къ какому-нибудь отдѣлу этнографическихъ описаній, или къ нѣсколькимъ отдѣламъ вмѣстѣ. Эти описанія могутъ быть названы монографическими. Такъ, нѣкоторыя содержатъ мѣстные словари; другія—сказки и пѣсни; третьи—пословицы; четвертыя—примѣты, поговорки, народные праздики, и т. д. Этотъ отдѣлъ описаній не бѣднѣе перваго. Особенно богатъ онъ матеріялами о свадьбахъ, примѣтахъ и для мѣстныхъ словарей. Конечно, достоинство ихъ неодинаково, но многія составлены весьма подробно и, какъ видно, съ большимъ умѣньемъ прислушиваться къ народной рѣчи и приглядываться къ быту простолюдина.

Нельзя безъ особеннаго участія и уваженія смотръть на эту громаду частныхъ трудовъ, предпринятыхъ безкорыстно, изъ одного усердія, и составляющихъ богатъйшее собраніе этнографическихъ матеріяловъ едва ли не въ цълой имперіи. По ніжоторымъ отділамъ, напримітръ пословицъ, пісень, есть конечно у нъкоторыхъ частныхъ лицъ собранія еще драгоцвинвишія; но они обнимають одну какую-нибудь часть, тогда какъ здъсь описанъ бытъ во всъхъ отношеніяхъ. Это собраніе должно служить сокровищницею, основаніемъ для знакомства съ нашимъ бытомъ. Безъ этого знакомства намъ и неловко. да и нельзя обойдтись: иначе мы будемъ впадать въ безпрестанныя ошибки. Такъ, напримъръ, въ одной современной повъсти, написанной съ большимъ талантомъ, авторъ заставляетъ новобрачнаго крестьянина выдти изъ-за свадебнаго-«княжаго» стола и горевать о томъ, что ему не дали каши, тогда какъ новобрачный, по въковъчному церемоніялу, не можетъ оставить княжаго пира и не долженъ ъсть ничего до вечера. Странно встръчать ошибки, когда ръчь идетъ о народъ, среди котораго мы родились, выросли и къ которому имъемъ честь принадлежать.

Но кромъ непосредственнаго знакомства съ настоящимъ бытомъ, эти матеріялы имѣютъ особенную важность въ историческомъ отношеніи. Въ большей части записаны пов'трья и преданія мъстныя, сказанія о церквахъ, деревняхъ и жильяхъ, теперь изчезнувшихъ, объ историческихъ лицахъ, которыя жили въ описываемыхъ мъстностяхъ. Въ этихъ историческихъ данныхъ, равно какъ и въ разныхъ подробностяхъ быта, слышится нерѣдко голосъ отдаленной старины, и живыми наглядными примърами поясняются намеки и мимоходныя указанія письменныхъ памятниковъ, безъ этого совершенно непонятныя. О внутреннемъ бытъ древней Руси наши памятники, какъ извъстно, весьма молчаливы. Этнографическія описанія показывають, что этоть весьма ощутительный пробъль можетъ, до нъкоторой степени, быть пополненъ изъ теперешняго быта, даже несмотря на необработанность этнографическихъ матеріяловъ. Представимъ два примъра.

Изъ письменныхъ памятниковъ мы знаемъ, что суды Божій, ордаліи или судебныя испытанія, были въ Россіи: последніе остатки судебныхъ поединковъ изчезли не ранъе второй половины XVI въка. Но въ чемъ именно они состояли, и какъ происходили — объ этомъ мы не имъемъ почти никакихъ извъстій. Въ числь доставленныхъ матеріяловъ замьтили мы преданіе объ одномъ ихъ видъ. Г. Сырохновъ, учитель Вербиловскаго села (Себежскаго увзда) говорить, что въ Порховскомъ утодъ (Псковской губерніи) есть гора $C_{y}\partial o_{x}$, о которой сохранилось следующее поверье. Надъ этой горой вистла съ неба цтпь. Въ случат споровъ, или бездоказательныхъ обвиненій, соперники приходили на Судому и каждый поочередно долженъ былъ достать цень рукою; а цень позволяла себя взять только праведной рукъ. Однажды сосъдъ у состда украль деньги и засыпаль ихъ въ толстую палку, выдолбленную въ серединъ. Обокраденный какъ разъ попалъ

подозрѣніемъ на виновнаго. Оба пошли на Судому, причемъ воръ, вмѣсто путевой дубинки, взялъ свою палку съ деньгами. Сперва цъпь досталъ хозяинъ, торжественно складывая вину покражи на своего товарища. Потомъ воръ отдалъ хозяину подержать свою палку и доставая цъпь, сказалъ: «деньги у тебя». Цъпь и ему далась, но съ тѣхъ поръ неизвѣстно какъ и куда изчезла.

Этотъ разсказъ любопытенъ во многихъ отношеніяхъ. Во первыхъ, онъ Псковскій, чёмъ можетъ быть и объясняется, почему это мёстное преданіе о судё Божіемъ сохранилось и до нашего времени; потомъ, онъ даетъ намъ понятіе о томъ, какъ производились ордаліи; наконецъ, самое, можетъ-быть, любопытное въ этомъ преданіи — то, что оно показываетъ, какъ изчезало довёріе къ ордаліямъ, и какъ напослёдокъ онъ пали въ народномъ сознаніи.

Другой примъръ: Въ нашихъ письменныхъ памятникахъ очень часто встръчаются извъстія о пирахъ и братчинахъ. Во всёхъ почти жалованныхъ грамотахъ монастырямъ и сельскимъ обществамъ находимъ запрещение ъздить на пиры и братчины безъ зова, подъ страхомъ, что оскорбленія, нанесенныя незванымъ, останутся безъ наказанія. Мы знаемъ также, что на пирахъ бывали пивные старосты; наконецъ, нъсколько словъ Псковской Судной Грамоты дають поводъ думать, что братчины имѣли какое-то судебное значеніе и могли постановлять судебные приговоры: этимъ почти и ограничивается все, что мы знаемъ о братчинахъ и пирахъ въ древней Россіи. Они такъ далеки отъ современныхъ намъ понятій, что по этимъ скуднымъ даннымъ трудно заключить, что они такое были. Но описанія простонароднаго была дополняютъ свъдънія о пирахъ и братчинахъ какъ нельзя лучше. Изъ нихъ мы узнаемъ, что братчины и пиры производятся складчиною въ храмовые праздники, что они бываютъ не

Digitized by Google

только между крестьянами, но и между крестьянскими дъвушками. Наконецъ, нъкоторыя описанія объясняють намъ внутренній распорядокъ этихъ праздниковъ и проливаютъ свъть на загадочный смысль письменныхъ памятниковъ. Напримъръ, неизвъстный авторъ описанія села Соколовки, Черниговской губерніи Мглинскаго увада, такъ пишеть объ этихъ братчинахъ. «Въ день какого-либо святаго, особенно чтимаго сельскимъ обществомъ, варятъ медъ и продаютъ его. Отъ продажи меду собираются общественныя деньги; деньги же на покупку меду собираются женщинами изъ міра. За неділю или менње передъ днемъ святаго онъ ходятъ по своему и сосъднимъ селамъ и просятъ на свъчу святому. Кто даетъ деньги, кто что-либо другое. Собранныя такимъ образомъ вещи — ленъ, посконь, холстъ — продаются, а вырученныя за нихъ деньги, такъ же какъ и собранныя отъ поданнія, отдаются обществу. Общество передъ тъмъ избираетъ изъ своей среды одного старосту, который покупаеть медь и варить его. Сваривъ медъ, староста собираетъ общество, мъряютъ виъсть медъ кружкою (мало что не въ кварту) и устанавливаютъ цѣну за кружку меду».

Итакъ, вотъ пировые старосты. Такъ какъ пиры обнимали цълое селеніе, иногда цълую волость, то есть приходъ, то понятно, почему, на время пировъ, пировые старосты суднам судъ, особенно когда въ этихъ празднествахъ, какъ видно изъ лътописей, принимали участіе всъ жители, а не одни крестьяне, какъ теперь. Братчинами и складчинами они назывались потому, что составлялись обыкновенно (какъ и теперь) складчиной: каждый приносилъ свою часть на необходимыя издержки. Пировали же всъ вмъстъ; братчиною назывался кубокъ, ходившій кругомъ, изъ рукъ въ руки.

Мы не станемъ здёсь вдаваться въ дальнёйшія розысканія о первоначальномъ происхожденім и древнёйшемъ значенім этихъ братчинъ. Здъсь достаточно было показать, какъ письменные источники пополняются и объясняются живыми преланіями и обычаями.

Чтобъ дать читателямъ, не имѣвшимъ случая видѣть доставленныя въ Общество этнографическія описанія въ подлинникѣ, хотя нѣкоторое понятіе о томъ, какъ они составлены, мы представимъ краткій обзоръ ихъ содержанія.

Обыкновенно описанія начинаются подробнымъ очеркомъ мѣстности — географическимъ и статистическимъ Первая затѣмъ статья этнографическаго содержанія заключаетъ въ себѣ, почти всегда, свѣдѣнія о наружности жителей. Эта статья особенно интересна въ описаніяхъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ сидятъ на одномъ мѣстѣ, рядомъ, нѣсколько различныхъ племенъ, напримѣръ описаніе Слободскаго уѣзда (Вятской губерніи) священника Кибардина, въ которомъ, по наружному виду жителей, различается населеніе русское — пришлое, и туземное, отчасти обрусѣвшее — вотское.

Затъмъ слъдуетъ статья о языкъ. Предоставляя другимъ оцънку сообщаемыхъ здъсь матеріяловъ въ филологическомъ отношеніи, мы замътимъ, что мъстные словари, которые обыкновенно здъсь помъщаются, во многихъ описаніяхъ сообщаютъ матеріялы для весьма любопытныхъ сближеній и выводовъ.

Представимъ два примъра.

Въ числё разныхъ народныхъ праздниковъ, которыхъ значение неизвёстно или потеряно, находимъ и праздникъ Костромы. Онъ отправляется лётомъ, а по свидётельству г. Терещенки, въ Хвалынскомъ и Петровскомъ уёздахъ (Саратовской губерніи) и зимою, наканунё новаго-года. Лётомъ «кострому», то есть молодое деревцо или чучелу, бросаютъ въ воду; зимою женщины сносять кучу соломы, зажигаютъ ее посреди улицы, и этотъ омётъ называется «костромой» (т. VII,

стр. 116). Какая же этимологія этого слова? Что значить оно? Одинъ мѣстный словарь, доставленный изъ села Липицъ (Тульской губерніи) разрѣшаетъ вопросъ. Тамъ слово «кострома» значитъ прутъ, розга, и это значеніе, какъ видно, вполнѣ соотвѣтствуетъ молодому дереву, бросаемому въ воду, или кучѣ горящаго хворосту и соломы.

Другой примъръ. Почти во всей Россів поъзжане на свадьбахъ повязываются черезъ плечо, или по шев, полотенцами
(ручниками), или красными кушаками. Что значитъ этотъ
обычай? Надъ этимъ многіе думали, но не могли разръшить
загадки. И здъсь вопросъ ръшаютъ мъстные словари. Въ
одномъ изъ нихъ читаемъ, что свадебный дружко, обыкновенно избираемый въ деревняхъ изъ знахарей или колдуновъ,
для охраненія свадебнаго поъзда и молодыхъ отъ злыхъ людей
разными тапиственными обрядами, называется опаснымъ.
Это слово, употребляемое теперь только въ переносномъ значеніи, очевидно одного корня съ польскимъ раз — поясъ. Такимъ образомъ пояса или повязки служили прежде на свадьбахъ однииъ изъ предохранительныхъ средствъ противъ чаръ
и порчи.

Затъмъ, во всъхъ этнографическихъ очеркахъ мъстностей, слъдуетъ болъе или менъе подробное описаніе крестьянскаго жилья, любопытное въ двоякомъ отношеніи. Крестьянская архитектура и расположеніе жилища представляютъ довольно замътныя различія у различныхъ вътвей русскаго народа, и слъдовательно являются важною составною частью этнографіи; неръдко по измъненіямъ въ устройствъ и расположеніи избы въ одной и той же мъстности, можно открыть составныя части ея народонаселенія. Но особенно важными представляются эти описанія для нашей археологіи, которая изъ письменныхъ памятниковъ можетъ извлечь одни намеки и неясныя указанія, и только съ помощію описаній современнаго быта въ состоянім

представить довольно полную картину старины. Наконецъ, этого рода описанія служать богатымъ источникомъ и пособіемъ для объясненія нашихъ древнихъ религіозныхъ върованій и обрядовъ, отчасти сохранившихся до нашего времени въ видь обычаевь и повърій. Всь сдыланныя досель розысканія болъе и болъе приводятъ къ мысли, что русская (въ особенности великорусская) миномогія не успъла развиться до идолослуженія, то есть до обожанія олицетворенных во вишинемъ образъ предметовъ поклоненія. Она представляеть ту эпоху въ развитіи языческихъ върованій, когда первоначальное, непосредственное поклонение различнымъ предметамъ и явленіямъ природы едва только начинаеть переходить къ религіи болте отвлеченной, когда впервые человткъ открываетъ въ себъ чаяніе невидимыхъ силъ, управляющихъ природою и его судьбой. Въ эту эпоху развитія — о которой не сохранилось почти никакихъ сятдовъ въ минологіи другихъ народовъ, древнихъ и новыхъ, и напротивъ дошли весьма ясныя воспоминанія въ минологіи Славянъ, въ особенности русскихъ — разные бытовые обряды, повърья, примъты обнимають собою весь кругъ върованій и содержатъ зародышъ дальнъйшаго развитія миоологія.

Отсюда понятно, какъ важна для этой, такъ сказать, бытовой религи обстановка обрядовъ. У насъ множество такихъ обрядовъ и повърій тъснымъ образомъ соединены съ жилищемъ и привязаны къ нему; оттого, безъ подробнаго знакомства съ послъднимъ, невозможно узнать и первые. Для примъра укажемъ на обычан, соединенные съ върованіями о домовыхъ, но въ особенности на обряды, сопровождающіе сватовство и свадебный пиръ. Здъсь всъ подробности имъютъ ближайшее отношеніе къ жилищу и различнымъ его частямъ, и совершенно непонятны безъ подробнаго знавія вхъ назначенія въ крестьянскомъ быту.

За описаніями жилья следуеть описаніе одежды и пищи. Этнографическое значение одежды слишкомъ извъстно и всъми признано и потому не требуетъ дальнъйшихъ объясненій. Что касается до пищи и различныхъ ея видовъ, то, входя главнымъ образомъ въ составъ статистическаго изученія, она, въ тоже время, одною своею стороною служить весьма важнымъ матеріяломъ для минологическихъ и археологическихъ розысканій. Одно поверхностное знакомство съ народными праздниками и обрядами убъждаеть, что извъстныя яства постоянно являются при извъстныхъ торжествахъ, и когда-то составляли ихъ необходимую принадлежность: такъ курникъ (пирогъ съ курицею) и коровай непремънно являются на свадьбахъ; яица, окрашенныя въ желтую краску и яичница составляютъ необходимую принадлежность празднованія Троицынадня и Семика, а свинина — Коледы. Очевидно эти яства были когда-то жертвоприношеніями, и потому ближайшее зна комство съ ними непремънно послужить къ раскрытію и объясненію значенія многихъ народныхъ праздниковъ, которыхъ смыслъ теперь потерянъ. Для доказательства укажемъ на остроумныя и любопытныя изследованія г. Соловьева о Русалкахъ. Авторъ приходитъ къ важнымъ результатамъ относительно значенія Русалокъ въ нашей мисологіи, между прочимъ на основани той роли, какую яйцо играетъ въ русальныхъ обрадахъ, и преданіяхъ о русалкъ. И въ этомъ отношеніи различныя мъстныя названія народныхъ кушаній заслуживаютъ особеннаго вниманія и изученія. Въ нихъ часто скрывается сиысль, который неожиданно освыщаеть новымь свытомъ върованія, теперь забытыя и потерянныя.

Затемъ следуетъ, весьма интересный по своимъ подробностямъ и по тесному отношению къ древнейшимъ народнымъ верованиямъ, отдель обрядовъ и поверий, относящихся къ рождениямъ, бракамъ, похоронамъ и поминовению усопшихъ.

Свъдънія о рожденіи и малолітствъ дътей вообще довольно однообразны. Но между ними также попадаются весьма любопытныя и многозначительныя данныя для русской археологіи и мисологіи. Приведемъ два, три примъра.

Извъстно повърье, довольно общее въ Россіи, что младенцу до году не должно стричь волось и ногтей. Откуда взялось оно? Доставленное неизвъстно къмъ описаніе г. Щигръ (Курской губерніи) вполнъ объясняеть загадку. Тамъ черезъ годъ по рожденіи младенца надъ нимъ совершается обрядъ за стриганія. Когда соберутся родные и близкіе знакомые, младенца сажають на столь на подушку, и по правую его сторону кладуть на тарелкъ ножницы; послъ того крестные отецъ и мать выстригають у него крестообразно волосы, а на тарелку кладуть ему деньги, что дълють и остальные гости. Это извъстіе, объясняя примъту, общую въ Россіи; въ тоже время служить любопытнымъ поясненіемъ и дополневіемъ лътописныхъ извъстій о «постригахъ», которыя совершались однако позднъе и, кажется, съ прибавленіемъ другихъ обрядовъ.

Не менте любопытна одна примъта о дътяхъ въ Мглинскомъ утадъ Черниговской губерніи. Здъсь, чтобъ дъти не умирали и росли, ставятъ кресты на распутьяхъ и намащиваютъ мосты на ручьяхъ. Это повърье, какъ ни кажется страннымъ съ перваго взгляда, находится въ тъсной связи съ древныйшими народными върованіями, и поясняетъ льтописныя извъстія. Еще у Нестора находимъ свидътельство, что Вятичи, Кривичи и другіе язычники, совершивъ тризну надъ умершимъ, сожигали его тъло и собранныя послъ него кости влагали въ сосудъ и ставили на столпахъ по путямъ. Множество върованій сохранили воспоминаніе объ этомъ обрядъ до нашего времени. Распутіе, перекрестокъ считаются страшнымъ мъстомъ, виталищемъ злыхъ духовъ. Здъсь живетъ «викорь»; здъсь совершаются молитвы свадебнымъ потздомъ, когда онъ

петдеть въ церковь, или изъ церкви домой. Поставленіе креста на распутіи во здравіе ребенка состоить въ связи съ этими върованіями: это укрощеніе злыхъ духовъ и смерти. Такъ же многозначительно, повидимому, и намощеніе мостовъ черезъ ручьи. Есть поводъ думать, что по древнійшимъ народнымъ върованіямъ бользии происходили изъ воды; въ отношеніи къ лихорадкамъ, это, кажется, не подлежитъ сомивнію. Такимъ образомъ приведенное нами символическое дійствіе поясняетъ и дополняетъ кругъ нашихъ древнійшихъ представленій и понятій.

Особеннымъ обиліемъ матеріяловъ и разнообразіемъ ихъ отличается отдёлъ свадебныхъ обычаевъ. На сто нумеровъ описаній, болье двадцати содержатъ подробныя, тщательно составленныя описанія свадебъ со всёми ихъ обстановками, примѣтами, пѣснями, причитаніями и торжественными обрядовыми словами всёхъ участвующихъ лицъ. Кромѣ того, какъ бы ни было скудно описаніе, каждое непремѣнно сообщаетъ что нноудь о свадьбахъ. Это главный, важнѣйшій изъ всѣхъ обычаевъ, изученіе котораго вводитъ насъ въ самое сердце нашего древняго быта и вѣрованій, и въ исторію ихъ постепеннаго развитія. Предметъ этотъ слишкомъ многосложенъ и важенъ, чтобъ, говоря о немъ, ограничиться нѣсколькими словами. Боясь выдти изъ предѣловъ краткаго очерка, мы перейдемъ къ слѣдующимъ отдѣламъ описаній.

Въ похоронныхъ и поминальныхъ обычаяхъ сохранились живые следы тризны и языческихъ верованій. Приведемъ здёсь несколько обычаевъ наиболее замечательныхъ и подающихъ поводъ къ археологическимъ соображеніямъ.

Въ губерніяхъ, Астраханской, Харьковской (Краснокутсмаго увада) и Томской (Каинскаго увада) до сихъ поръ сохраняется обычай бросать въ могилу или класть въ гробъ мъдныя и даже ееребряныя деньги. Разныя толкованія придаетъ народъ этому обычаю, очевидно весьма древнему. Почти во всей Россіи сохранилось также обыкновеніе творить поминальные пиры, на которыхъ кормятъ родныхъ, знакомыхъ, друзей усопшаго, и нищимъ подается обильная милостыня. Въ нъкоторыхъ мъстахъ, какъ напримъръ Тобольской губерніи въ Петропавловскомъ убздё, нищимъ не только раздають холстъ, но даже что-либо изъ имънія, оставшагося послъ усопшаго. Наконецъ, въ нъкоторыхъ обрядахъ и обычаяхъ сохранились воспоминанія, хотя и не совство ясныя, о какихъто домашнихъ религіозныхъ обрядахъ, совершавшихся у нашихъ предковъ язычниковъ по случаю похоронъ, въ память усопшаго. Такъ, г. Кутеновъ, учитель Мценскаго увзднаго училища (Орловской губернін) сообщаеть следующій странный обычай въ описываемой имъ мъстности: постель мертвеца, тотчасъ по смерти его, выносять въ курникъ на три дня «для опъванія пътуховъ». Въ Астраханской и Харьковской губерніяхъ по выност покойника хату посыпають житомъ; въ нткоторыхъ мъстахъ, напримъръ Ядринскомъ утздъ (Казанской губернів), по возвращенів съ похоронъ смотрять въ печку. Изъ всъхъ этихъ данныхъ видно, что когда человъкъ умиралъ, прежде, въ незапамятную старину, совершались какіе-то обряды, кажется въ честь домоваго, нашего пената. Разработка доставленныхъ свъдъній и безпрестанно поступающія въ Общество новыя описанія, надъемся, въ скоромъ времени разъяснять этоть предметь.

Наконецъ, проходя молчаніемъ множество другихъ любопытныхъ указаній, сюда относящихся, обратимъ вниманіе на одинъ странный обычай, подтверждающій существованіе у насъ когда-то втрованія въ невыясненное еще отношеніе между смертью и водою. Въ Тверскомъ утздт стружки, оставшіяся послт гроба, не сожигаютъ въ печи, но пускаютъ по водт. Есть много и другихъ примътъ въ этомъ же родт.

За этими отдълами слъдуютъ описанія обычаевъ и обрядовъ, соблюдаемыхъ во время разныхъ народныхъ бъдствій, какъ-то: повальныхъ и заразительныхъ бользней, пожаровъ, неурожая; свёдёнія о народной медицине, народномъ хозяйствъ, праздникахъ, играхъ и забавахъ, о юридическихъ обычаяхъ, умственныхъ и нравственныхъ способностяхъ и образованій, наконець о містныхъ преданіяхъ и памятникахъ. По каждому изъ этихъ отдёловъ, описанія, доставленныя въ Общество, содержать драгоценные матеріялы для исторіи, археологіи и минологіи, отъ разработки которыхъ наука вправъ ожидать любопытныхъ и важныхъ результатовъ. Здъсь, въ бъгломъ обзоръ, мы по необходимости ограничились одними намеками, указаніями, не входя въ подробныя изследованія. Одно позволимъ себъ замътить въ заключение: изданиемъ собранныхъ описаній И. Р. Географическое Общество окажеть чрезвычайную услугу не одной этнографіи, но и исторіи, ибо только ученыя общества Славянскихъ земель могутъ обладать матеріялами, которыхъ напрасно будемъ искать въ другихъ странахъ-именно данными о древнъйшемъ, до-историческомъ быть, который слишкомъ смутно, неясно выказывается изъ-подъ преданій другихъ древнихъ и новыхъ европейскихъ народовъ.

НЪСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПРИМЪТАХЪ.

Давно уже слышатся у насъ со всъхъ сторонъ безпрестанныя жалобы на невъжественное легкомысліе, съ которымъ мы обыкновенно смотримъ на свои историческіе памятники и обращаемся съ ними. Упреки эти, къ несчастію, вполнъ справедливы. Если можно указать на нъсколько счастливыхъ, даже блистательныхъ исключеній, то все же они, покуда — капля въ моръ: такъ много памятниковъ, и такъ мало еще сдълано для сохраненія ихъ отъ утраты, большею частію невознаградимой.

Историческіе памятники, живущіе въ устахъ и обычаяхъ народа, и слёдовательно болѣе другихъ подверженные измѣненіямъ и уничтоженію, обратили на себя въ послѣднее время особенное вниманіе вѣкоторыхъ ревнителей русской старины. Пѣсни, пословицы, народные праздники и обряды нашли усердныхъ, добросовѣстныхъ собирателей, даже имѣютъ свою литературу; для языка и мѣстныхъ нарѣчій также собраны богатые матеріялы. Словомъ, для всѣхъ этихъ частей русской этнографіи и археологіи кое-что уже сдѣлано и обнародовано, еще болѣе хранится въ рукописяхъ. Но по какому-то странному случаю, нѣкоторые устные памятники остались какъ-будто забытыми. и до сихъ поръ не обращали на себя, сколько мы знаемъ, ночти някакого вниманія.

Къ числу ихъ относятся примъты. Г. Сахаровъ, оказавшій столь существенныя услуги русской археологіи, пом'ьстиль въ своемъ драгоцънномъ собраніи «Сказаній Русскаго народа» много примътъ, относящихся къ извъстнымъ днямъ, временамъ года, народнымъ праздникамъ и обрядамъ, кромъ того въ программъ, предпосланной изданію, онъ объщаль посвятить имъ и повърьямъ цълую книгу (Тома IV книгу XXV). Къ сожальнію, эта часть «Сказаній» еще не вышла. До сихъ поръ появилось только два тома собранія г. Сахарова, и, судя по числу льтъ, протекшихъ между выходомъ въ свътъ первой и второй части, нельзя ожидать скораго появленія четвертой. Что же касается до примътъ, относящихся къ обрядамъ, праздникамъ, или днямъ и временамъ года, то онъ такъ тесно съ ними связаны, такъ ими объясняются и взаимно ихъ объясняютъ, что нельзя ихъ отдълить, какъ придаточной вещи отъ главной, не затемнивъ ихъ смысла. Оттого онъ и не подлежатъ отдъльному разсмотрънію.

Мы не осмедиваемся сообщить здёсь извёстныя намъ приметы и придать имъ хвастливое название собрания приметъ. Какъ бы много мы ихъ не знали—все это ничто въ сравнения съ числомъ тёхъ, которыя живутъ и до сихъ поръ въ ходу между славянскимъ населениемъ России. Еще менёе можемъ мы, не имёя подъ руками богатыхъ матеріяловъ по этому предмету, —дать сколько-нибудь полный, удовлетворительный отчетъ объ этомъ, по нашему мнёнію, чрезвычайно важномъ источникё русской археологіи. Ограничимся тёмъ, что въ нашихъ силахъ. Выскажемъ нёсколько общихъ сдёланныхъ нами замёчаній о происхожденіи, значеніи примётъ и о томъ, какъ должно за нихъ браться. Послёднее труднёе, чёмъ кажется съ перваго взгляда. Историческіе памятники, не говорящіе словами, какъ обряды, религіозныя вёрованія, предразсудки, и т. д. упорно хранятъ тайну своего значенія и смысла. Чтобъ заста-

вить ихъ говорить нужны извъстные пріемы, извъстная манера, способъ спрашивать.

Что такое примъта? Это примъченное человъкомъ постоянное, но непонятное для пего отношение между какиминибудь явлениями, или событиями въ ежедневномъ быту, нравственномъ или физическомъ миръ — все равно. Не зная законовъ того и другаго мира, не понимая связи между причиною и дъйствиемъ, поводомъ и его слъдствиемъ, человъкъ наблюдаетъ, и изъ своихъ наблюдений выводитъ заключение, что между извъстными предметами и явлениями существуетъ какая-то связь; но, неумъя вывести началъ, законовъ, на которыхъ она основана, онъ по необходимости повъряетъ памяти плоды своихъ наблюдений. Такъ образуется множество примътъ, болъе или менъе върныхъ, смотря по наблюдениямъ.

Но кромѣ этого, есть и другой способъ происхожденія примѣтъ. Всѣ вещи, предметы и явленія, имѣющія въ глазахъ человѣка религіозное языческое значеніе должны имѣть на него и на природу таинственное, сверхъестественное вліяніе и дѣйствіе. Отсюда раждается цѣлый рядъ примѣтъ. Примѣты такого рода основаны не на непосредственномъ опытѣ и наблюденіи, а суть слѣдствіе представленій, вѣрованій. Онѣ весьма справедливо названы предраз судками, потому что выводятся а ргіогі, синтетически, а не аналитически.

Между тёми и другими примѣтами, несмотря на очевидное ихъ различіе по происхожденію, существуетъ самая тѣсная связь. Вспомнимъ, что вѣка прошли съ тѣхъ поръ какъ онѣ появились; что въ продолженіи этихъ вѣковъ многія понятія, а съ ними и примѣты измѣнились въ своей формѣ; что церковь, преслѣдуя язычество, истребила множество примѣтъ, въ другихъ существенно переиначила первоначальный характеръ и смыслъ. Кромѣ того, истина и ложь, факты дѣйствительно подмѣченные и вымышленные, такъ перемѣшаны между собою

Digitized by Google

въ первоначальныхъ понятіяхъ и върованіяхъ, что нътъ никакой возможности провести между ними ръзкую, разграничительную черту. Примъровъ и доказательствъ тому множество. Стоитъ только вспомнить пріемы нашей народной медицины. Неръдко при народномъ лъченіи употребляются травы, дъйствительно цълебныя; но употребление ихъ обставлено обрядами и дъйствіями, которые очевидно выросли изъ языческихъ върованій. Откуда взялись они? Разсматривая ближе, мы непремънно найдемъ, что цълебное свойство предметовъ, даже самые предметы -- олицетворены, получили религіозное значеніе и вслъдствіе того имъ приписаны сверхъестественныя свойства. Основаніемъ след. и здёсь служить действительный фактъ, наблюденіе, но преобразованные, искажепные ходомъ развитія почятій первобытнаго человіка, отчего примішалось къ факту иногое такое, чего въ немъ пътъ Тоже повторяется въ цашихъ языческихъ върованіяхъ, обрядахъ и народныхъ праздникахъ. Тоже находимъ и въ примътахъ. Вслъдствіе многочисленныхъ искаженій, которымъ онв подверглись, вслідствіе того, что они возникли не въ одно время и следовательно подъ вліяніемъ различнаго историческаго возраста человъка. весьма трудно, иногда невозможно опредълить, откуда возникла примъта: изъ дъйствительнаго наблюденія и опыта, или изъ священнаго значенія въ язычествъ того предмета, или явленія. къ которому она относится. Часто примъта, повидимому, не что иное, какъ результатъ наблюденій надъ явленіями природы, привычками животныхъ, и т. д., а при ближайшемъ разсмотръніи оказывается, что ее породили не наблюденія, а върованія.

Чтобъ различить однъ примъты отъ другихъ необходимо глубокое и весьма подробное знаніе всъхъ сторонъ нашего древняго язычества и не менъе глубокое знаніе естественныхъ наукъ въ самомъ общирномъ смыслъ. Только съ помощью

этихъ предварительныхъ значій, да и то при тонкой, осторожной критикъ, можно надъяться внести свътъ въ эту область русской археологіи, обильной матеріялами и фактами, для научнаго возстановленія нашего древпъйшаго быта и върованій.

Какъ ни бъдны, ни педостаточны теперешніе наши способы различенія примътъ, все же мы можемъ, хотя приблизительно, раздълить ихъ на двъ большія группы. Одит указываютъ на дъйствительную, или мнимую связь и постоянныя отношенія, существующія, пли предполагаемыя между различными явленіями природы; другія указываютъ на такую же связь между явленіями природы и событіями большею частію случайными въ жизни человтка и парода, или же на связь и отношенія между сими послъдними событіями.

Первыхъ примътъ множество. Большая часть изъ нихъ суть плодъ опыта, наблюденій надъ естественными явленіями: «на молодомъ мъсяцъ рыба клюетъ»; «лошади фыркаютъ передъ дождемъ»; «толкунцы толкутся передъ ведромъ»; «рыба не клюетъ передъ дождемъ»; «курица стоитъ на одной ногъ-стужа будетъ», и т. д. Конечно и между ними есть многія, первоначальнаго происхожденія которыхъ должно искать въ древитишихъ языческихъ представленіяхъ. Не вст онт справедливы; сталобыть не вст объясняются опытомъ, а должны быть объясняемы чъмъ-нибудь другимъ. Предметы, которые въ нихъ упоминаются также заставляють, не безъ основанія, подорѣвать, что если не многія, то по крайней мірів нікоторыя изъ этихъ примітъ имъли первоначально другую форму, носили на себъ болье заивтные признаки языческаго происхожденія, но признаки эти въ последствии сгладились, отчего и приметы потеряли смысль, или получили обманчивое значение. Со всемъ темъ, какъ мы уже замътили, наша археологія покуда слишкомъ необработана, чтобъ умъть разбирать эти стертые гіероглифы и возстановлять ихъ. Со временемъ естествовъдъніе, особливо изученія

нравовъ и привычекъ органическихъ существъ покажутъ намъ, что въ этихъ примътахъ взято изъ наблюденій и что имъетъ другой источникъ. Покуда мы, по необходимости, оставимъ ихъ въ сторонъ, и обратимъ вниманіе на тѣ примъты, въ которыхъ высказывается связь и отношенія между явленіями природы и быта, или между событіями какъ частной, такъ и общественной жизни.

Языческое происхождение примътъ, принадлежащихъ къ этой группъ, не подлежитъ никакому сомивнию. Конечно не всъ образовались и сложились въ язычествъ: многія, по времени, составились очевидно поздите, но смъло можно сказать, что всъ примъты, сюда относящіяся, возникли прямо, или косвенно подъ вліяніемъ языческаго міросозерцанія, проникнуты однимъ духомъ, имъютъ, если можно такъ выразиться, одну общую генеалогію.

Несчастная, хотя и заслуженная судьба постигла ихъ. Церковь, очень хорошо понимая ихъ языческое происхожденіе и значеніе, преслідовала ихъ вмісті съ народными игрищами, обычаями, праздниками и другими аттрибутами язычества. Когда посліднее было ослаблено и окончательно проиграло свое діло, світское образованіе не меніе діятельно стало продолжать діло, начатое церковью. Приміты, вмісті съ другими слідами язычества, быстро изчезають. Уже теперь, даже въ простомъ народі, многія изъ нихъ извістны только старымъ женщинамъ, и перестали существовать для большинства. Еще десятка два літь и останется ихъ очень немного.

Конечно это весьма отрадное и утышительное явленіе. Но нельзя не пожальть, что справедливое пренебреженіе къ этимъ остаткамъ старины не сопровождается равносильнымъ попеченіемъ сохранить ихъ для науки, какъ драгоцыные историческіе памятники не только быта, но и психологическаго

состоянія и развитія иладенчествующаго челов'єка. Прим'єты изчезають быстр'єе, чёмъ записываются — это фактъ неоспоримый. Уже теперь иногое утрачено навсегда; въ картин'є древн'єйшаго быта останутся проб'єлы, которыхъ нельзя будеть наполнить. Потеря невознаградимая, которая вполн'є оцібнится тогда лишь, когда мы поймемъ, какъ первобытная исторія важна для разум'єнія посл'єдующей и теперешней, и бакъ мало мы ее знаемъ.

Огромный отдель приметь, начало которых коренится въ языческихъ върованіяхъ, представляетъ чрезвычайно разнообразное примъненіе язычества въ дъйствительной жизни, въ ежедневномъ и частномъ быту. Это казуистика всъхъ возможныхъ сторонъ язычества, объясняющая его въ подробностяхъ, частностяхъ и этимъ самымъ раскрывающая многое, что истребилось уже въ повърьяхъ, сказаніяхъ, обрядахъ, обычаяхъ и другихъ доживающихъ преданіяхъ незапамятной старины. Примъты относятся къ тысячи предметамъ и явленіямъ для насъ весьма обыкновеннымъ, действіямъ, по теперешнимъ понятіямъ незначительнымъ, или безразличнымъ. Онъ обставляютъ жизнь подробнымъ кодексомъ условій, въ которыхъ она должна совершаться, во всемъ указываютъ непонятную связь, и втрно передають намъ картину того младенческаго состоянія человъка, когда онъ безпрекословно подчинялся окружавшему его міру, смотрѣлъ на него подобострастно, приписывая каждому предмету, явленію, дъйствію жизнь, произвольность, словомъ все, что находилъ въ себъ. Конечно эта жизнь, эта произвольность по его понятіямъ, въ свою очередь, зависъли отъ какой-то высшей, невъдомой силы, и такое представление было весьма естественно въ человъкъ подавленномъ, какъ бы поглощенномъ вившнимъ, окружающимъ его міромъ: онъ не могъ имъть понятія о совершенно добровольномъ движеніи и дъйствованіи, потому что въ дъйствительности и то и другое было ему совершенно неизвъстно. Но представление объ этой высшей, всъмъ управляющей силъ было въ немъ весьма смутно, неопредъленно. Онъ видълъ, ощущалъ ея присутствие и власть только въ явленияхъ исполненныхъ для него сверхъестественнаго значения.

Чтобъ получить хотя поверхностное понятіе о быть, который долженствоваль нькогда сложиться подъ вліяніемъ такого міросозерцанія, и въ свою очередь породиль посліднее, разсмотримъ ньсколько извістныхъ намъ приміть, относящихся къ внішней природі и быту человіка. Ихъ объясненіе будетъ вмість и попыткой возбудить къ этому предмету интересъ, участіе, которыхъ онъ вполні заслуживаетъ.

Всёмъ извёстно какое значеніе имёла ночь во всёхъ мивологіяхъ древняго и новаго міра. Это царство тьмы, злыхъ
п враждебныхъ духовъ, въ противуположность дню, царству
свёта, дёятельности благодётельныхъ силъ и жизни: стоитъ
только вспомнить наши святки и ночь наканунть Ивана Купанышко закатилось—не бросай соръ на улицу—пробросаешься». «Когда солнышко закатилось—не починай новой ковриги:
разстроится богатство». «Не гляди въ окно до утренней зори—
грёшно». Въ этихъ примётахъ высказывается мысль, что дёйствія, предпринятыя при отсутствіи солнца, совершаются подъ
дурными предзнаменованіями, принесутъ несчастіе, или будутъ неудачны.

Дню и ночи соотвътствовали зима и лъто, стужа и тепло. «Если звенить въ правомъ ухъ — тепло будетъ, если въ лъвомъ—стужа будетъ». Оттого другая примъта: «утопленникъ къ стужъ». «Если филинъ сядетъ на крышу дома и станетъ кричать—приключится смерть одному изъ домашнихъ». «Гдъ гнъздятся ласточки—счастливое мъсто». Смыслъ этихъ примътъ понятенъ. Правое сопоставляется хорошему, доброму;

лѣвое — дурному, злому; утопленникъ, погибшій, какъ говорится, не своею смертію, поставленъ въ соотвѣтствіе стужѣ; филинъ, ночная птица—зловѣщее предзнаменованіе; ласточка, провозвѣстница весны — доброе, счастливое предзнаменованіе.

Извъстная примъта: «увидишь народившійся мъсяцъ съ правой стороны—неожиданное будеть тебъ счастіе», по многимъ признакамъ принадлежитъ къ остаткамъ глубокой древности. Во первыхъ, луна была предметомъ обожанія; это видно не только изъ древнъйшихъ свидътельствъ, но и изъ нашихъ живыхъ преданій старины. Въ заговорахъ, отпечатанныхъ г. Сахаровымъ, сохранились остатки языческихъ моленій лунъ: «Мъсяцъ ты, мъсяцъ, серебряные рожки, золотыя твои ножки! Сойди ты, мъсяцъ, сними мою зубную скорбь, унеси боль подъ облака. Моя скорбь ни мада, ни тяжка, а твоя сила могуча. Мит скорби не перенесть, а твоей силт перенесть, и проч. (Сказаній т. І, кн. II. Чернокнижіе, № 15). Отсюда понятно, почему появление мъсяца имъло въ глазахъ нашихъ предковъ таинственное, сверхъестественное дъйствіе на судьбу человъка. Во вторыхъ, не менъе замъчательно, что примъты относятся къ народившемуся молодому мѣсяцу: это тоже черта, указывающая на древивйшія втрованія. Въ заговорахъ нертдко упоминаются «рожки» луны, что показываеть, что съ мольбами обращались къ молодому мъсяцу; кромъ того должно замътить, что первое, новое, впервые рожденное имъло у насъ изстари особенное значение и силу. Такъ въ народъ есть примъта о первоснесенномъ яйцъ: если съ нимъ обойдти загоръвшееся строеніе, то пожаръ не распространится далье, хотя бы не было принято никакихъ предосторожностей. Наконецъ, благопріятное знаменованіе праваго и неблагопріятное лъваго — фактъ, повторяющійся безпрестанно въ нашихъ повърьяхъ. «Если правая ладонь чешется — деньги получать;

если лівая — отдавать». «Если звенить въ правомъ укі — тепло будеть; если въ лівомъ — стужа». По всімъ призна-камъ должно думать, что приміта о місяції по началу своему восходить къ древнійшимъ, языческимъ временамъ; только съ этой точки зрънія она и становится понятной. Быть можеть она образовалась изъ гаданій и прорицаній, имівшихъ въ язычествії религіозное значеніе, которое они въ послідствій утратили.

Но не станемъ вдаваться въ гипотезы. Перейдемъ къ другимъ примътамъ.

Какъ солице, мъсяцъ, звъзды, такъ и огонь имълъ священное значеніе. Роль, которую играли костры въ празднестве накануне Ивана Купалы, доказываеть это несомненно. Но кромъ того, огонь быль предметомъ особеннаго почитанія, какъ принадлежность, символъ и выражение очага — средоточія и важнъйшей части жилья. Въ любопытномъ обрядъ перезыванія домоваго изъ одного жилья въ другое, домоваго представляють горящіе уголья, вынутыя изъ печки оставляе. маго жилища. (См. «Сказаній Русскаго народа» т. ІІ, кн. VII, Народи. дневникъ стр. 54). Отсюда объ огив множество примътъ. Въ нъкоторыхъ мъстахъ вздувая огонь вечеромъ творятъ молитву и крестятся. «Погасъ огонь нечаянно-нечаянный гость будетъ». Близка къ этой другая примъта. «Если погасять нечаянно свъчу — гости будуть». Вследствіе этого значенія очага и огня, горящаго въ очагь, и всь дъйствія, случаи, малъйшія подробности, имъвшія прямое или косвенное отношение къ горънию огня въ очагъ, получили такое же значеніе. «Не клади дрова въ печь востриками-ссора будеть». «Головня упала (изъ печи) нечаянно на шестокъ — нечаянный гость будетъ». «Полено упало (когда несли дрова, на улице или на дворѣ) — чужіе гости будутъ». «Уголь вылетѣлъ изъ топящейся печки — гости будутъ». «Развалились въ печн

дрова — гости будутъ». «Не бей человъка лучиной — чахотка будетъ». «Когда печется хлъбъ — не садись на печь: хлъбъ неудаченъ будетъ» и «не мети въ избъ: спорину выметешь». «Испекутся имянинные хлъбы или пироги хорошо — имянинникъ проживетъ годъ благополучно; неудачно — умретъ». Черные тараканы, любящіе тепло и потому живущіе въ особенности около печки (отсюда тараканъ запечный), именно вслъдствіе этого слывуть въ народъ въстниками счастія: «Въ домъ много черныхъ таракановъ — къ богатству». Убивать ихъ не должно.

Во всёхъ этихъ приметахъ, конечно, многое остается непонятнымъ, по крайней мерт для насъ. Почему погашеніе огня и прибытіе гостей сближается такъ постоянно въ столькихъ приметахъ, мы не беремся объяснить, хотя, въ этомъ нётъ пикакого сомненія, такое сближеніе не даромъ встречается. Какъ бы то ни было, но основная мысль и причина всёхъ приведенныхъ нами приметъ ясна. Гореніе огня въ печкъ имело религіозное значеніе, исполненное таинственнаго смысла. Постороннія занятія въ это время, движенія, въ которыхъ выражалось отсутствіе благоговънія, строго воспрещались, и подвергалить карт невидимыхъ силъ. Все, что происходило отъ горенія и при гореніи, было исполненно смысла и служило предзнаменованіемъ; то, что огонь привлекалъ къ себт, было ему пріятно, и следовательно само, въ свою очередь, отражало на себт сверхъестественный его характеръ.

Мы говорили объ очагъ и его важномъ значеніи въ язычествъ. Такое же значеніе получило жилье и все, что въ немъ находилось, или къ нему принадлежало. Множество примътъ доказываютъ это. «Не стучи ключами—ссора будетъ». «Не играй счетами — ссора будетъ». «Не шагай черезъ коромысло — судороги потянутъ». «Не наступай на помело, и не шагай чрезъ него—судороги потянутъ». «Не клади прялку

на столъ — сорокъ гръховъ наживешь». Прялка непремънный аттрибутъ въдьмы, какъ ступа — бабы-яги. Положить прялку на столъ, мъсто объда, такъ же безчинно, какъ садиться на печь, когда она топится: это величайшее оскорбленіе домашней святыни, особенно по значенію, которое, какъ ны видъли, имъла прялка. Объдъ, равно какъ и вся поваренная и объденная посуда, тоже имъли въ глазахъ нашихъ предковъ религіозное значеніе. Причину отгадать не трудно. Общественные (пірскіе) и семейные столы находились въ неразрывной связи съ жертвоприношеніями; отъ последнихъ перешло оно и къ обыкновенному объду, объденной и поваренной посудъ. «Перекрестившись послъ стола, не садись опять ъстькрестники умрутъ». «Не выходи изъ-за стола въ другую сторону (въ противоположную той, куда зашелъ) — заблудишься» «Не стели скатерть (на столъ) вдвое—двойниковъ принесешь». «Зубы (во время ъды) заскрипъли-на чужой хлъбъ». Далъе: «Не оставляй на ночь на столь ножъ — лукавый зарыжеть». Извъстно гаданіе о суженомъ на святкахъ: дъвушка накрываетъ на столъ, кладетъ на немъ приборъ и садится къ зеркалу, ожидая суженаго. Когда онъ придетъ, нужно произнести заклинаніе, чтобъ онъ не заръзаль ножемъ. «Ложкой въ край чашки не стучи-ссора будетъ». «Мутовкой въ край квашни, чашки, и т. п. не стучи - ссора будетъ».

Значеніе порога также всёмъ извъстно. «Черезъ порогъ не здоровайся — разсоритесь». «Не садись на порогъ — женихъ или невъста воротятся (т. е. бракъ не состоится)». Въ этихъ примътахъ сохраняется воспоминаніе о прежней отдъльности, обособленности, замкнутости жилищъ. Находиться съ къмъ либо въ сношеніяхъ черезъ порогъ, значитъ обращаться съ нимъ какъ съ чужимъ, т. е. врагомъ. Наравнъ съ помеломъ имъло особенное значеніе и метеніе. «Не мети вдругъ вездъ (напримъръ въ избъ, и въ тоже время въ горницъ) — разой-

дется богатство». «Въ одной избъ не мети многими вънинами— разойдется по угламъ богатство». «Мети избу чище — попадется хорошій женихъ».

Если вст неодушевленныя принадлежности жилья имтязычествъ религіозный характеръ, то тъмъ болъе живыя существа, принадлежащія къ дому, живущія во дворъ, полезныя для человъка. Вотъ нъсколько примъровъ. «Когда кошка чихнула — скажи здравствуй: зубы не заболять». «Кошка загребаеть лапами-гости будуть». Кошка, повидимому, действовала подъ наитіемъ злыхъ духовъ, что легко объясняется изъ свойствъ этого животнаго, ея зоркости, бдительности ночью, въ темнотъ, и т. д. Нельзя возить кошекъ на лошадяхъ последнія отъ того сохнуть. Вспомнимъ также, что изъ черной кошки вываривается, съ разными таинственными обрядами, костка невидимка. «Не пихай собак у-судороги потянутъ». «Собака потянулась на человъкакорысть будеть (такая же примъта есть и о «кошкъ)». «Собака лаетъ передъ домомъ къ низу-покойникъ будетъ; къ верхупожаръ будетъ»; или «собака воетъ поднявъ голову къ верхубудеть неурожай хльба; опустивь къ низу — будеть бользнь, отъ которой умрутъ многіе». — «Не пихай свинью — своробъ выступитъ».

Но особенно важную роль играютъ въ нашихъ народныхъ суевъріяхъ пътухъ и курица. Изъ разныхъ повърій и примътъ объ этой птицъ можно составить цълую весьма интересную и для нашей археологіи важную монографію. Въ свадебномъ обрядъ курица играетъ замъчательную роль. Ее приносятъ къ священнику, или помъщику, прося позволенія женить сына; курицу въ разныхъ видахъ полюютъ молодымъ въ день свадьбы; употребленіе въ пищу именно этой птицы въ торжественномъ обрядъ, каковъ свадебный, указываетъ на совершавшееся въ это время въ язычествъ жертвоприношеніе курицы.

Но кому? Кажется домовому. На эту догадку невольно наводитъ странный обычай, соблюдаемый въ нёкоторыхъ мёстностяхъ Россіи на свадебныхъ обрядахъ: когда молодые входятъ въ избу, въ домъ новобрачнаго, одна изъ старшихъ женщинъ (не помнимъ, его мать, сваха, или другая) тайно отъ всёхъ бросаетъ подъ печку жареную курицу, чтобы молодые были счастливы и богаты.

Въ народномъ дневникъ г. Сахарова читаемъ, что 28 января усмиряютъ домоваго кудесами. Кудесы заключаются въ томъ, что колдунъ, въ самую полночь, зарѣзываетъ пѣтуха, выпускаетъ кровь на голикъ, и выметаетъ имъ всѣ углы въ избѣ и на дворѣ съ причитаніемъ заговоровъ. Въ Вологодской губерніи простой народъ думаетъ, что ѣсть пѣтуховъ — грѣшно. Послѣ всего сказаннаго было бы странно, еслибъ эта птица была забыта въ примѣтахъ. Повѣрье, что кто кралъ куръ—у того руки трясутся—вовсе не было шуткой въ устахъ нашихъ предковъ-язычниковъ. При ихъ понятіяхъ это повѣрье имѣло полный смыслъ, проистекавшій изъ значенія курицы.

Весьма замѣчательная также примѣта: «Солома пристанетъ къ хвосту курицы—въ домѣ покойникъ будетъ». Солома имѣла какое-то значеніе въ языческихъ празднествахъ въ честь умершихъ. «Въ великій четвертокъ, — сказано въ Стоглавѣ (вопр. 26), — по рану солому палятъ и кличютъ мертвыхъ». Замѣтимъ также, что на Семицкой педѣлѣ, въ которую совершались поминки, совершались и проводы русалокъ, и русалку представляла въ этомъ обрядѣ соломенная чучела.

Довольно этихъ нъсколькихъ примъровъ, чтобъ убъдиться, что примъты, по видимому безсмысленныя и совершенно произвольно выдуманныя, коренятся, по своему происхожденію, въ языческомъ быть и върованіяхъ, и въ этой сферь нахо-

дятъ подное объясненіе, и сами, въ свою очередь, поясняютъ и дополняютъ въ ней многое. Конечно примъты нелъпость съ догматической точки зрънія. Но странно и смотръть на нихъ — такимъ образомъ. Историческія эпохи, дъятелей мы не судимъ же съ точки зрънія современныхъ намъ понятій и требованій, а переносимся въ ихъ время, подводимъ ихъ подъ мърило, которое даетъ намъ ихъ эпоха. Такъ же должно поступать и въ отношеніи къ преданіямъ, повърьямъ, памятникамъ, которые только тогда и дълаются понятными, когда станемъ разсматривать ихъ въ связи съ тъми историческими данными, посреди которыхъ они образовались, имъли значеніе и смыслъ.

Основаніе всёхъ примётъ языческаго происхожденія — таинственное свойство предметовъ, явленій, дёйствій или событій, или самихъ по себё, или по ближайшему отношенію, связи ихъ съ другими предметами или явленіями, которыя почитались нёкогда священными. Это свойство заключалось въ ихъ зависимости отъ высшей силы. Оттого они не были случайны или произвольны, и имёли для человёка значеніе прорицаній или предзнаменованій, хорошихъ или дурныхъ, смотря по предмету, явленію или дёйствію. Вотъ почему многія примёты имёютъ характеръ прорицаній, сентенцій, или служили текстомъ для гаданій, или для узнанія неизвёстнаго.

Въ заключение замътимъ, что таинственное отношение между различными явлениями и предметами нравственнаго и физическаго міра, на которое указываютъ примъты, весьма часто ограничивается одной внъшней или случайной аналогіей, вполнъ высказывающей младенческія понятія человъка. Стукъ ключей, иутовки и шумъ отъ ссоры; загребанье кошки лапами, напоминающее движеніе, когда манимъ кого-нибудь къ себъ, могутъ служить примърами этой дътской аналогіи. При-

Digitized by Google

ступая къ объясненію примъть, прежде всего должно опредълить предметь, къ которому онъ относятся и значеніе, которое онъ имъль или могь имъть въ языческомъ быту. Это первое и главное, иногда довольно трудное: остальное понять легко. Философскія схемы, общія начала и воззрѣнія, глубокомысленныя аналогіи туть не у мѣста; предметь такъ не хитеръ и не сложенъ, что можно впасть въ смѣшныя, иногда вредныя для нашей археологіи ошибки, приступая къ нему во всеоружія высшей, философской критики.

0 въдунъ и въдьмъ.

(ПО ПОВОДУ СТАТЬЕ Г. АӨАНАСЬЕВА, НАПЕЧАТАННОЙ ПОДЪ ЭТИМЪ ЖЕ ЗАГЛАВІЕМЪ ВЪ АЛЬМАНАХВ «КОМЕТА».)

Статья г. Асанасьева «О Вёдунё и Вёдьмё» чрезвычайно интересна. Несмотря на то, что предметь, повидимому, знакомъ всёмъ и каждому, кто живаль въ деревнё и хоть сколько нибудь прислушивался къ нашимъ простонароднымъ повёрьямъ, въ немъ много такого, надъ чёмъ можно подумать. До сихъ поръ монографій о вёдьмё и вёдунё у насъ не было. Г. Асанасьевъ впервые тщательно свелъ объ этомъ предметё множество данныхъ, разсёянныхъ въ разныхъ источникахъ, и первый представилъ опытъ научнаго изслёдованія дёла. Это неотъемлемая заслуга автора.

«Много мионческих» образовъ (говоритъ г. Асанасьевъ) создалось народними повърьями; однако всъ они, несмотря на свой антропоморфизмъ, болъе или менъе сливаются съ различными частями природы неодущевленной, со стихіями огня, свъта, воды; всъ оня болъе или менъе удалены отъ человъка. Не такъ представляетъ себъ народъ въдуна и въдьму. И тотъ и другая не являются въ недоступной таинственности; напротивъ, простолюдинъ илъ близко знаетъ и входитъ съ ними въ частыя столкновения; онъ даже укажетъ на извъстныя лица своей деревни, какъ на въдуна и въдьму, и посовътуетъ илъ остерегаться. И въдунъ и въдьма живутъ между людьми и ничъмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ людей» (стр. 89).

Что жь такое и въдунъ и въдьма? Откуда взялось въ народъ это представление? Отвътъ находимъ на стр. 98—106. Приведемъ несколько местъ, всего ближе объясняющихъ взглядъ автора на происхождение и значение ведуна и ведьмы.

•...Преданья и повърья очень ясно указывають, что нъкогда колдуны и въдьмы, и именно въ язычествъ, имъли значение не только благотворное, но и богослужебное, т. е. по преданьямъ и повърьямъ они являются служителями боговъ свътлыхъ, чистыхъ.

- Вст разсмотрънныя нами данныя приводять къ тому заключенію, что у Славянъ были свои служители боговъ — и мужчины и женщины, и въдуны и въдуны. Но какое они имъли значеніе среди славянскихъ общинъ? составляли ль особенный классъ или нътъ? какое занимали мъсто въ совершеніи религіозныхъ обрядовъ? Къ какой эпохъ, наконецъ, надо отнести появленіе этихъ ляць — въ исторія славянскаго язычества?

•Отправление богослужения и приношение жертвъ первоначально принадлежало главъ рода или семьи слъдовательно, старшими, будуть ли это мущины или женщины — все равно. Съ перепесеніемъ верховнаго значенія родоначальника на князей, отправленіе богослуженія перешло къ этимъ посліднимъ, разумъя богослужение общинное, публичное, Родоначальники отдъльныхъ родовъ и даже отцы семействъ удерживали, по прежнему, свое священное значеніе, но только въ кругу своего отдёльнаго грода и семьи. Но верховнымъ жрецомъ, священнослужителемъ для цълой общины, соединившей въ себъ многія племена и роды, быль князь, хотя онь и обязань быль ръшать всв религіозные вопросы сообща съ стариками. Отсюда объясняются слова Нестора о совъщании Владимира Великаго съ старцами и боярами относительно измітненія віры, о приговорі старцевь бросить жребій на отрока и дівнцудля принесенія богамь въ жертву. Вибстб съ постепеннымъ развитіемъ общиннаго быта у Славянъ, витстъ съ утвержденіемъ княжескаго управленія, необходимо начинаетъ развиваться и публичный характеръ ихъ богослуженія, празднествъ и игрищъ религіозныхъ. На игрища и празднества роды начинають сходиться «межи селы» и совершають ихъ вмёстё; божества, воплотившіяся въ образы человіческіе, изображаются въ истуканахъ (кумирахъ), которые поставляются на открытыхъ, для народнаго поклоненія, мъстахъ. Въ это время становится необходимымъ, чтобъ выдълились изъ общей массы народа люди, которымъ можно бъ было ввърить надзоръ за чистотою священныхъ мъсть и охранение кумировъ отъ вивщнихъ физическихъ влияний. Сверхъ того, къ этой эпохъ взыческого развитія, когда богослуженіе начинаеть принимать характеръ общественности, публичности-относится начало затемивнія мисовъ и образование тапиственнаго религиознаго языка. Прежде и мисъ быль общедоступень, и языкь, которымь выражался, его мысль и его соотношенія съ другими минами — для всякаго понятенъ. Но когда божества изъ простыхъ явленій природы облекаются въ человічноскія формы, получають

субъективность и всв человвческія страсти и побужденія, тогда мись затемняется, и тв выраженія, которыя понятны въ приложенія къ простому явленію природы, дъляются загадочными въ отношении къ его персонификации. Языкъ религіозный принимаеть характерь таниственный: является заговорь и загадка. Знать смыслъ мнеовъ язычества, понимать языкъ заговоровъ и загадокъ уже не могуть всв, а только некоторые избранные, посвятившие себя этому священному вюдюнію, знанію. Мало-по-малу, путемъ чисто фактическимъ, начинаютъ выдъляться изъ народа люди, одаренные большими способностями и пользующіеся потому большимъ вліяніемъ. Двиствуя болве или менъе подъ религіознымъ увлеченіемъ, они являются народными учителями и предвъщателями: виъ понятенъ смыслъ древнихъ миновъ и религіознаго языка, они въ силахъ разгадывать и объяснять всякія примъты и гаданія, они знають тамиственную смау травъ и очищеній, они могуть совершать все чародійною силою заговора. Это-въдуны и въдуныя, волхвы или кудесники и кудесницы. Въ народъ раждается убъждение, что они, какъ близкие къ божестванъ и понимающіе ихъ знаменія, одарены даромъ предвидёнія, знають волю боговь и могуть открывать правду. Въдунь, сабдовательно, есть тоть, кто болбе знаеть религіозныя тайны, кто дарованіями своими (умомъ, рівчью, поэтическимъ даромъ) возвышается надъ всъми другими. Къ подобнымъ вющимо людямъ и начинаетъ прибъгать народъ въ нуждъ, для испрошенія помощи и совъта. Помощь втдуна и втдуные состояла въ томъ, что они возносили богамъ молитвы и приносили жертвы, ибо имъ извъстна была могучая сила мольбы (въ посабдствін-заговоровъ, нашептываній и заклятій), жертвы (въ посабдствін-чаръ) и связанныхъ съ ними очищеній. Въдуны нисколько не ившали религіозно-богослужебному значенію родоначальниковь; тв и другіе не исключають взанино себя, и одинаково пользуются народнымь уважениемь, тъмъ болве, что нервоначально въдуны выдъляются изъ числа тъхъ же стариковъ, начальниковъ родовъ и семей, и особенияго класса не составляютъ. За такое же положеніе говорять даже современныя представленія колдуна и въдьмы и всв преданія и повърья, имбющія соотношенія съ древничь языческимъ богослужениемъ. Въ народъ даже существуетъ убъждение, что тайная наука волшебства хранится въ семействахъ, передаваясь изъ роду въ родъ, отъ отца къ сыну. Первое извёстие о волхвахъ-кудесникахъ находимъ въ лётописи, въ разсказъ о княжени Олега; слъдовательно, появление волхвовъ совпадаетъ съ извъстіемъ о кумирахъ. Въ последствін, изъ волхвовъ должно было образоваться сословіе жерецово, въ томъ смысль, какъ мы теперь понимаемъ это слово. Въ старинномъ нашемъ языкъ слово жерець было извъстно. Кириллъ Туровскій говорить въ одномъ словь: «не окропиша его завистивіи жърци»; Іоакимовская автопись также упоминаеть о жрецахь; но какъ понимать эти мъста? Жрецъ здъсь-особенное название волхва, и ему принадлежало то же значеніе, что в волхву. Приписывать нашимъ Славянамъ отдёльное сословіе

(классъ) жрецовъ, какъ это было у другихъ народовъ, имъвшихъ вполив развитую минологію, не позволяють всв достоверныя известія о ихъ бытв. Филологически слова экрець и волжев - тождественны; они оба указывають только на одну сторону языческаго богослуженія, на служеніе огню в сожженіе жертвъ, какъ другія синонимическія названія указывають на другія стороны богослуженія. Впрочень, колдунь также означаеть жертвоприносителя; а кудесами называются: а) коледа, праздникъ, въ которое совершалось закланіе свиньи, и b) жертва домовому. Съ большимъ развитіемъ публичнаго характера въ языческомъ богослужения Славянъ, волхвы могли бы усвоить себъ религіозное значеніе исключительно и образовать отдъльное сословіе (классъ); но такой переворотъ въ религи требовалъ медленнаго, долгаго процесса, который далеко не успъль совершиться, когда появилось на Руси христіянство. Вообще надо зам'ятить, что конечное развитіе язычества у нась представляется въ тъхъ неустановившихся формахъ, которыя прямо говорять объ его переходномъ состоянін изъ религіи отдёльныхъ родовъ и племенъ въ религію публичную, общинную (стр. 102-106).

Вотъ какъ авторъ смотритъ на предметъ. Вся статья есть не что иное, какъ развитіе этой мысли въ частныхъ ея выраженіяхъ и примъненіяхъ.

При всемъ уваженій къ знаніямъ и несомнѣнному таланту г. Аванасьева, доказаннымъ многими прекрасными трудами по русской исторіи, мы несогласны съ нимъ въ основной мысли его статьи, не согласны и во многихъ частностяхъ.

Что касается до основной мысли, то она намъ кажется несовствить втрною, потому что предполагаетть степень развитія
явыческихть религіозныхть втрованій гораздо высшую той, до
которой, по нашему митнію, достигло язычество Славянть, вть
особенности русскихть. Втдуны и втдымы, по словамть г. Аванасьева, были жрецы и жрицы, и притомть боговть свттлыхть.
Для этого нужно было бы по крайней мтрт указать, какіе это
были боги, и разрашить вопрость, усптло ли у насть язычество
развиться до поклоненія богамть, то есть до изображенія боговть вт искусственныхть образахть, до потроенія имть капищть
и до полнаго языческаго богослуженія. Вопрость этотть намъкажется еще далеко нертшенымть. Мы знаемть, что говоритть

о нихъ лѣтопись Несторова, но свидѣтельство ея еще не уяснено критически; и на основаніи того, что она говорить, столько же есть основанія считать боговъ, изчисленныхъ у Нестора туземными, сколько признавать ихъ нетуземными. Правда, нѣкоторыя славянскія племена сохранили и до сихъ поръ воспоминаніе о Перунѣ и Волосѣ; за то другіе, именно Славяне великорусскіе, не сохранили ни о нихъ, ни о другихъ языческихъ богахъ никакихъ воспоминаній. А между тѣмъ повѣрья о вѣдунѣ и вѣдьмѣ распространены всюду и живо сохранились до сихъ поръ. Не доказываетъ ли это, что вѣдьмы и вѣдуны не имѣли необходимой, тѣсной связи съ поклоненіемъ языческимъ богамъ? Не ясно ли отсюда, что эти вѣрованія должны были вмѣть другое значеніе и происхожденіе, кромѣ собственно богослужебнаго?

Г. Аванасьевъ говоритъ, что въдьмы и въдуны были жрецами боговъ чистыхъ, свътлыхъ. Мы прочли съ большимъ вниманиемъ всъ доводы въ пользу этого мижнія, такъ добросовъстно и тщательно собранные въ разсматриваемой нами статьъ, и признаемся, не нашли ни одного доказательства въ пользу этого мивнія. Выдьмы и выдуны находятся вы сношеніяхъ съ таинственными силами, невидимыми духами, и съ помощью ихъ приносять людямь и пользу и вредъ: воть что ясно, что несомнънно. Но какія именно эти силы, какіе эти духиэтого нигдъ, ни изъ чего не видно. Повърья приписываютъ въдьмамъ и въдунамъ разныя нехорошія дъла: порчу, отраву, заданваніе коровъ, обращеніе дюдей въ животныхъ злыхъ, напримітрь, въ волковь; приписывають рядомь съ темь и благодътельныя дъйствія: лъченіе бользней, огражденіе отъ порчи и чаръ, отыскивание покражи и вора и т. д. Витсто того, чтобъ принять фактъ какъ онъ есть, г. Аванасьевъ приноровляеть его довольно произвольно къ своей любимой мысли: то объясняетъ враждебное значение въдуновъ и въдъмъ вліяніемъ христіянства, которое непріязненно смотръло на остатки язычества; то затемитніемъ древитишихъ миновъ, вслідствіе котораго, будто бы, значение ихъ стало представляться въ превратномъ видъ; то, наконецъ, позднимъ образованіемъ нъкоторыхъ повърій о нихъ. Все это-натяжки, ковлекшія автора въ лабиринтъ толкованій и предположеній, какъ намъ кажется, совершенно произвольныхъ. Мы скажемъ и о нихъ въ своемъ мъстъ; здъсь замътимъ только, что нътъ основанія заподозръвать преданіе о благодітельном и вредном вліяній колдуновь и ведьмъ на человека, потому что безъ явныхъ натяжекъ нетъ никакой возможности признать одни изъ нихъ древивишаго, другія — новъйшаго образованія. Что къ нимъ есть новыя приставки, что нъкоторыя второстепенныя повърья, связующіяся съ другими, выведены изъ последнихъ въ новейшее время это, кажется, безспорно. Но, повторяемъ, отвергать цълый рядъ повърій о враждебномъ значеніи колдуновъ и въдьмъ нельзя. Ихъ первоначальность и древность столько же очевидны, какъ и повърій, приписывающихъ колдунамъ и въдьмамъ благодътельное дъйствіе. Притомъ, мы не видимъ въ статьъ г. Аванасьева предварительнаго критическаго изслъдованія, которое давало бы ему право дёлать такое различіе между повърьями. Онъ прямо высказываетъ извъстный ваглядъ и подъ него подводитъ факты, что, конечно, неправильно. Этотъ недостатокъ происходитъ, какъ мы думаемъ, отъ отсутствія метода въ вего изследованіяхъ. Г. Аванасьевъ повидимому не старался уяснить себѣ ходъ и постепенность развитія язычества у Славянъ, тогда какъ въ его изследованіи, обращенномъ на повърья разныхъ временъ и эпохъ, возникшія подъ самыми разнородными условіями, общій взглядъ быль совершенно необходимъ. Отсутствіе этого взгляда замітно отзывается въ его, впрочемъ, прекрасномъ трудъ. Перейдемъ теперь къ частностямъ и отдельнымъ заметкамъ.

«Народныя повърья (говоритъ г. Аванасьевъ) приписываютъ въдьмамъ и колдунамъ: 1) полеты на Лысую гору, 2) скрадываніе свътиль и доеніе коровь, и 3) превращеніе» (стр. 107). Затыть начинается изследование этихъ различныхъ аттрибутовъ ведимъ. Прежде всего мы встречаемъ здесь довольно натянутое объясненіе, почему в'тдупы представлялись стариками, ведьмы — и старухами и молодыми. Это потому, говоритъ авторъ, «что языческое богослужение и жертвоприношенія совершались старшими въ родъ, стариками и старухами, чи что во всёхъ (?) религіозныхъ обрядахъ дёвы принимали живое и непремънное (?) участіе. Священно-служебное значение старъйшихъ вполнъ объясняется родовымъ, патріархальнымъ бытомъ Славянъ, а священно-служебное значение дъвъ--самымъ характеромъ язычества, которое выше всего поставляло творческую силу молодости, красоты и плодородія... Полнота девственныхъ силъ, объщающихъ развитіе новой, юной жизни, не могла не вызвать особеннаго уваженія (?) и -сочувствія».

Противъ этого можно сказать многое. Еслибъ повърье, что въдьмы и въдуны—старики и старухи, было въ связи съ родовымъ характеромъ язычества, то всъ старшіе въ родъ почитались бы въдунами и въдьмами. Однако это не такъ. Между тъмъ мы знаемъ, что множество обрядовъ совершалось въ домъ непремънно стариками, того или другаго пола, и г. Аванасьевъ совершенно правъ, говоря, что язычество Славянъ имъло первоначально родовой характеръ. Слъды этого сохранились, и довольно живо. Что жь слъдуетъ отсюда? То, что въдьмы и въдуны не входили въ разрядъ обыкновенныхъ жрецовъ и жрицъ (если и допустить, что жрецы и жрицы дъйствительно существовали у насъ когда то, въ чемъ мы позволимъ себъ сомиъваться), но составляли нъчто особенное, выходящее изъ обыкновеннаго порядка. Потомъ, странно, ка-

кимъ образомъ г. Аванасьевъ смешиваетъ девъ и молодыхъ женщинъ, говоря о въдьмахъ? Тъ и другія во всъхъ обрядахъ раздичаются, и роль ихъ въ язычествъ далеко не была одинакова. Наконецъ, признаемся, для насъ совершенно непоиятна фраза, что «язычество выше всего поставляло творческую силу молодости, красоты и плодородія». Язычество, прежде всего, поставляло весьма высоко все то, что имело большее или меньшее вліяніе на бытъ и судьбу человіка, и степень почитанія соотвітствовала степени вліянія. Плодо родіе и безплодіе, свътъ и мракъ, лъто и зима, ночь и деньвъ этомъ отношеній были равно почитаемы язычниками, да иначе и не могло быть. Что жь касается до символическаго объясненія мнимаго уваженія и сочувствія къ дъвъ у Славанъязычниковъ, то оно намъ потому кажется весьма далекимъ отъ истины, что вовсе нейдетъ къ характеру и степени развитія славянскаго язычества. Последнее, по всемъ даннымъ, едва-едва начинало выходить изъ непосредственнаго обожанія видимой природы, не успъло даже создать опредъленныхъ образовъ для невидимыхъ дъятелей. Какъ же могло быть при этомъ символическое развитіе върованій?

Последнее замечание еще въ большей мере относится къ объяснению поверья о доении ведьмами коровъ, лошадей и овецъ. Авторъ весьма подробно и учено выводитъ, что божества света олицетворены были въ образе коровъ во многихъ языческихъ религіяхъ, особенно въ индійской, и у Славянъ тоже. Поэтому поверье о доеніи коровъ ведьмами не должно принимать буквально: это есть не что иное, какъ затемненный позднейшими переделками мисъ о томъ, что ведьмы (то есть жрицы) своими жертвоприношеніями и мольбами призывали на землю плодотворные лучи солнца и дождь, даръ божествъ светлыхъ... Изумительный tour de force учености, свидътельствующій только о томъ, какъ могуть увлекаться дель-

ные и талантливые изследователи, когда погружаются въ мракъ до-историческихъ преданій безъ путеводной нити общаго взгляда и строгаго метода! Простота, непосредственность, первоначальность нашихъ повтрій опровергаютъ это хитрое объяснение сами собою, безъ всякаго аппарата учености и критики. Гдв, въ которомъ изъ нашихъ народныхъ повърій можно встретить подобные символы? Все эти поверья объясняются житейскими фактами, явленіями природы: непосредственный ихъ смыслъ — всегда ближайшій и върнъйшій. И въ этой-то самой первобытной языческой религи изъ встхъ намъ досель извъстныхъ у народовъ индо-европейскаго племени, авторъ съумблъ отыскать философскій мноъ. Удивительно! Авторъ обращается къ индійскимъ върованіямъ, чтобъ объяснить повърье о доеніи коровъ. Не знаемъ, почему онъ, прежде чемь пустился въ этотъ обманчивый и сомнительный путь, на которомъ заблудилось столько талантливыхъ нашихъ ученыхъ, зачъмъ, говоримъ мы, не осмотрълся онъ около себя поближе, по тому правилу, что русское повърье правильнъе объяснить русскимъ бытомъ, чёмъ индійскимъ или другимъ. Еслибъ онъ это сдълаль, онъ нашель бы весьма простое объясненіе и повърья о доеніи коровъ въдьмами и колдунами. Въ «Земледельческомъ Календаре» г. Э. Рудольфа, примененномъ къ хозяйству съверной и средней полосъ Россіи (изд. 2-е, Спб., 1849), читаемъ —

Подъ мъсяцемъ декабремъ: «Дознано опытомъ, что животныя, поставленныя во дворъ, и нячъмъ не обезпокомваемыя, лучше отъъдаются (при одинаковомъ кориленіи), чъмъ животныя, кориящіяся на пастбищахъ» (стр. 298).

Подъ мъсяцемъ январемъ: «Для распложенія или для приплода лучшіе телята тъ, которые родятся въ январъ и февралъ, и лучше пусть теленіе будетъ ранъе этихъ мъсяцевъ, чъмъ позже» (стр. 306).

Подъ мѣсяцемъ апрѣлемъ: «Рогатый скотъ можно въконцѣ апрѣля выпускать на паству; но рѣдко случаются такію годы, въ которые опъ могъ бы наѣдаться до сыта прежде первыхъ чиселъ мая» (стр. 20). «Природное побужденіе животныхъ къ отыскиванію, по волѣ, свѣжаго корма оказывается въ апрѣлѣ столь сильно, что одно лишь задаваніе лучшаго корма и приправленіе его солью можетъ производить одинаковое состояніе животныхъ съ тѣиъ, въ какомъ они находились прежде» (тамъ же). «Если рогатый скотъ въ апрѣлѣ линяетъ или уже вылиняль прежде, то это знакъ, что уходъ за скотомъ хорошъ, и можно быть увѣреннымъ, что и доходъ отъ него будетъ хорошій» (стр. 22).

Подъ мѣсяцемъ і ю не мъ: «Наибольшее количество доброкачественнаго молока надоивается отъ тѣхъ коровъ, которыя не только продовольствуются изобильнымъ и питательнымъ кормомъ, но которыя, при съѣданіи этого корма, употребляютъ мало усилія и времени, и которыя большую часть времени проводятъ въ совершенномъ покоѣ. На этомъ явленіи основано замѣчаніе, что молочный скотъ, кормящійся круглый годъ на стойлѣ, даетъ наибольшее количество молока» (стр. 141).

Подъ тъмъ же мъсяцемъ: «Въ концъ іюня, когда всъ травы въ совершенномъ ихъ развитіи, и скотъ на привольныхъ пажитяхъ, даже и послъ зимней безкормицы и сопряженнаго съ симъ безсилія, отгуляется... когда скотъ наъдается совершенно, и на пастьот находитъ не только достаточную, но изобильную пищу: то съъдаемый имъ кормъ можетъ оказывать полное дъйствіе на тъ произведенія, которыя потребуются содержателями скота. Въ іюнъ мъсяцъ должно обратить особенное вниманіе на молочные скопы»... (стр. 139 и 140).

Подъ мъсяцемъ і ю лемъ: «Пастьба скота становится весьма обильною по уборкъ съ луговъ съна; но гдъ нътъ вблизи лъсовъ, въ которыхъ бы скотъ могъ найдти защиту отъ паля-

щихъ лучей солнца, тамъ должно его въ полдень съ пастьбы пригонять домой... Кто, живя въ деревнъ, не замъчалъ, съ какимъ наслажденіемъ домашній скотъ, кромъ овецъ, по цълымъ часамъ стоитъ въ водъ! Это освъженіе ему необходимо, и гдъ эта потребность не удовлетворяется, тамъ бываютъ разныя болъзни, каковы: ящуръ, копытная зараза, сибирская язва и пр.» (стр. 182).

Довольно этихъ выписокъ. Онъ достаточно показываютъ, что времена года, къ которымъ повтрыя относятъ преимущественно доеніе коровъ въдьмами, суть витстт важныя эпохи въ годичной жизни этого, столько полезнаго въ крестьянскомъ быту домашняго животнаго. Въ апрълъ корову впервые вынускають на пастьбу; къ этому времени за нею долженъ быть особенно тщательный уходъ; къ тому же времени относится случка и линянье рогатаго скота. Въ конце іюня корова даетъ отличное и обильное молоко; въ іюль, отъ сильнаго жара, она подвержена бользнямь; въ декабръ откармливаютъ скотъ; въ январт или февралт коровы телятся. Вообще же зимою коровы, содержимыя въ хлевахъ и теплыхъ закутахъ, даютъ обильное и хорошаго качества молоко. Не проще ли этимъ образомъ жизни коровы, этими данными нашего крестьянского домоводства, объяснить повърья, которыя кажутся столь темными и загадочными г. Аванасьеву? Наши предки-язычники не понимали причинъ естественныхъ явленій и не знали, какъ ихъ устранить или, напротивъ, вызвать. Оттого они и приписали ихъ таинственнымъ дъятелямъ; вредныя — враждебнымъ силамъ, или дъйствію злыхъ людей. Попробуйте похвалить здоровое дитя: нянька, если она придерживается предразсудковъ, прійдеть въ ужась; ей будеть мерещиться порча, и заболи, набъду, ребенокъ - навърное вы его сглазили. Точно такъ же боятся крестьяне въ іюнъ, что въдьмы задоятъ коровъ: въ это время коровы богаты хорошимъ молокомъ. А бользии, чахлостья

41

скота, чему же могли приписать язычники, какъ не порчъ? Такой же опасности подвергалась скотина и въ то время, когда телилась, и т. д. Замътимъ кстати, что доятъ коровъ только въдьмы, а не колдуны. Послъдніе и вовкулаки сосутъ, а не доятъ коровъ. Это потому, что доятъ коровъ, по нашимъ обычаямъ, только женщины, такъ что мущины, принимаясь за это бабье дъло, надъваютъ непремънно на голову платокъ, чтобъ вмъть видъ женщины.

Признаемся, насъ столько жь удивило натянутое объяснение повърья о доени коровъ, данное г. Аванасьевымъ, сколько и странное упущение изъ виду самаго простаго, ближайшаго его смысла.

На стр. 111—127 авторъ подробно объясняетъ значеніе повтрыя, что втдымы и колдуны два раза въ году летаютъ на шабашъ, на Лысую гору. Нельзя не отдать полной справе. дливости тому тщанію и добросовъстности, съ которыми изложены и разсмотръны всъ данныя, сюда относящіяся, и ни одинъ не оставленъ безъ толкованія и критическаго разбора. Къ сожалению, мы и здесь не можемъ согласиться съ авторомъ ни въ общемъ, ни въ частностяхъ. Г. Аванасьевъ думаетъ, что въ этомъ преданіи сохраняется воспоминаніе о двухъ языческихъ празднествахъ, совершавшихся въ незапамятныя времена и соотвътствующихъ Коледъ и Купалъ. Мивніе это кажется весьма правдоподобнымъ. Но когда авторъ прибавляетъ къ этому, что на Лысой горъ совершались языческія богослуженія и жертвоприношенія, и весьма подробно выводить это изъ разныхъ обстоятельствъ, сопровождающихъ, по народнымъ поверьямъ, полеты ведьмъ, то трудно съ нимъ согласиться, потому что опъ очевидно увлекается своею любимою мыслью и, такъ сказать, пріурочиваетъ эти повірья къ такой эпохѣ развитія язычества, до которой у Славянъ оно не успело развиться. Поверье о полеть ведьмъ просто говорить,

что колдуны и въдьмы собираются на Лысую гору для совъщаній и общаго веселья, для пиршества. Гдв же туть богослуженіе, гдъ жертвоприношеніе? Совъщаются колдуны и въдьмы, какъ видно изъ приведенныхъ авторомъ повърій, на пагубу людей и домашнихъ животныхъ. Тутъ — ни тъни богослуженія. Общее же веселье и пиршество (гулянье), очевидно, языческое игрище. Игрище безспорно могло имъть богослужебное значение у язычниковъ. Но какое? Въ разныя эпохи развитія языческихъ върованій оно бываетъ различное. Въ языческихъ религіяхъ, болье развитыхъ, игрище есть принадлежность богослуженія; въ религіяхъ болье древнихъ оно есть только зародышъ последняго, а прямой его смыслъ и значеніе — непосредственное выраженіе чувствъ и ощущеній. На этой степени развитія игрище — не обрядъ, а фактъ безсознательный. Таковы были первоначально многіе хороводы, таковы были тризны и другіе циры; таковы могли быть отчасти игрища, упоминаемыя Несторомъ при описаніи русскославянскихъ племенъ. Игрище въдьмъ и колдуновъ на Лысой горъ имъетъ, очевидно, соотвътствіе съ купальскими игрищами, въ которыхъ не видно следовъ богослужения. Не имъя положительныхъ доказательствъ, что у нашихъ предковъязычниковъ были боги, и, по общему характеру и свойству ихъ языческихъ повърій, считая невъроятнымъ и неправдоподобнымъ, что они были, мы позволимъ себъ усомниться въ • богослужебномъ значеніи игрищъ на Лысой горъ, тъмъ болъе, что прямой смыслъ относящихся сюда повърій не даетъ права дёлать этотъ выводъ.

Наконецъ, начиная съ 150 страницы, г. Аванасьевъ говоритъ о превращеніяхъ въдьмъ и колдуновъ. Вопросъ весьма любопытный въ исторіи языческихъ върованій! Авторъ приводитъ върованіе въ обращеніе въ близкое соотношеніе съ върованіемъ въ переселеніе душъ умершихъ, и выводитъ оба

изъ смутныхъ представленій, которыя имѣли язычники о загробной жизни. Весь этотъ предметъ, какъ замъчаетъ и самъ авторъ, действительно весьма теменъ. Совсемъ темъ, намъ кажется, что и тутъ путь, избранный г. Аванасьевымъ для отысканія ключа къ разръшенію вопроса — слишкомъ далекъ и невъренъ. Мы думаемъ, что это върование ведетъ свое начало съ того времени, когда непосредственное обожаніе предметовъ и явленій природы стало мало-по-малу смѣняться обожаніемъ невидимыхъ силъ, которыя, по представленіямъ язычниковъ, въ нихъ и чрезъ нихъ дъйствовали и проявлялись. Представить себъ эти силы отвлеченно первобытные язычники не могли. Они должны были вообразить ихъ себъ живыми существами съ разумомъ и волею, другими словами — съ аттрибутами нравственной природы человъка. Отъ этого върованія къ върованію въ такъ-называемыхъ оборотней и въ переселеніе душъ переходъ былъ очень нетруденъ, особенно при помощи живой фантазіи, необуздываемой ничемь и незнающей другаго предъла, кромъ своего безграничнаго произвола.

Невходя въ дальнъйшее развитіе этой ипотезы, о которой надъемся поговорить когда-нибудь подробнте въ другомъ мъсть, замътимъ здъсь только, что способность оборачиваться, приписываемая повърьями колдунамъ и въдьмамъ, недовольно обратила на себя вниманіе г. Аванасьева. Будь въдьмы и колдуны обыкновенными жрецами и жрицами древняго язычества, отчего бы, кажется, не имъть этой способности всъмъ старъйшимъ въ семействъ и домъ? Они, какъ мы сказали, могли до нъкоторой степени имъть когда-то богослужебное значеніе и быть служителями домашняго божества — а между тъмъ они обращаться не могутъ, а обращаются только въдьмы и колдуны. Яспо, что и тъ и другія, по народнымъ повърьямъ, имъли особенное какое-то значеніе, обладали сверхъестественными, чрезвычайными силами.

Посль всего этого остается сказать нъсколько словъ о томъ, что такое, по нашему мненію, были ведьма и ведунъ во времена язычества. Г. Аванасьевъ весьма справедливо заивтиль, что они не олицетворенія дійствительныхъ предметовъ или представленій, но живыя лица. Въдуны и въдьмы были люди, обладающіе таинственнымъ знаніемъ благодітельныхъ и вредоносныхъ свойствъ и силъ природы, и потому язычники приписывали имъ сношение съ невидимыми духами. Инъ была открыта и доступна тайная наука. Оттого таинственный, сверхъестественный характеръ ихъ. Въдьмы и въдуны могли, поэтому, явиться тогла только, когда образовалось върование въ этихъ невидимыхъ духовъ между язычниками, вслъдъ за постепеннымъ упадкомъ непосредственнаго обожанія видимыхъ предметовъ и явленій природы. Втдуновъ представляють повърья стариками, въдьмъ — старухами, потому что льта и опытность, а не систематическое ученіе давали мудрость, и эта мудрость действительно могла быть пріобрътена только временемъ и лътали. Дъвицами же и молодыми женщинами представляють въдьмъ потому, что только онъ и, крайне ръдко, мущины могли имъть наклонность къ галлюцинаців, составлявшей, по невъжественному понятію язычниковъ, неопровержимый признакъ сношенія съ духами. Такимъ образомъ въдьмы и колдуны не были ни жрецами, ни жрицами, а просто были въщіе мужи и женщины, что доказывается и ихъ названіемъ. Они всегда стояди вит обыкновенной, установленной обычаями и преданіями языческой религін, и потому не составляли и не могли образовать сословія или касты, будучи явленіями необыкновенными, исключеніями изъ общаго правила. Тамъ, гдъ они были и гдъ ихъ было много, они имъли большое вліяніе и значеніе; это безспорно и объясняется весьма легко ихъ тапиственнымъ знаніемъ и силою. Такихъ въдуновъ и въдьмъ находимъ, подъ разными названіями, почти у всёхъ порвобытныхъ язычниковъ. Вездѣ они являются отдёльно отъ обыкновенныхъ жрецовъ и съ тёмъ же значеніемъ, какъ наши вёдуны и вёдьмы.

Вотъ главныя замъчанія и возраженія на статью г. Аванасьева. Объ ней можно было бы сказать гораздо больше, ибо каждая почти страница представляетъ спорные пункты и, по моему мнънію, неправильные выводы и объясненія. Здъсь ограничимся сказаннымъ, предоставляя себъ возвратиться къ этой статьъ при первомъ удобномъ случаъ.

IV.
PASHЫЯ СТАТЬИ

CM Ѣ Cb.

ВЗГЛЯДЪ НА РУССКУЮ СЕЛЬСКУЮ ОБЩИНУ.

Русская сельская община, какъ всъ предметы, до которыхъ не касалась наука, подаетъ поводъ въ безконечнымъ недоразумъніямъ. Попробуйте о ней поспорить съ къмъ бы то ни было, и вы увидите, что каждый соединяеть съ нею свое особливое понятіе. Оно и не можетъ быть иначе. Община явленіе живое, дъйствительное и оттого весьма сложное; она органически связана со вожми сторонами нашей народной жизни, находится подъ ихъ вліяніемъ и сама на нихъ вліяетъ. Естественно, что каждый смотрить на общину съ своей точки зрвнія, подводить ее подъ общія свои понятія о народной жизни вообще и нашей въ особенности. А кто можетъ похвалиться, что поняль ее вполев, проникъ всв тайники ея въ прошедшемъ и настоящемъ, и съ увъренностію можетъ указать хотя главныя ея направленія въ будущемь? Оттого, каждый видить въ русской сельской общинъ одну какую-нибудь сторону, и потому, порицая или защищая ее, относительно правъ; не правъ же потому, что или вовсе не замъчаетъ, или не довольно взвъшиваетъ другія стороны того же явленія.

Первый, самый обильный источникъ недоразумѣній относительно русской сельской общины, — это смѣшеніе общины административной съ поземельною. Находятъ, что община поглащаетъ индивидуальность, не даетъ почти никакого про-

стора личности и гражданской самостоятельности членамъ общины, и тъмъ парализуетъ ихъ силы, существенно мъшая вмъстъ съ тъмъ развитію нравственныхъ и экономическихъ силь всего государства. Упрекъ справедливъ, но къ кому онъ относится? Очевидно къ общинъ административной. Подать лежитъ не на землъ, а на душъ; рекрутскую повинность отправляеть не всякій за себя, а нісколько лиць изъ числа тысячи ревизскихъ душъ. Всъ повинности натуральныя, подати, сборы, самый поземельный оброкъ разсчисляются по числу душъ. При такомъ личномъ характеръ податей и повинностей, отвътственность за исправное отправление ихъ со стороны общины неизбъжна. Государству невозможно имъть дъло непосредственно съ каждымъ изъ податныхъ людей въ отдельности, и оно поручаетъ это общинамъ, возлагаетъ на нихъ надзоръ надъ каждымъ изъ своихъ членовъ и отвътственность за нихъ. Для этого общины снабжены большою принудительною властью относительно каждаго изъ своихъ членовъ. Кто приписанъ по уплатъ податей и повинностей къ общинъ, тотъ не можетъ выдти изъ нея безъ ея согласія, не можетъ отлучаться изъ нея безъ ея позволенія; не платить онъ податей, община его наказываетъ, потому что за него отвъчаетъ передъ правительствомъ; а если онъ такъ замотался, что и платить не можетъ, — община или ставитъ его въ рекруты вмъсто исправныхъ хозяевъ, или совсёмъ отъ него отказывается и отдаетъ его въ распоряжение правительства. Такая круговая отвътственность всъхъ за одного тяжела для первыхъ, тяжела и для последняго, потому что на практике стеснительна для правыхъ, и виноватыхъ. Три четверти возраженій противъ общины направлены съ этой стороны, но относятся не ко всёмъ сторонамъ ея, а только къ одной, административной. Честь этого различенія безспорно принадлежить, если не ошибаемся, Сельскому Благоустройству, въ особенности почтенному редактору ея, г. Кошелеву. Вездъ и при всякомъ случаъ онъ указываетъ на различіе и, отстаивая общину поземельную, постоянно напоминаетъ, что не къ ней относятся возраженія, вызываемыя противъ общины ея теперешнимъ административнымъ устройствомъ. Дъйствительно, послъднее зависитъ отъ общей финансовой системы, существующей у насъ съ Петра Великаго, и съ измъненіемъ ея можетъ измъниться административнымъ или законодательнымъ порядкомъ, не касаясь поземельнаго устройства.

Обратимся теперь къ поземельной общинъ.

Владъніе землею міромъ, какъ называется наша сельская община, чрезвычайно оригинально. Такъ какъ самый способъ этого владънія не всъмъ одинаково извъстенъ и тъмъ затемняются разсужденія объ этомъ предметъ, то я считаю необходимымъ представить его на сколько самъ знаю. Тъ, которымъ онъ больше и лучше извъстенъ, потрудятся исправить мои ошибки и оговорить невольныя и неизбъжныя недомолвки. По крайней мъръ всякій, прочитавъ слъдующія строки, будетъ точнымъ образомъ знать что я разумъю подъ общиннымъ владъніемъ и на какихъ фактахъ основаны всъ дальнъйшіе выводы, а это первое условіе всякихъ разсужденій и споровъ.

Русская сельская община, поселена ли она на своей земль, или на казенной, или хоть на помьщичьей — если только послъдния предоставлена въ полное ея пользованіе, какъ напримъръ въ оброчныхъ имѣніяхъ, — даетъ каждому изъ своихъ членовъ равное участіе въ мірскихъ земляхъ и угодьяхъ. Временная отлучка, хотя и продолжительная, не лишаетъ члена общины права на такое участіе, особливо когда въ сель остается семья отлучившагося. На такомъ положеніи остаются членами общинъ тысячи торгующихъ по свидътельствамъ крестьянъ, живущихъ въ городахъ, имѣющихъ тамъ торги и промыслы: ихъ семьи остаются очень часто въ деревняхъ, и живутъ тамъ

своими хозяйствами, на полномъ крестьянскомъ участкъ. Но если крестьянинъ совстиъ покинетъ свое общество, перечислигся въдругое, или перевдетъ на постоянное житье въ городъ, и после него никого не останется въ томъ обществе, то онъ лишается участія въ мірскихъ земляхъ и угодьяхъ, безъ всякаго вознагражденія: участокъ его оставляется имъ безвозмездно въ распоряженіе міра, исключая движимости, которая остается его собственностью, и принадлежавшихъ ему жилыхъ и другихъ строеній, которыя онъ можеть вывезти съ собою, продать, уступить односельчанину, но не можеть ни въ какомъ случав ни продать или уступить постороннему, ни оставить за собою на прежнемъ своемъ участкъ. Въ отношения къ государственнымъ крестьянамъ этотъ народный обычай закръпленъ закономъ, съ необходимою оговоркой, что избою и другими строеніями оставляющій общину крестьянинъ не можетъ распорядиться какъ полною собственностью, если они построены изъказеннаго лъса.

Итакъ, въ мірскихъ земляхъ и угодьяхъ имбетъ часть только членъ мірскаго общества, пока остается его членомъ, т. е. пока имъетъ въ немъ осъдлость; получаетъ онъ ее безвозмездно, не платя за нее ничего впередъ; онъ имбетъ право на часть, равную со всёми прочими членами того же общества, хотя и можеть, если самъ захочетъ, взять меньшую часть, чъмъ другіе. К онечно, взятіе участка, равнаго со всеми, бываеть обязательно тамъ, гдъ земледъліе не составляетъ главнаго промысла жителей, а раскладка податей и повинностей производится по земль; но такой случай составляеть изъятіе изъ общаго правила, и притомъ изъятіе, вытекающее не изъ самаго общиннаго владенія, а изъ финансоваго характера, сообщеннаго нашимъ общинамъ законодательствомъ. Наконецъ, оставляя свое общество и перенося осъдлость въ другое мъсто, крестьянинъ лишается всякаго права на часть въ землѣ и угодьяхъ, и лишается безвозмездно; не въ правъ даже оставить своего бывшаго

жилья за собою, ни строеній, потому что они на мірской земль, въ которой у него ньть болье части; посльдняя поступаеть въ распоряженіе міра; выбывающій члень общины не можеть по своей воль сдать ее другому крестьянину, посадить его вмысто себя, войдти съ нимь объ этомь въ сдылку, потому что земляной пай не принадлежить ему болье, съ тыхь поръ, какъ онь пересталь быть членомь общества. Не знаю, встрычаются ли случаи, чтобы крестьянинь, надолго отлучаясь изъ общества, но продолжая въ немь числиться, отдаль свой пай другому крестьянину въ наемь на время отлучки. Быть можеть, что такія сдылки и бывають, но онь противны основнымь правиламь мірскаго владынія, по которому всякій можеть пользоваться своею частью, но не можеть уступать ее другому оть себя, по частному условію.

Какъ же пользуются члены общины мірскими землями и угодьями? Способъ пользованія весьма различенъ, смотря по землямъ и угодьямъ. Въ исключительномъ, постоянномъ пользованіи находится усадьба; лісь состоить въ общемъ пользованіи всёхъ членовъ общины, по мёрё надобности; также и выгонъ, если по мъстнымъ обычаямъ выгоны не приръзаны къ усадьбамъ; луга и сънокосы, тоже, смотря по мъстнымъ обычаямъ, или раздъляются на участки ежегодно, передъ косьбой, по числу земляныхъ частей, и тогда каждый коситъ и убираетъ свой участокъ особливо на себя; или же съно косится и ставится въ копны всёмъ міромъ, и затёмъ уже дёлится на равныя части, тоже по числу земляныхъ частей. Мнъ не встречалось видеть, чтобы сенокосныя и луговыя места дълились на постоянные участки, но очень можетъ быть, что есть въ иныхъ мъстностяхъ и этотъ обычай. Наконецъ, при повсемъстной почти у насъ трехпольной системъ хозяйства, полевая мірская земля дёлится на три поля: озимое, яровое и паръ. Послъдній служить пастбищемь для скота всей общины,

Digitized by Google

который и пасется вибств; каждое изъ остальныхъ двухъ полей, озимое и яровое, раздъляется или по числу душъ, или по числу тяголъ, на равныя части. Эти части ръдко отводятся къ однимъ мъстамъ. Качество и плодородіе почвы, мъстоположеніе пашни, на ровномъ мъстъ, на низкомъ или высокомъ, на косогоръ, вблизи или вдали отъ села или деревни и т. д., -- все это принимается крестьянами въ самое внимательное соображеніе при надъль участковъ. Оттого, каждое поле разбивается сначала на клины, и каждый клинъ, для безошибочной уравнительности участковъ, делится на столько жеребьевъ, сколько всего следуеть быть поземельных участковь. Затемь крестьяне мечутъ жребій встмъ міромъ, и кому въ какомъ полт и клину какой жребій достанется, тотъ имъ и владветъ. По жеребью же распредъляются ежегодно и луговые участки, гдъ въ обычат отводить ихъ участками. При разделе луговъ и стнокосовъ обращается такое же вниманіе на свойство містности, качество и количество травы и т. п. Впрочемъ членамъ общины не запрещается міняться жеребьями, доставшимися имь въ полъ или сънокосъ и уступать ихъ другъ другу по добровольнымъ сделкамъ. Такія сделки действительны па все время ихъ отвода. Итакъ, только такими угодьями, каковы лѣсъ, выгонъ, пастбище, крестьяне владъютъ собща, усадьбами же и полевою землею каждый изъ членовъ общины владъетъ или пользуется про себя, отдёльно отъ прочихъ членовъ міра. Такое отдъльное пользование примъняется мъстами даже къ стнокосамъ и выгонамъ, о чемъ уже было сказано выше.

Сроки пользованія одними и тіми же земляными паями чрезвычайно разнообразны, смотря по містности, обстоятельствамь и обычаямь. Въ однихъ містахъ переділь производится ежегодно; у государственныхъ крестьянъ закономъ опреділено переділять землю не иначе, какъ съ наступленіемъ новой ревизіи: здісь за начало принять не тягловый, а душевой наділь;

наконецъ, есть сельскія общества, въ которыхъ поземельные участки никогда не передъляются и остаются неизмънными. Подобное устройство землевладънія я видълъ въ помъщичьихъ имъніяхъ, и, сколько знаю, оно установлялось по настоянію владъльцевъ, а не крестьянскаго общества, но потомъ вошло въ обычай, за который крестьяне кръпко держатся, по причинамъ, которыя представлю ниже. Между этими тремя главными видами срочнаго и безсрочнаго общиннаго землевладънія есть множество оттънковъ: такъ, напримъръ, въ нъкоторыхъ мъстахъ передълъ бываетъ не ежегодно и не вслъдствіе новой ревизіи, а съ принятіемъ въ общество или выбытіемъ изъ него членовъ, и т. п.

Вотъ главнъйшіе изъ извъстныхъ мнъ фактовъ общиннаго землевладънія.

Возраженія противъ него идуть пренмущественно отъ сельскихъ хозяевъ и экономистовъ. Разверстка поземельныхъ жеребьевъ, говорятъ они, подаетъ поводъ къ чрезмърной ихъ дробности, такъ что по иной полосъ и соха съ трудомъ пройдетъ. Передълы земли, особливо когда они часто возобновляются, отнимають у крестьянина всякую охоту унавоживать и улучшать землю, потому что она можетъ достаться другому. Правда, есть у насъ земли, которыя теперь пока не удобряются, и по качеству и положенію своему совершенно однообразны. Въ такихъ мъстностяхъ при отводъ жеребьевъ нътъ черезполосицы, и вопросъ о томъ, гдв пахать въ нынвшнемъ году, гдъ въ будущемъ, не представляетъ никакой важности. Но это — хозяйство первобытное, младенческое, и рано или поздно оно должно уступить мъсто улучшеннымъ способамъ земледълія. Положимъ, что время это не скоро наступитъ; но все же когда-нибудь оно наступить. Тамъ, гдъ потребность болье тщательной обработки земли уже чувствуется, хорошіе хозяева крестьяне уже тяготятся теперешнею системой разверстки и надъла, и она остается лишь по настоянію большинства, которое частью по привычкъ и по нелюбви къ нововведеніямъ, а частью и изъ ошибочнаго разсчета, упорно держится старины. Большинству, конечно, выгодно вводить въ общій передъль земли, унавоженныя хорошими хозяевами и получать частичку въ нихъ даромъ, что при жеребьевомъ надълъ легко можетъ случиться и часто случается. Такимъ образомъ, ленивый или по крайней мере посредственный хозяинъ получаетъ при передълъ, безъ всякаго вознагражденія, часть въ землю удобренной, а последній въ замень ея — пустую землю, теряя свою хорошую. Но какой же конечный результатъ такого порядка? Хорошій хозяинъ, не иміл понужденія трудиться и унавоживать свою полосу, не прилагаеть къ ней рукъ и хозяйничаетъ подобно большинству, отчего крестьянское мірское хозяйство не можетъ выбиться изъ заведенной колеи и подняться надъ уровнемъ жалкой посредственности.

Что это коренное неудобство теперешняго порядка общиннаго землевладёнія необходимо устранить, въ томъ всё согласны. Но какъ устранить? Здёсь то и расходятся мнёнія. Одни отвергають самое начало общиннаго землевладёнія, и требують совершенной его отмёны, съ разными варіяціями насчеть того, когда и какъ этому совершиться. Они считають общинное землевладёніе неисправимымъ, и требують замёны его личною наслёдственною поземельною собственностью, которая одна, по ихъ мнёнію, вполнё можеть соотвётствовать предстоящей гражданской самостоятельности и правамъ крестьянскаго сословія. Другіе смотрять на дёло совсёмъ иначе. По мнёнію ихъ, передёлы и черезполосицы не суть неизбёжныя, существенныя принадлежности общиннаго землевладёнія, и потому послёднее, несмотря на ихъ отмёну, легко можеть быть сохранено. Передёлы, черезполосицы вытекають изъ

теперешняго способа пользованія общинными землями, который слідуеть измінить; но общинное землевладініе удержать необходимо. Мнініе это высказано въ этой формі г. Самаринымь и потомъ неоднократно высказывалось г. Кошелевымь. въ «Сельскомъ Благоустройстві». Неотъемлемая и великая заслуга этихъ писателей состоитъ безспорно въ томъ, что они ознакомили публику съ сущностью и формами общиннаго землевладінія, уяснили фактическую его сторону и выставили на видъ странныя и даже забавныя недоразумінія относительно этой, столь повсемістной и общепринятой между нашими крестьянами, формы пользованія общественною землей.

Различеніе способа пользованія общинною землей отъ общиннаго землевладінія не удовлетворило многихъ. Какой можетъ оно иміть смыслъ? Если измінить теперешній способъ пользованія общинною землей, чімъ же станетъ само общинное землевладініе? Должно же оно, въ той или другой форміт, перейдти въ личную собственность!

Съ этимъ мивніемъ я никакъ не могу согласиться. Сдѣлавъ это раздичіе, уступивъ передѣлъ общинныхъ земель и
въ то же время крѣпко отстаивая общинное землевладѣніе,
гг. Самаринъ и Кошелевъ, какъ мив кажется, доказали глубокое знаніе дѣла и вѣрное прозрѣніе въ великую роль, которую, повидимому, суждено играть общинному землевладѣнію въ устройствѣ и судьбахъ нашего землевладѣльческаго
сословія. Я позволю себѣ пзложить здѣсь тѣ мысли, которыя
сложницсь въ моей головѣ послѣ долгихъ размышленій о нашихъ общинахъ.

Отъ передъловъ мірской земли, рано или поздно, придется отказаться совсъмъ: это безспорно. Вмъстъ съ тъмъ, иля послъдовательно, придется отказаться и отъ начала, изъ котораго передълы проистекаютъ, именно отъ надъленія каждаго изъ членовъ общины равнымъ землянымъ паемъ; ибо при

постоянныхъ, непередъляемыхъ участкахъ и съ увеличеніемъ народонаселенія это станетъ ръшительно невозможно.

Но и за этими важными перемінами, общинное землевдадініе сохранить еще много особенностей, одному ему свойственных . Юридически оно опреділяется слітующими положеніями:

- 4) Членъ общины не имъетъ права собственности на отведенный ему земляной пай, а лишь право владънія и пользованія. Потому онъ не можетъ отчуждать его ни при жизни, ни на случай смерти; не можетъ его закладывать; дъти и родственники не наслъдуютъ его, по смерти крестьянина; наконецъ, отведенный обществомъ земляной пай не можетъ быть проданъ въ удовлетвореніе долговъ и взысканій, лежащихъ на владъющемъ имъ членъ общины, какіе бы они ни были;
- 2) Владъніе и пользованіе общинною землей неразрывно связано съ постоянною осъдлостью въ общинъ. Владъть и пользоваться общинною землей можеть лишь самъ членъ общины непосредственно, или его семейство; поэтому нельзя владъть общиными земляными паями, въ одно и то же время, въ нёсколькихъ общинахъ, а можно только въ одной; нельзя владъть въ одной и той же общинъ двумя или болье паями, если есть члены общины, не надъленные землей и желающіе получить паи на свою долю, но нътъ свободныхъ паевъ; нельзя сдавать, уступать, дарить и вообще отчуждать какимъ бы то ни было образомъ, при жизни или на случай смерти, владъніе и пользованіе общинымъ участкомъ посредствомъ частной сдълки, не только члену другой общины, но даже члену той самой, къ которой принадлежитъ владълецъ;
- и 3) владъніе и пользованіе общинною землей соединено съ отправленіемъ извъстныхъ податей и повинностей и есть пожизненное; но если послъ умершаго владъльца остались малолътныя сироты, или взрослый сынъ, не имъющій своего

землянаго пая, то они имъютъ предпочтительно передъ всъми прочими соискателями право удержать за собой отцовскій пай. Общинные участки отводятся безденежно, то-есть безъ требованія залога, поручительства или задатка въ обезпеченіе исправнаго отправленія податей и повинностей. По смыслу общинныхъ учрежденій, каждый воленъ, во всякое время, отказаться отъ своего участка, отбывъ соединенныя съ его владъніемъ подати и повинности. Онъ въ правъ распорядиться своею движимостью и строеніями какъ хочетъ, но не имъетъ никакого права на вознаграждение за сдъланныя имъ въ своемъ паю хозяйственныя улучшенія. Оставляя совстмъ общину, онъ обязанъ свезти или продать свои строенія; но отъ усмотрвнія общины зависить позволить ему жить въ ней, не владъя землянымъ паемъ, и въ такомъ случать жилое строеніе и усадьба остаются за нимъ. Наконецъ, поземельный участокъ отнимается у владъльца, если онъ неисправно платитъ подати и повинности, и всъ другія мітры взыскапія окажутся безуспъшными или невозможными.

Вст эти положенія существують въ дтйствительности и частью держатся обычаемъ, частью перешли въ законъ. Разсматривая ихъ поодиначкт, можно подмітить сходство ихъ то съ тою, то съ другою формой землевладтнія, выработанными римскимъ правомъ и законодательствами новыхъ христіянскихъ народовъ; но взятыя въ совокупности, они представляютъ особливый гражданскій институтъ, не похожій на вст извъстные доселт и всего менте на личную собственность. Какъ же послт этого не сказать, что общинное землевладтніе можетъ сохраниться, несмотря на прекращеніе передтловъ, устраненіе черезполосицы и отмітну права каждаго изъ членовъ общины на равный надтлъ землею!

Но всего любопытите и поразительные то, что общинное землевладыніе, которое обыкновенно считается запоздалымы остаткомъ варварскихъ временъ, удъломъ безличныхъ массъ; не представляетъ, за устраненіемъ названныхъ выше несущественныхъ его принадлежностей, ни одного положенія, которое бы не подходило подъ правила любаго гражданскаго права, наиболѣе благопріятствующаго личной независимости и своболѣ.

Многіе найдуть это мнініе или ложнымь, или по крайней мітрь преувеличеннымь; а между тімь эта истина неоспоримая.

Говорять: безвозмездный отводь землянаго пая есть благодіяніе, которое не подходить ни подъ какія юридическія правила, и возможно лишь до тіхь поръ, пока есть довольно земли для такого рода благотвореній. Увеличится народонаселеніе, вздорожаєть земля, и тогда оно по необходимости прекратится. Придется и съ этимъ распроститься, какъ съ переділомъ участковь и равнымъ наділомъ землею всіхъ членовъ общины.

Это замѣчаніе основано на очевидномъ недоразумѣніи. Нельзя называть благодѣяніемъ или благотвореніемъ отводъ земли, съ обязанностью платить за то подати и отправлять повинности. Правда, исправное отправленіе ихъ ничѣиъ не обезпечивается. Но развѣ это благотвореніе? Это кредитъ, къ развитію котораго стремятся всѣ законодательства въ мірѣ, видя въ немъ одинъ изъ могущественнѣйшихъ двигателей промышленности и благосостоянія. И надобно сказать, что кредитъ, оказываемый владѣльцу общинной земли, далеко еще не такой рискованный, какіе встрѣчаются въ Европѣ, гдѣ считать умѣютъ.

Скажутъ: чъмъ оправдать правило, что за участокъ, оставляемый членомъ общины, послъдняя не даетъ ему никакого вознагражденія? Какая же тутъ справедливость! Крестьянинъ владълъ участкомъ, можетъ-быть, нъсколько поколъній сряду. улучшилъ, удобрилъ его, положилъ въ него трудъ и капи-

талъ, — и все это онъ долженъ оставить даромъ, безвозмездно! Это, очевидно, отнимаетъ у него всякое поощреніе улучшать свое хозяйство и заставляетъ хозяйничать кое-какъ, спустя рукава, жить со дня на день.

Кажется, будто это дъйствительно такъ; а взгляните поближе: на дълъ оказывается совсъмъ другое.

Вст знають, что такое договорь объ отдачт земли въ содержаніе изъ выстройки: хозяинъ предоставляетъ свой участокъ другому лицу, съ условіемъ, чтобъ онъ выстроилъ на немъ такое-то строеніе; по истеченіи опредъленнаго числа лътъ, участокъ возвращается въ полное распоряжение и собственность хозяина, и вмъстъ съ нимъ поступаетъ въ его собственность безвозмездно и поставленное на немъ строеніе. Что мы туть видимъ? Наниматель участка положиль на него трудъ и капиталъ и оставляетъ ихъ, по истеченіи срока, хозяину, безъ всякаго вознагражденія. Мит возразять: за то наниматель и не платить въ такомъ случат хозяину наемныхъ или арендныхъ денегъ. Дъйствительно, иногда не платитъ, но иногда платить, смотря по обстоятельствамъ и условію. Примъровъ подобныхъ сдълокъ множество. Таковы: отдача земли по берегу ръки, изъ выстройки мельницы, даже завода; отдача въ содержание фабрики, требующей капитальныхъ исправленій. Въ огромныхъ размірахъ ті же начала лежать въ основании условій правительства съ частными лицами и компаніями о постройкъ жельзныхъ дорогъ, которыя, по истеченім мавъстнаго срока, обращаются въ собственность государства безвозмездно. Но оставимъ эти примъры, возьмемъ отдачу въ наемъ и арендованіе земель, — формы договоровъ, имъющихъ нъкоторыя общія черты съ раздачею участковъ изъ общинныхъ земель. Ни въ римскомъ, ни въ германскомъ, ни во французскомъ правъ нътъ правила, чтобъ арендаторъ или наниматель земли имълъ право на какое-нибудь вознагражде-

ніе за произведенное имъ улучшеніе почвы и усиленіе ея производительности. (Не говорю о строеніяхъ: они и на основаніи общиннаго владенія считаются личною собственностью крестьянина). Кодексъ Наполеона выражается объ этомъ очень категорически (С. art. 599): «l'usufruitier ne peut, à la cessation de l'usufruit, réclamer aucune indemnité pour les améliorations qu'il prétendrait avoir faites, encore que la valeur de la chose en fût augmentée». Правда, Ф. Вальтеръ, въ сочиненіи своемъ: System des gemeinen deutschen Privatrechts 1855, crp. 580, называетъ, въ числъ прочихъ, особенную форму поземельныхъ отношеній между владельцами и крестьянами въ Германіи, именно временный колонать (Colonatrecht auf Zeit), въ силу котораго собственность на землю принадлежитъ господину, а временное пользованіе и право собственности на сдъланныя въ ней улучшенія (Besserungen) крестьянину. Однако изъ описанія этой формы землевладінія видно, что господинъ обязанъ вознаградить крестьянина, когда отказываетъ ему или его наслъднику въ пользовании землею. Но чтобъ онъ былъ къ тому обязанъ, когда крестьянинъ добровольно отказывается отъ участка, этого не сказано и ни изъ чего заключить нельзя. Мив пожалуй укажуть на целое учение о Meliorationen, объ accessiones, объ impensae и expensae, то-есть объ улучшеніяхь, сділанныхь въ вещи, издержкахь, употребленныхь на нее или по поводу ея, за которыя хозяинъ обязанъ дать содержателю гли владъльцу вознагражденіе. Но когда существуетъ эта обязанность? Тогда лишь, когда хозяннъ возвращаетъ вещь изъ чужаго владънія или пользованія, законнаго или незаконнаго, добросовъстнаго или недобросовъстнаго, особливо же когда онъ разрываетт договоръ о пользовании землею, что въ нъкоторыхъ случаяхъ допускается; но никогда не примъняется это правило къ случаямъ добровольнаго отказа арендатора или нанимателя отъ взятаго имъ въ содержаніе участка.

Что постановили законодательства, то подтверждаеть и простой здравый смыслъ. Когда я спокойно владъю или пользуюсь землею, въ качествъ арендатора, на болъе или менъе продолжительный срокъ, я могу, соображаясь съ этимъ срокомъ, найдти для себя выгоднымъ, въ теченіе первыхъ літь аренднаго содержанія, не только не получать никакого дохода отъ заарендованной земли, но даже положить въ нее трудъ и капиталь, ибо разсчитываю въ остальные годы аренднаго срока воротить вск издержки и сверхъ того получить барышъ. Если посреди этой моей операціи, когда сдѣланы затраты, а выручка еще впереди, у меня вдругъ отнимутъ аренду, понятно, что мить по всей справедливости следуетъ вознаграждение, потому что я улучшилъ землю, увеличилъ ея капитальную ценность, сдълалъ ее способною дать большій доходъ, въ чистый себъ убытокъ. А если я владълъ землею не въ качествъ арендатора, а въ качествъ собственника, тъмъ болъе слъдуетъ, потому что я могъ разсчитывать свои хозяйственные обороты на весьма длинный, даже на неопредъленный срокъ. Но если я, срочный или безсрочный арендаторъ, владълъ своимъ участкомъ спокойно, безъ помѣхи, и самъ, по своимъ разсчетамъ, оставляю землю, дело представляется уже совсемъ въ другомъ виде. При върномъ разсчетъ и успълъ воротить всъ мои издержки на улучшеніе земли и получиль сверхь того прибыль; невьренъ былъ мой разсчетъ, никто какъ я самъ и не вицоватъ въ томъ. Итакъ, хозяннъ, получая свою землю улучшенною, конечно въ выигрышт, но и я, если велъ умно свои дъла, не въ проигрышт.

За что же вознаграждать меня? А за ошибки, промахи, неудачи никого не вознаграждають. Это также общее правило. Наконець, заставить хозяина вознаграждать арендатора за сдъланныя имъ улучшенія было бы во многихъ случаяхъ явною несправедливостью. Арендаторъ можетъ иногда сдълать такія

улучшенія, что у хозянна земли и состоянія не хватить заплатить за нихъ. Что жь тогда дълать?

Послѣ всего сказаннаго, едва ли стоитъ опровергать мысль, будто бы безвозмездное возвращеніе хозяину улучшенной арендаторомъ земли, отниметъ у послѣдняго побужденіе и охоту заняться хозяйствомъ на снятомъ участкѣ какъ слѣдуетъ. Если онъ займется имъ, то ужь конечно не въ виду вознагражденія со стороны хозяина, а въ виду тѣхъ выгодъ, которыя самъ надѣется извлечь изъ аренды при помощи сдѣланныхъ имъ улучшеній. Въ самомъ дѣлѣ, крайне слабоуменъ долженъ быть арендаторъ, который согласится лучше довольствоваться ничтожнымъ доходомъ отъ аренды, чтобъ только хозяину не достались даромъ сдѣланныя имъ улучшенія. Большинство разсуждаетъ такъ: лишь бы мнѣ побольше извлечь выгодъ, а получилъ я ихъ—какое мнѣ дѣло, что другому стало отъ этого хуже или лучше?

Итакъ, правило общиннаго владънія, наиболье кажущееся несправедливымъ, оправдывается всъми положительными законодательствами и выходитъ, на повърку, весьма разумнымъ.

Далте: нткоторые найдутъ можетъ-быть страннымъ запрещеніе члену общины сдавать свой земляной пай кому-нибудь другому по частной сдълкт или частному распоряженію. Но запрещеніе субъ-аренды не то ли же самое? А оно очень извъстно въ положительныхъ законодательствахъ и нисколько не считается необыкновеннымъ или чрезвычайнымъ. То же должно сказать и о томъ, что пользованіе общинными паями не наслъдуется: въдь и пожизненная аренда тоже не переходитъ по наслъдству.

Особенность общиннаго землевладанія дайствительно составляють: запрещеніе владать паями въ разпыхъ общинахъ; право владать постоянно однимъ лишь паемъ; нераздальность права владать паемъ съ прочною осадлостью тамъ, гда пай

отведенъ; наконецъ, привилегія сиротъ и безземельнаго сына преимущественно передъ другими владъть отцовскимъ паемъ. На первыя три условія указывають какъ на ограниченія въ экономическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ. Но это несправедливо. Они были бы ограниченіями, и ограниченіями весьма стъснительными, еслибы никакой другой земли кромъ общинной не было, и еслибы взятіе общиннаго участка было обязательно. Но когда рядомъ съ общинною землей существуетъ поземельная личная собственность, когда всякій можеть покупать или иначе пріобретать землю и располагать ею по произволу, когда наконецъ, каждый воленъ брать или не брать поземельный пай въ общинной землъ, какое же это ограничение или стъснение? Это ни болъе ни менъе какъ простое условие, обязательное лишь для того, кто добровольно захочеть владыть общиннымъ поземельнымъ участкомъ; тотъ же, для кого это условіе покажется ственительнымъ, постарается устроить иначе. Очень стъснительно домовладъние въ городъ, потому что оно обставлено разными ограничительными условіями, необходимыми тамъ, гдъ зданія тъснятся между собою; еще болье стъснительны для лица условія домашней или частной службы, начиная отъ домашнихъ секретарей и гувернеровъ и оканчивая самыми низшими служительскими должностями и чернорабочими: однако никто не называетъ ихъ несправедливыми и стъснительными, именно потому, что отъ доброй воли каждаго зависить имъть домъ въ городъ, или не имъть, вступить въ частную службу, или не вступать.

Разсмотръніе юридическихъ основаній общиннаго землевладънія даетъ намъ возможность глубже вникнуть въ сущность этого любопытнаго учрежденія и безпристрастно оцънить неизмъримо важную роль, которую оно, по всъмъ видимостямъ, призвано играть въ будущихъ судьбахъ Россіи. Съ измъненіемъ дъйствующей нынъ административной и финансовой систе-

Digitized by Google

мы, а съ тъмъ вмъстъ и гражданскихъ правъ земледъльческихъ классовъ, съ постепеннымъ прекращениемъ передъловъ общинной земли и правъ каждаго члена общины на получение изъ нея участка наровнъ со всъми прочими, владъніе и пользованіе общинными землями перейдеть мало-по малу въ пожизненное арендное содержаніе, которое, при извъстныхъ условіяхъ можетъ быть и насладственнымъ. Но эта система арендъ будетъ имъть свое особливое назначение, свой характеръ, совершенно отличный отъ арендъ частныхъ, которыя, по самому свойству личной собственности, неудержимо обращаются, рано или поздно, въ промышленныя спекуляціи. Маленькая ферма, владініе которой обусловлено разными изчисленными выше ограниченіями, не сподручна ни богатому капиталисту, ни предпріимчивому человъку, ни зажиточному собственнику, ни тому, кто не имъя ни способностей, ни охоты къ сельскимъ промысламъ и занятіямъ, обезпечиваетъ свою жизнь и кормитъ свое семейство занятіями и промыслами городскими или какими-нибудь другими. Такую ферму возьметъ небогатый крестьянинъ, который, не мечтая о большихъ прибыткахъ, думаетъ объ завтрашнемъ лишь дит и радъ, когда къ концу года свелъ концы съ концами; ее возьметъ и не крестьянинъ, человъкъ, которому некуда дъваться, но укотораго есть семья, и онъ бы радъ трудиться, да не везетъ ему въ городъ; ее возьметъ иной предпріимчивый и оборотливый человѣкъ изъ простонародія, который и свой капиталъ имълъ, да раззорился на неудачной спекуляціи; у этого и надежда будетъ впереди: авось опять справлюсь, сколочу капиталецъ и опять пущу его въ оборотъ; ее возьмуть и бъдный сирота, и вдова съ дътьми, и всъ люди, которыхъ природа не надълила ни особеннымъ талантомъ, ни широкимъ полетомъ, ни жаждой дъятельности, богатствъ, пріобрътеній, славы, отличій, словомъ, люди, по выраженію народа, смирные, которые составляють большинство въ человъческихъ обществахъ, работаютъ, трудятся и хотятъ имъть свой уголь и свой кусокъ хлъба. Для такихъ людей подобная ферма, не смотря на ограничительныя условія, соединенныя съ владіть ніемъ ею, сущій кладъ. Чтобы получить ее не надо никакихъ издержекъ; первое обзаведение потребуетъ небольшихъ средствъ, которыя легче добыть, чёмъ, напримёръ, на покупку земли; ферма дастъ чъмъ заплатить арендную плату и прокормиться съ семьей, небогато, но хоть какъ-нибудь; никто не отыметъ земли, не прогонитъ съ нея, пока человъкъ исправенъ: владъй хоть до смерти! Жену съ дътьми никто не потревожитъ и послъ смерти: если же судьба улыбнулась, завелись деньги, вышелъ какой-нибудь благопріятный случай, можно, во всякое время, и бросить ферму, купить свою землю, пойдти въ торгъ, взяться за какой-нибудь промысель и распроститься съ арендой. Въ устройствъ общественной экономіи и быта я не могу представить себъ ничего раціональные системы такихъ небольшихъ фермъ. Существуя о бокъ съ личною поземельною собственностью, она служить върнымъ, единственно возможнымъ убъжищемъ для народныхъ массъ отъ монополіи землевладъльцевъ и капиталистовъ. Система мелкой, личной, поземельной собственности, въ которую многіе предлагають обратить общинное землевладъніе, не можетъ идти въ этомъ отношеніи ни въ какое сравнение съ системой мелкихъ арендъ. Это вытекаетъ само собою изъ самаго свойства личной собственности.

Всё знають, какое огромное развитіе промышленности и духа предпріимчивости даеть начало личной собственности. Оно создало тё чудеса индустріи, которыми такъ справедливо гордится Европа и Стверо-Американскіе Штаты. Оно—живая сила, поддерживающая современныя образованныя общества въвъчномъ движеніи, толкающая ихъ безпрестанно впередъ на пути всякихъ преуспъяній. Но давно уже, рядомъ съ этими благодътельными и блистательными дтйствіями личной собст-

венности, исторія отмътила и тъневую ея сторону. Гдъ только личная собственность господствуетъ исключительно, тамъ. рано или поздно, непремънно наступаетъ полная соціяльная анархія и бъдствіе народныхъ массъ, страшные общественные недуги, противъ которыхъ доселъ оставались безсильными всъ средства, — недуги, которые развиваются неудержимо, питаясь и поддерживаясь сами собою. Оба явленія не случайно совпадають съ исключительнымъ господствомъ личной собственности и между собою, но состоять въ тъснъйшей связи. Личная собственность, исключительная по своей природъ, стремится къ безпрерывному расширенію и увеличенію; стяжаніе есть ен лозунгь и знамя. Такимъ образомъ, въ личной собственности лежитъ причина и источникъ столкновенія и борьбы матеріяльных интересовъ, которая ниспровергаетъ вст административныя стъсненія и препоны и наконецъ, вырвавшись на свободу, не знаетъ границъ. Еслибы всъ люди были равныхъ способностей, талантовъ, знаній, въ особенности, еслибъ они выходили на такую борьбу равно хорошо вооруженные и не имъли никакихъ неотложныхъ насущныхъ потребностей, конкурренція матеріяльныхъ интересовъ только оживляла бы промышленное развитіе и дъятельность, не производя общаго зла и бъдствій; но въ томъ-то и бъда, что бойцы не равны, средства нападенія и обороны у нихъ не одинаковы, а между тъмъ есть матеріяльныя потребности общія для всъхъ, и безъ удовлетворенія которыхъ обойдтись не возможно. При такихъ условіяхъ окончательный исходъ борьбы несомнівнень: рано или поздно собственность сосредоточивается въ немногихъ рукахъ и даетъ имъ безграничную матеріяльную власть надъ неимъющими собственности. Мелкіе собственники не могутъ держаться и постепенно переходять въ работниковъ. Массы народа должны по необходимости безусловно подчиниться этому новаго рода владычеству, безпощадному, произвольному, котораго единственный законъ — личная выгода. Создается гнетъ нестерпимый и тъмъ болье ненавистный, что не оправдывается никакою разумною необходимостью и требованіемъ общественнаго блага.

Такой порядокъ дълъ дъйствуетъ гибельно на народныя массы и въ матеріяльномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ. Онъ тупъютъ отъ нищеты, голода, чрезмърнаго труда и безвыходнаго положенія; озлобленіе и отчаяніе овладъвають ими. Кто можетъ примириться съ мыслью, что общежите существуетъ не на благо человъка, а на бъду его и несчастіе? И массы съ этимъ не примиряются, а привыкаютъ ненавидъть общественныя учрежденія, подъ которыми живуть. Все то, что составляетъ физіологическое, неизбъжное условіе всякой общественной жизни, власть, имущественное неравенство, личная собственность, личная самостоятельность и развитіе представляются имъ орудіями угнетенія, своекорыстными выдумками притъснителей-собственниковъ. Открывается широкое поле для всякаго рода идеаловъ соціяльнаго блаженства, которые тъмъ краше и недъйствительные, чъмъ ужасные ежедневная жизнь. Народныя массы, глубоко оскорбленныя, жадно питаются ими и въ справедливомъ негодовании начинаютъ требовать невозможнаго и неосуществимаго. Возникаетъ другаго рода борьба — борьба массъ народныхъ съ обществомъ, страшная и разрушительная. Общество съ ужасомъ начинаетъ замъчать внутри себя эти элементы, ежеминутно грозящіе гибелью, и не вникая сначала въ органическія причины зла, старается пособить ему косвенными марами. Частная благотворительность, разумъется, оказывается недостаточною: на чрезвычайное эло нужны и чрезвычайныя мітры. И воть благотворительность организуется въ тысячахъ учрежденій. Для извлеченія массъ изъ той бездны золъ и несчастій, въ которую ввергла ихъ необузданная борьба интересовъ, расточается столько же

ума, изобрътательности, геніяльности, творятся такія же сверхъестественныя усилія, какія потребовались для привиденія низшихъ классовъ, конечно безсознательно, въ такое положеніе. Сколько самоотверженія, великодушія, человъколюбія и высокой христіянской любви выказали и выказываютъ при этомъ общества! Это торжественная culpa mea современнаго просвъщеннаго человъчества, но безсильная передъ роковыми законами, лежащими въ основаніи теперешней общественности, безсильная потому, что самое начало соціяльной анархім продолжаеть въ ней дійствовать и служить неизсякаемымъ источниковъ глубокихъ общественныхъ язвъ. Соціяльныя теоріи, надъющіяся возсоздать общественный міръ и равновъсіе силь и въ то же время сохранить исключительное гоеподство начала личной собственности, доказывають только. что корень зла не понять; тъ же, которые отридають вовсе это начало, осуждають общества на въчную регламентацію, апатію и бездъятельность. Указывають на ассоціацію, какь на панацею противъ такой безурядицы. Эта мігра хорошая, безспорно, но по самому свойству своему она не можетъ быть учрежденіемъ всеобщимъ, успъхъ ея зависитъ отъ тысячи случайностей, въ томъ числъ отъ собственности, капитала. Въ этомъ смыслъ и ассосіація-итра палліативная, какъ благотворительныя общества и учрежденія, какъ таксавь пользу бъдныхъ, какъ огромныя публичныя работы, и не врачуетъ бользни въ самомъ корив.

Доискиваясь до источниковъ разнообразныхъ явленій общественной жизни, люди, въ наше время, болье и болье приходятъ къ убъжденію, что всь эти явленія другъ другомъ обусловливаются, тысно связаны между собою и представляють виветь одно органическое цьлое, покоящееся на такомъ же равновысіи всьхъ отправленій, какъ вообще всякій организмъ, какой бы онъ ни былъ. Лишь только одна изъ функцій беретъ

верхъ надъ другими, начнетъ развиваться насчетъ другихъ, равновъсіе нарушается, и общественное тъло приходитъ въ бользаненное состояніе. Эти общественныя бользани весьма разнообразны и сложны. Усиливаясь сначала незамътно, онъ наконецъ, если будутъ запущены, обращаются въ хроническія, ничъмъ неизлѣчимыя, поражаютъ весь организмъ и ускоряютъ его смерть. Мало того: каждый общественный организмъ, подобно физическому, имъетъ свои привычки, свои предрасположенія къ той или другой бользии; онъ можетъ привыкнуть къ извъстному ненормальному состоянію до того, что оно кажется нормальнымъ и здоровымъ; при помощи разныхъ палліативовъ онъ можетъ нъкоторое время обольщать себя насчетъ своего здоровья, пока наконецъ сильнъйшіе припадки скрытой бользани вдругъ не раскроютъ ему глазъ и не обнаружатъ, иногда слишкомъ поздно, опаснаго состоянія.

Соціальная анархія, то есть ничъмъ неумъряемая борьба частныхъ интересовъ принадлежитъ именно къ числу тахъ страшныхъ разътдающихъ общественныхъ недуговъ, которые исподоволь, незамътно, разрушають общественные организмы. Только уравновъщенная другимъ началомъ, эта борьба поддерживаетъ и развиваетъ жизнь. Какое же это начало? Обыкновенно указывають на правильную администрацію, судь, на налліативныя средства, о которыхъ говорено выше. Но это заблужденіе! Ни администрація, ни судъ не могуть устоять противъ соціальной анархія, по той простой причинъ, что они соотвътствуютъ совершенно другимъ функціямъ общественно в жизни. Судъ существуетъ на вора, разбойника, обидчика, убійцу; полиція въ обширнъйшемъ значенів этого слова тоже относится къ поверхности общественныхъ явленій, когда они уже заявили себя, или грозять заявить въ томъ или другомъ фактъ. Борьба капиталовъ, собственности, совершающаяся въ условіяхъ закона и безъ нарушенія общественнаго порядка,

ускользаеть и отъ суда, и отъ администраціи. Ее нельзя поймать и остановить ни въ какомъ ощутительномъ явленіи, безъ нарушенія законовъ и самой справедливости. Ей можеть противодъйствовать только начало, вполнъ ей соотвътствующее. Одно лишь развитіе кредита убиваетъ ростовщичество, а не законы о ростъ; обильный подвозъ хлъба понижаетъ цъны на него и прекращаетъ дороговизну, а не хлъбныя таксы и не запретительныя мъры.

Примънимъ все сказанное къ землевладънію. Земля, къ несчастію, не безгранична; количество ея опредълено. Предоставьте ее всю въ частную сооственность, сколько бы ея ни было, и она тотчасъ же сдълается предметомъ своего рода ажіотажа и коммерческой конкурренціи. Ее начнутъ скупать и перепродавать съ барышомъ. Дъломъ этимъ займутся сильные капиталисты и промышленныя компаніи, ціна ея будеть подыматься, и съ увеличениеть народонаселения масса земледъльцевъ, за самыми малыми исключеніями, обратится въ батраковъ и бездомниковъ, на полной милости землехозяевъ, которые будуть имъть всъ средства заставить ихъ служить себъ и работать на самыхъ для себя выгодныхъ, а для нихъ тяжелыхъ и обидныхъ условіяхъ. Таковъ законъ соціальной анархіи и личной собственности въ примъненіи къ земль: онъ дробитъ последнюю на мельчайшіе участки и неудержимо направляетъ ихъ въ руки немногихъ богатъйшихъ собственниковъ, которые и ставятъ потомъ массамъ арендную и заработную плату, какую хотятъ.

Возраженія на этоть непреложный законь развитія соціальной анархін, подтверждаемый всеми наблюденіями, невольно вызываеть улыбку.

Стоитъ ли говорить объ этомъ въ Россіи? скажутъ вамъ: у насъ земли не оберешься! Слава Богу, есть гдъ разселяться еще въ продолженія тысячи льтъ! А въ Америкъ, въ Азім

незаселенныхъ и способныхъ къ заселенію земель еще бездна! Колонизація, конкурренція городскихъ промысловъ, требующихъ множества рукъ, конкурренція земледъльческихъ произведеній другихъ странъ будеть всегда парализировать монополію землевладъльцевъ на арендныя цъны и опредъленіе заработной платы.

Такими-то разсужденіями успокоиваются люди насчеть бъды, которая ходитъ кругомъ ихъ. Присмотритесь пристальнъе: разръшаютъ ли эти соображенія вопросъ хоть сколько нибудь? Положимъ, земли у насъ теперь еще довольно; но ведь когда-нибудь ея будеть мало? Дожиль же Китай до того, что народонаселение переполняеть его огромныя пространства. Сегодня, завтра, послѣ завтра, да развѣ этимъ можно рѣшить вопросъ объ органическихъ законахъ общественной жизни? Допустимъ, что и колонизація и конкурренція другихъ странъ дъйствительно могутъ смягчить дъйствіе зла; но въдь это только временно. Если конкурренція производителей встхъ странъ установляетъ постоянныя отношенія между последними и дълаетъ ихъ какъ бы членами одного и того же промышленнаго міра, то въдь и поземельные собственники всъхъ странъ не замедлять замътить соединяющія ихъ общія личныя выгоды, на какой бы точкъ земнаго шара они ни находились, какъ одинаково понимають эти выгоды банкиры и больше капиталисты. Говорить о всемогуществ конкурренціи къ изліченію соціяльных золь, происходящих отъ монополіи, значить не . видать последняго члена посылки и остановиться на одномъ изъ среднихъ. Не трудно представить себъ, что наступитъ время, когда въ индустріяльномъ и промышленномъ отношеніи весь міръ будетъ составлять одно цёлое, управляемое одними экономическими законами. Что же? лучше будетъ положение массъ отъ всемірной монополіи землевладінія и поможетъ противъ нея всемірная конкурренція?

Нътъ, не количественное, а качественное врачевание соціальнаго недуга можетъ положить ему конецъ; и не количественная, а качественная оцінка раскрываеть его глубокій внутренній смыслъ. Личная собственность, какъ и личное начало, есть начало движенія, прогресса, развитія; но оно становится началомъ гибели и разрушенія, разъёдаетъ общественный организмъ, когда, въ крайнихъ своихъ послъдствіяхъ, не будетъ умфряемо и уравновфшиваемо другимъ организующимъ началомъ землевладенія. Такое начало я вижу въ нашемъ общинномъ владъніи, приведенномъ къ его юридическимъ началамъ и приспособленномъ къ болъе развитой и гражданскисамостоятельной личности. Существуя для народныхъ массъ, будучи устроено по ихъ нуждамъ, не представляя никакой возможности для спекуляцій и потому нисколько не будучи привлекательно для людей зажиточныхъ, богатыхъ, предпріимчивыхъ, не довольствующихся малымъ и скромнымъ существованіемъ, общинное владъніе будетъ служить надежнымъ убъжищемъ для людей неимущихъ отъ случайности спекуляцій, отъ монопольнаго повышенія цінь на земли и пониженія цінь на земледельческій трудъ. Въ этомъ затишьи будутъ выростать, посреди прочнаго семейнаго быта, живительнаго труда, подъ соломенною, но все же своею крышей, питаемыя хоть чернымъ и черствымъ, но все же какимъ-нибудь и притомъ своимъ кускомъ хліба, здоровыя, свободныя земледітльческія и сельско промышленныя покольнія; отсюда будуть выдъляться элементы, способные не потеряться въ водоворотъ и случайностяхъ промышленной игры, уступая мъсто тъмъ, которые безъ такого пристанища были бы осуждены на безвыходное горе, отчаяніе и преступленія. Общинное владеніе предназначено быть великимъ хранилищемъ народныхъ силъ, изъ котораго онъ будутъ безпрерывно бить живою струей и въ которомъ будутъ безпрестанно обновляться для новой плодотворной дъятельности. При существованіи такой среды, нейтрализирующей горькія и разрушительныя послъдствія азартной промышленной борьбы, общественный организмъ останется въ нормальномъ состояніи, и то, что безъ нея ведетъ каждое общество, рано или поздно, къ соціяльному перевороту и разрушенію, то при существованіи ея сдълается признакомъ жизни и здоровья, — тъмъ же, что обращеніе крови и соковъ во всякомъ органическомъ тълъ.

Мић скажутъ: въдь это утопія! Но отчего же утопія? спросиль бы я, когда то, что я говорю, уже существуетъ у насъ въ дъйствительности, хотя конечно въ зародышъ, въ неразвитомъ видъ. Эта утопія — фактъ осязаемый, не подлежащій ни мальйшему сомнѣнію. Не съ большимъ ли правомъ можно считать утопіей надежду возстановить равновъсіе общественныхъ силъ, нарушенное исключительнымъ господствомъ личной собственности, посредствомъ ассоціацій, конкурренціи, цълой системы общественной благотворительности, силящейся обнять всъ неимущія и голодныя массы? Въдь эти способы врачеванія, сколько мнѣ извъстно, пока еще нигдъ и никогда не привели къ желаемому результату, не умирили вражды, не возстановили гармоніи общественныхъ силъ.

Многіе думають и такь: матеріяльное обезпеченіе массь отнимаеть у нихь всякое побужденіе къ дъятельности, къ улучшенію своего быта и тъмъ осуждаеть ихъ надолго, если не навсегда, на безпробудный сонъ. Мы и теперь наклонны къ умственной дремотъ; что же съ нами булеть, когда нужда не будеть насъ толкать къ дъятельности? Нъкоторые простираютъ, заслуживающую, конечно, всякаго уваженія, ревность къ возбужденію промышленной дъятельности въ нашемъ народъ до того, что серьёзно предлагаютъ, при предстоящемъ преобразованіи быта помъщичьихъ крестьянъ, не надълять ихъ вовсе землею ни въ пользованіе, ни въ собственность, и пре-

доставить имъ входить съ землевладѣльцами въ полюбовныя сдѣлки. Это средство должно заставить нашего крестьянина стряхнуть съ себя вѣковѣчную лѣнь, встрепенуться и приняться живо и бойко за работу. Оно можетъ-быть и такъ: промышленная дѣятельность закипитъ, но при этомъ кипяткъ только часть сельскаго населенія успѣетъ кое-какъ устроиться, остальная же погибнетъ въ злой долѣ, станетъ бродяжничать, пойдетъ на разбой, переполнитъ города на укомплектованіе жалкаго городскаго пролетаріята, станетъ круглымъ бездомникомъ, какъ вездѣ было, гдѣ крестьянина освобождали безъ земли и осѣдлости.

Когда же, наконецъ, Боже мой, кончатся въчныя недоразумтнія, мъшающія людямъ понимать другь друга? Всъ мы, отъ перваго до последняго, желаемъ развитія промышленной деятельности и неразлучнаго съ нимъ матеріяльнаго благосостоянія и довольства. Но чтобы возбудить въ человъкъ дъятель. ность не сбивайте его съ ногъ и главное съ толку, и изъ боязни промышленнаго застоя не вгоняйте его въ промышленную бълую горячку, которая есть тоже источникъ дъятельности, но истощающей, а не поддерживающей силы. Высокое промышленное развитіе, когда оно совершается правильно, идетъ объ руку съ развитіемъ умственнымъ и нравственнымъ. рождающимъ потребности и нужды, неизвъстныя народу въ колыбели. Въ сытомъ и физически обезпеченномъ человъкъ онт скорте и прочите развиваются, чтить въ томъ, котораго гнетутъ нужда и голодъ. Устраняйте только препятствія, искусственно замедляющія естественный ростъ народа, а остальное предоставьте лежащимъ въ немъ живымъ силамъ. Искусственные пріемы хороши какъ временныя средства противъ ивстныхъ патологическихъ явленій, и невозможны или убійственны, когда направлены противъ всей экономіи общественнаго организма.

Гораздо серьёзнъе возражение такого рода: если участки въ общинномъ землевладънии будутъ оставаться безъ передъла, то съ увеличениемъ народонаселения должно же наступить время, когда множество людей останутся безъ арендныхъ участковъ? Итакъ, общинное владъние только временно устранитъ зло безземельности и бездомности массъ, а потомъ оно разовьется своимъ порядкомъ, какъ и вездъ.

Это, конечно, справедливо. Но ни я, ни кто другой, говоря объ общественной экономіи, конечно и не думалъ пріискать такія условія, которыя бы водворили рай на земль. безъ слъда искоренили бъдность и нищету. Какое бы ни завелось между людьми идеальное правосудіе и административный порядокъ, преступленія и проступки никогда не переведутся, процессы никогда не прекратятся, полиція и администрація никогда не останутся безъ дѣла. Весь вопросъ только въ томъ, въ какихъ отношеніяхъ, въ какой пропорціи будутъ находиться между собою нарушение правъ и правосудие, безпорядки и устройство. Не въ томъ сила, чтобы каждый безъ наъятія имблъ свой втрный кусокъ хліба, свой кровъ, свой достатокъ, а въ томъ, чтобы бездомовье и нищета не стали общимъ правиломъ для массы народа. Въ каждомъ здоровомъ организм' в есть во всякое время возможность бользней; но если нътъ повода, нътъ благопріятствующихъ обстоятельствъ, эта возможность и остается до времени возможностью; а представится случай, причина — возможность переходить въ дъйствительность, появляется бользнь, развивающаяся последовательно и правильно, по свойственнымъ ей законамъ. Бездомность, необезпеченность быта, пока она не охватила огромной массы людей, есть такое же печальное явленіе общественной жизни, какъ и многія другія, но не есть еще привнакъ органического разстройства. Противъ нихъ разныя палліативныя мітры имітють настоящее свое употребленіе и ока-

Digitized by Google

зываютъ дъйствіе. Но когда въ это положеніе придутъ большія массы, или, что еще хуже, большинство народонаселенія, тогда-то опасность становится велика и тутъ палліативы ничего не помогутъ: очевидно, общественный организмъ страждетъ, и нужны сильныя, радикальныя лъкарства, успъхъ которыхъ всегда сомнителенъ.

Я думаю, что при существованіи общиннаго землевладінія, разумівется въ надлежащей пропорціи съ личною поземельною собственностью, опаснаго для общественной экономіи перевіса людей бездомныхъ никогда быть не можеть, какъ бы народонаселеніе ни увеличилось. Участокъ, котораго теперь едва достаточно для прокормленія четырехъ человіть, съ умноженіемъ народонаселенія и необходимымъ, вслідствіе того, улучшеніемъ сельскаго хозяйства, будетъ кормить восемь, десять, двадцать человіть. Къ средствамъ, извлекаемымъ непосредственно изъ земли, придуть на номогу другіе промыслы, всегдашніе спутники густаго сельскаго населенія и боліте развитаго общественнаго быта, а это въ свою очередь еще значительно увеличитъ число людей, осідлыхъ на одномъ участкіть.

Замѣчу еще одно, весьма важное обстоятельство: если вокругъ густыхъ массъ осъдлаго и домовитаго сельскаго народонаселенія обростутъ многочисленные слои бездомныхъ людей, въ этомъ еще нѣтъ большой бѣды. Бѣда, когда въ быту, въ привычкахъ, въ убѣжденіяхъ массы сельскаго населенія изчезнетъ понятіе о домовитости, о ничѣмъ нетревожимой осъдлости, о прочности его ежедневной жизни. Когда масеа народа глубоко пустила корни въ землю, создается крѣпкій бытъ и крѣпкіе нравы, которые сообщаются и остальному народенаселенію, каково бы оно ни было. А въ нравахъ вся сила народа; въ нихъ тотъ геній его, который на дѣлѣ исправляеть недостатки законовъ и учрежденій и спасаетъ общество въ годины великихъ бѣдствій. Вездѣ, гдѣ сельскія массы домовиты и прочно-осъдлы, онъ являются санымъ охранительнымъ общественнымъ элементомъ, о который сокрушаются всъ невзгоды, внъшнія и внутреннія. Отвоевывая мало-по-малу маъ-подъ сельскаго класса почву, къ который оно приростаетъ по своему положенію, исключительная личная собственность поражаетъ нравы и кръпость народную, устойчивость массъ, въ самомъ ихъ источникъ.

Но, спросять меня, въ какой же именно пропорціи должны быть распределены въ каждомъ общественномъ организмъ общинное владение и личная собственность? На это я не могу отвъчать. Задача эта можетъ быть решена лишь опытомъ, мудростью правительствъ и наукой, которая, сказать мимоходомъ, пока еще мало о ней заботилась. Эту задачу едва ли и можно рышить одною формулой. Смотря по мыстности, по славным промысламъ и занятіямъ жителей, по національным в особенностямъ, она, въроятно, получитъ нъсколько различныхъ ръшеній; легко можетъ быть, что ръшеніе будетъ зависъть даже отъ степени развитія народа, отъ его историческаго возраста и степени возмужалости. А пока ничего не сдълано для решенія этого вопроса, пока онъ даже и не поставленъ, трудно согласиться съ теми, которые такъ горячо настапваютъ на продаже государственныхъ земель въ частныя руки, ожидая отъ этого чрезвычайной пользы для общественнаго и экономическаго развитія. Мив кажется, что этимъ деломъ ворсе не следуеть слишкомъ спешить. Государственныя земли могутъ еще понадобиться подъ общинныя земли, или для промъна на общинныя же зомли, состоящія въ частной собствонности. Во веякомъ случат, лучше сперва осмотръться хорошенько...

Велико счастіе того государства, у котораго много такихъ земель, но разсчитыван на это богатство, не думать о будущемъ не следуетъ.

Наконецъ, подъ умѣряющимъ вліяніемъ общиннаго землевладѣнія и личная поземельная собственность будетъ заселяться на условіяхъ гораздо выгоднѣйшихъ для массы, чѣмъ при исключительномъ господствѣ личной собственности; а разъ заселенная густо, она, по естественному ходу дѣлъ, получитъ значеніе общественное, какъ городъ, фабрика, заводъ, и т. п. Такимъ образомъ то, чего нельзя достигнуть никакими законодательными мѣрами, то подъ вліяніемъ общиннаго землевладѣнія устроится и введется само собою, безъ нарушенія чьихъ либо правъ и безъ всякой регламентаціи, стѣсняющей свободныя сдѣлки и бойкій размахъ прэмышленныхъ предпріятій.

Многіе разсуждають такъ: если общинное землевладёніе должно служить къ обезпеченію быта массъ, то средство это, при постепенномъ вздорожаніи земель, обойдется несравненно дороже, чёмъ всё возможныя таксы для бёдныхъ и общественныя благотворительныя учрежденія, вмёстё взятыя. Сталобыть, это просто не разсчетъ, — мёра въ финансовомъ и экономическомъ отношеніи неправильная и убыточная.

Мнт кажется, что сравнивать обезпечене для массы земледыванных обезпечене для массы земледыванных обезпечене для массы земледыванных обезпечене съ общественною благотворительностью, въ какихъ бы то ни было видахъ, значить не понимать вопроса. Сохранене за сельскимъ населенемъ возможности трудиться для себя есть мтра общественной организаціи, которая уравновтшиваетъ экономическія силы; вст же прочія формы попеченія о народт клонятся лишь къ ближайшему, непосредственному смягченію и отвращенію зла, уже произведеннаго соціальною анархіей. Отношеніе ихъ такое же въ общественной экономін, какое въ медицинт между гигіеною и терапіей. И система мелкихъ арендъ и такса для бтаныхъ равно имтютъ предметомъ польку народныхъ массъ, преммущественно бтантиніе классы; но только это одно и есть у нихъ общее: во всемъ прочемъ онт совершенно различны.

Если оценивать сравнительную ихъ выгоду по тому только, которая изъ нихъ дешевле, то, идя логически, надобно признать, что выгодите жить въ сырой и зловонной комнатъ и всть несвежую пищу, потому что лечене происходящихъ оттого бользней (если только оно возможно!) обойдется дешевле, чъмъ прожить всю жизнь въ сухой квартиръ съ хорошимъ воздухомъ и питатьси здоровою пищей. Подобные выводы и разсчеты свидътельствуютъ только о глубокомъ, коренномъ извращеній всёхъ понятій. Общественная благотворительность отучаетъ людей стоять на своихъ ногахъ, и напротивъ пріучаетъ высматривать хлъбъ изъ чужихъ рукъ; этимъ она унижаетъ и развращаетъ ихъ, развиваетъ въ нихъ праздность н тунеядство, а вижстъ требовательность и претензіи, вичжиъ неоправдываемыя. Новыя покольнія, рожденныя и воспитанныя въ такой средъ, всасывають въ себя съ молокомъ матери эту нравственную порчу. Хороши выйдуть изъ нихъ граждане! Иныя дъйствія имъетъ отводъ земель въ пользованіе. Земля ной участокъ — это одно лишь условіе, возможность, которая приносить что-нибудь тогда только, когда оплодотворяется трудомъ. Стало-быть, чтобъ имъ воспользоваться, надобно непременно и во что бы то ни стало трудиться. Отъ степени труда зависить и міра вознагражденія, которое можеть расти н умножаться; это не то, что благотвореніе, которое по необходимости скудно измерено и определено и только утоляетъ на время голодъ. Владълецъ участка можетъ, трудясь усердно. поправить свои дела, жить въ довольствъ, даже разбогатъть и стать собственникомъ капиталистомъ, потому что участокъ даетъ ему точку опоры. съ чего подняться. И онъ трудится. Всв нравственныя его силы употребляются въ дело. Въ этой эдоровой атмосферъ труда, осъдлости, семейственности, раждается и воспитывается доброе, трудолюбивое племя. Наконецъ, отводъ земляныхъ участковъ уже потому не имъетъ ну егы в

общаго съ благотворительностью, что последняя оказывается безвозмездно и есть чистый расходъ, убытокъ, тогда какъ за арендные участки земледъльцы вносять арендную плату, которая, при процвътаніи сельскаго хозяйства и благосостоянія массъ, съ возрастаніемъ цёнъ на произведенія и земли, можетъ быть періодически, постепенно, возвышаема, не обращаясь въ спекуляцію и аферу, разсчитанную на зависимое положеніе земледъльческихъ классовъ, потому что правительство не торгашъ и не спекулянтъ. Повторяю: обезпечение землевладънія за сельскими массами есть мъра соціальной экономіи и общественнаго благоустройства, а отнюдь не мъра благотворительности. Филантропическія идилліи не имъють съ нею ничего общаго. Ограждение низшихъ слоевъ общества отъ монополіи частной собственности посредствомъ общиннаго владънія есть государственный институть, подобно администраціи, правосудію, а не чрезвычайная міра, вызываемая чрезвычайными обстоятельствами.

Наконецъ, мит возразатъ: пользование общинными участками очень стеснительно: въ нихъ нельзя учреждать субъ арендъ, нельзя владъть постоянно двумя арендными участками, и т. д. Возможно ли, чтобъ эти ограничения на дълъ соблюдались? Ихъ, навърное, будутъ обходить, владъть нъсколькими участками подъ чужими именами. сдавать эти участки другимъ подъ разными благовидными предлогами, такъ что въ дъйствительности эта система не осуществится, или осуществится лишь отчасти.

Едва ли. Съ увеличениемъ народонаселения строгое исполнение этой системы будетъ охраняться бдительнымъ надзоромъ самихъ заинтересованныхъ, то есть тъхъ, которые желаютъ получить такие участки для себя. Они тотчасъ же разузнаютъ кто и какъ владъетъ арендой и имъетъ ли на то право, и въ своихъ собственныхъ интерессахъ будутъ разоблачать нару-

менія закона. Стадо-быть, слишкомъ часто они повторяться не могутъ; но что все-таки они встръчаться будутъ, въ этомъ нътъ сомнънія. Ихъ нельзя будетъ вполнъ искоренить; нельзя въдь совершенно искоренить и тайной продажи контрабандныхъ и неоплаченныхъ акцизомъ говаровъ, нельзя совершенно искоренить злоупотребленій, убійствъ и другихъ преступленій, однако таможенная, акцизная система и юстиція существуютъ же и оказываютъ свое дъйствіе?

Таковы основанія, которыя побуждають меня смотръть на общинное землевладініе какь на одинь изъ важнівшихь и существеннівшихь элементовь въ теперешнемь и будущемь устройствів земледільческаго класса въ Россіи.

Самые снисходительные изъ читателей найдуть, можетьбыть, что если и принять изложенныя выше начала, то все же непонятно, что они могуть имъть общаго съ общиннымъ и мірскимъ устройствомъ? Да и къ чему оно? Если міръ не можетъ передълять участковъ и раздавать ихъ по своему благоусмотрънію, то не проще и не върнъе ли учредить особливое казенное управленіе, которому и дать въ руководство, къ непремънному исполненію, правила о раздачъ мелкихъ фермъ.

И съ этимъ никакъ недъзя согласиться. Никакое казенное управленіе въ мірѣ, какъ бы оно совершенно ни было, не въ состояніи такъ безпристрастно и справедливо примѣнять систему арендныхъ участковъ къ даннымъ частнымъ случаямъ, приспособить топографическое очертаніе этихъ участковъ къ данной мѣстности, къ ближайшимъ потребностямъ и цѣлой мірской общины и каждаго изъ ея членовъ, какъ именно та община, которая поселена на этихъ участкахъ. Она всего болѣе заинтересована въ точномъ исполненіи правилъ арендной системы, потому что большинство претендентовъ на свободные арендные участки будетъ преимущественно нараждаться изъ нея же самой и принадлежать къ ней. Сверхъ того, особое

казенное управление стоило бы государству больших издержекь, тогда какъ главныя его обязанности, распредъление участковъ и сборъ съ фермеровъ арендныхъ платежей, могутъ производиться, какъ в теперь производятся, мірскими обществами, безъ всякихъ издержекъ со стороны правительства. Поэтому нельзя не отдать преимущества управлению арендными участками посредствомъ общинъ, надъ управленіемъ ихъ посредствомъ коронныхъ чиновниковъ. А если случатся претензіи, недоразумънія и злоупотребленія, то ихъ разберетъ судъ, обыкновеннымъ порядкомъ.

Въ Европъ, гдъ земледъльческіе классы освобождены отъ землевладъльцевъ съ столькими пожертвованіями, съ пролитіемъ крови, исключительное господство личной собственности водворяетъ мало по малу ихъ зависимость снова. Вотъ многознаменательныя объ этомъ слова того же Ф. Вальтера. Я нарочно выписываю ихъ буквально:

Nachdem durch die neuere und neueste Gesetzgebung in Preussen der gutsherrliche bäuerliche Verband aufgelöst, die Mittelzustände erblicher Nutzungsverhältnisse in das volle Eigenthum des Bauern umgewandelt, die bisherigen Leistungen zwar als Reallasten beibehalten, deren Ablösung aber angebahnt und durch die Rentenbanken erleichtert ist: so wird es, wenn dieses vollständig ausgeführt sein wird, nur noch eine doppelte Klasse von Bauerngütern geben: Güter, die im unbelasteten Eigenthum des Bauern stehen, und gewöhnliche Pachtgüter. Es fällt dadurch das Bauernrecht unter das gemeine Recht. Dasselbe ist der Gang und die Richtung der Gesetzgebung auch in andern Ländern. Ob die dadurch für den Bauern bezweckten Vortheile, bei fortgesetzten Theilungen des Bodens, bei der daraus entstehenden Verarmung, und bei der Leichtigkeit hypothekarischer Anleihen sich auf die Länge werden halten können, ist sehr zweifelhaft. Wahrscheinlich wird, bei der zunehmenden Macht des Geldes, das Grundeigenthum immer mehr an die Reichen fallen, und, wie das Beispiel von Oberitalien in der Nähe der Städte zeigt, die Nachkommen sich glücklich schätzen, als Pächter auf der Scholle zu sitzen, welche ihre Vorfahren als Eigenthümer gebaut haben. Es werden sich zwischen dem Herrn und dem Pächter, der die Aufkündigung fürchtet, thatsächlich neue Bande der Abhängigkeit bilden; allein ohne den Geist des Wohlwollens und der gegenseitigen Zuneigung, der ehemals diese Institutionen belebte und dem Herrn nicht blos Rechte gab, sondern auch Pflichten auferlegte. Es wird vielleicht dem Boden durch die stärker angespannte Kraft des Pächters ein grösserer Ertrag abgewonnen werden; allein dieser Gewinn wird nicht, wie sonst bei den unveränderlich festgesetzten Leistungen, seinem Fleisse zu Gute kommen, da der Herr den Pachtzins des gebesserten Gutes nach Ablauf der Pachtzeit steigern kann. Es wird vielleicht die Gesetzgebung diesem wucherlichen Geiste eine Schranke entgegenzustellen suchen. Allein mit der dadurch nöthig werdenden Beschränkung der Freiheit des Herrn muss billiger Weise die Beschränkung der Freiheit des Pächters Hand in Hand gehen, und so können doch wieder in irgend einer Form organisirte persönliche Abhängigkeitsverhältnisse, wie das Colonat des sinkenden römischen Reiches, geschaffen werden müssen. Falsch ist, dass man dem Princip der unbedingten Theilbarkeit des Bodens das Erbpachtverhältniss und ähnliche Mittelzustände zum Opfer gebracht hat. Diese Formen waren wohlthätig, weil sie die Erhaltung des Hofes schützten, und dem Bauern billige Bedingungen, Sicherheit der Existenz für sich und seine Kinder, und dadurch den Antrieb zum Fleisse und zur Besserung der Cultur gewährten. Die Folgen der verkehrten Richtung wurden auch bereits in dem reissenden Verfall des Bauernstandes, in der Kläglichkeit seiner Existenz und in dem Anwachs des ländlichen Proletariates sichtbar. Hin und wieder denkt man auch schon mit der Theilbarkeit einzulenken. Will man erbliche Nutzungsverhältnisse festhalten oder herstellen, so wird es zur Vereinfachung am gerathensten sein, alle Formen der Art durch die Gesetzgebung in der Erbpacht oder Emphyteuse nach ihrem ächten Sinne zu verschmelzen und die Theorie vom getheilten Eigenthum über Bord zu werfen (crp. 587 u 588).

Въ выноскъ къ этому мъсту, Вальтеръ приводитъ слова. Нибура, въ томъ же смыслъ:

Mit ganz untadelhaften Absichten und wirklich in der Meinung, dem Bauer wohl zu thun, richtet man den ganzen Bauernstand zu Grunde durch die ihm gegebene Berechtigung zu verkaufen, zu zerstückeln und zu verpfänden: und so geht es in allen Dingen. Die allerplattesten Meinungen sind allgemein herrschend geworden; und mögen Ministerien oder Stände darüber zu entscheiden haben, so bekommt man dieselben Resultate. Die Leute thun es nicht aus Bösem: aber alle deutsche Staaten, die nicht ganz stationär sind, gehen, nach dem Ausdruck eines ausgezeichneten Mannes, mit ihrer Gesetzgebung dahin, unsere Nation dahin zu bringen, wo die Italiener sind: in den Städten Pfuscher und Krämer, auf dem Lande zeitpachtendes oder tagelöhnendes Lumpengesindel (тамъ же).

Всё эти бёдствія отстраняются просто, естественно, сохраненіемъ общиннаго нашего землевладёнія, съ тёми лишь необходимыми коррективами, на которыя указываетъ мёстами самый опытъ, самая жизнь. Можно ли послё этого сочувствовать тёмъ, даже умёреннымъ противникамъ общиннаго землевладёнія, которые, не рекомендуя насильственныхъ мёръ для его отмёны, не безъ удовольствія ожидаютъ того времени, когда оно постепенно и естественно перейдетъ въ частную собственность. Нётъ, тысячу разъ нётъ! Исторія, народные инстинкты и разныя благопріятныя обстоятельства сохранили, къ счастью, это учрежденіе до той минуты, когда Россія изъ полупатріархальнаго быта переходитъ въ бытъ гражданскій, промышлен-

ный и коммерческій. Дорожите, какъ віницею ока, этимъ неразвитымъ еще, но драгоціннійшимъ залогомъ правильной соціальной организаціи. Беритесь за него съ крайнею осторожностью и не спішите преобразовать, пока не изучите всі его стороны, не вникнете глубоко въ его сокровенный смыслъ. Если, гді містами смыслъ народный ослабіль и не дорожить боліте этою своею святыней и вітрнымъ оплотомъ противъ будущихъ біль, поддержите его, закріпите закономъ, на вічныя времена. Мале-но-малу, оно перейдеть въ личную, пожизненную поземельную аренду, но храни насъ Боже, чтобъ оно перейшло въ личную собственность.

And provided the second of the

ЗАМЪТКА О ПОДРЯДАХЪ И ПОСТАВКАХЪ.

The first of the field of the f

Въ носледнее время способы заготовленія провіянта для военнаго ведомства сделались предметомъ оживленной полемики въ журвалахъ. По важности вопроса, эти споры обратили на себя общее вниманіе. И не мудрено: въ частной, снеціяльной обрить обсуждался одинъ изъ важнейшихъ предметовъ государственной экономіи, касающійся всехъ ведомствъ, обнимающій громанныя цифры ежегоднаго расхода — цифры, передъ которыми расходъ на ежегодное заготовленіе провіянта для войска составляетъ лишь скромную частицу. Действительно, что значить цена муки и крупы, потребныхъ для войска, въ сравненіи

съ суимою, расходуемою ежегодно на удовлетвореніе разнообразнійшихъ потребностей по всімъ відомствамъ и управленіямъ? Та или другая система заготовленія или снабженія становится, съ этой точки зрінія, вопросомъ первостепенной важности, и касается уже не той или другой администраціи, а всіхъ відомствъ и учрежденій.

Мы не довольно спеціяльно знакомы съ предметомъ, чтобы считать себя въ правъ ръшать, какое изъ высказанныхъ мнтый основательнъе и справедливъе, и предоставляемъ это тъмъ, которые знаютъ больше насъ. Но намъ кажется, что въ сужденіяхъ по этому предмету вниманіе было слишкомъ исключительно обращено на одну экономическую, хозяйственную сторону дъла, и совершенно опущена изъ виду сторона юридическая, которая во встхъ житейскихъ дълахъ играетъ такую большую роль и потому не можетъ оставаться безъ ощутительнаго вліянія на матеріяльную сторону хозяйственныхъ операцій. Объней-то мы и хотимъ напомнить.

Когда частный человъкъ или какое-нибудь частное учрежденіе—пансіонъ, фабрика, заводъ, акціонерная компанія и т. п., заключаютъ договоръ о подрядъ или поставкъ съ частнымъ же лицомъ, то послъднее выговариваетъ себъ цъну, представляющую издержки, потребныя на исполненіе договора и барышъ отъ предпріятія. Издержки въ приведенномъ случат изчисляются довольно приблизительно къ расходамъ подрядчика на пріобрътеніе и доставку поставляемыхъ вещей или на исполненіе работъ по подряду, потому что если другая договаривающаяся сторона станетъ спорить противъ подрядчика, браковать его вещи или работу, и, ссылаясь на то, будетъ удерживать договоренную плату, то подрядчикъ или поставщикъ можетъ жаловаться постороннему сдълкъ посреднику, — сулу, который разберетъ дъло и принудитъ виноватаго-подчиниться заключеннымъ условіямъ, или заплатить ущербъ и убытки.

Но положимъ, что частное лице, не довольствуясь этимъ общимъ способомъ обезпеченія противъ возможныхъ неисправностей поставщика или подрядчика, введеть въ контрактъ особливое условіе, въ силу котораго предоставитъ самому себъ исключительное право судить, исправно выполненъ контрактъ, или неисправно, и сообразно съ тъмъ, смотря по обстоятельствамъ, налагать на контрагента штрафъ, распоряжаться его залогами, платить или не платить ему по условію: ясно, что последнему невозможно будеть въ этомъ случае разсчитывать свои издержки и барыши такъ, какъ онъ ихъ раасчитывалъ въ первомъ. Дъло выходитъ уже рискованное, и ему придется и къ расходу и къ барышу причесть страховую премію, величина которой будеть зависьть отъ дичности контрагента и пріемщика. Чрезъ это подрядная или поставочная цена должна будетъ значительно возвыситься, и тотъ, кто договаривался съ подрядчикомъ, достигнетъ совстмъ не той цъли, которую имълъ въ виду: онъ хотълъ избъжать хлопотъ и издержекъ въ полиція, въ судахъ, а на дълъ вещь или работа обошлись ему дороже. Положимъ, что онъ, чтобъ помочь этому, прибъгнетъ къ торгамъ; но и съ торговъ подрядъ или поставка пойдутъ по возвышенной цънъ, лотому что каждый изъ поставщиковъ и подрядчиковъ, сколько бъ ихъ ни явилось, будетъ вводить въ разсчетъ расхода и прибыли рискъ, которому онъ подвергается, принимаясь за такое сомнительное предпріятіе.

У насъ казенные подряды и поставки окружены разными условіями, необходимо и естественно возвышающими подрядныя и поставочныя цѣны. По договорамъ и обязательствамъ, заключеннымъ казною съ частными лицами, не могутъ быть предъявляемы споры въ судебныхъ мѣстахъ, а допускаются лишь жалобы начальству того мѣста, которое заключило договоръ 1).

¹⁾ Свода Зак. (изд. 1857 г.) т. X, часть 2 (Зак. о Судопр. Гражд.) ст. 104. Ч. IV. 25

Сверхъ того, выполнение договора и окончание разсчетовъ казеннаго въдомства съ подрядчикомъ или поставщикомъ не освобождають его отъ отвътственности за тотъ же подрядъ или поставку въ будущемъ; ибо если при повъркъ счетовъ подчиненныхъ мъстъ, или при составлени самыхъ разсчетовъ въ Министерскихъ Департаментахъ за прежнее время, будуть открыты неверности по обязательствамъ съ казною и взысканія съ контрагента, то отъ последняго могуть еще быть потребованы объясненія 1). Значить, даже по выполненіи обязательства и по полученіи следующихъ за подрядъ и поставку денегъ, контрагентъ не увъренъ, что это дъло совершенно конченное. Вследствіе этого последняго обстоятельства, страховая или рисковая премія должна быть разсчитана еще выше, потому что въ торговыхъ и промышленныхъ дълахъ вещи и работы оцъняются тъмъ дешевле, чъмъ дъло върнъе, и чти больше оборотовъ можно сделать съ капиталомъ въ данное время.

Противъ этихъ замѣчаній многіе возражаютъ такъ: конечно, эти условія казенныхъ подрядовъ и поставокъ представляютъ свои неудобства для контрагентовъ, но что жь сь этимъ дѣлать? Контракты казны съ частными лицами имѣютъ свои особенности, вслѣдствіе которыхъ ихъ невозможно подвести подъ одни начала съ частными договорами. Казна имѣетъ неотложныя потребности; если онѣ не будутъ удовлетворены немедленно, то, не говоря уже объ убыткахъ, изъ этого можетъ произойти существенно вредное разстройство въ государственномъ хозяйствѣ. При томъ же казна дѣйствуетъ не непосредственно, какъ частное лице, а чрезъ чиновниковъ, и потому всегда болѣе частныхъ лицъ подвержена убыткамъ, обманамъ, даже стачкамъ между представителями казны и контрагентами, а

¹⁾ Тамъ же, ст. 120.

обыкновенный судебный порядокъ недостаточенъ для защиты ея интересовъ, потому что продожителенъ и не всегда надеженъ. Итакъ, чтобъ уравнять въ контрактахъ взаимное положеніе казны и подрядчика или поставщика, необходимо оградить первую, въ точномъ и добросовъстномъ выполненіи заключенныхъ съ нею условій, съ одной стороны контролемъм мъстъ и лицъ высшихъ надъ низшими, а съ другой непосредственною принудительною властью по выполненію контрактовъ.

Нельзя оспаривать справедливость побудительныхъ мотивовъ, дълающихъ особенныя мъры для огражденія интересовъ казны необходимыми. Но весь вопросъ въ томъ, достигаютъ ли означенныя выше два условія предположенной цъли? Мы думаемъ, что не достигаютъ, и вотъ на чемъ основано это мнъніе:

Несмотря на исполнительную власть казны и устраненіе суда по дёламъ о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ, неисправности контрагентовъ могутъ встречаться и встречаются довольно часто. Намъ замътятъ, можетъ-быть, что, при подчиненіи казенныхъ договоровъ общему порядку, случаи неисправности навърное умножатся. Но такое предположение ни на чемъ не основано. Если частные подряды и поставки исполняются безъ помощи двухъ приведенныхъ мёръ, то почему же непремънно казенные не будутъ выполняться? Разсуждая о коммерческихъ предпріятіяхъ, къ которымъ относятся подряды и поставки, надо прежде всего обращать внимание на выгоды и разсчеты контрагента; они, а не что-нибудь другое, разръшатъ вопросъ, вынолнить или не выполнить онъ принятое на себя обязательство. Когда контрагенту угрожаеть за неисправность судь, то ему гораздо выгодние выполнить контракть, чъмъ быть неисправнымъ, потому что въ первомъ случат онъ скорбе получить деньги и следовательно возможность заняться другимъ деломъ; во второмъ же случае онъ долженъ потерять

много времени, тратиться въ судахъ и лишается возможности располагать своими залогами и капиталами, которые подвергаются аресту или опекъ. Итакъ, въ этомъ случаъ, какъ и во всъхъ другихъ житейскихъ дълахъ, собственная выгода контрагента върнъе будетъ обезпечивать его исправность, чъмъ всевозможныя административныя предосторожности.

Но, скажутъ намъ, не примъняются ли всъ эти разсужденія и къ теперешнему порядку? Выгода подрядчика и поставщика не побуждаютъ ли его и теперь быть исправнымъ? Исправенъ онъ — онъ тотчасъ же получитъ разсчетъ и деньги; неисправенъ — тъ же послъдствія ожидаютъ его, какъ и по суду. Разсмотръніе дъла административнымъ или судебнымъ порядкомъ не играетъ въ этомъ случать никакой существенной роли.

Съ этими разсужденіями едва ли можно согласиться. Въ казенномъ подрядт или поставкъ казна является одною изъ договаривающихся сторонъ, которая естественно ищетъ соблюсти какъ можно больше свои выгоды, а быть безпристрастнымъ судьею въ своемъ дълъ нельзя: это юридическая аксіома, дав но встми признанная. Предположимъ, что присутственное мтсто или должностное лице, заключающее договоръ подряда или поставки въ качествъ представителя казны, и пріемщикъ-отличаются большою рачительностію и добросовъстностію. Заботясь о соблюденіи интересовъ казны, они естественно будуть строги къ контрагенту, --- можетъ быть строже, чемъ бы следовало. Опасеніе такой чрезмірной строгости и заставить подрядчика поднять подрядную цену при торгахъ. Будь въ случать спора судъ посредникомъ между казною и частнымъ лицомъ, подобное опасеніе не могло бы имъть мъста, потому что сулъ не заинтересованъ ни въ пользу казны, ни въ пользу контрагента; ему все равно, кто изъ нихъ правъ, кто не правъ въ своихъ обоюдныхъ претензіяхъ.

Предположимъ, наоборотъ, что представители казны въ подрядномъ дёлё не заботливы къ интересамъ ея, соблюдаютъ только предписанныя формы, чтобъ не подпасть отвётственности, и не прочь извлечь, гдё можно, свои выгоды. Въ этомъ случаё, существующія правила не только не обезпечиваютъ интересовъ казны, исправности подрядчика или поставщика, но, напротивъ, только поддерживаютъ и распложаютъ злоупотребленія.

Еслибъ судъ былъ посредникомъ между казною и контрагентомъ, то последній быль бы вынуждень исполнять подрядъ или поставку какъ можно тщательнее; чрезъ это онъ могъ бы избъжать придирокъ со стороны пріемщика, принеся на него жалобу въ судъ, который оправдалъ бы его; конечно, онъ могъ бы, и при посредничествъ суда, прибъгнуть къ стачкъ съ пріемщикомъ; но такая стачка-дъло рискованное, которое всегда можетъ обнаружиться и навлечь много хлопотъ въ последствии. Во всякомъ случать, еслибъ судъ разбиралъ споры по обязательствамъ между казною и частными лицами, для последнихъ предстояль бы, при не слишкомъ строгой добросовъстности чиновника, по крайней мъръ выборъ между точнымъ выполнениемъ контракта и стачкою. Но при дъйствующихъ ныи правилахъ у него нътъ этого выбора; контрагенту предстоить одно изъ трехъ: или выполнить контрактъ хорошю, но предоставить нъкоторыя выгоды представителямъ казны и пріемщику; или выполнить дурно, но покрыть свою неисправность сдълкою съ чиновниками; или, отказавъ во всякихъ выгодахъ лицамъ, имъющимъ въ этомъ дъль участие въ качествъ органовъ казны, оказаться неисправнымъ и подвергнуться всьиъ тяжкимъ последствіямъ неисправности. Последняя шанса слишкомъ невыгодна, и ръдкій на нее ръшится, особливо когда ее такъ легко избъгнуть, избравъ одно изъ первыхъ двукъ средствъ. Кто же несетъ убытки и терпитъ ущербъ?

Разумъется, казна; она или платитъ лишнее или получаетъ товары худаго качества и плохую работу.

Ни контроль, ни подробныя правила и инструкціи, ни справочныя цёны не въ силахъ отвратить безпорядковъ и злоупотребленій, вытекающихъ изъ самаго существа теперешнихъ юридическихъ положеній о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ. Атло торговое и коммерческое, по природъ своей свободное, такъ или вначе, прокладываетъ себъ тропинку сквозь регламентативныя міры, и когда оні ему мішають, оно уничтожаетъ силу и дъйствіе ихъ на практикъ. Не считаемъ нужнымъ приводить примёры: они слишкомъ живо представятся всякому, кто сколько-нибудь понимаетъ дъло. Промышленность, какъ все на свътъ, живетъ по своимъ законамъ, отъ которыхъ не можетъ отступить; правила, составленныя вопреки этимъ законамъ, стъсняя естественный ея ходъ, только дають ей ложное направленіе, которое обнаруживается въ ненормальныхъ явленіяхъ, всегда убыточныхъ, для того, въ чью пользу тъсснительныя мёры поставлены.

Въ основании ошибочныхъ взглядовъ на юридическія свойства казенныхъ подрядовъ и поставокъ лежитъ сопоставленіе ихъ съ другими казенными взысканіями. Разсуждаютъ такъ: подати, пошлины и другіе казенные сборы взимаются же исполнительнымъ порядкомъ, безъ всякаго спора въ судебныхъ мѣстахъ ¹). Исполненіе казеннаго подряда или поставки подходитъ подъ ту же категорію казеннаго взысканія, и потому можетъ и должно подлежать тъмъ же правиламъ. Но такое сближеніе совершенно неправильно. Между взысканіемъ казенной подати, пошлины, сбора и исполненіемъ договора, заключеннаго съ казною, лежитъ та огромная разница, что первое вытекаетъ изъ государственнаго права, а второе изъ гражданскаго.

Св. Зак. т. Х. Зак. о Судопр. Гражд. ст. 102.

Обязанность платить подати, пошлины, сборы не проистекаетъ изъ договора или условія, а предписывается государственною властью къ непремънному исполненію, и при томъ размъръ податей, пошлинъ, сборовъ опредъляется тою же властью и не зависить отъ произвола частныхъ лицъ. Напротивъ, заключая контракты, покупая и продавая, казна является частнымъ лицомъ, вступаетъ, подобно ему, въ добровольныя юридическія сдълки; туть, слъдовательно, выгоды и невыгоды ея вполнъ зависятъ отъ свойства предлагаемыхъ ею условій, а условія эти, какъ мы видели, невыгодны для подрядчиковъ, и въ последнемъ результате для самой казны. Отсюда следуетъ. что устраненіе посредничества суда и исполнительная власть казны, мітры полезныя и необходимыя въ отношеніи къ податамъ и разнымъ сборамъ, не имъютъ тъхъ же послъдствій въ отношеніи къ казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, потому что основанія техъ и другихъ совершенно иныя.

Въ заключение, замътимъ еще одно, очень важное обстоятельство. Исполнительный характеръ казенныхъ взысканій по подрядамъ и поставкамъ, возможность привлечь къ отвътственности контрагента и послъ исполненія имъ договора, имъли, косвеннымъ образомъ, неблагопріятное для самой казны вліяніе на развитіе законодательства объ этомъ предметь. Подрядчики и поставщики, опасаясь риска, который такія предпріятія представляють при указанных двухь условіяхь, не охотно стали являться на торги. Чтобъ увеличить конкуренцію ихъ и тъмъ уменьшить подрядныя и поставочныя цъны на торгахъ, правительство вынуждено было требовать отъ контрагентовъ меньше залоговъ, съ меньшею разборчивостію принимать эти залоги, оказывать контрагентамъ, при исполнении ими договоровъ, въ особенности же контрагентамъ неисправнымъ, разныя, весьма значительныя снисхожденія и т. п. Такимъ образомъ, въ сущности, казна теперь менъе обезпечена при неисправности подрадчика или поставщика, чёмъ частное лице. Мёры, представляющія лишь кажущееся, мнимое обезпеченіе, приводятъ казну, въ дёйствительности, къ убыткамъ и къ необезпеченности ея взысканій.

Какими же средствами, спросятъ насъ, оградить казну отъ ущербовъ по подрядамъ и поставкамъ? Ръшение этого вопроса не входить въ предълы задачи, которую мы себъ предложили и повело бы насъ слишкомъ далеко. Замътимъ только, что дъйствительными средствами, какъ въ этомъ, такъ и во всъхъ другихъ подобныхъ случаяхъ, всегда будутъ: хорошій выборъ лицъ, заключэющихъ именемъ казны договоры, и пріемщиковъ и щедрое вознагражденіе тъхъ и другихъ; строгій и правильный уголовный судъ надъ теми чиновниками, которые позволяютъ себъ злоупотребленія и стачки по дъламъ казеннымъ; правильный и безпристрастный гражданскій судъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ; отмена всякой ответственности контрагента, когда договоръ исполненъ и деньги ему заплачены. Для избъжанія проволочки въ судъ по дъламъ о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ, которая легко можетъ встрътиться, особливо если дело проходить по всемь судебнымь инстанціямъ, можно, на первое время, постановить правиломъ, что по дъламъ этого рода ръшенія судовъ первой инстанціи немедленно приводятся въ исполнение, не дожидаясь сроковъ аппеляцін; для большаго еще обезпеченія казны, при нынъшнемъ устройствъ судебной части, можно отнести такого рода дъла къ юрисдикціи гражданскихъ палать. Но какъ бы то ни было, во всякомъ случат, подчинение этихъ дълъ общимъ судебнымъ мъстамъ кажется намъ однимъ изъ наилучшихъ средствъ для приведенія этой отрасли казенныхъ операцій въ нормальное состояніе. Судъ даже оградить казну отъ злоупотребленій чиновниковъ, именно во встхъ тъхъ случаяхъ, когда контрактъ исполненъ добросовъстно и неисправность контрагента зависить

только отъ личности органовъ казны. Такимъ же вфрнымъ и дъйствительнымъ средствомъ считаемъ мы и отмъну всякихъ взысканій съ контрагента послѣ выполненія имъ договора. Во первыхъ, эти взысканія, по всей справедливости и строгому праву, могутъ падать лишь на однихъ пріемщиковъ, а отнюдь не на контрагента. При томъ, увъренность, что они одни будутъ отвъчать за убытки казны, заставить пріеміциковъ быть внимательнее къ своимъ обязанностямъ. Наконецъ, казна можетъ вести списки контрагентамъ, оказавшимся недобросовъстными и ненадежными, и не допускать ихъ впередъ къ торгамъ. Такъ или иначе, но то несомнънно, что для самой казны будетъ гораздо выгоднъе оставить безъ преслъдованія нечестнаго поставщика, чъмъ удерживать за собою право подвергать всъхъ контрагентовъ вообще последующимъ начетамъ и взысканіямъ, изъ одного опасенія, что между ними можетъ найдтись нечестный; ибо теперь именно недобросовъстный человъкъ скоръе вступить въ казенный полрядь, чемъ добросовестный, въ надеждъ обойдти его законныя послъдствія косвенными путями, на которые честный подрядчикъ не ръшится, или за которые онъ, можетъ быть, и не съумветъ взяться.

СООБРАЖЕНІЯ О ПРЕДМЕТАХЪ ЗАНЯТІЙ, ЦЪЛИ И СНО-СОБАХЪ ДЪЙСТВІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВОЛЬНАГО ЭКОНО-МИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

(записка, составленная въ 1857 году, по случаю провеходившихъ въ то время совъщаний о проэктъ новаго устава общества).

Императорское Вольное Экономическое Общество основано въ 1765 году «къ приращенію въ Россіи земледълія и домостроительства»; но въ то время съ этими названіями соеди-

нялось понятіе гораздо болье обширное, чымь теперь. Въ предисловін къ Уставу 1765 года сказано: «нізть удобнівійшаго средства къ приращенію во всякомъ государствъ народнаго благополучія, какъ стараться приводить экономію въ лучшее состояніе, показывая надежнёйшіе способы, какимъ образомъ натуральныя произращенія съ вящшею пользою употребляемы и прежніе недостатки поправлены быть могутъ». Согласно съ этимъ, въ гл. IV, ст. 2 того же Устава, дъйствительнымъ членамъ общества вивняется между прочимъ въ юбязанность: 1) «дълать върные опыты, касающіеся до домостроительства, земледълія, береженія и размноженія льсовъ 1), скотоводства, рыбныхъ и звъриныхъ промысловъ, горныхъ дълъ, мануфактуръ, всякихъ рукодълій и проч., не пренебрегая и того, что способствовать можеть къ сохраненію здравія сельскихъ жителей» (лит. a); 2) «подавать нли присылать въ собрание всякия собственныя сочинения, принадлежащія къ упомянутымъ разнымъ частямъ приватной и государственной экономіи» (лит. б); 3) «представлять новыя изобрѣтенія и способы, служащіе къ поправленію либо деревенской архитектуры, либо употребляемыхъ при экономическихъ работахъ разныхъ махинъ и инструментовъ».

Что касается до способовь дъйствія общества, то они, на основаніи плана и Устава 1765 года, состояли: 1) въ распространеніи въ народъ полезныхъ и нужныхъ знаній, для поправленія земледълія и домостроительства (планъ, ст. 1, предисл. къ Уставу); 2) въ сообщеніи русской публикъ «всякихъ полезныхъ примъчаній и опытовъ, также экстрактовъ и переводовъ изъ лучшихъ на иностранныхъ языкахъ экономическихъ книгъ» (тамъ же, начало статьи 6-й); 3) предста-

¹⁾ Въ Уставъ 1770 (гл. IV, ст. 1. п. а) в 1824 годовъ (гл. VIII, § 1. п. а) прибавлено: и есякиже растений.

вляемые членами «труды должны быть единственно практическіе, и для того никакія спекулятивныя и тому подобныя сочиненія принимаемы не будутъ» (тамъ же, ст. 6, пунктъ е); 4) въ «превосходную» заслугу передъ обществомъ вмёнено членамъ, если будутъ доставлять исправныя модели новоизобретенныхъ въ иностранныхъ государствахъ машинъ и инструментовъ, употребляемыхъ при экономическихъ работахъ (Уставъ, гл. IV, ст. 2, пунктъ е).

Въ Уставъ 1770 года означенное выше назначеніе общества и способы его дъйствія оставлены тъ же, и даже выражены тъми же словами. Но въ ст. 1 Устава о корреспондентахъ, 1790 года, сказано, что въ это званіе долженъ быть
принятъ, безъ балотированія, тотъ, «который себя присылкою
полезныхъ откровеній, изобрътеній и примъчаній или наблюденій изъ экономіи, касательно до земледълія, садоваго искусства, лъснаго промысла, скотоводства, разведенія шелка,
пчеловодства, звъриной или рыбной ловли; также и изъ тъхъ
къ экономіи принадлежащихъ математическихъ, механическихъ, технологическихъ и физическихъ наукъ, въ экономическомъ обществъ преимущественно себя отличитъ».

Дъйствующій нынъ Уставъ Вольнаго Экономическаго Общества (1824 года) есть самый полный изъ встять. Въ немъ назначеніе, цтаь и способы дтйствія общества опредтлены гораздо подробите, чтить прежде.

Уставомъ 1824 года учрежденъ въ обществъ совътъ, раздъленный на пять отдъленій. Въ 1845 году, существовавшее до того времени особливое общество для поощренія лъснаго хозяйства преобразовано въ шестое отдъленіе Вольнаго Экономическаго Общества; но въ 1851 году это отдъленіе закрыто и по прежнему осталось пять отдъленій. Изъ нихъ первое завъдываетъ капиталами, доходами и расходами общества, во второмъ сосредоточивается ученая дъятельность его

по всёмъ предметамъ его занятій, послёдніе же распределяются собственно между третьимъ, четвертымъ и патымъ отдёленіями.

III Отдѣленіе — сельскаго домоводства и опытнаго земледѣлія — «собираетъ всѣ статистическія по Россіи свѣдѣнія, дознаетъ по всѣмъ губерніямъ состояніе сельскаго хозяйства, радѣетъ о усовершенствованіи всѣхъ отраслей онаго, изыскиваетъ способы и принимаетъ мѣры къ распространенію плодородія и ко введенію всего, что упрочиваетъ оное. По назначенію совѣта и одобренію собранія общества дѣлаетъ дѣйствительные опыты по земледѣлію и домостроительству и по наблюдательномъ испытаніи дѣлаетъ объ оныхъ подробное донесеніе, съ изложеніемъ правилъ, или что найдетъ полезнымъ, какъ приспособить ко всеобщему употребленію. Оно же управляетъ школами земледѣльческими и рукодѣльными, когда общество пріобрѣтетъ достаточный капиталъ, на учрежденіе ихъ потребный» (гл. VII, § 7).

IV Отдъленіе — пекущееся о рукодъліяхъ всякаго рода и торговль (тамъ же \$ 4, п. 4), — «собираетъ всь свъдънія, кои могутъ служить къ усовершенствованію художествъ, мануфактуръ, ремеслъ, заводовъ, рыбныхъ ловель; печется о введеніи въ Россіи новыхъ изобрътеній и усовершенствованіи старыхъ; открываетъ способы къ скортишему водборенію ихъ повсемъстно въ Россіи; обращаетъ вниманіе свое на все относящееся до народной промышленности и придумываетъ способы къ отвращенію по сей части могущихъ встръчаться неудобствъ» (гл. VII, \$ 8).

Наконецъ, V Отдъленіе—попечительное о сохраненіи здоровья человъческаго и всякихъ домашнихъ животныхъ—«собираетъ свъдънія и сообщаетъ о средствахъ къ укръпленію здоровья и къ отвращенію бользней, особенно у сельскихъ жителей и ремесленниковъ, распространяя таковое попеченіе и къ сбереженію всякаго рода домашнихъ животныхъ, въ работу, пищу и одежду употребляемыхъ» (гл. VII, \$ 9).

Выраженный приведенными \$\$ Устава кругъ зянятій и дъйствій общества дополняется и поясняется, въ подробностяхъ, яткоторыми другими мъстами Устава 1824 года, а именно:

«Цѣль Вольнаго Экономическаго Общества ознаменовалась самыми предметами, коими оно до нынѣ занималось. Труды Вольнаго Экономическаго Общества распространились на всѣ отрасли сельскаго хозяйства, на рукодѣльныя всякаго рода произведенія, на внутреннюю промышленность, на сохраненіе здоровья сельскихъ жителей и на уврачеваніе скота. Изъ сего явствуетъ, что цѣль сего Общества есть направленіе и введеніе во всеобщее употребленіе способовъ, созидающихъ народное богатство, стяжаемое изъ первыхъ трехъ источниковъ: земли, рукодѣлія и промышленности» (гл. I, § 1).

Въ статъй о способахъ дййствія Общества между прочимъ сказано, что ему предоставляется: 1) «Предлагать награды за удовлетворительное рішеніе задачь, за изобрітенія и усовершенствованіе способовъ и правиль, руководствующихъ къ цвітущему состоянію въ Россіи земледілія, художествъ и промышленности» (гл. I, § 2, п. а.). 2) «При постепенномъ усовершенствованіи въ сельскомъ хозяйстві и въ рукоділіяхъ обращать вниманіе и попеченіе свое предпочтительно на ті предметы, кои существенно нужніве въ Россіи и кои обіщають пространнійшую пользу, какъ-то: по земледілію, на обороты посівовъ, на травосіяніе, на усовершенствованіе сельскихъ орудій, на осушеніе болоть, на лісоводство и т. д.; по рукоділію, на суконное и льняное изділія, на усовершенствованіе всякаго рода желізныхъ работь и нроч., соразмітряя попеченіе и труды свои способамъ, обществомъ обладаемымъ» (§ 2, п. b).

По поводу права Вольнаго Экономическаго Общества давать награды, сказано следующее: «Для возбужденія соревно-

 $\cdot \ _{\text{Digitized by}} Google$

ванія въ особахъ, занимающихся земледѣліемъ, рукодѣліемъ, заводскими работами, художествами и упражняющихся въ механикѣ, химіи и рудокопной и плавильной наукѣ», общество, по предварительному разсмотрѣнію и представленію подробному совѣта, ежегодно назначаетъ награды за полезныя ихъ изобрѣтенія и производства» (гл. X, § 1).

Къ числу указаній на цёль и кругъ занятій общества, слёдуетъ также отнести, что во многихъ мъстахъ Устава говорится, что членами общества должны быть «рачительныя къ сельскому хозяйству особы, и тъ, кои занимаются фабриками и заводами» (гл. II, \$ 2, гл. III, \$ 2), а также тъ, «кои по успъхамъ въ хозяйственныхъ дълахъ или же въ наукахъ, наиболье для домоводства, фабрикъ и заводовъ нужныхъ, особенно многимъ извъстны» (гл. VIII, \$ 3).

Что касается до способовъ дъйствія, предоставленныхъ обществу нынъшнимъ уставомъ, то, сверхъ означенныхъ уже въ приведенныхъ изъ него мъстахъ, упоминаются еще слъдующіе:

- 1) «Повърять опытомъ правила, въ сельскомъ хозяйствъ полезными признанныя» (гл. I, § 2, п. c).
- 2) «Испытывать новоизобрътенныя орудія и машины, облегчающія въ земледъліи и художествахъ работу человъческую» (тамъ же п. d.).
- 3) «Устроивать на счетъ общества таковыя орудія и машины, какъ вновь изобрътаемыя, такъ и извъстныя уже, но въ Россіи еще не употребляемыя, и вводить оныя во всеобщее употребленіе» (тамъ же, п. е).
- 4) «Извъщать публику, помощію журналовъ, о всъхъ наблюденіяхъ и открытіяхъ, которыхъ польза самымъ опытомъ будетъ дознана» (тамъ же, п. f).
- 5) «Собирать модели встхъ полезныхъ орудій и машинъ, могущихъ служить образцами для желающихъ соорудить таковыя въ заведеніяхъ своихъ» (тамъ же п. g).

- 6) «Учреждать земледёльческія и рукодёльныя школы по мітрів возможности и открытія пользъ оныхъ». (Тамъ же, п. к.).
- 7) «Покровительствовать и дёлать пособія подвизающимся въ трудахъ, къ цёли общества направляемыхъ» (тамъ же, п. і).
- 8) «Соединять взаимными пользами сословія ученыхъ съ тъми, кои приводять въ употребленіе полезныя открытія и умоначертанія, какъ-то: химиковъ, механиковъ, минералоговъ, ботаниковъ съ домоводцами, фабрикантами и заводчиками». (Тамъ же, п. k.).
- 9) «Просвъщение въ сельскомъ домоводствъ и рукодъліяхъ оно распространяетъ по всей Россіи; но для вящшаго успъха дъятельное попечение свое обращаетъ преимущественно на одну или двъ губерніи, которыя могли бы впредь послужить разсадникомъ и для другихъ губерній». (Гл. 1. \$ 2 въ концъ).

Съ 1843 года обнаружилась потребность новаго пересмотра и исправленія Устава Вольнаго Экономическаго Общества. Съ этого времени и по нынѣ, какъ въ представленныхъ по этому предмету замѣчаніяхъ и проэктахъ, такъ и по поводу частныхъ вопросовъ, высказывались, словесно и письменно, различныя мнѣнія о кругѣ занятій, цѣли и способахъ дѣйствія Общества.

Мненія эти существенно заключаются въ следующемъ:

I) Многіе думають, что Вольное Экономическое Общество должно быть преимущественно или даже исключительно сельско-хозяйственнымь и что другіе предметы входять въ кругь его занятій только по мітрів отношенія своего къ Сельскому Хозяйству.

Отсюда справедливо выводять, что Вольное Экономическое Общество, подобно всёмь прочимь сельско-хозяйственнымъ Обществамь, должно иметь свою опытную ферму, дёлать опытные посёвы, испытывать новоизобрётенныя земледёльческія орудія, и проч.; нёкоторые, принимая это мнёніе со

встви его крайними послъдствіями, утвержають даже, что Вольное Экономическое Общество должно посвятить себя исключительно сельскому хозяйству Съвервыхъ губерній, по недоступности для него хозяйства Средней и Южной полосы Россіи.

Это митніе не подтверждается однако Уставами Общества. Приведенныя изъ нихъ выписки показывають, что ни въ 1765, ни въ 1770, ни въ 1824 годахъ не было мысли ограничить кругъ дъйствій Вольнаго Экономическаго Общества сельскимъ хозяйствомъ. Но еслибъ подобная мысль даже и была положена въ основание программы этого Общества, то едва ле бы она могла когда нибудь осуществиться по недостатку въ немъ условій стать преимущественно, а тімь меніе исключительно сельско-хозяйственнымъ. Для того, чтобъ оно могло такимъ сдълаться, нужно, чтобъ его члены дъйствительно, практически занимались сельскимъ хозяйствомъ; чтобъ кругъ дъятельности Общества сосредоточивался на опредъленной, не слишкомъ обширной мъстности, представляющей, котя бы въ существенныхъ чертахъ, одинаковую почву, климатъ и сельское населеніе. Только при такихъ данныхъ Общество можетъ стать центромъ мъстной сельско-хозяйственной дъятельности, вызвать обмънъ мыслей, опытовъ и наблюденій между сътзжающимися въ собранія Общества владтльцами и хозяевами, которые тотчасъ же по возвращении въ свои помъстья и усадьбы на практикъ повъряютъ видънное и слышанное на събздахъ, безъ всякихъ затрудненій и недоразумбній, потому что хозяйства предлагающихъ и принимающихъ усовершенствованіе или нововведеніе находятся въ однихъ и тъхъ же условіяхъ. Между членами такихъ обществъ предположенія практически не выполнимыя долго держаться не могутъ и никого не введутъ въ заблуждение, потому что каждая новая мысль тотчасъ же повъряется опытомъ.

Въ сказанномъ заключается въ высокой степени полезная и благотворная роль сельско-хозяйственных обществъ. Спрашивается: представляеть ли и можеть ли представить что-либо подобное Вольное Экономическое Общество? Лишь не значительное число его членовъ принадлежатъ къ Петербургской губернін, и изъ этого незначительнаго числа самая малая часть практически занимается въ означенной губерніи сельскимъ хозяйствомъ. Независимо отъ того, Вольное Экономическое Общество не можетъ сдълаться сельско-хозяйственнымъ по естественнымъ условіямъ Петербургскаго климата и почвы. Въ томъ и другомъ отношении Петербургъ значительно разнится даже отъ своихъ ближайшихъ окрестностей, такъ что заведенныя въ чертъ города или въ близкомъ отъ него разстояніи опытныя и образцовыя фермы, производимые опытные посъвы, испытаніе сельско-хозяйственныхъ орудій и тому подобныя практическія повірки сельско-хозяйственныхъ нововведеній и усовершенствованій частью невозможны, частью же ни для кого не могутъ служить образцомъ и примъромъ. А безъ такой повърки никакое Сельско-Хозяйственное Общество не достигаетъ своей цъли.

II) Нѣкоторые, находя, что существующая программа Вольнаго Экономическаго Общества содержить въ себъ не одно сельское хозяйство, но и другія отрасли промышленной дѣятельности, полагають, что цѣль этого общества должна заключаться въ развитіи и усовершенствованіи въ Россіи промышленной техники вообще. На этомъ основаніи, Вольное Экономическое Общество должно имѣть предметомъ изобрѣтенія и усовершенствованія техническихъ способовъ и пріемовъ, орудій и машинъ, по всѣмъ отраслямъ промышленности, изслъдуетъ ихъ, повѣряетъ на дѣлѣ, старается о распространеніи тѣхъ изъ нихъ, которые окажутся полезными и поощряетъ изобрѣтателей наградами, денежными ссудами и проч.

Этотъ взглядъ конечно более согласуется съ темъ кругомъ занятій Вольнаго Экономическаго Общества, который указанъ дъйствующимъ нынъ Уставомъ; однако и этотъ взглядъ исключаетъ изъ числа предметовъ, на которые простирается попеченіе общества, весьма важную отрасль народной промышленности, именно торговлю, определительно и ясно означенную въ программъ Вольнаго Экономическаго Общества и по убъжденію многихъ составляющую ея существенную, органическую принадлежность. Что же касается до мысли опредълить предметъ дъятельности этого общества исключительно промышленной техникой, то выше показана невозможность ея осуществленія въ приміненіи къ сельскому хозяйству; то же самое, и съ такимъ же правомъ, должно сказать и относительно всъхъ другихъ отраслей промышленности. Общество, имъющее цълію развитіе промышленной техники, должно состоять преимущественно, если не исключительно, изъ спеціяльныхъ людей по предметамъ своихъ занятій и имъть во всякое время подъ руками возможность опытомъ убъдиться въ преимуществъ или пользъ того или другаго техническаго пріема, способа или усовершенствованія. Но чтобы стать такимъ, Вольное Экономическое Общество не имъетъ нужныхъ условій. Въ числь его членовъ очень мало техниковъ и спеціялистовъ по части обработывающей промышленности; но еслибъ даже ихъ было и много, то все же недоставало бы существеннаго условія для плодотворной діятельности общества, именно возможности слъдить наглядно за развитіемъ и усовершенствованіемъ промышленной техники, по отдаленности Петербурга отъ главныхъ пунктовъ заводской, фабричной и мануфактурной промышленности.

III) Наконецъ, есть мивніе, что Вольное Экономическое Общество должно иміть, независимо отъ практическаго, и собственно ученое призваніе, именно что въ кругъ его заня-

тій должно также входить изученіе политико-экономических вопросовъ, распространеніе у насъ правильныхъ политико-экономическихъ воззрѣній, собираніе матеріяловъ для хозяйственной статистики Россіи, ихъ обнародываніе и ученая обработка.

По Уставу 1824 года, собираніе статистических свъдыній дъйствительно отнесено къ предметамъ занятій Вольнаго Экономическаго Общества; но теоретическое или ученое назначеніе его положительно отвергается первоначальнымъ Уставомъ, которымъ вмѣняется членамъ общества, въ обязанность представлять труды практическіе, а отнюдь не спекулятивныя и тому подобныя сочиненія.

Нельзя отрицать, что ученые и теоретические вопросы, во многихъ случаяхъ, должны существенно входить въ ръшеніе задачь, принадлежащихъ къ предметамъ занятій Вольнаго Экономическаго Общества; поэтому, не только вредно, но и совершенно невозможно было бы исключить ихъ изъ числа этихъ предметовъ. Но ръчь идетъ только о томъ, можетъ и должна ли наука быть однимъ изъ главныхъ, самостоятельныхь предметовь занятій общества, или же она можеть имъть лишь значение предмета вспомогательнаго и второстепеннаго, служить средствомъ для достиженія практическихъ цёлей н результатовъ. Последнее, какъ кажется более, соответствуетъ призванію Вольнаго Экономическаго Общества, нам'тренію основателей и самому существу дъла. Какъ ни расширять или ни стъснять кругъ дъйствій и занятій Вольнаго Экономическаго Общества, однако, во всякомъ случать, задача его есть и будетъ прежде всего практическая, именно — развитіе или усовершенствование въ Россіи, темъ или другимъ способомъ, той или другой отрасли промышленности; а съ такимъ призваніемъ трудно согласить чисто-научное и придать Обществу. котя бы только отчасти, карактерь ученой академін. Еслибь подобная мысль и была принята, то она у насъ едва ли могла бы осуществиться по недостатку людей и средствъ. Статистика Россіи еще въ колыбели. Върные статистическіе данные о Россіи пока крайне еще скудны, мало доступны и разбросаны; кафедры политической экономіи и статистики въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ все еще съ трудомъ замъщаются знающими преподавателями. Также безуспъшно было бы ввести эти науки въ кругъ занятій Вольнаго Экономическаго Общества, съ цълью открыть и облегчить по нимъобмънъ мыслей и распространять въ публикъ правильныя объ нихъ понятія и свъдънія. — Достиженіе той и другой цели предполагаетъ болъе или менъе значительное число лицъ, занимающихся этими предметами и науку, уже выработанную по крайней мёр'в въ своихъ основаніяхъ, чего статистика Россіи далеко еще не представляеть. Въ заключеніе должно замътить, что если политико-экономическое или статистическое общество съ цълію ученою у насъ возможно, то не иначе, какъ въ видъ отдъльнаго ученаго общества, или же, подобно статистическому отдъленію Императорскаго Русскаго Географического Общества, въ составъ другаго общества преслъдующаго тоже собственно ученыя, а не практическія ціли.

Таковы наиболъе распространенныя возгрънія на значеніе, цъль и кругъ занятій Вольнаго Экономическаго Общества. Каждое изъ нихъ имъетъ всю неоспоримо-справедливую сторону, каждое опирается на теперешнюю программу Общества, но ни одно не обнимаетъ ея вполнъ, и для своего осуществленія потребовало бы совершеннаго, ръзкаго измъненія плана Общества, который начертанъ почти сто лътъ тому назадъ, и заботливо, какъ святыня, передавался отъ покольнія къ поколенію, до нашего времени. Безспорно, каждая историческая эпоха имъетъ свои требованія и свое призваніе, и было бы не позволительно приносить въ жертву пользы настоящаго вос-

поминаніямъ о прошедшемъ. Но когда возбуждается вопросъ о преобразованіи древняго учрежденія, возникшаго въ великій, богатый плодотворными идеями въкъ, по мысли лучшихъ людей того въка, нельзя приступать къ дълу, не оглядъвъ со всъхъ сторонь прежняго, не вникнувъ глубоко въ основную его мысль; въ противномъ случав, новыхъ дълателей постигъ бы строгій, но справедливый приговоръ, что они, не понявъ указаній прошедшаго, неразумно утратили сокровище, завъщанное имъ мудростію прошедшаго времени.

Чтобъ уразумьть и оцьнить основную мысль, внушившую учреждение Вольнаго Экономическаго Общества, должно пристально вглядьться въ обстоятельства, при которыхъ она родилась и созръла.

Россія и теперь, несмотря на продолжительное покровительство у насъ фабричной и мануфактурной промышленности, остается, и на долго еще останется, по прежнему, государствомъ превмущественно земледельческимъ. Если это такъ теперь, то тымъ болье такъ было въ половинь XVIII выка, когда обработывающая промышленность не имъла еще въ Россін почти никакого развитія. Нынъ, съ облегченіемъ и увеличеніемъ сношеній, съ видимымъ умноженіемъ потребностей, въ особенности же съ возрастающимъ усиленіемъ требованія на фабричныя и мануфактурныя издёлія, торговля мало по малу проникаетъ даже въ мъста отдаленныя отъ центровъ промышленнаго движенія и вытъсняеть домашнее изготовленіе различныхъ предметовъ хозяйства собственными средствами; но въ половинъ XVIII въка, домоводство, напрогивъ, играло важную роль, и потому занимало, въ митніи даже просвъщеннаго меньшинства, весьма видное и почетное мъсто. Образованность, да и самое знаніе иностранных взыковь, составляли тогда достояніе немногихъ; сношенія не только съ Евроною, но и раздичныхъ краевъ Россіи между собою, происходили гораздо рёже и съ гораздо большими затрудненіями, чёмъ теперь; дёлаемыя въ Европё и у насъ усовершенствованія и новыя изобрётенія несравненно медленнёе распространялись и станевились общимъ достояніемъ всёхъ; пріобрётеніе усовершенствованныхъ орудій и машинъ, наемъ техниковъ по разнымъ частямъ были крайне затруднительны, и оттого хозяйство шло у насъ первобытнымъ порядкомъ.

При такихъ-то обстоятельствахъ и условіяхъ основано Вольное Экономическое Общество. Оно должно было развить и усовершенствовать въ Россіи главитишіе въ то время виды у насъ народнаго хозяйства — земледъліе и домоводство; однако не были забыты и рукодълья, ремесла, заводы, фабрики и мануфактуры. Членамъ вибнено въ обязанность дблать на пользу отечественной промышленности именно то, чего ей въ то время въ особенности недоставало, а именно, знакомить съ промышленной техникой европейскихъ государствъ, и для того представлять Обществу переводы и извлеченія съ ино. странныхъ языковъ, по предметамъ, входящимъ въ кругъ его занятій; но въ особенную заслугу витнялось членамъ представленіе моделей и описанія новоизобрътенныхъ машинъ. Наконецъ, пользованіе такъ называемыми домашними средствами, болъе доступное для сельскихъ жителей и составляющее одну изъ важнъйшихъ частей домостроительства или домоводства, названо особливо въ числъ занятій Общества, въроятно по чрезвычайной важности предмета при тогдашнемъ недостаткъ во врачахъ и вообще при неразвитости въ то время медицинской части въ Россіи.

Такимъ образомъ, цъль и задачу Вольнаго Экономическаго Общества, при самомъ его основанін, составляли исправленіе и усовершенствованіе въ Россіи промышленности вообще м увеличеніе народнаго благосостоянія и богатства; но тогдаш-

нія особенныя обстоятельства и условія нашего отечества, а весьма вероятно также и господство физіократическихъ воззръній, придали обществу значеніе, направленіе и видъ по превмуществу агронемического или сельско хозяйственного. Отъ этого смъщенія основной мысли съ средствами для ея осуществленія при данныхъ условіяхъ и произошли, какъ кажется, всв недоразумьнія относительно назначенія и цьли Вольнаго Экономического Общества. Программа его, очевидно, не исключительно сельско-хозяйственная; на фактъ же Общество досель старается, хотя и безуспынно, стать въ разрядъ агрономическихъ. Въ этомъ обстоятельствъ должно, повидимому, искать причины, почему дъятельность Вольнаго Экономическаго Общества не соответствуеть темъ условіямъ, въ которыя оно поставлено. Такъ какъ вст попытки измънить Уставъ доселъ или не имъли результата, или ограничивались передачей, съ нъкоторыми лишь незначительными частными дополненіями и изивненіями, программы первоначальнаго Устава, даже почти тёми же словами, то по мёрё того, какъ хозяйственный и промышленный бытъ Россіи измінялся, основная мысль, давшая начало Вольному Экономическому Обществу, мало по малу была забыта, средства дъйствія, которыя въ свое время вполнъ ей соотвътствовали и ее выражали, съ перемънившимися обстоятельствами, потеряли первоначальное свое значеніе, и, не стоя въ уровень съ новыми потребностями, вмѣсто того, чтобъ ее выражать, только затемняли.

Въ настоящее время Вольное Экономическое Общество вступаетъ въ новую эпоху своего существованія и на предстоящее ему обновленіе обращено общее вниманіе, ибо съ возрожденіемъ его соединены большія ожиданія и надежды. Отъ достойной дъятельности этого Общества за прежнее время остались воспоминанія, которыя продолжаютъ внушать къ нему уваженіе и ставятъ его, въ общественномъ мевнів, выше других в подобныхъ Обществъ, имъющихъ тъсно очерченый, мъстный, исключительно эмпирическій кругь действія. Въ Вольномъ Экономическомъ обществъ живетъ, по преданію, плодотворная мысль великаго и славнаго царствованія. Это наследіе должно быть сохранено ненарушимо, безъ умаленія, съ благодарностію и почтеніемъ, какъ завъщаніе прошедшей и залогъ будущей дъятельности Общества, какъ указаніе и знамя, подкрыпляемое всъмъ авторитетомъ обильной великими начинаніями эпохи. На этомъ основанім, поощреніе и развитіе всёхъ отраслей производительности и промышленности въ Россіи должно, кажется, и на будущее время оставаться, по прежнему, задачею. назначениемъ и цълью Вольнаго Экономического Общества, почему эту цъль надлежало бы выразить въ новомъ Уставъ яснъе, чемъ она выражена въ теперешнемъ (1824), для того, чтобъ Общество, и при новой обстановки имило передъ собою туже задачу, тотъ же кругъ действія и могло иметь такое же благотворное вліяніе и значеніе, какъ и въ царствованіе императрицы Екатерины II.

Въ этомъ отношеніи не должно терять изъ виду, что теперь народная промышленность уже не сосредоточивается у насъ, какъ прежде, почти исключительно въ одномъ домоводствъ и земледъліи; что всъ отрасли обработывающей промышленности и торговли дълаютъ въ Россіи замътные успъхи и потребность въ нихъ признается всъми, даже для пользы самаго сельскаго хозяйства. Поэтому теперь кажется, умъстно и своевременно было бы ясно и опредълительно выразить въ Уставъ мысль, что Вольное Экономическое Общество имъетъ цълію споспъшествовать не одному сельскому хозяйству, но и всъмъ прочимъ отраслямъ народной промышленности въ Россіи. Это тъмъ болье необходимо, что потребность въ такомъ Обществъ живо чувствуется всъми, особливо въ послъднее время. Общественное изъте силою обстоятельствъ приводится къ мысли слав-

наго Екатерининскаго въка, давшей существованіе Вольному Экономическому Обществу, и если посліднее не пойметь своего призванія, не приметь эту мысль по прежнему за свой девизь, то это поведеть къ учрежденію другаго Общества, и силы, которыя, при совокупномъ дъйствованіи, могли бы принести существенную пользу, стали бы, въ такомъ случав, лишь истощаться въ безплодномъ разъединенія.

Чтобы исполнить свое назначение, Общество должно:

Во первыхъ, употреблять всевозможныя мъры, чтобъ сдълать общедоступными для массы публики свъдънія по встиъ отраслямъ промышленности въ современномъ ихъ состояніи какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ государствахъ;

Во вторыхъ, внимательно слъдить за успъхами развитія промышленности у насъ и за границею и знакомить съ ними публику;

Въ третьихъ, возбуждать и изслъдовать вопросы, относящіеся къ той или Тругой отрасли промышленности въ Россіи, ея теперешнему состоянію и дальнъйшему развитію и усовершенствованію;

И въ четвертыхъ по мітрів средствъ и способовъ, поддерживать, поощрять и покровительствовать полезныя открытія, нововведенія, усовершенствованія и предпріятія въ Россіи, по всітить отраслямъ народнаго хозяйства.

Для распространенія въ публикѣ свѣдѣній по разнымъ отраслямъ промышленности, надлежало бы прежде всего преумножать и пополнять библіотеку Общества и его музеи, основать по недостающимъ частямъ новые и открыть свободный въ нихъ доступъ для всѣхъ и каждаго. Съ тою же цѣлью слѣдовало бы ежегодно открывать по разнымъ отраслямъ промышленности публичные курсы, расположивъ ихъ въ извѣстномъ порядкѣ, послѣдовательности и взаимномъ соотвѣтствіи другъ другу.

Digitized by Google

Чтобъ слёдить за ходомъ промышленности и знакомить съ нимъ мублику, Вольное Экономическое Общество должно находиться въ сношеніяхъ со всёми сходными съ нимъ по цёли и занятіямъ обществами въ Россіи и за границею, получать какъ мхъ отчеты, такъ и вообще всякаго рода изданія, имтющія предметомъ промышленную дёлтельность и изъ всёхъ этихъ матеріяловъ сообщать тщательныя извлеченія печатно въ изданіяхъ Общества и въ статьяхъ, предназнаемыхъ для чтенія въ собраніяхъ Общества.

Въ то же время Обществу надлежитъ подвергать тщательному разсмотрънію, изслъдованію, а если нужно и испытанію, поступающія къ нему предположенія, новыя изобрътенія или усовершенствованія и въ тъхъ же изданіяхъ сообщать публикъ о результатахъ.

Когда какой-либо предметь, относящійся къ области промышленности, по особенной своей важности, обратить на себя вниманіе и будеть найдень заслуживающимь подробнаго, спеціяльнаго изученія— Вольному Экономи тескому Обществу должно быть предоставлено образовать изъ своихъ членовъ особыя временныя коммисіи для разсмотрѣнія и обсужденія того или другаго вопроса или предположенія, предлагать по онымъ задачи и темы на конкурсъ, а въ случав надобности и наряжать особыя коммисіи для мъстныхъ изслъдованій.

Наконецъ, для поощренія къ усовершенствованію и развитію промышленности въ Россіи. Общество учреждаетъ промышленныя выставки, присуждаетъ награды за полезныя изобрътенія, нововведенія и усовершенствованія по всёмъ отраслямъ промышленности, печатаетъ на свой счетъ лучшія объ нихъ сочиненія и въ случає надобности покровительствуетъ всёмъ полезнымъ промышленнымъ предпріятіямъ рекомендаціей, опубликованіемъ во всеобщее извёстіе, денежными ссудами и пособіями и ходатайствомъ передъ правительствомъ.

О способахъ дъйствія Вольнаго Экономическаго общества существуютъ различныя мижнія. Многіе, сверхъ изчисленныхъ выше, предлагаютъ еще и нъкоторые другіе, а именно:

1) Въ настоящее время общество имъетъ, въ извъстной мъръ, административное значеніе. Оно получаеть на распространеніе оспопрививанія пособія отъ правительства и присуждаетъ оспопрививателямъ награды. Еще въ недавнее время, оно учредило и содержало училище, на точномъ основании Устава, который вывняеть обществу въ обязанность, когда позволять средства учреждать земледъльческія и рукодъльныя школы. Этимъ намекамъ на административное призваніе Вольнаго Экономического общество, многіе весьма сочувствують, полагая. что въ немъ-то и заключается залогъ и необходимое условіе развитія и процеттанія общества. Но съ этимъ митніемъ едва ли можно согласиться. Административная роль Вольнаго Экономическаго общества условливалась въ свое время скудостію способовъ правительства, недостаточностію административнаго механизма. Оттого нъкоторая, болье или менье значительная часть администраціи, по необходимости была предоставляема не только обществамъ, но даже и отдельнымъ частнымъ лицамъ. Въ этомъ отношении настоящее время существенно разнится отъ прежняго. Администрація получила у насъ обширное развитіе; не только управленіе медицинское и учебное, общее и спеціяльное, сдълали замітные успіхи, но даже для направленія промышленной діятельности существують теперь у насъ административные органы. При такомъ положеніи дела, административное призвание Вольнаго Экономического общества является запоздалымъ остаткомъ другаго времени и другихъ обстоятельствъ, который несоотвътствуетъ болъе современнымъ условіямъ и потому долженъ быть исключенъ изъ Устава. Это тъмъ легче сдъдать, что Вольное Экономическое общество уже не содержить школь, а участіе его въ распространеній оспопрививанія должно прекратиться съ будущаго 1858 года.

Впрочемъ, и не имъя въ своемъ управленіи школъ, клиникъ и т. под. учрежденій, общество всегда можетъ, какътолько признаетъ нужнымъ, достигать той же цъди, но другимъ, болъе ему свойственнымъ и удобнымъ образомъ, а именно, отпускомъ суммъ на воспитаніе, въ существующихъ уже казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, дътей или молодыхъ людей, тъмъ или другимъ наукамъ, искусствамъ, или ремесламъ и рукодъльямъ, выдавать отъ себя награды и преміи оспопрививателямъ, не принимая участія въ управленіи оспепною частію и проч.

2) Многіе полагають, что Вольное Экономическое Общество должно иміть собственныя, т. е. имъ на свой счеть содержимыя и самимъ управляемыя образцовыя заведенія, которыя могли бы также служить и для произведенія опытовъ, напримітрь: усадьбу или ферму, химическую дабораторію, сімянное депо и т. под. Это мнітніе опирается на дійствующій ныні Уставъ, который въ числі средствъ, указываемыхъ Вольному Экономическому Обществу для достиженія его цілей, называеть: повітрку опытомъ правиль, признанныхъ полезными въ сельскомъ хозяйстві, испытаніе новоизобрітаемыхъ орудій и машинъ и устройство ихъ на счеть общества.

Необходимость подобныхъ заведеній для сельско - хозяйственныхъ и другихъ обществъ, имѣющихъ спеціяльно-техническое начначеніе, отрицать нельзя; безъ нихъ они не имѣли бы значенія и не достигали бы своей цѣли. Конечно и такія общества могли бы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, воспользоваться уже существующими подобными заведеніями, казенными или частными, устраняя отъ себя хлопоты и труды по управленію ими; но въ большей части случаевъ, по недостатку такихъ заведеній, общества бываютъ вынуждены завести ихъ отъ себя,

па свой счетъ и на себя же принять всв заботы и контроль по ихъ управленію. Но Вольное Экономическое Общество поставлено въ иныя условія. По изложеннымъ выше климатическимъ, мъстнымъ и другимъ условіямъ Петербурга, оно не можеть имъть подъ своимъ непосредственнымъ, ежедневнымъ надзоромъ образцовой фермы, не можетъ производить опытныхъ поствовъ, ни другихъ техническихъ опытовъ. При томъ Вольное Экономическое Общество едва ли можетъ и нуждаться въ собственныхъ заведеніяхъ такого рода: располагая значительными средствами, считая въ числъ своихъ сочленовъ извъстныхъ спеціялистовъ по всімъ частямъ, общество всегда можетъ поручать имъ производство всёхъ необходимыхъ опытовъ; наконецъ, еслибъ даже признано было необходимымъ имъть обществу въ постоянномъ своемъ распоряжения подобпыя заведенія, то едва ли не было бы во всёхъ отношеніяхъ удобнъе и даже выгоднъе войти объ этомъ въ сношение съ содержателями такихъ заведеній и заключить съ ними условія о предоставленіи обществу права ими пользоваться, за изв'єстное вознагражденіе.

3) Въ дъйствующемъ ныне Уставъ общества, въ числъ средствъ, которыми оно можетъ достигать своихъ цълей, названо соединеніе взаимными пользами сословія ученыхъ съ лицами, приводящими въ употребленіе полезныя открытія, какъ то: химиковъ, мехапиковъ, минералоговъ съ домоводцами, фабрикантами и заводчиками. Въ этомъ заключается мысль, что общество должно служить посредникомъ по предметамъ промышленности. Многіе придаютъ этой мысли весьма обширное толкованіе, полагая, что па обществъ лежитъ обязанность выполнять всякаго рода порученія и заказы, имѣющіе прямое или косвенное отношеніе къ промышленности, какъ то: выписывать, но требованію частныхъ лицъ, машины и орудія, съмяна, управляющихъ, техниковъ по разнымъ частямъ, книги

и наоборотъ, что общество обязано публиковать прейсъ-куранты, разсылать относящіеся къ предметамъ его занятій лучтія книги, инструменты и т. д. Словомъ, по этому понятію, на обществъ лежатъ всъ обязанности конторы агенства и коммиссіонерства по всъмъ отраслямъ промышленности.

Подобное назначение едва ли однако соответствуетъ не только цели, но и достоинству общества. Обременяя его безчисленными мелочными занятіями, оно только отклонило бы его отъ дъйствительныхъ его обязанностей и призванія. Нельзя отвергать, что въ некоторыхъ особенныхъ, исключительныхъ случаяхъ, Вольное Экономическое Общество, въ видахъ достиженія своихъ цѣлей, а именно для поощренія и развитія промышленности въ Россіи, можетъ иногда быть вынуждено принять на себя роль коммиссіонера, наприм'тръ когда необходимо поддержать какое-либо особенно важное и полезное изобрътение и ознакомить съ нимъ публику, нан распространить новый родъ или видъ растенія, отъ котораго должна произойти несомивиная, чрезвычайная польза, или же удовлетворить какому-нибудь общему, сильному требованію на предметъ промышленности, пріобрътеніе котораго, по какимъ-либо особеннымъ причинамъ, крайне трудно или даже невозможно, безъ посредничества общества и т. д. Но такого рода случаи весьма ръдки и будучи допускаемы лишь какъ изъятіе изъ общаго правила, не могутъ быть слишкомъ обременительны для общества. Впрочемъ и для этихъ ръдкихъ случаевъ надлежало бы, кажется, постановить неизмъннымъ правиломъ, что общество принимаетъ на себя лишь сношеніе и переписку, приводитъ только въ непосредственныя отношенія продавца и покупателя, но отнюдь не входить въ ихъ разсчеты, а тъмъ менъе можетъ принимать на себя получение, храненіе, упаковку и разсылку вещей; ибо въ последнемъ случать общество вышло бы изъ своей роли и снизошло бы въ разрядъ коммиссіонерскихъ и транспортныхъ конторъ. Въ этомъ, какъ и во всъхъ подобныхъ случаяхъ, общество можетъ, если признаетъ нужнымъ, войти въ сношеніе съ какимъ нибудь частнымъ заведеніемъ такого рода, поддерживать существующее. или даже дать средства для основанія новаго, словомъ можетъ поощрять и содъйствовать, а не само на себя принимать несвойственныя ему обязанности.

Итакъ, чтобъ Вольное Экономическое Общество стало для нашего времени тъмъ же, чъмъ было при Екатеринъ II, ему надлежить сдълаться средоточіемъ стремленій и усилій частныхъ лицъ къ развитію промышленности въ Россіи; предположенія, проэкты, взгляды, вопросы, свёдёнія, не иміющія административного назначенія, здъсь, въ обществъ, должны быть обсуждаемы, изследуемы и поверяемы, словомъ, должны подвергнуться строгой критической выработкъ, при помощи всъкъ средствъ, которыя даетъ наука и опытность. Сделавшись такимъ образомъ складалищемъ современныхъ понятій и свъдъній о промышленности въ Россіи, ея потребностяхъ и способахъ къ ея усовершенствованію, Вольное Экономическое Общество будеть, съ одной стороны, разсадникомъ правильныхъ воззрѣній на этотъ предметъ, вѣрнымъ руководителемъ частныхъ лицъ на поприщъ промышленной дъятельности, а съ другой, источникомъ всякаго рода полезныхъ для правительства свёдёній относительно промышленности, во всёхъ тёхъ случаяхъ, когда оно признало бы нужнымъ, какъ и теперь неръдко случается, потребовать мнънія общества по тому или другому предмету, входящему въ кругъ его занятій.

Такому назначенію Вольнаго Экономическаго Общества особенно благопріятствують тѣ самыя условія, которыя, какъ выше сказано, препятствують ему стать сельско-хозяйственнымъ или вообще техническимъ. По своему положенію въ

центръ высшаго государственнаго управленія, куда стекаются люди и свъдънія изъ всъхъ краевъ имперіи, общество можетъ находиться въ безпрестанныхъ сношеніяхъ со всёми лицами, занимающимися въ Россіи тою или другою отраслью промышленпости теоретически или практически, получать точныя оффиціяльныя и частныя свёдёнія о ходё промышленности въ различныхъ мъстностяхъ имперіи, имъть въ числъ своихъ дъятельныхъ сочленовъ не только владъльцевъ всякаго рода промышленныхъ заведеній, техниковъ, купцовъ, ученыхъ, завъдывающихъ учебными заведеніями по части промышленности, но и лица съ большимъ вліяніемъ по своему общественному положенію и которыя потому могутъ существенно содъйствовать обществу въ достиженін его цілей. Близость Европы и удобство сношеній съ ней моремъ, поставляетъ Вольное Экономическое Общество въ возможность оказывать различнымъ отраслямъ промышленности въ Россіи существенно полезное посредничество и содъйствіе; а располагая довольно значительными денежными средствами, которыя съ возвращениемъ къ основной мысли и программъ императрицы Екатерины II, непременно еще увеличатся, Вольному Экономическому Обществу удобиве и легче развить свою двятельность и выполнить задачу, чёмъ всёмъ прочимъ существующимъ въ Россіи обществамъ, да и всякому новому обществу, которое было бы основано для той же самой цъли. Ко всему этому должно еще прибавить, что Вольное Экономическое Общество, состоя подъ покровительствомъ члена императорской фамиліи, не только находится въ весьма благонріятномъ для его дъятельности исключительномъ положенін, но и можеть имъть большой кругъ вліянія, такъ какъ Августвишій представитель его, следя за его трудами и усматривая ихъ общеполезные результаты, всегда имъетъ возможность, когда признаетъ нужнымъ, ходатайствовать отъ себя передъ правительствомъ о томъ,

чтобъ оно обратило на нихъ вниманіе и извлекло возможную пользу, дарованіемъ средствъ привести предположенія общества въ исполненіе.

Противъ этого можно возразить, что возстановленіе программы Вольнаго Экономическаго Общества, начертанной въ царствованіе императрицы Екатерины, могло бы, въ настоящее время, имъть важное неудобство въ томъ отношеніи, что занятія общества могли бы соприкасаться, и въ нъкоторыхъ отношеніяхъ совпадать, съ занятіями правительственныхъ и административныхъ учрежденій по той же части, именно мануфактурнаго и коммерческаго совътовъ, вслъдствіе чего дъятельность Вольнаго Экономическаго общества могла бы оказаться или безполезною и излишнею, или же оно присвоило бы себъ аттрибуты правительственнаго учрежденія, которыхъ не имъть и ни въ какомъ случать имъть не можетъ и не должно.

Но это неудобство едва ли не есть только кажущееся. Названныя установленія иміють административное назначеніе, призываются къ обсужденію вопросовъ, возникающихъ въ правительствъ и съ своей стороны дълаютъ ему представленія о нуждахъ и пользахъ обработывающей промышленности и торговли и сословій, которыя ими занимаются. Напротивъ, Вольное Экономическое Общество состоить изъ частныхъ лицъ, не имветъ ни правительственнаго, ни административнаго приаванія, не есть даже сов'єщательное для правительства установленіе, не имбетъ права входить съ представленіями или ходатайствами къ правительству иначе, какъ по предметамъ, относящимся къ его устройству, управленію и средствамъ. Наконецъ, самыя занятія его промышленностію суть болъе ученыя и оказываемое имъ покровительство или поощрение отнюдь не выходить изъ границъ, предписанныхъ для дѣятельности всъхъ вообще частныхъ лицъ и установленій. Следовательно, Вольное Экономическое Общество и административ

Digitized by Google

ныя установленія, хотя имъють одинь и тоть же предметь, но, вращаясь въ различныхъ сферахъ, не только не могуть ив шать, но напротивъ будуть содъйствовать другь другу. Живымъ этому доказательствомъ служить существованіе, рядомъ съ департаментомъ сельскаго хозяйства в ученымъ комитетомъ при томъ департаментъ, сельско-хозяйственныхъ обществъ, въ особенности же Вольнаго Экономическаго, которое даже состоитъ подъ особымъ управленіемъ и ни отъ департамента ни отъ департамента ни отъ ученаго комитета не зависитъ.

Сказаннымъ выше опредъляется число и занятія отделеній въ Вольномъ Экономическомъ Обществъ.

Первое предполагается преобразовать въ хозяйственный комитеть при совътъ. Завъдывая имуществомъ, доходами и расходами общества, хозяйственный комитетъ не имъетъ ничего общаго съ отдъленіями, которыя призваны выполнять программу Вольнаго Экономическаго Общества, каждое по своей части.

Второе, такъ называемое ученое отдъленіе, не имъетъ опредъленной задачи и круга дъятельности, которые бы обозначались особливыми предметами. Каждая изъ отраслей промышленности, входящихъ въ кругъ занятій общества, имъетъ свою ученую сторону, которую отдълить отъ нея невозможно и которая поэтому должна-быть вмъстъ съ нею отнесена къ кругу занятій одного и того же отдъленія. Собственно же ученой дъятельности и призванія Вольное Экономическое Общество, какъ замѣчено выше, не имъетъ и не можетъ имътъ. На этомъ основаніи, ученое отдъленіе слъдовало бы, кажется, упразднить.

Пятое, Медицинское и Ветеринарное Отдъленіе, съ прекращеніемъ, съ 1858 года, участія Вольнаго Экономическаго Общества въ завъдываніи оспопрививаніемъ, становится апахронизмомъ; ибо два главные предмета занятій этого отдъленія, домашняя медицина и ветеринарное искусство, входять въ составъ: первая—домостроительства, второе— скотоводства, которое составляетъ отрасль сельскаго хозяйства. По этому оба эти предмета — и домашняя медицина в ветеринарія должны, кажется, быть отнесены къ занятіямъ третьяго отдёленія, а пятое отдёленіе слёдовало бы упразднить.

За темъ, принимая въ основаніе разделеніе промышленности вообще на производящую, обработывающую и обитьнивающую произведенія, и нивя въ виду, что третье отдёленіе и нынѣ занимается сельскимъ хозяйствомъ и домоводствомъ, а четвертое прениущественно предметами, относящимися къ обработывающей промышленности, надлежало бы учредить въ Вольномъ Экономическомъ Обшествъ, вивсто трехъ отдёленій, подлежащихъ закрытію, одно новое, которое посвятило бы труды свои предметамъ, относящимся къ торговлъ?

При обсуждени направления, которое должно быть дано занятиямъ и дъятельности Вольнаго Экономическаго Общества, естественнымъ образомъ представляется къ разръшению вопросъ: въ какомъ отношении должно оно находиться къ прочимъ сельско-хозяйственнымъ обществамъ въ России.

Предметь этоть быль уже обсуждаемъ въ совъть, по поводу высказаннаго поэтому предмету мнънія одного изъ членовъ общества. Мнъніе это заключается въ томъ, что большая часть нашихъ Экономическихъ Обществъ, не получая никакихъ отъ правительства пособій и не имъя въ распоряженіи своемъ достаточныхъ денежныхъ средствъ, весьма стъснены въ своихъ дъйствіяхъ и вынуждены ограничивать, или даже вовсе отлагать иногія полезныя предположенія. Къ числу такихъ обществъ принадлежатъ: Казанское, Ярославское, Лебедянское, Пензенское, Юрьевское, Калужское и нъкоторыя изъ Остзейскихъ. — Такъ какъ отъ развитія дъйствій обществъ

можно ожидать важной, пользы для нашего хозийства; министерство же государственныхъ имуществъ, при ограничениости своихъ денежныхъ средствъ, не могло и не можетъ давать обществамъ достаточныхъ денежныхъ пособій, а къ испроменію оныхъ изъ государственнаго казначейства нетъ надежды, то Вольное Экономическое Общество, располагая значительными средствами и находясь нынъ, при новомъ благотворномъ направленін, могло бы, кажется, удёлять хоть нёкоторымъ губернскимъ обществамъ постоянныя пособія изъ своихъ суммъ. Такъ какъ Вольное Экономическое Общество имтетъ цълію улучшеніе сельскаго хозяйства во всей имперіи, а кругь дъйствій провинціяльныхъ обществъ распространяется на одну или на нъсколько губерній, то тъ изъ сихъ последнихъ обществъ, которыя получали бы пособія отъ перваго, были бы помощниками его и могли бы въ такомъ случат, по справедливости, называться отделеніями Вольнаго Экономическаго Общества, подобно тому, какъ это принято но географическому обществу. Такой оборотъ дъла, при постоянной готовности департамента сельского хозяйство содъйствовать обществамъ, конечно не остадся бы безъ подезныхъ последствій.

Раземотръвъ это митеніе, совтть, съ своей стороны, находиль, что и по климату и по свойству почвы С. Петербурга, и по личному составу, Вольное Экономическое Общество не можетъ заниматься практически сельскимъ хозяйствемъ съ такимъ уситхомъ, какъ губернскія сельско хозяйственныя общества; а въ то же время, послъднія, при ограниченности своихъ средствъ, не могутъ развить свою дълтельность надлежащимъ образомъ, тогда какъ, напротивъ, Вольное Экономическое Общество располагаетъ значительными денежными капиталами. Имъя въ виду, что такимъ образомъ Вольное Экономическое и губернскія сельско-хозяйственныя общества могли бы взаимно другъ друга дополнять и совокупнымъ дъй-

ствіемъ успъщнъе достигать своихъ цъдей, совътъ призналъ приведенную выше мысль, заслуживающею особеннаго вниманія и положилъ принять ее въ соображеніе при начертаніи проэкта новаго Устава общества.

Если бы вышензложенныя соображенія были одобрены, то первые \$\$ проэкта Устава Вольнаго Экономическаго Общества, опредъляющіе предметь занятій, ціль, способы дійствія и разділеніе этого общества на отділенія, могли бы быть изложены слідующимъ образомъ:

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ЦВЛЬ ОБЩЕСТВА И ЕГО УПРАВЛЕНІВ.

8

Императорское Вольное Экономическое Общество имбеть цълію содъйствовать, съ помощью предоставленных ему способовъ, развитію и усовершенствованію въ Россіи сельскаго хозяйства и домоводства, а также промышленности ремесленной, заводской, фабричной, мануфактурной и торговой.

Уст. Вольн. Экон. Общ. глава 1, §§ 1 м 2, лит. а. Гл. VII, § 4, п. 3—5; §§ 7—9. Гл. III, § 2. Гл. VIII, § 1. лит. а. Уст. Географ. Общ. § 6. 1)

6

По существу предметовъ, входящихъ въ кругъ дъйствій Общества, оно раздъляется на три отдъленія: а) сельскаго хозяйства и домоводства; б) промышленности ремесленной, заводской, фабричной и мануфактурной и в) торговли.

Уст. Вольн. Экон. Общ. глава VII, § 4, п. 2—5; §§ 6—9; гл. VIII, § 1, лет. 6.

Уст. Географ. Общ. § 2.

Digitized by Google

¹⁾ Ссыми въ концъ каждой статън указывають на тъ ивста, гдъ говорится о томъ же самомъ предметъ, котя бы и иначе, чънъ въ статъв провита.

S

Главный предметь занятій общества есть подробное изученіе производительных в промышленных силь Россіи и изследованіе какія отрасли хозяйства и промыслы той или другой мъстности наиболье приличествують и какіе способы всего дъйствительные могли бы вести къ водворенію и развитію въразличных въстностях свойственнаго имъ хозяйства и промысловъ.

Уст. Вольн. Экон. Общ. глава 1, § 2, лит. в, гл. VII, § 8.

S

Общество внимательно следить за всёми новыми открытіями и усовершенствованіями по предметамь своихь занятій какъ въ Россіи, такъ и за границею, обсуждаеть ихъ и старается сдёлать общеизвёстными и ввести во всеобщее употребленіе ть изъ нихъ, которыя на дъль окажутся полезными и выголными.

Уст. Вольн. Экон. Общ. глава 1, § 2. лит. f. гл. VII, §§ 6-8.

S

Общество старается, по возможности, имъть въ числъ своихъ членовъ всъ тъ лица, кои пріобръли въ Россіи извъстность или учеными трудами по предметамъ, входящимъ въ кругъ занятій общества, или практическими занятіями и знаніями по этимъ предметамъ въ качествъ владъльцевъ имъній и хозяйственныхъ заведеній, заводчиковъ, фабрикантовъ, купцовъ и т. п.

Уст. Вольн. Экон. Общ. глава III § 2.

S

Общество входить въ сношенія внутри имперіи со встии другими обществами и значительными промышленными компаніями и съ возможно большимъ числомъ лицъ, отъ коихъ можеть ожидать нужныхъ ему свъденій и содействія, а также

съ учеными обществами и лицами внъ Имперіи, занимающи-

Уст. Географ. Общ. § 5.

S

По всёмъ предметамъ, входящимъ въ кругъ его занятій, Вольное Экономическое Общество имѣетъ свою библіотеку и музен и прилагаетъ особенное стараніе о пополненін той и другихъ по крайней мѣрѣ необходимѣйшими книгами, изданіями, каталогами, картами, моделями, рисунками, чертежами, образчиками и т. п., чтобъ и члены общества и посторонніе могли въ нихъ найдти всё главныя и существенныя по означеннымъ предметамъ ученыя пособія.

Уст. Вольн. Экон. Общ. глава 1, § 2, лит. д. Уст. Географ. Общ. § 6.

S

Для достиженія своихъ целей, общество: 1) издаетъ періодическія и другія сочиненія (а); 2) предлагаеть на конкурсь задачи и лучшіе отвъты печатаеть на свой счеть (б); 3) присуждаетъ золотыя и серебряныя медали, денежныя и другія премін и похвальные листы (в); 4) устранваеть чтенія, разсужденія и бестды между членами во время собраній и вит оныхъ, въ помъщеніяхъ общества (г); 5) устроиваетъ выставки сельскихъ и вообще промышленныхъ произведеній; 6) учреждаетъ курсы публичныхъ лекцій (д); 7) открываетъ встить свободный доступт въ свою библіотеку и музеи (е); 8) обнародываетъ извлеченія изъ журналовъ совъта, общихъ собраній и собраній отділеній (ж); 9) даеть порученія своимь членамъ и постороннимъ лицамъ, желающимъ участвовать въ трудахъ общества, содъйствуетъ темъ и другимъ своими указаніями, поощреніями, пособіями, а въ случат нужды своимъ ходатайствомъ (з); 10) если будетъ признано возможнымъ и нужнымъ, снаряжаетъ, съ предварительнаго отъ кого слъ-

дуетъ разрѣшенія, нарочныя коммиссіи, для произведенія, мѣстныхъ изслѣдованій (и).

- а) Уст. Вольн. Экон. Общ. глава 1, § 2, лит. з. Уст. Географ. Общ. § 8.
- б) Уст. Вольн. Экон. Общ. гл. VII, § 6.
- в) Уст. Вольн. Экон. Общ. гл. 1, § 2, лит. а. гл. IX, § 1. Уст. Геогр. Общ. § 7.
 - r) Уст. Вольн. Экон. Общ. гл. X, §§ 11 m 12. Уст. Географ Общ. §§ 51 m 67.
 - д) Существуеть на практикъ.
 - е) Уст. Вольн. Экон. Общ. гл. VIII, § 4.
- ж) Существуеть на дёлё. Уст. Вольн. Экон. Общ. гл. 1, § 2, лит. с, д, е, h. є. Гл. XIII, § 1, лит. д. Уст. Географ. Общ. § 3.
- м) Уст. Географ. Общ. § 3.

РЕМЕСЛЕННАЯ БОГАДЪЛЬНЯ

вообщь управление ремесленнымъ сословимъ

BT CAHKTHETEPBYPTS.

Минувшаго 9 мая происходило въ домъ С. Петербургскаго ремесленнаго сословія открытіе дома призрѣнія для здѣшнихъ престарълыхъ и увъчныхъ ремесленниковъ. Торжество какъ нельзя болъе приличествовало празднуемой въ этотъ день церковью памяти Святителя и Чудотворца Николая, ознаменовавшаго земную жизнь свою столькими подвигами милосердія и благотворительности. Въ часъ по полудни, въ особо отведенной въ домъ призрънія комнать, совершено было молебствіе, въ присутствін его высокопревосходительства, господина С. Петербургского военного генералъ-губернотора. его превосходительства, господина гражданскаго губернатора, гг. вице-губернатора, городскаго головы, старшины дворянскаго отдъленія общей Думы, членовъ коммиссіи для введенія новаго положенія объ управленіи столицы, членовъ распорядительной Думы, председателя Ремесленной Управы, членовъ и засъдателей оной, начальства цеховаго управленія, и при многочисленномъ стеченіи благотворительныхъ и другихъ лицъ. Послѣ благоговѣйной молитвы о здравіи и долгоденствіи Государя Императора и всего Августвишаго дома, произнесено было священникомъ церкви Владимірской Божіей Матери, магистромъ П. Никитскимъ, слово, невольно исторгнувшее слезы у многихъ изъ присутствующихъ.

«Нельзя — сказаль онъ, между прочимъ — безъ радости и умиленія быть свидітелемь сего величественнаго и вмісті смиреннаго подвига всесозидающей любви христіянской; какимъ-же сладкимъ утешениемъ, какою небесною радостию и торжествомъ должны быть преисполнены сердца тъхъ, которые принимаютъ живое участіе въ этомъ дъль? --- Миръ и благословеніе отъ Бога, честь вамъ и слава отъ людей, боголюбивые и человъколюбивые благодътели несчастныхъ! Теплыя слезы умиленія, искреннія благословенія отъ признательныхъ сердецъ призръваемыхъ вами собратій, конечно, достигнутъ до Престола Божія и оттуда низведуть на вась росу милости и благоволенія Отца Небеснаго, потому что никакое служеніе такъ не угодно Богу, какъ милосердіе, и ни за что такъ не награждаетъ Онъ Своимъ человъколюбіемъ, какъ за человъколюбіе... Итакъ, да утвердитъ васъ Отецъ Небесный въ человъколюбивомъ предпріятій вашемъ, усердные благодътели! Да поможеть онь благодатію и благословеніемь своимь устроиться и распространиться предначатому святилищу любви и милосердія, чтобы подъ кровомъ его находили успокоеніе и отраду всъ, истинно бъдствующіе собратія ваши. Призри съ Небесе, Боже, и виждь, посъти Священный вертоградъ сей, и утверди ero!»

Послѣ молебствія, исправляющій должность старшины ремесленнаго отдѣленія общей Думы, Н. М. Комаровъ, пригласиль всѣхъ посѣтителей, отъ имени ремесленнаго общества, пожаловать въ Управу этого сословія. Здѣсь, въ комнатахъ канцеляріи, были накрыты столы для почетныхъ посѣтителей, а въ помѣщеніяхъ цеховъ для лицъ цеховаго управленія. Изящный и вкусный обѣдъ, на которомъ присутствовало до двухъ-сотъ пятилесяти гостей, изготовленъ извѣстнымъ И. И. Излеромъ, засѣдателемъ Управы. За обѣдомъ былъ провозглашенъ тостъ за Августѣйшее здравіе и долгоденствіе Государя

императора и всего августышаго дома, потомы слыдовали тосты за здоровье его высокопревосходительства, главнаго начальника губерніи, его превосходительства, г. гражданскаго губернатора, городскаго головы, гг. членовы коммиссіп, предсыдателя и членовы Ремесленной Управы и другихы лиць, трудами и пожертвованіями принимавшихы діятельное участіе вы учрежденіи дома призрінія. Оставляя праздникы, господины главный начальникы губерній вы самыхы лестныхы выраженіяхы изыявилы полное удовольствіе за найденный имы везды порядокы и за похвальную готовность ремесленнаго общества быть полезнымы страждущимы и безпомощнымы своимы сочленамы. Но еще долго и послі отбытія почетныхы гостей длился праздникы; общество радушно веселилось, счастливое мыслью о совершившемся богоугодномы и человітколюбивомы діль.

Дъла общественной и частной благотворительности не новость и не ръдкость въ Россіи; они были, есть и будутъ, и свидътельствуютъ о драгоцънной чертъ русскаго народнаго ума и характера. Больницы, богадъльни, пріюты и другія благотворительныя заведенія учреждаются у насъ въ такомъ множествъ, что описанное нами открытіе небольшаго дома призрънія для С. Петербургскихъ ремесленниковъ могло бы остаться почти незамъченнымъ, затеряться посреди тысячи другихъ подобныхъ событій, еслибъ единодушное, трогательное рвеніе здъшнихъ ремесленниковъ къ совершенію этого благочестиваго подвига, и умное, добросовъстное управленіе хозяйственными дълами ремесленнаго общества, значительно подготовившее и ускорившее открытіе ремесленной богадъльни, не давали ему права на особенное вниманіе.

Давно уже была чувствуема необходимость обезпечить судьбу бъдныхъ ремесленниковъ, по преклоннымъ лътамъ или немощи лишенныхъ всякаго способа существованія. Обширный и отлично устроенный здъшнимъ купечествомъ домъ призрънія престарѣлыхъ и увѣчныхъ граждавъ предназначенъ для всѣхъ вообще городскихъ сословій, и потому не могъ призрѣть всѣхъ ремесленниковъ нуждающихся въ помощи. Особенное вниманіе обратилъ на себя этотъ предметъ съ 1847 года, когда многіе ремесленники были неоднократно замѣчены въ прошеніи милостыни. Но какъ обезпечить ихъ, и изъ какихъ источниковъ—вотъ вопросы, которые рѣшить было не легко. Общество раздавало единовременныя и постоянныя пособія бѣднѣйшимъ: частная благотворительность дѣлала свое дѣло; но оба эти средства не могли вполнѣ достигнуть своей цѣли. При томъ хозяйственное положеніе общества было затруднительно; при небольшихъ доходахъ, оно было обременено значительнымъ, по его средствамъ, долгомъ— недоимкой казенной и въ пользу города.

Эти затрудненія были мало по-малу устранены усердіемъ общества и благоразумными распоряженіями Ремесленной Управы, въ особенности предсъдателя ея (съ 1847 года) Никиты Максимовича Комарова. Въ декабръ мъсяцъ 1847 года Ремеслепное Отдъленіе Общей Думы, по предложенію г. Комарова, обсуждало мъры для обезпеченія убогихъ ремесленниковъ, и остановилось на мысли учредить домъ призрѣнія, на первый разъ на 25 человъкъ; для этого очистить часть дома, принадлежащаго цеховому обществу; опредълить расходы первоначальнаго обзаведенія у содержанія ежегодный доходъ съ общественнаго дома; завъдывание богадъльней предоставить Ремесленной Управъ, подъ руководствомъ Ремесленнаго Отдъленія Думы, и сверхъ того открыть добровольную подписку по цехамъ. Въ то же время составленъ былъ проэктъ положенія о домѣ призрѣнія, которое 16 августа минувшаго года удостоилось Высочайшаго утвержденія.

Пока дълались необходимыя приготовительныя распоряженія къ открытію богадъльни, значительность добровольныхъ при-

ношеній, скопившихся въ теченіе 1848 года, открыла возможность устроить предположенный домъ призрънія ремесленниковъ въ болъе общирномъ видъ. Къ 1-му января 1849 года общая сумма пожертвованій составляла болье 8 тысячь руб., а къ 1-му января 1850 года она простиралась почти до 12 тысячъ руб. Старшина Ремесленнаго Общества Н. М. Комаровъ, подавшій мысль о богадільні, быль и первымъ вкладчикомъ: онъ пожертвовалъ на нее 2000 р. с.; городской голова В. Г. Жуковъ, столько извъстный своимъ дъятельнымъ участіемъ во всёхъ дёлахъ общественной благотворительности, 500 р.; засъдатели Ремесленной Управы: Ф. А. Верховцевъ 450 р., Д. А. Андреевъ 300 р., членъ Управы С. О. Оедоровъ, С. Петерб. 1 гильдіи купецъ П. И. Кудряшевъ, по 200 р., членъ Управы Г. К. Кузьминъ, купцы: Г. К. Поповъ, Т. А. Кохановъ, 1-й гильдін Е. Соколовъ и мастера разныхъ цеховъ: 'М. В. Жаворонковъ, П. И. Шуваловъ, А. М. Автній, каждый по 100 р., двенадцать лицъ разныхъ сословій, преимущественно купеческаго и ремесленнаго, по 50 р. и болье; кромъ того, столярнымъ цехомъ пожертвовано около 1200 р., обойнымъ около 650 р., перчаточнымъ 100 р., и почти столько же серебрянымъ.

Такая ревность общества и постороннихъ жертвователей, обнаружившаяся уже съ самаго начала подписки, дала возможность предсъдателю Управы и ея членамъ положить твердое основаніе и вождельное начало призрънію ремесленниковъ. Мысль о временномъ помъщеніи призръваемыхъ была оставлена; стали думать объ устройствъ постояннаго и прочнаго. Съ втою цълью, въ концъ 1848 года, былъ купленъ обществомъ домъ, находящійся рядомъ съ другимъ домомъ того же общества, гдъ помъщается Ремесленная Управа. Около половины издержекъ покрыто пожертвованною сумиою; другая половина взята изъ Ремесленной казны, сбереженной

и умноженной вслъдствіе разныхъ улучшеній по управленію дълами ремесленнаго общества, постепенно введенныхъ со времени преобразованія общественнаго управленія столицы въ 1846 году, въ особенности же со вступленія въ должность Ремесленнаго старшины, бывшаго предсъдателя Ремесленной Управы Н. М. Комарова.

Послъ пріобрътенія дома, который приносить обществу болъе 700 р. ежегоднаго дохода, Ремесленное Отдъленіе Общей Думы, по представленію Управы, назначило для постояннаго помъщенія призръваемыхъ каменный надворный флигель, находящійся на дворъ купленнаго дома, и опредълило потребную на передълку его сумму, съ тъмъ, чтобъ работы были производимы хозяйственнымъ образомъ, подъ наблюденіемъ одного изъ членовъ Управы. До окончанія же работъ, призръваемые ремесленники, уже въ числъ 30 человъкъ, помъшены въ нажнемъ этажъ купленнаго дома. Всъ нужныя къ тому приготовленія возложены Управою на попеченіе члена ея, С. О. Оедорова, и выполнены имъ съ бережливостію, тщаніемъ и добросовъстностію, достойными всякой похвалы. Одежда, обувь. постели и прочія принадлежности призраваемыхъ (на 40 человъкъ), стараніемъ бывшаго предсъдателя Н. М. Комарова, пріобрітены за самую уміренную ціну (278 р.); вся же почти кухонная, столовая посуда и другія мелкія вещи пожертвованы благотворителями изъ ремесленнаго же сословія. Мы им'тли случай разсматривать и пом'тщеніе призрѣваемыхъ, и всѣ принадлежности богадѣльни въ малъйшихъ подробностяхъ, и не могли не радоваться: такъ все хорошо, прочно, хотя и нътъ излишней роскоши, вездъ и во всемъ видна заботливая рука и попечительная предусмотрительность. Мысль, что мальйшія принадлежности этого скромнаго пристанища дряхлой старости и немощи скрываютъ въ себъ лепту милосердія, дъло любви или строгое и честное

отправленіе служебных обязанностей множества лиць, извістных и неизвістных, возбудило въ нась чувства, которых мы не въ силахъ пересказать. Мы поняли, что слезы умиленія, исторгнутыя словомъ пастыря, у однихъ выражали чувства, которыми и мы были преисполнены, видя благодатные плоды любви и милосердія; въ другихъ же оні конечно были вызваны сознаніемъ свято, безукоризненно исполненнаго долга, которое такъ сладостно для всякаго. Невидимые труды и нецінимыя жертвы теперь, на этомъ торжестві, обнаружились. За нихъ молилась церковь; за нихъ воздавалась честь и хвала.

Предположенный обществомъ комплектъ призръваемыхъ ремесленниковъ (30 чел.) скоро наполнился. Въ настоящее время въ домъ призрънія помъщено уже 15 мущинъ и 15 женщинъ. Всъ они, за исключеніемъ двоихъ, преклонныхъ лътъ (не моложе 50 и не старъе 82 лътъ). Большая часть принадлежитъ къ сапожному цеху.

Выше было замічено, что учрежденіе дома призрінія для біздных ремесленников состоялась столько же по щедрости благотворителей, сколько и вслідствіе хорошаго управленія хозяйственными ділами здішняго ремесленнаго общества. Чтобъ пояснить это, считаемъ неизлишнимъ сообщить нікоторыя свіднія о составі С. Петербургскаго ремесленнаго сословія, его денежныхъ средствахъ, управленіи и различныхъ улучшеніяхъ, произведенныхъ въ немъ въ посліднее трехлітіе 1).

Сословіе ремесленниковъ заключаеть въ себѣ ремесленниковъ, приписанныхъ къ С. Петербургу по ревизіи, и иногородныхъ, промышляющихъ ремесломъ въ столицѣ и временно

¹⁾ Иностранные ремесленники, не вступившіе въ подданство Россіи, и промышляющіе въ столицѣ, образують особливые цехи (въ числѣ 16-ти), вижють свою общественную назну и состоять подъ вѣдомствомъ особой Управы (мностранныхъ ремесленныхъ цеховъ). Въ настоящемъ обозрѣніи рѣчь идетъ только о русскихъ ремесленникахъ.

причисленныхъ въ сему сословію. Тъ и другіе распредъляются, смотря по ремеслу, между различными цехами.

До изданія новаго положенія объ общественномъ управленім С. Петербурга (13 февраля 1846 года), цехи находились подъ управленіемъ своихъ выборныхъ старшинъ и старшинскихъ товарищей, и составлялись изъ ремесленниковъ, занимавшихся однимъ ремесломъ; пяти мастеровъ одного ремесла было уже достаточно для открытія новаго цеха. Цехи имбли свои частныя управы, своихъ нотаріусовъ и секретарей (цеховыхъ маклеровъ), а общая Ремесленная Управа цеховъ сосредоточивалась въ лицъ ремесленнаго головы, избираемаго встми ремесленниками изъ цеховыхъ мастеровъ. Для нужныхъ совъщаній, Ремесленный Голова имълъ право созывать цеховыхъ старшинъ въ собраніе; по расправъ, дъла, касавшіяся учениковъ, находились въ его исключительномъ завъдываніи; другія же діла, касавшіяся прочихь ремесленниковь, разбирались и судились имъ вмъстъ съ старшиною цеха. За тъмъ управление ремесленнымъ сословиемъ сосредоточивалось въ его рукахъ, такъ, что онъ имълъ право отръшать отъ должности членовъ цеховаго управленія. Наконецъ, въ высшей инстанців, все управление ремесленнымъ сословиемъ, въ особенности же дъла наиболъе важныя, сосредоточивались въ Городовомъ Магистратъ.

Съ преобразованіемъ городскаго управленія, этотъ порядокъ измѣнился. Обязанности ремесленнаго головы перешли на присутствіе Ремесленной Управы, составленное изъ ремесленнаго старшины и членовъ, избираемыхъ ремесленнымъ отдѣленіемъ Общей Думы, изъ С. Петербургскихъ ремесленниковъ и двухъ засѣдателей изъ иногородныхъ ремесленниковъ, временно записанныхъ въ здѣшніе цехи. Все цеховое управленіе по внутреннимъ дѣламъ общества, подчинено ремесленному отдѣленію Общей Думы, а въ исполнительномъ порядкѣ Думѣ Распо-

рядительной; все же управление внутренними дѣлами каждаго цеха ввѣрено цѣховому старостѣ съ его помощникомъ.

Цехи состоять изъ мастеровь, подмастерьевь и учениковъ. Въ 1849 году въ С. Петербургъ было 52 цеха. Въ нихъ числилось

MACTEPOBЪ.		подмастерьевъ.			
		въчно-п	цеховыхъ.		
муж.	женск.	всего.	муж.	женск.	всего.
845	85	930	1372	95	1467
		временн	оцеховыхъ		
4893	517	5410	12658	435	13093
5738	602	6340	14030	530	14560
учен и	ковъ.				
		въчно-1	цеховыхъ.		
муж.	женск.	Bcero.	муж.	женск.	всего.
512	182	694	2729	362	3091
		временно	-цеховыхъ	•	
9355	140	9495	26906	1092	27998
9867	322	10189	29635	1454	31089

На основаніи этихъ цифръ, временно-цеховыхъ ремесленниковъ въ С. Петербургъ вообще слишкомъ въ девять разъ больше въчно-цеховыхъ; но эта пропорція не одинакова, если разсматривать отношенія тъхъ и другихъ по полу и разрядамъ; всего ближе подходитъ къ ней отношеніе временно и въчно-цеховыхъ мужескаго пола; но временно-цеховыхъ женскаго пола только въ три раза больше въчно-цеховыхъ женскаго же пола. Далъе: временно-цеховыхъ мастеровъ и мастерицъ почти въ шесть разъ больше въчно-цеховыхъ; временныхъ подмастерицъ слишкомъ въ четыре раза; временныхъ учениковъ слишкомъ въ восмнадцать разъ; напротивъ въчно-цеховыхъ ученицъ нъсколько больше временно-цеховыхъ, такъ что на ч. 1у.

Digitized by Google

13 первыхъ приходится только 10 вторыхъ. Этимъ объясняется, почему наибольшее число здъшнихъ цеховыхъ ремесленниковъ приходится на временно-цеховыхъ падмастерьевъ (составляющихъ около половины всъхъ цеховыхъ ремесленниковъ), мастеровъ (около шестой части) и учениковъ (около третей части); три же разряда въчно-цеховыхъ обоего пола и временно-цеховыя женщины составляютъ, отдъльно, самыя незначительныя доли, а всъ вмъстъ менъе седьмой части общаго числа цеховыхъ ремесленниковъ.

Еще значительные перевысь ремесленниковы мужескаго пола нады ремесленниками женскаго. Вообще женскій поль составляеть только около ¹/₂₁ части всего ремесленнаго сословія, такъ, что на 4 женщины приходится приблизительно около 85 мущинь. Въ частности это отношеніе изміняется. Между мастерами, на одну женщину приходится отъ 9 до 10 мущинь, между учениками на 1 женщину отъ 30 до 31, а между подмастерьями на 1 женщину отъ 26 до 27 мужчинь.

Тотъ же перевъсъ мущинъ надъ женщинами находимъ, въ отдъльности, между въчно и временно цеховыми. У первыхъ на 1 женщину приходится отъ 7 до 8 мужчинъ; у послъднихъ на 1 женщину отъ 24 до 25 мущинъ.

На каждаго изъ мастеровъ и мастерицъ приходится вообще отъ 2 до 3 подмастерьевъ и отъ 1 до 2 учениковъ, безъ различія пола. Это отношеніе тоже значительно разнообразится, если разсматривать мущинъ отдёльно отъ женщинъ и вѣчноцеховыхъ отдёльно отъ временно-цеховыхъ. Между вѣчноцеховыми мужескаго пола, на одного мастера приходится отъ 1 до 2 подмастерьевъ, и наоборотъ отъ 1 до 2 мастеровъ на 1 ученика. Между ремесленниками женскаго пола на 17 вѣчно-цеховыхъ мастерицъ приходится только 19 подмастерицъ, и на каждую мастерицъ приходится только по 1 ученицъ.

На каждый изъ 52 цеховъ въ 1849 году приходилось среднимъ числомъ до 598 ремесленниковъ, именно около 570 мущинъ и около 28 женщинъ, около 539 временно и 59 въчноцеховыхъ. Въ томъ числъ мастеровъ отъ 110 до 111 (времен. отъ 94 до 95), мастерицъ до 12 (врем. до 10), подмастерьевъ мужескаго пола 270 (врем. около 244), женскаго 10 (врем. отъ 8 до 9), учениковъ мальчиковъ 190 (врем. 180), дъвочекъ 6 (въчно и временно-цеховыхъ почти на половину). Въ дъйствительности эти нормальныя цифры значительно измъняются. Самые большіе цехи по числу всъхъ вообще ремесленниковъ были: портной (изъ 4453 человъкъ), столярный (4198), сапожный (2179), булочный мелочныхъ лавочниковъ (1700), позументный (1277), кузнечный (1216), малярный (1203), мьдно-бронзовый (1048) и серебряный (821); самые малые цехи перчаточный и зонтичный (по 39) и табачный (30) ¹).

Въ трехъ только цехахъ, и то весьма малочисленныхъ, число въчно-цеховыхъ превосходило число временно-цеховыхъ ²); во всъхъ же прочихъ временно-цеховыхъ было значительно больше въчно-цеховыхъ; въ одномъ цеху (квасно-кислощейномъ) послъднихъ даже вовсе не было. Цехи, въ которыхъ находилось наибольшее число временно цеховыхъ суть: столярный (3951), портной (3879), сапожный (2026), булочный мелоч-

Bt 6 Hexaxt oft 50 go 100 Telob.

" 4 " 100 " 200 "

" 10 " 200 " 340 "

" 8 " 400 " 500 "

" 3 " 506 " 500 "

¹⁾ Вт пролих ибхихт беместенники баспбейдимодся страйониями одбазоми.

 ⁾ Именно въ клавикордномъ (на 54 ремесленияка 23 врем. цех.), табачно по по (на 29 чел. 9 вр. цех.), п'итмецко-булочномъ (на 79 чел. 22 вр. ц.).

ныхъ лавочниковъ (1699), малярный (1175), кузнечный (1153); наименьшее число временно цеховыхъ: заключали въ себъ цехи: зонтичный (36), перчаточный (28), клавикордный (23), нъмецко-булочный (22), и табачный (9) 1). Наибольшее число въчно-цеховыхъ находилось въ цехахъ: портномъ (574), позументномъ (353), столярномъ (247), мъдно-бронзовомъ (198), сапожномъ (153) и обойномъ (136); наименьшее заключали въ себъ цехи: кожевенный (9), печной (7), купорный, точильный и волосяной (по 5), пробочный и колбасный (по 4), прядильный и зонтичный (по 3), пряничный (2) и булочный мелочныхъ лавочниковъ (1) 2).

Выше было замъчено, что временно-цеховыхъ ремесленниковъ въ девять разъ больше въчно-цеховыхъ. По цехамъ это отношение не вездъ одинаково. Напр. въ булочномъ цеху (ме-

```
4 цехахъ отъ
               50 до
                      100 врем. ц.
                      200
              100 »
10
              200 »
                      300
                      400
              300 »
              400 »
                      500
              500 »
                      600
              600 »
                      700
                      800
              700 »
              800 »
                      900
               900 » 1000
```

²) Въ прочихъ цехахъ въчно-цеховые распредълялись такимъ образомъ.

```
Въ 10 цехахъ отъ 10 до
                         20 въчн.-цех.
                  20 »
                         30
                  30 »
                         40
                         50
                  40 »
                  50 »
                         60
    2
                         70
                  60 »
                         80
                  70 »
     2
                  80 »
                         90
                  90 » 100
```

Въ прочихъ цехахъ временно-цеховые распредълялись слъдующимъ образомъ:

дочныхъ давочниковъ) быдъ только одинъ вѣчно-цеховой на 1699 временно-цеховыхъ, а въ пряничномъ 1 вѣчно-цеховой приходился на 145 временно-цеховыхъ; въ другихъ же, напротивъ 1 вѣчно-цеховой приходится только на 2 и на 3 временно-цеховыхъ, именно въ цехахъ ситцепечатномъ, перчаточномъ, кондитерскомъ и позументномъ 1). О цехахъ, гдѣ вовсе нѣтъ вѣчно-цеховыхъ, или гдѣ ихъ больше временно-цеховыхъ, сказано было выше.

Вовсе не было женщинъ въ восьми цехахъ 2). На каждый изъ остальныхъ 44 цеховъ приходилось, слъдовательно, круглымъ числомъ по 33 женщины. Всего ближе подходили къ этой средней цифръ цеха обойный (42 женщ.), мъдно-бронзовый (38), и русско-булочный (32). За тъмъ самые значительные по количеству женщинъ были цехи: портной (1376), позументный (223), ситцепечатный (100), булочный мелочныхъ лавочниковъ (73) и кухмистерской (70), а четыре: купорный точильный, пряничный, волосяной, и гончарный гребенной содержали только по 1 женщинъ 3). По этимъ цифрамъ уже можно судить о перевъсъ въ цехахъ мужской половины ремесленниковъ нэдъ женской. Дъйствительно въ 14 цехахъ мучинъ въ 100, 200 и даже почти въ 300 разъ больше, чъмъ женщинъ, и только въ двухъ—портномъ и кухмистерскомъ—

¹⁾ Въ прочихъ цехахъ отношеніе въчно и временно-цеховыхъ было слъдующее:

Въ въчномъ цеху на 1 въч. цех. 65 врем. цех., въ колбасномъ 63, въ купорномъ точильномъ 53, въ шорномъ 36-37, въ стекольномъ 34-35, въ кожевенномъ 30-31, въ прядвльномъ 29, въ 2 цехахъ 25-26, въ 1 цеху 23-24, въ 12 цехахъ 10-20, въ 10 цехахъ 5-40, въ 8 цехахъ 3-5.

²⁾ Клавикордномъ, прядплыномъ, пробочномъ, перчаточномъ, стекольномъ, часовомъ, печномъ и зонтичномъ.

³⁾ Изъ прочихъ цеховъ 8 содержали въ себъ отъ 10 до 20 женщинъ, а двадцать три цеха менъе 10.

отъ двухъ до трехъ разъ 1). Замъчательно также, что нътъ ни одного цеха, въ которомъ число женщинъ превышало бы число мущинъ, или хотя равнялось съ нимъ.

Эта пропорція представится впрочемъ выгодите для женщинъ, если принять во вниманіе, что 42 цеха, по роду мастерствъ, къ нимъ относящихся, не допускаютъ въ составъ своемъ ни подмастерицъ, ни ученицъ, а только мастерицъ,обыкновенно вдовъ ремесленниковъ, которыя оставляють за собою ремесленныя заведенія, основанныя еще ихъ мужьями; слъдовательно всъ женщины, за исключениемъ мастерицъ (602), въ числъ 852 распредъляются собственно между 10 цехами. По этому разсчету на каждый изъ этихъ цеховъ приходится среднимъ числомъ подмастерицъ и ученицъ до 77. Самое значительное число ихъ соединяютъ въ себъ цехи ситцепечатный (69), позументный (104) и портной (1160); въ остальныхъ же семи цехахъ оно не ниже 5 и не выше 35. Самое большое число мастеровъ находилось въ цехахъ портномъ (690), булочномъ мелочныхъ лавочниковъ (664), столярномъ (577), сапожномъ (454) и малярномъ (318); самое меньшее въ цехахъ зонтичномъ (20), перчаточномъ (17), клавикордномъ и прядильномъ (по 16), пробочномъ (14), табачномъ и волосяномъ (по 11). Въ прочихъ число ихъ простиралось отъ 25 до 212. Наибольшее число подмастерьевъ находилось въ цехахъ: столярномъ (2211), портномъ (1396) и булочномъ мелочныхъ лавочниковъ (1028); наименьшее въ цехахъ клавикордномъ (27), трубочистномъ (23) табачномъ (19), перчаточномъ (13) и зонтичномъ (9). Въ прочихъ оно не превышало 850 и не было ниже 35. Наконецъ наибольшее число учениковъ находилось въ цехахъ портномъ (2367)

¹⁾ Въ прочихъ цехахъ мущинъ было больше женщинъ въ следующей пропорцін: въ 14 цехахъ отъ 20 до 100 раз., въ 10 цехахъ отъ 10 до 20 разъ, въ 4 цехахъ отъ 4 до 10 разъ.

и столярномъ (1410); наименьшее въ цехахъ квасно-кислощейномъ (15), клавикордномъ и волосяномъ по (11), зонтичномъ (10), перчаточномъ (9), булочномъ мелочныхъ лавочниковъ (8), нъмецко-булочномъ (6); въ табачномъ же вовсе не было учениковъ.

И такъ, вотъ составъ здѣшняго русскаго ремесленнаго населенія, записаннаго въ цехи и состоящаго подъ вѣдомствомъ Ремесленной Управы. Въ заключеніе замѣтимъ, что число всѣхъ лицъ мужескаго пола, приписанныхъ къ С. Петербургу по ревизін, какъ занимающихся такъ и незанимающихся ремеслами въ столицѣ, составляло въ 1847 году 4852 окладныхъ души, въ 1848 году 5273 души, въ 1849 году 5305 душъ, слѣдовательно въ теченіе трехъ лѣтъ оно увеличилось на 358 душъ.

На ремесленной сословій, принадлежащемъ къ податнымъ званіямъ, лежатъ казенныя подати и повинности. По С. Петербургу платятъ ихъ только лица ремесленнаго сословія, приписанныя здѣсь по ревизіи въ вѣчно-цеховые; прочіе же, временно-цеховые, оплачиваютъ ихъ по мѣсту ихъ записки. Въ С. Петербургѣ казенныя подати и повинности взимаются съ ремесленниковъ ихъ цеховыми старостами и сборщиками податей по цехамъ, и представляются въ Ремесленную Управу, откуда онѣ уже поступаютъ въ Уѣздное Казпачейство. Въ настоящее время эти подати и повинности оплачиваются реемсленнымъ сословіемъ бездоимочно. Въ 1847 году внесено въ Уѣздное Казначейство всего 21567 р. 60 к., въ 1848 году 22520 р. 16 к., въ 1849 году 25148 р. 39 к.

Для издержекъ по внутреннему управленію ремесленнымъ сословіемъ существуютъ двъ казны: ремесленная и цеховая. Ремесленная казна образуется изъ сбора со всъхъ вообще цеховыхъ ремесленниковъ, опредъляемаго ежегодно Ремесленнымъ Отдъленіемъ Общей Думы, изъ доходовъ съ домовъ,

принадлежащихъ ремесленному обществу, штрафныхъ денегъ и другихъ случайныхъ доходовъ. — Расходы изъ нея производятся не иначе, какъ на основани ежегодныхъ смътныхъ назначеній и дополнительныхъ ассигновокъ, утверждаемыхъ въ свое время тъмъ же отдъленіемъ Думы. На 1850 годъ сборъ въ пользу ремесленной казны опредъленъ въ слъдующихъ размърахъ: съ каждаго мастера по 1 р. 50 к., съ подмастерья по 15 к., съ ученика по 8 к., Сборъ сей собирается по цехамъ и вносится въ Ремесленную Управу. Въ 1847 году ремесленной казны было 25205 р., въ 1848 году 27783 р., въ 1849 году 55731 р.; израсходовано изъ нея въ 1847 году 9707 р., въ 1848 г. 11979 р., въ 1849 г. 28151 р. - Кромъ обыкновенныхъ текущихъ издержекъ, покрытыхъ ремесленною казною, она доставила ремесленному сословію средства купить домъ (гдъ устроена теперь богадъльня) за 21000 р., уплатить 1000 р. податной недоимки, и слишкомъ 3500 р. невыполненныхъ расходовъ прежнихъ лътъ. За всъми этими издержками, въ ней къ 1850 году оставалось еще въ остаткъ около 7600 р.

Цеховая казна составляется изъ ежегоднаго сбора съ въчно и временно цеховыхъ ремесленниковъ и добровольныхъ складокъ. И тъ и другія опредъляются тоже приговорами Ремесленнаго Отдъленія Общей Думы. Кромъ того сюда же поступаютъ и такъ называемыя входныя деньги, собираемыя единожды съ каждаго ремесленника при вступленіи его въ цехъ. На 1850 годъ оба упомянутые выше сбора съ ремесленниковъ обоего пола опредълены въ слъдующемъ количествъ: съ мастера 3 р., подмастерья 30 к., ученика 7 к., входныхъ денегъ взыскивается по 3 р. съ мастера и по 1 р. 50 к. съ подмастерья. Цеховыя кассы состоятъ въ непосредственномъ завъдываніи самихъ цеховъ. Въ какомъ онъ находятся удовлетворительномъ состояніи видно изъ того, что, несмотря на

увеличившіеся расходы на содержаніе цеховаго управленія, сборъ съ ремесленниковъ не былъ возвышенъ, и въ нѣкоторыхъ цехахъ даже сохранились значительные остатки. Въ 1848 году общая сумма цеховой казны, вмѣстѣ съ остатками прежнихъ лѣтъ, простиралась до 102466 р., а въ 1849 году до 114169 р. Въ 1848 году издержано на цеховое управленіе 78578 р., въ 1849 году 90697 р., за тѣмъ оставалось къ 1850 году 23472 р.

Кромъ означенныхъ выше сборовъ, временно-цеховые ремесленники платятъ еще въ пользу города особливый сборъ, именно: временно цеховые мастера обоего пола по 3 р., подмастерья по 30 к., ученики по 15 к. Съ 1829 по 1838 годъ, по сему сбору накопилась на ремесленномъ обществъ значительная недоимка, составлявшая около 22 т. р. Для уплаты ея общество, еще въ 1843 году, съ утвержденія высшаго начальства, приговорило ежегодно отчислять изъ остатковъ цеховой казны, впреды до уплаты, съ въчно-цеховыхъ ремесленниковъ по 30 к., а съ временно цеховыхъ по 60 к. съ души. Этотъ приговоръ сталъ однако приводиться въ исполнение не ранъе 1848 года, когда въ должность предсъдателя Ремесленной Управы, вступилъ Н. М. Комаровъ, которому общественное управленіе ремесленниковъ обязано столькими улучшеніями и нынішнимъ своимъ, можно сказать, образцовымъ порядкомъ. Въ 1848 году упомянутой недоимки уплачено 3850 р., въ 1849 году 4839 р.; всего погашено долга до 8689 р., осталось неоплаченнаго около 13257 р.

Такимъ образомъ, съ введеніемъ новаго положенія объ общественномъ управленіи С. Петербурга, въ особенности же съ 1848 года, здъшнее ремесленное общество, не усиливая налоговъ, вслъдствіе однихъ только благоразумныхъ распоряженій и предусмотрительной бережливости своего непосредственнаго начальства, успъло уплатить около 13000 р. преж-

нихъ, лежавшихъ на немъ долговъ, пріобръсти домъ, стоющій 21 т. р., найдти средства для покрытія нъкоторыхъ единовременныхъ значительныхъ издержекъ, и несмотря на все это привести свои денежныя средства въ цвътущее состояніе.

Въ теченіе того же времени, и съ тою же неусыпною заботливостію, произведены многія значительныя исправленія и улучшенія въ управленіи ремесленнаго сословія. Слишкомъ дробное дъленіе онаго на цехи, и незначительный, по числу лицъ, составъ нъкоторыхъ цеховъ, были обременительны для ремесленниковъ и убыточны для цеховой казны; для ремесленниковъ отсюда происходила обязанность чаще нести службу по цеховому управленію, цеховая же казна истощалась на содержаніе цеховаго начальства въ большемъ количествъ, чъмъ сколько было нужно для успёшнаго хода дёль по цеховому управленію. Вслъдствіе этого, съ утвержденія высшаго начальства, семнадцать малочисленныхъ цеховъ присоединены 🤾 къ остальнымъ тридцати пяти цехамъ, большимъ по своему составу, и однороднаго съ ними мастерства, чёмъ уменьшено число лицъ цеховаго управленія слишкомъ на сорокъ человъкъ, облегчены и упрощены обязанности цеховыхъ маклеровъ, и сдъланы значительныя сбереженія въ издержкахъ на цеховое управленіе. Въ то же время мастерства, отнесенныя въ прежнее время къ несвойственнымъ имъ цехамъ, распредълены правильные по другимы цехамы, и образуется, съ утвержденія высшаго начальства, новый цехъ мясниковъ. Кромъ того, для окончательнаго устройства цеховаго управленія, начато составленіе цеховыхъ по нікоторымъ цехамъ обрядовъ; такіе обряды уже составлены, и съ утвержденія высшаго начальства приводятся въ дъйствіе. Равнымъ образомъ точнъе опредълены отношенія между мастерами и подмастерьями, и приняты мъры къ законному огражденію ихъ взаимныхъ правъ и обязанностей. Наконецъ введена правильная и подробная отчетность по доходамъ и расходамъ ремесленной казны, и уже приняты мѣры къ распространенію этого порядка и на цеховыя кассы.

Вотъ краткій очеркъ теперешняго состоянія казны и управленія С. Петербургскаго ремесленнаго сословія. Что оно преуспѣваетъ, едва ли нужно прибавлять послѣ приведенныхъ цифръ и фактовъ. Новый порядокъ общественнаго управленія столицы, установивъ строгій контроль и ясныя правила по управленію городскихъ сословій, далъ возможность произвести въ этой части различныя улучшенія. Къ чести ремесленнаго сословія и Ремесленной Управы, въ особенности же бывшаго предсъдателя ея, Н. М. Комарова, должно сказать, что они поняли и добросовъстно выполнили указанныя имъ закономъ обязанности.

СЛУГА.

(СОВРЕМЕННЫЙ ФИЗІОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Изъ множества самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній, одно, издавна, сдълалось любимымъ предметомъ писателей всъхъ временъ и народовъ: это положеніе слуги. Типы слугъ рисовали геніяльною кистью и Шекспиръ, и Мольеръ, и Сервантесъ; надъ этими типами работали и наши писатели. Кто не приходилъ въ восторгъ отъ Осипа? Кто не читалъ и не помнитъ восхитительныхъ эскизовъ слугъ всякаго разбора, мастерски набросанныхъ И. С. Тургеневымъ?

А все-таки далеко еще не всѣ типы слугъ схвачены и усвоены литературѣ; многіе изъ нихъ ждутъ новыхъ дѣятелей. Лакей городской и лакей деревенскій, лакей пьяница, хвастунъ, мелкій плутъ, объѣдало и пройдоха, лакей обманывающій своего добродушнаго барина или помогающій ему въ разныхъ его любовныхъ и другихъ продѣлкахъ,—всѣ эти видоизмѣненія лакейскихъ типовъ подмѣчёны и обрисованы болѣе или менѣе удачно и вѣрно. Но, сколько помнится, типъ лакея не былъ ни разу еще поясненъ отношеніями его къ высоко-просвѣщенному, талантливому, развитому и во многихъ отношеніяхъ особенно замѣчательному барину. А стоило бы! Во взглядѣ слуги на такого барина лакейская натура выступаетъ ярче, со многими своими характеристическими чертами, которыя безъ того остаются въ тѣни и оставляютъ типъ не полнымъ.

Отъ низменной и узкой сферы, въ которой вращается слуга, отъ привычки смотръть на міръ Божій изъ передней,—все, даже самое почтенное и достойное, пройдя сквозь голову и сердце дакея, опошляется. Этой судьбы не избъгаетъ, разумъется, и баринъ.

Положимъ, баринъ знаменитъ какъ писатель, государственный человъкъ или ученый. Слава его разносится всюду; все наперерывъ стараются увидать, услышать, узнать его, ищутъ съ нимъ сблизится, считаютъ за особенную честь быть съ нимъ въ дружбъ. Даже противники и враги, и тъ не могутъ отказать ему въ уваженіи. Лакей смотритъ на все это съ своей особенной, лакейской точки зрънія. Смысла къ нравственновысокому и изящному странно было бы отъ него и требовать. Сверхъ того, онъ чувствуетъ, можетъ-быть и безсознательно, превосходство надъ собою барина, и это превосходство его давитъ.

Много ли людей не испытываетъ этого, приходя въ соприкосновение съ избранными натурами? Но порядочнымъ людямъ это чувство превосходства другаго надъ собою внушаетъ уваженіе, любовь, даже благоговініе, въ лакей же оно возбуждаетъ только недоброжелательство и зависть. «Удивительное это дъло, думаетъ лакей про себя: что бы, кажется, въ баринъ такого особеннаго? По мнъ такъ ровно ничего! А честятъ. И какъ еще честятъ! ужь подлинно, кому какое счастіе! За что его такъ ужь черезчуръ любить? За то, что онъ краснобай, и за все хватается, и книжки перебираеть? Это всякій сумбетъ на его мбств сдвлать не хуже его. Заставиль бы я его комнату вымести, да сапоги почистить или на запяткахъ въ трескучій морозъ потрястись, и посмотрель бы, что изъ него выйдетъ. Плохъ бы оказался, наверное. То-то и есть, что на легкомъ хлъбъ живетъ и такими же, какъ онъ, дармоъдами прославляется».

Digitized by Google

Съ темъ же злорадствомъ и затаенною завистью говоритъ лакей и о красотъ своего барина, если Богъ надълилъ его красотой. Отрицать ее нельзя—онъ и не отрицаетъ. Но вслушайтесь хорошенько въ его отзывы объ ней: вы непремънно встрътите здъсь, тамъ, словечко, которое вставляется, чтобъ ослабить похвалу. Нътъ, нътъ—и ввернетъ, что-де у барина носъ красный; а тамъ, что у него брюхо большое; дальше, что у него зубъ со свистомъ. Если лакей уменъ, эти вставки дълаются очень ловко, незамътно и кстати, такъ что, посмотришь на слова — хвалитъ; а общее впечатлъніе выходитъ невыгодное для барина. Этимъ искусствомъ многіе лакеи обладаютъ въ совершенствъ по привычкъ лицемърить.

Если лакей зналъ барина, когда последній былъ еще очень молодъ, нравственно и даже физически еще не сложился, дъдаль ошибки, впадаль въ заблужденія, отдавался страстямь, вообще шель въ жизни нетвердою стопой, — вотъ когда надо послушать лакея! Въ разсказахъ его о баринъ въ такихъ случаяхъ обнаруживаются совершенно новыя черты лакейской души, какъ выскакиваютъ новыя стеклышки при поворотъ калейдоскопа. Къ злорадству и зависти тутъ присоединяется еще Хлестаковская хвастливость, желанье казаться за панибрата съ знатнымъ своимъ бариномъ. «Для васъ баринъ важная птица, думаетъ лакей, и эта мысль проходитъ чрезъ весь его разсказъ о молодости барина, - а для меня такъ онъ такъ себъ, дрянь и больше ничего! Вы его зазнали, какъ онъ человъкомъ сталъ, а я видалъ его, когда онъ еще мальчишкой быль и всякія глупости дёлаль и ташни за нимъ разныя водились». Съ этою заднею мыслью разскажеть вамъ лакей, что его баринъ не прочь былъ сладко събсть и сладко выпить, и что и волокита онъ тоже былъ исправный. Въ доказательство, онъ начнетъ пересчитывать вамъ по пальцамъ, припоминая годы и вст медкія обстоятельства, какъ его баринъ кутиль и съ

Матрешкой, и съ Палашкой, и съ Наташкой, да тутъ же, рядомъ съ ними, назоветь имена и такихъ лицъ, съ которыми, по всемъ вероятіямъ, были у барина совсемъ другія отношенія, имена, съ которыми, быть-можетъ, связаны самыя чистыя, святыя, самыя дорогія его сердцу воспоминанія молодости. Конечно вы, я, вст мы, знаемъ цтну этихъ разсказовъ лакея. Похожденія молодости всёмъ намъ болье или менье извъстны по опыту и не могутъ, разумъется, измънить нашихъ понятій о баринь, или ослабить обаяніе драгоценнейшихъ о немъ воспоминаній. Изъ числа именъ, пестро смъщанныхъ въ разсказъ лакея, мы сумъемъ отдълить тъ, которыя человъкъ нами чтимый и любимый быть-можетъ произносилъ съ уваженіемъ и въ зрълыхъ лътахъ. Но дъло не объ насъ, , а объ лакећ и его взглядь на вещи. Касаясь до всего своими грязными руками, подводя все подъ одинъ уровень пошлости, не умъя различать порывовъ чувственности отъ сердечной страсти, подымающей человъка нравственно, лакей своимъ разсказомъ возбуждаетъ въ насъ только отвращение, и, желая изподтишка повредить въ нашемъ митий своему барину, изобличаетъ только дрянныя побужденія своей низменной натуры.

Что при этомъ лакей прежде и больше всего будетъ налегать на недостатки и слабыя стороны барина, это разумъется само собою.

Недостатки! При этомъ словъ сколько мыслей и скорбныхъ и утъщительныхъ подымается вдругъ со дна души каждаго порядочнаго человъка. Судъ слишкомъ строгій, разборъ слишкомъ мелочной въ этомъ отношеніи произносится или юношами, или ограниченными и тупоумными людьми, потому что недостатки и слабыя стороны—общій удълъ всъхъ, безъ изъятія, смертныхъ. Кто не имъетъ своей Ахиллесовой пяты? Притомъ же очень часто, почти всегда, недостатки людей, выдающихся

изъ толпы, представляють теневую сторону техъ самыхъ качествъ и добродътелей, которыя снискали имъ уважение, любовь, взвёстность и славу, такъ что не будь этихъ недостатковъ, не было бы и этихъ добродътелей и достоинствъ. Также неръдко недостатки и слабыя стороны суть не болье какъ крайнія послъдствія побужденій и стремленій самыхъ естественныхъ, законныхъ, благородныхъ и почтенныхъ, свойственныхъ однъмъ избраннымъ натурамъ. Бываютъ недостатки, зависящіе отъ причинъ совершенно случайныхъ или же чисто физическихъ, бываютъ и наследственные недостатки, какъ бываютъ насдъдственныя бользии. Много тоже значитъ, какъ кто самъ смотритъ на свои недостатки: одинъ ихъ вовсе не сознаетъ, другой ими хвастается съ циническимъ нахальствомъ; иной ихъ стыдится и скрываетъ, покоряясь и работая имъ какъ печальной неизбъжности, которой одолъть не могъ или не умълъ. Стало-быть, самый фактъ существованія или присутствія въ человіжь недостатковъ самъ по себі ничего еще не значитъ. Наконецъ, намъ кажется, что слабыя стороны замечательных людей имеють или по крайней мере долны бы имъть для прочихъ высокое нравственное значение. Въ міръ нравственномъ это своего рода напоминаніе человъку. что онъ — земля и въ землю обратится. Уравнивая всъхъ въ несовершенствъ, недостатки съ одной стороны умъряютъ самоуваженіе, какъ бы оно ни было законно, —а съ другой служатъ звеньями, связующими въ одно целое натуры высшаго и низшаго порядка, именно потому, что даютъ реальность, осязаемость высокимъ добродетелямъ и талантамъ, которые безъ того принадлежали бы къ области несбыточныхъ сновъ и ме. чтаній.

Нечего и говорить, что лакей неспособень понять вскхъ этихъ оттънковъ и тонкихъ раздичій. Въ его головъ отпечатлъвается только внъшняя оболочка вещей, подводящая подъ одинъ итогъ самыя разнообразныя явленія нравственной жизни. Продажныя ласки и паденіе вслёдствіе любви и страсти; человъкъ упившійся виномъ отъ радости или избытка горя, вслідствіе привычки, по болізни или случайно, въ одиночку или въ дружеской бестать — все это въ лакейской головт носить одно общее названіе, самое пошлое изъ всёхъ, и которое потому всего болте подъ-стать его пошлымъ понятіямъ; а злорадство и зависть заставять его постараться вывалять въ грязи даже и то, что по общимъ понятіямъ не есть даже слабость и только въ глазахъ лакея имбетъ видъ чего-то предосудительнаго. Цітль всіхть этихть усплій — снять сть барпна ореоль славы, разсъять нимбъ величія, которымъ онъ окруженъ, низвести его до себя. По вашимъ понятіямъ, близость съ замвчательнымъ человъкомъ налагаетъ обязанность лучше другихъ понимать его, болье другихъ ценить и любить; а лакей разумьеть это совстить иначе: въ случайной близости къ барину онъ видитъ только право говорить объ немъ съ пренебрежениемъ, трактовать его ни по чемъ. Оттого и существуетъ давнишнее правило не водить дружбы съ лакеемъ, не фамильярничать съ нимъ, потому что лакей тотчасъ же зазнается и возмечтаетъ, что онъ равенъ съ бариномъ. Для лакея близость и дружба есть патентъ на дерзкое и наглое обращение, потому что лакей всюду несеть съ собою, подобно Петрушкъ Гоголя, особенный, ему одному свойственный запахъ.

Il n'y a pas de grand homme pour son valet de chambre, говоритъ французская пословица. Талейранъ къ этому прибавлялъ: parce qu'un valet est un valet. Великая истина.

Не подумайте однако, что пошлость, злорадство, зависть и Хлестаковство одни внушають лакею грязные разсказы и размышлеція о баринъ.

Случается, что онъ имѣетъ къ тому и другіе поводы, болъе близкіе и личные. Иной разъ баринъ, разглядъвъ попристальнёе слугу и замётивъ за нимъ разныя разности, лишитъ его своего довёрія, выбранитъ порядкомъ, а смотря по винѣ, въ припадкъ справедливаго гнѣва, велитъ пожалуй и со двора прогнать. Какъ же лакею не досадовать и не злиться?

Истинное счастіе, что большинство лакеевъ или вовсе безграмотны, или не любятъ писать, и ограничиваются однимъ разсказами, которые погибаютъ въ Летъ. Что еслибъ они стали писать мемуары? Какъ смерть, они разрушили бы нравственную красоту и на мъстъ ея оставили бы гнилой трупъ, который не составляетъ человъка.

Впрочемъ, утъшимся! Будь даже много такихъ мемуаровъ, врядъ ли бы имъ удалось выбраться въ печать. Кто жь ръшится быть ихъ издателемъ?

«Dixi et animam levavi», какъ выражается В. В. Григорьевъ въ статьъ: «Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвъ». («Русская Бесъда» 1856. IV.)

ПЕТРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КИРВЕВСКІЙ.

25-го октября, въ пять часовъ утра, скончался въ своей орловской деревнѣ Петръ Васильевичъ Кирѣевскій, переживъ своего брата, Ивана Васильевича Кирѣевскаго, лишь нѣсколькими мѣсяцами. Коротенькое письмо, изъ котораго заимствовано это печальное извѣстіе, содержитъ немногія объ этомъ подробности: Петръ Васильевичъ умеръ съ горя отъ кончины брата, котораго нѣжно любилъ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ и четырехъ дней онъ страдалъ разлитіемъ желчи, страшно мучился отъ этой болѣзни и находился въ мрачномъ состояніи духа; но до конца, всегдашняя, чрезвычайная кротость ему не измѣнила. Онъ умеръ въ совершенной памяти, съ полнымъ присутствіемъ ума; за минуту до смерти перекрестился и самъ сложилъ на груди руки, въ томъ положеніи, какъ складываютъ ихъ обыкновенно покойникамъ.

Кончина Петра Васильевича Киртевскаго прибавляетъ еще одно извъстное и почтенное има, къ горестному и безъ того слишкомъ длинному списку мыслящихъ, просвъщенныхъ и нравственно высоко стоявшихъ людей, которыхъ смерть сразила въ послъднее, недавнее время. Имя его одно изъ тъхъ, которыя извъстны вездъ, и у насъ и за границей, несмотря на то, что печатно оно являлось очень ръдко. Память о Петръ Васильевичъ Киртевскомъ неразрывно связана съ воспоми-

наніемъ о целой веренице молодыхъ и свежихъ талантовъ, такъ блистательно начавшихъ свое поприще по разнымъ отраслямъ науки и литературы въ Пушкинскую эпоху. Подобно всей лучшей тоглашней молодежи, Петръ Васильевичъ Киръевскій докончиль свое образованіе за границей, слушаль лекціи въ германскихъ университетахъ, и плодомъ этого было основательное знакомство съ европейскими языками и литературами. Но одаренный умомъ въ высокой степеци яснымъ, пытливымъ и серьёзнымъ, Киръевскій не могъ остановиться исключительно на этомъ предметъ, представлявшемъ, для Русскаго, интересъ слишкомъ общій. Его маниль къ себъ міръ русскій и славянскій, смутно начинавшій въ то время 🔏 оживать въ предчувствіи избраннъйшихъ людей Россіи и сла-: вянскихъ странъ. Это сочувствіе, теперь, въ насъ такое обыкновенное и естественное, въ началъ Пушкинской эпохи было явленіемъ ръдкимъ, новымъ, въ большомъ любитель и знатокъ европейскихъ литературъ даже отчасти страннымъ, которое предполагало высокую степень убъжденія, горячности, твердости и глубины мысли, именно потому, что было еще вновъ и не за обычай. Русская и вообще славянская исторія, особливо наша народная литература, сділались предметомъ особеннаго, а потомъ исключительнаго, внимательнаго и глубокаго изученія Петра Васильевича Киртевскаго. Не умітя ничего дёлать въ половину, Киртевскій отдался этому дёлу со всъмъ увлеченіемъ и любовью человъка, для котораго убъжденіе-первое и главное въ жизни. Съ палкой въ рукт и котомкой на плечахъ онъ отправился странствовать пъшкомъ по нашимъ селамъ и деревнямъ, вдали отъ большихъ дорогъ, туда, гдъ слъды старины сохранились живъе и ярче, неутомимо собирая народныя пъсни, пословицы, сказанья, изучая народный быть и нравы, стараясь разглядьть и понять обложки давно прошедшей народной русской и славянской жизни.

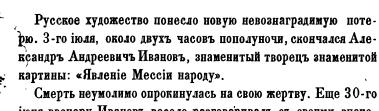
Такъ положено начало знаменитому собранію памятниковъ народной русской и славянской литературы и поэзіи, въ особенности пъсенъ, которое обогатилось въ послъдствіи щедрыми вкладами Пушкина, поэта Языкова и безчисленнаго множества другихъ извъстныхъ и неизвъстныхъ лицъ изъ всъхъ краевъ Россіи и даже другихъ славянскихъ земель. Кто заглядываль въ это сокровище, тотъ знаетъ ему цену. Слава этого собранія скоро объжала весь міръ. Нъсколько разъ покойный Киръевскій принимался за его изданіе. Не говоря объ отдельныхъ пъсняхъ, появлявшихся въ печати въ разныхъ сборникахъ и повременныхъ изданіяхъ, даже цёлый отдёль изъ этого собранія—духовные стихи, которые поются нашими сліпыми и нищими — быль напечатань. Свадебныя пъсни также были уже давно изготовлены къ печати, но остановлены собирателемъ, если не ошибаемся, потому, что ему доставлено было въ то время нъсколько новыхъ пъсенъ того же разряда, поразительной красоты, и онъ намфревался включить и ихъ въ свое изданіе.

Но еще лучше собранія быль самъ собиратель. Большая начитанность его по части русской исторіи и исторіи другихъ славянскихъ племенъ, глубокое убъжденіе и симпатичность ума—все это дѣлало его бесѣду драгоцѣнной и поучительной. Пишущій эти строки имѣль утѣшеніе наслаждаться этой поучительной и живительной бесѣдой въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, будучи еще очень молодымъ человѣкомъ, и съ благодарностію и любовью вспоминаетъ объ ней и теперь, много времени спустя. Сколько свѣжихъ чувствъ, благодатныхъ стремленій, любви къ добру и истинѣ вынесено изъ этихъ бесѣдъ въ жизнь и слилось нераздѣльно съ почтенною и дорогою памятью достойнаго Петра Васильевича Кирѣевскаго!

 Безупречная, высокая нравственная чистота, незлобивость сердца, безпримърное и неизмънное прямодушіе и простота дълали этого замъчательнаго человъка образцомъ, достойнымъ всякаго подражанія, но которому подражать было очень трудно. Даже тъ, которые не раздъляли его мнъній и не сочувствовали его убъжденіямъ, исполнены были глубочайшаго уваженія къ нравственнымъ достоинствамъ этой чистой, избранной, глубоко-поэтической и глубоко-религіозной натуры.

Изъ родныхъ и многочисленныхъ почитателей Петра Васильевича Киръевскаго безъ сомнънія найдутся многіе, которые скоро сообщатъ подробную его біографію и обстоятельныя свъдънія объ оставшихся посль него ученыхъ трудахъ и драгоцънныхъ собраніяхъ. Мы позволили себъ сказать нъсколько словъ объ усопшемъ, уступая потребности сердечной и принося заочно на его свъжую еще могилу дань почтенія и слезу искренней скорби. Да будетъ память о почившемъ и повъсть его трудовъ и благородной жизни также назидательна для будущихъ подвижниковъ и тружениковъ истины, мысли и добра, какъ плодотворно было его симпатическое и поучительное живое слово для тъхъ, которые имъли счастіе имъ наслаждаться лично!

АЛЕКСАНДРЪ АНДЕЕВИЧЪ ИВАНОВЪ.

Смерть неумолимо опрокинулась на свою жертву. Еще 30-го іюня ввечеру Ивановъ весело разговариваль съ своими знакомыми; къ 10 часамъ вдругъ ему стало дурно; черезъ минуту обнаружились сильные припадки холеры, а къ 6 часамъ утра врачи потеряли всякую надежду на его выздоровленіе.

Нельзя безъ глубокой горести подумать объ этой утратъ. Но скорбь становится еще тяжелъе, когда приводишь себъ на память всъ обстоятельства, при которыхъ такъ внезапно перервалась жизнь художника. Двадцать лътъ посвятилъ онъ своей картинъ, работая надъ нею неутомимо, настойчиво, какъ немногіе изъ насъ Русскихъ умѣютъ работать. Съ этимъ трудомъ связана была вся его жизнь, весь смыслъ его жизни. Наконецъ, трудъ конченъ. Онъ везетъ это любимое дитя свое на родину, которую горячо любилъ, несмогря на двадцативосьми-лътнее отсутствіе, и въ которой провидълъ богатые задатки художественнаго развитія. Въ Петербургъ картину Иванова одни встрътили съ энтузіазмомъ, другіе ставили ее ни во что, —върный признакъ явленія чрезвычайнаго, далеко

выходящаго изъ уровня обыкновенности. И вотъ, въ ту мучительную для художника минуту, когда сужденія о его трудъвысказывались, а мнѣніе еще не сложилось, онъ умеръ, тревожници разноръчивыми отзывами, изрекавшими приговорънадъ дѣломъ всей его жизни. Завѣса для него поднялась, но конецъ зрѣлища остался закрытъ навѣки...

Ивановъ скончался пятидесяти двухъ лѣтъ отъ роду, въ полномъ цвѣтѣ силъ и таланта, имѣя за собою совершенное громадное дѣло, а не однѣ надежды на будущіе труды. Намѣренія такого человѣка не могутъ быть названы мечтами. А онъ намѣревался сдѣлать многое. Мыслями своими онъ безпрестанно обращался къ Москвѣ, хотѣлъ непремѣнно везти туда свою картину и тамъ сосредоточить всю свою дѣятелье ность. По тому, что отъ него осталось, можно судить сколько русское художество потеряло съ его смертью.

Какъ всъ истинные художники, Ивановъ былъ нѣженъ и впечатлителенъ, но незлобивъ и дѣтски простодушенъ. Только чистой душѣ, какова была его, и открывается художественная истина. Всѣ знавшіе его коротко, понимающіе дѣло, единогласно отзываются, что онъ имѣлъ большое художественное образованіе, которое у насъ такъ рѣдко бываетъ соединено съ большимъ талантомъ.

3-го іюля, въ 8 часовъ по полудни, прахъ покойнаго перенесенъ изъ дома, гдъ онъ жилъ, въ домовую церковь академіи художествъ. Съ глубокою печалью шли мы за его гробомъ, размышляя о странныхъ судьбахъ русскаго художества и русскихъ художниковъ.

РВЧЬ.

произнесенная гг. студентамъ императорскаго с. петербургскаго университета юрид. факультета 11 сентября 1857 года, передъ открытіемъ курса гражданскаго права.

Mm. rr.!

Съ трепетомъ и сердечнымъ смущеніемъ вступаю я на эту каоедру. Съ этой же самой каоедры преподавалъ покойный профессоръ Неволинъ, котораго имя вписано неизгладимыми чертами въ лътописяхъ русской юридической и исторической литературы; эту каоедру занималъ профессоръ Мейеръ, слишкомъ рано умершій, и котораго благородная и почтенная ученая и педагогическая дъятельность почти нераздъльно принадлежитъ Казанскому университету. При такихъ предшественникахъ преподаваніе гражданскаго права и безъ того нелегкое по необработанности у насъ этого предмета, становится еще труднъе.

Но не одно это смущаетъ меня. Вступая на кафедру, я невольно переношусь мыслями и сердцемъ къ другой лучшей эпохъ моей жизни. Тринадцать лътъ тому назадъ, еще молодымъ человъкомъ, я точно также вступалъ на кафедру въ старшемъ изъ русскихъ университетовъ. Эта была счастливая пора. Жизнь манила впередъ. Наука, лекціи, дружба наполняли существованье. Въ памяти моей воскресаютъ образы дорогихъ наставниковъ и товарищей, которые словами участім

Digitized by Google

или строгимъ совътомъ дружбы руководили первые робкіе мои шаги на ученомъ поприщъ. Многихъ изъ нихъ уже нътъ болъе въ живыхъ. Въ теперешнюю, торжественную для меня минуту сердце сжимается скорбью, при мысли, что я никогда не увижу ихъ больше, никогда уже не услышу ихъ голоса.

Мм. гг.! И теперь, возвращаясь на кафедру черезъ девять лътъ я приношу съ собою то же непоколебимое убъждение въ высокомъ значеніи науки; туже горячую въру въ высокія историческія судьбы отечества, тоже довъріе къ нашимъ молодымъ поколъніямъ, въ особенности университетскому, которымъ по закону естественнаго преемства принадлежитъ будущее; наконецъ, ту же готовность работать для науки и кафедры по крайнему разумънію, по мъръ силъ. И если когданибудь изъ этой аудиторіи выйлеть великій ученый юристь или замечательный практикъ, который полезною деятельностію и славою своего имени наполнить отечество-говорю это отъ полноты сердечнаго убъжденія, - всъхъ болье будетъ обойденный, радоваться оставленный имъ .назади тавникъ.

РВЧЬ.

произнесенная въ москвъ, на объдъ 28 декабря 1857 года.

Мм. Гг.

Не прошло еще полутора года съ тъхъ поръ, какъ многіе изъ насъ праздновали дъла гражданской мудрости и милосердія, ознаменовавшія начало новаго царствованія. Мы разстались тогда съ радостію и надеждами въ сердцѣ, предчувствуя много добраго въ будущемъ. Теперь мы знаемъ о великодушномъ призывѣ Государя къ дворянству, послѣдовавшемъ 20-го ноября. Этого 20-го ноября чаяли многія поколѣнія уже сошедшія въ могилу; его издавна провидѣли и предсказывали лучшіе умы и благороднѣйшія сердца; оно озабочивало многія царствованія; въ ожиданіи его истомилось много сердецъ, жаждавшихъ правды; къ нему сходились надежды и раздумье всѣхъ.

Мм. Гг. Только будущее, сокрытое отъ насъ, смутно лишь предугадываемое, можетъ выказать всё матеріяльныя, гражданскія и нравственныя послёдствія великаго дёла, начатаго 20-го ноября. Нашъ долгъ и призваніе — приготовиться къ нему достойнымъ образомъ; ибо мы видимъ начало разрёшенія задачи, сложившейся цёлыми вёками русской исторіи; но многіе изъ насъ еще не ступятъ на святую обётованную землю. Пусть же другіе, послё насъ, не упрекнутъ насъ въ легкомысленномъ къ нимъ равнодушіи, но съ благодарностію вспомнятъ трудъ и любовь, которые и мы принесли на общее дёло, на сколько мы могли и умёли! 20-е ноября открываетъ для насъ возможность озаботиться о правильномъ устройствё

нашего экономическаго быта, -- я говорю возможность, потому что нашему благоразумію и любви къ отечеству предоставлено прінскать среднія мітры для соглашенія разрозненныхъ и разноръчащихъ интересовъ. Чтобы оцънить весь глубокій смыслъ этого довърія, вспомнимъ, что общественная жизнь неудержимо развивается, и не въ человъческихъ силахъ измънить ея ходъ, подчиненный неизмённымъ законамъ; но отъ людей зависить путь, по которому развивается народная жизнь. Люди или предугадываютъ общественныя потребности и мудро направляють въ этомъ смысле свои действія; или они отступають передъ задачей, и, увлекаясь разными побуждентями, отклоняются отъ предстоящаго, ближайшаго дёла. Въ первомъ случать жизнь совершается стройно, последовательно, трудности устраняются безъ существенныхъ пожертвованій, со всевозможною пощадою интересовъ встхъ и каждаго; во второмъ — задача все-таки ръшается, но только сама собою, какъ придется, съ матеріяльнымъ ущербомъ и безъ чьей-либо заслуги, напротивъ, съ утратою нравственнаго достоинства, въ подтверждение неоспоримой истины, что правда, нравственность и выгода соединены нерасторжимыми узами.

Начало предстоящаго святаго двла счастливо предзнаменуетъ первый путь. Задача указана и поставлена въ разум ныхъ предълахъ. Просвъщеннъйшему сословію, стоящему выше другихъ, интересы котораго существенно зависятъ отъ того или другаго ръшенія задачи, предоставлена въ немъ самая дъятельная роль. Въ этомъ, Мм. Гг., скрывается глубокое нравственное начало, составляющее върный залогъ мирнаго успъха. Кто просвъщеннъе другихъ, тотъ, естественно, и ра зумнъе; кто высоко стоитъ на общественной лъствицъ, тотъ и способнъе обсудить дъло со стороны не только частной выгоды, но и всенародной пользы; у кого право и власть, тотъ отвъчаетъ за свои дъйствія передъ Богомъ, отечествомъ и

исторіей, а высокое призваніе нравственно подымаетъ каждаго человіка, тімъ боліе сословіе, принимающее діятельное участіе въ судьбахъ народа.

Поднимемте же, господа, бокалы во здравіе державнаго Миротворителя, который и въ дёлахъ внёшнихъ и въ устроеніи внутреннемъ приноситъ дары и благословеніе мира на Русскую землю! Да провозв'єстить св'ёту его царствованіе эпоху, въ которую должно свершиться всеобщее, разумное соглашеніе разрозненнаго! Приступая къ великому д'ёлу, да не впадемъ въ уныніе, но будемъ напрягать вс'є силы на разр'єшеніе трудностей, на устраненіе препятствій! Да смягчатся сердца! Да водворится въ нихъ миръ, любовь, упованіе, и на этой нефокрушимой твердын'ё да устроится жизнь наша на в'ёчныя времена! Да будетъ все во-едино, исполняясь благогов'єніемъ передъ неиспов'ёдимыми судьбами, ведущими земныя племена къ высокой, таинственной цёли.

РВЧЬ,

произнесенная въ с. петербургъ на объдъ 12 января 1858 года, въ память основания императорскаго московскаго университета.

Господа! Мы соединились въ прошломъ году въ этотъ же самый день, почти нечаянно, но съ такимъ радостнымъ, свътлымъ настроеніемъ души, которое отразилось и на самомъ нашемъ праздникъ. Для меня онъ былъ однимъ изъ лучшихъ въ моей жизни.

Отчего же сердце наше такъ сладостно трепещетъ и бъется при мысли объ университетъ, въ которомъ мы воспитывались? Что жь, развъ всъ мы были счастливы во все время, проведенное нами въ университеть? Конечно, нътъ! Для многихъ время университетского курса было временемъ тяжкого испытанія и въ нравственномъ и въ матеріяльномъ смыслъ. Или университеть даль намъ патенть на счастіе и успъхъ по выходъ, и мы хранимъ къ нему за то благодарное воспоминаніе? Многіе скажуть на это «да», а многіе скажуть и «нътъ». Такъ что же? Не гордимся ли мы званіемъ бывшихъ воспитанниковъ Московскаго университета, потому что онъ двигалъ и двигаетъ впередъ науку, обогатилъ область знанія новыми истинами, насъ снабдилъ необходимымъ для практи 5 ческой жизни запасомъ положительныхъ свъдъній?... Какъ бых мы ни были ослъплены любовью къ мъсту воспитанія, какъ бы ни были проникнуты чувствомъ народной гордости, мы не можемъ, однако, не сознаться, что въ дёлё науки мы до сихъ поръ еще ученики другихъ, болъе насъ просвъщенныхъ народовъ, и долго еще будемъ учениками; что самостоятельность наша очень недавно стала. обнаруживаться, и притомъ покамъстъ только въ болъе или менъе удачныхъ попыткахъ примънить готовые результаты науки къ условіямъ и особенностямъ нашей жизни и быта.

Нътъ, тайна любви нашей къ университету скрывается не во всемъ этомъ, а въ высокомъ, нравственномъ и человъческомъ значении вообще нашихъ университетовъ. Въ міръ нравственномъ университеты дълаютъ у насъ то же, что государство дълаетъ въ жизни общественной. Въ продолжение нъсколькихъ въковъ, государство собирало разорванныя и разобщенныя части теперешней Россіи, неутомимо сводило ихъ къ единству, сперва политическому, потомъ административному. Рядомъ съ тъмъ упразднились постепенно и учрежденія, нано-

минавшія прежнюю разрозненность. Когда это великое дёло въ главныхъ чертахъ совершилось въ жизни, появляется Московскій университетъ и продолжаетъ его въ головахъ и сердцахъ людей, сводя безконечное разнообразіе мъстныхъ и сословныхъ привычекъ, различій и предразсудковъ подъ одинъ умственный и нравственный типъ, чуждый тъхъ особенностей, которыя противоръчатъ всенародному, общему человъческому типу. По странной, но многозначительной игръ случая, основаніе Московскаго университета совершилось чрезъ два года послъ уничтоженія въ Россіи внутреннихъ таможень...

«Великое призваніе и значеніе Университета отразилось, болье или менье, на каждомъ изъ насъ. Всь мы испытали на себъ его силу и власть, а потому всь носимъ на себъ его печать. Каждый изъ насъ болье или менье переродился и перевоспитался, войдя въ ту особенную университетскую атмосферу, которая слагается изъ присущей этому учрежденію великой государственной и человъческой идеи, изъ великихъ истинъ науки, стремящейся къ общему и единому, наконелъ изъ живаго дыханія молодой жизни со всей ея благодатной, поэтической обстановкой-дружбой, вдохновеніемъ, порывами. шутками и добродушнымъ остроуміемъ. Изъ тесныхъ рамокъ ежедневности умъ нашъ вышелъ тогда въ широкій міръ мысли и науки; сердце пріучилось биться не отъ однихъ личныхъ вопросовъ, но и отъ горячаго сочувствія къ добру, истинъ и прекрасному; нъсколько дурныхъ привычекъ ума и сердца отброшено нами во время университетского курса; нъсколько благородныхъ чувствъ и иыслей залегли глубоко на днѣ души и стали краеугольнымъ камнемъ всей жизни, стали — если позволено такъ выразиться-тъмъ внутреннимъ камертономъ, который въ важныя минуты громко раздается въ насъ и отъ котораго каждый невольно встрепенется, какъ бы ни отучали людей прислушиваться къ этимъ внутреннимъ, задушевнымъ

звукамъ заботы и тягости жизни, соблазны, паденія или излишніе успахи. Воть отчего мы на ваки срослись съ Университетомъ, гдв воспитывались. Воспоминание о немъ неразрывно связано съ воспоминаніемъ о нашемъ умственномъ и нравственномъ обновленіи; ибо университеты творять не чиновниковъ, не ученыхъ, не художниковъ, не военныхъ, не купцовъ: они творятъ людей съ человъческими сердцами, съ умомъ раскрытымъ и чуткимъ къ голосу истины. Университеты закаляють молодыя души на тяжкій подвигь жизни, въ любви къ правдъ. Куда ни обратитесь — на всевозможнымъ поприщахъ, во всевозможныхъ общественныхъ положеніяхъ, вездъ работаютъ питомцы университетовъ, и работаютъ съ честью, устремленные на задачу, для разрышенія которой: университеты существують. Въ върности службы, въ любви къ отечеству, въ способностяхъ, въ знаніи, они никому не уступять. Господа! да здравствують всв наши университеты! Начавшись послъ уничтоженія внутреннихъ таможень, да процвътутъ они съ новымъ блескомъ послъ уничтожения внутреннихъ заставъ!

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТВ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

III.

критическія статьи и разсужденія, относящіяся къ народ-

ному быту, повърьямъ, праздникамъ и т. п.	
	Стр.
Быть русскаго народа, соч. Терещенки. (Соврем. Т. XI, Крит. и Библ.	
стр. 1—48; 85—139; Т. XII, стр. 95—138)	3
Нъкоторыя извлеченія изъ собираемыхъ въ Инп. Русск. Географ. Общ.	
этнографическихъ матеріяловъ о Россіи, съ замътками о яхъ много-	
сторонней занимательности и пользъ для науки. (Географ. Извъстія	
Спб. 1850. Вып. 3. стр. 323—339).	201
Нъсколько словъ о примътахъ. (Архивъ Историко-Юридич. свъдъній о	
Россін, Калачова. Кн. 1. Отд. VI, стр. 3—13)	215
О въдунъ и въдымъ. (Отеч. Зап. Т. 76, Крит. стр. 53 — 64)	231
IV.	
РАЗНЫЯ СТАТЬИ И СМЪСЬ.	
Взглядт на Ррусскую сельскую общину. (Атеней 1859 г. № 2, стр.	
165 — 196)	249
Замътка о подрядахъ и поставкахъ. (Архивъ Историко-юридическихъ	
свъдъній относящихся до Россіи, Калачова. Кн. 1. Приложеніе	
стр. 28 — 36)	287
Соображеніе о предметахъ занятій, цізли и способахъ дійствія Импер.	
Postures Description Officers	207

	orp.
Ремесленная Богадъльня и вообще управление ремесленнымъ сословиемъ	
въ С. Петербургъ. (С. Петерб. Полиц. Въдом. 1849 г.)	329
Слуга. Современный физіологическій очеркъ. (Русск. Въстникъ Т. 8.	
стр. 277—282)	348
Петръ Васильевичъ Киртевскій. (С. Петерб. Въдом. 1856 г. № 242)	355
Александръ Андреевичъ Ивановъ. (Русск. Въстн. Т. 16. Соврем. Лъ-	
топись, етр. 70-71)	359
Рачь, произнесенная господамь студентамъ Импер. С. Истербургского	
университета Юрид. факул. 11 сент. 1857 г. передъ открытіемъ	
курса Гражданскаго права	361
Ръчь, произнесенняя въ Москвъ на объдъ 28 декабря 1857 г. (Русск.	
Въст. Т. 12 стр. 210—211).	363
Ръчь, произнесениям въ С. Петербургъ на объдъ 12 января 1858 г.	
(С. Петербургск. Втдом. 1858 года № 14)	365

792051

